МЕМУАРЫ

КИМ ИР СЕН

В водовороте века

8

(Продолжение)

МЕМУАРЫ
КИМ ИР СЕН

В водовороте века
8
(Продолжение)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
КОРЕЯ, ПХЕНЬЯН
87 ЧУЧХЕ (1998)

Великий вождь товарищ Ким Ир Сен всегда с нами.

Часть 1

АНТИЯПОНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

8

Великий вождь товарищ Ким Ир Сен, взяв на свои плечи судьбу страны и нации, уже в раннем возрасте встал на путь революционной борьбы и с тех пор посвятил всю жизнь своей Родине и народу, революционному делу рабочего класса.

Ким Чен Ир

**Прославленный герой Полководец Ким Ир Сен.
Он привел к победе антияпонскую революцию и
принес Родине возрождение.**

Бойцы КНРА готовятся к бою.

Текст рекомендации национальных предателей о капитуляции, помещенный в журнале «Самчхолли». Январский номер, 16 г. сёва (1941).

Сяохаэрбалинское совещание

10 – 11 августа 29 г. чучхе (1940)

Здесь во время Сяохаэрбалинского совещания находился Командующий КНРА Ким Ир Сен.

На этом историческом совещании товарищ Ким Ир Сен наметил новые стратегические задачи: приблизить день окончательной победы в антияпонской вооруженной борьбе и встретить во всеоружии великое событие – возрождение Родины.

Период действий малыми отрядами: тайные опорные базы в Корее

На горе Самбон.

Сон Тхэ Чхун.

В Чханпхене.

На горе Кувор.

Ким Хек Чхор.

В районе Чхосан – Вивон.

Ким Хак Сон.

В районе Яндока.

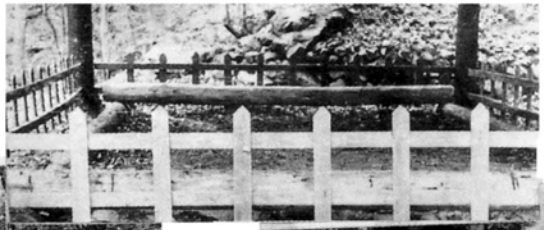
В районе гор Пэкту (Ставка Командования в Пэктусанском тайном лагере).

На горе Порочжи. (временная).

Хан Чхан Бон.

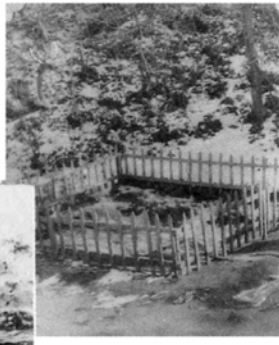
Ким Бен Сик.

На перевале Хучхи.



В районе гор Харам.

На горе Понхван (временная**).**



На горе Вонтхон (временная**).**

조국광복의 대사변을 준비있게
맞이할데 대하여

1940년 5월 10일

동무들!

조국광복의 대사변을 준비있게 맞이할데 대하여

동무들!

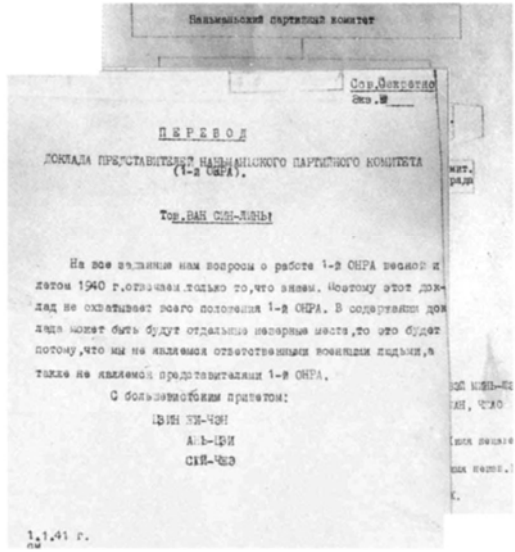
Текст доклада товарища Ким Ир Сена на Сяохаэрбалинском совещании.

О Бэк Рён.

Японский секретный документ, в котором говорится о том, что Командующий КНРА Ким Ир Сен направлял группы подпольщиков в важные районы Кореи и Японии. Управление полицейской охраны МВД, 14 октября 16 г. сёва (1941).

Ан Гир.

Со Чхор.



Наньманьский партийный комитет

Сов.Секретно
Экз.№

ПЕРЕВОД

ДОКЛАДА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАНЬМАНЬСКОГО ПАРТИЙНОГО КОМИТЕТА (1-й ОНРА).

Тов.ВАН СИН-ЛИНЬ!

На все заданные нам вопросы о работе 1-й ОНРА весной и летом 1940 г.отвечаем только то,что знаем. Поэтому этот доклад не охватывает всего положения 1-й ОНРА. В содержании доклада может быть будут отдельные неверные места,то это будет потому,что мы не являемся ответственными военными людьми,а также не являемся представителями 1-й ОНРА.

С большевистским приветом:

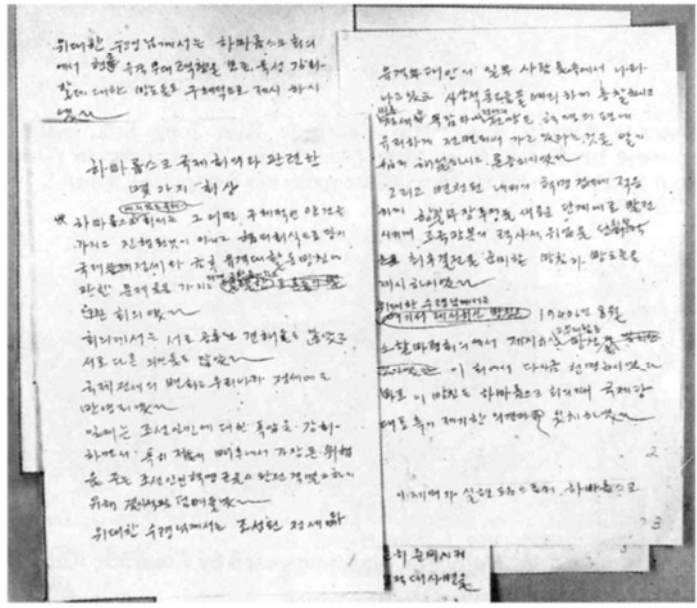
ЦЗИН ЖИ-ЧЭН
АНЬ-ЦЗИ
СИЙ-ЧЖЭ

1.1.41 г.

Информация о работе Южноманьчжурского комитета партии (1-я армия), представленная товарищем Ким Ир Сеном Коминтерну во время Хабаровского совещания. 1 января 30 г. чучхе (1941).

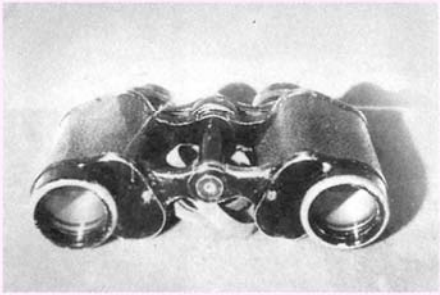
Хабаровское совещание, созванное Коминтерном

Декабрь 29 г. чучхе (1940) – март 30 г. чучхе (1941)



Из воспоминаний Со Чхора, участника Хабаровского совещания.

Товарищ Ким Ир Сен вместе с героиней антияпонской войны товарищем Ким Чен Сук. На оборотной стороне снимка его рукой написано: «Встречая весну на чужбине. 1 марта 1941 г. В лагере В»**.**



Пистолет и бинокль, которыми пользовался Командующий КНРА Ким Ир Сен.

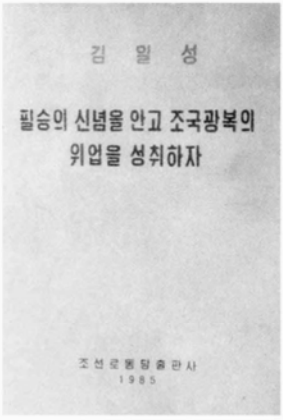
Товарищ Ким Ир Сен среди бойцов КНРА
(в центре во втором ряду).

Пистолет и кухонная утварь, которыми пользовалась товарищ Ким Чен Сук.

Платок партизанки с вышитым цветком гибискуса в форме карты Кореи.

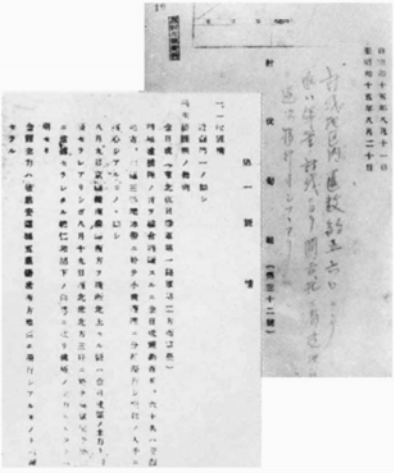
Активизация действий малых отрядов КНРА перед войной против Японии

Товарищ Ким Ир Сен в период деятельности малыми отрядами.



Брошюра с речью товарища Ким Ир Сена на совещании в Цзяпигоу.

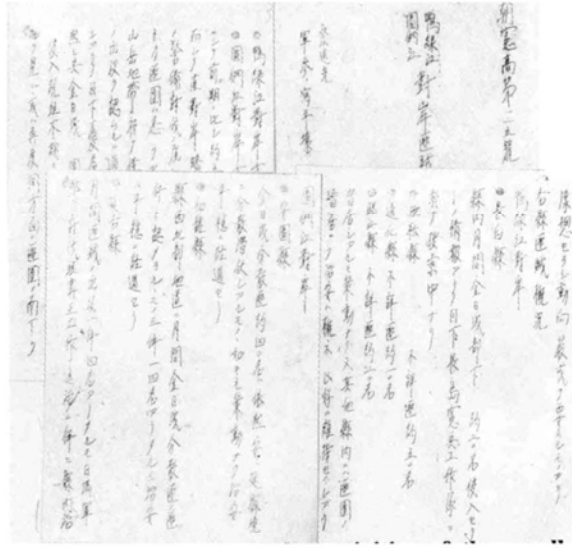
Низовья реки Туман. Здесь был бой.



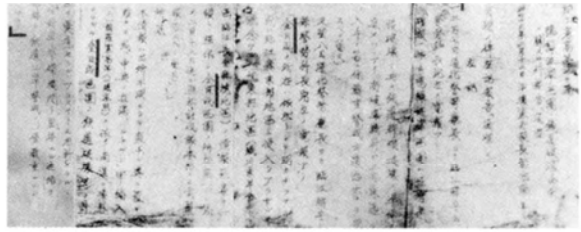
Японская информация о действиях малых отрядов. Ежедекадник «Карательная операция», август 15 г. сёва (1940).

Ким Ир.

Енбон уезда Сэпер. Здесь товарищ Ким Ир Сен руководил деятельностью малых отрядов и групп.



Японская информация об организации Командующим КНРА Ким Ир Сеном деятельности малых отрядов. Командование жандармерии в Корее, февраль 16 г. сёва (1941**).**



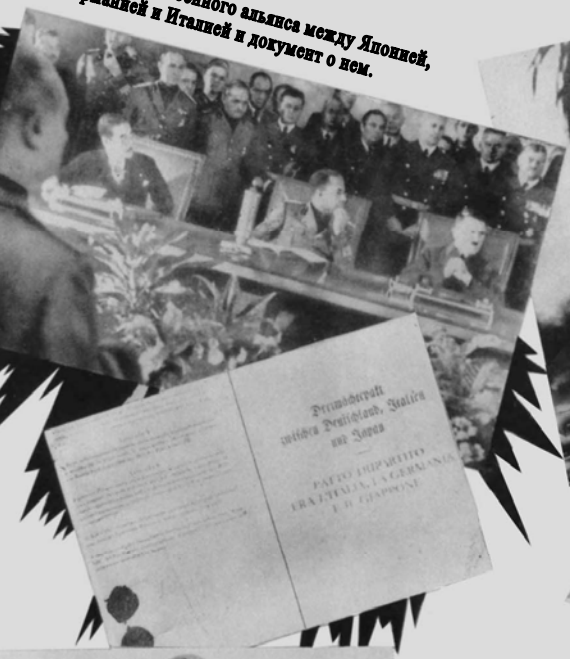
Японская информация о попытках подрыва партизанами железных дорог.

Ан Ен и его дневник.

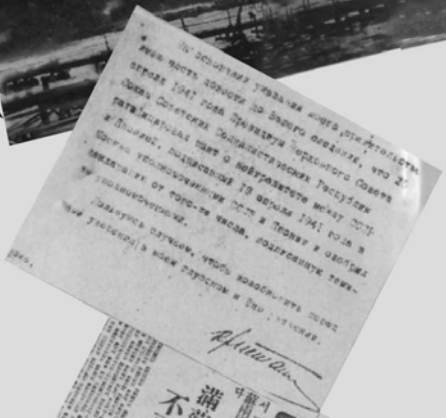
Записки Рю Ген Су.

В УРАГАНЕ АГРЕССИВНОЙ ВОЙНЫ

Заключение военного альянса между Японией, Германией и Италией и документ о нем.



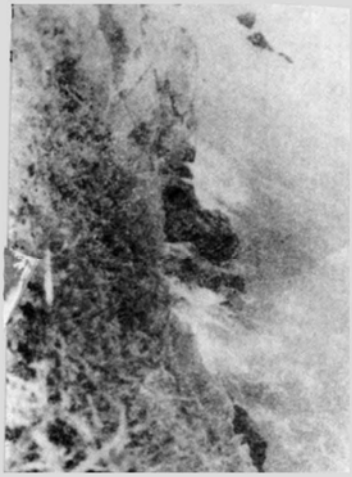
Нападение японской армии на Пёрл-Харбор



Карикатура: Агрессия нацистской Германии против СССР.

Информация о ратификации пакта о нейтралитете между СССР и Японией.

Корейцев угоняли в Японию на каторгу «трудовой повинности».



С обрыва корейские женщины, угнанные на Хоккайдо, бросились в пучину в знак протеста против японских империалистов.

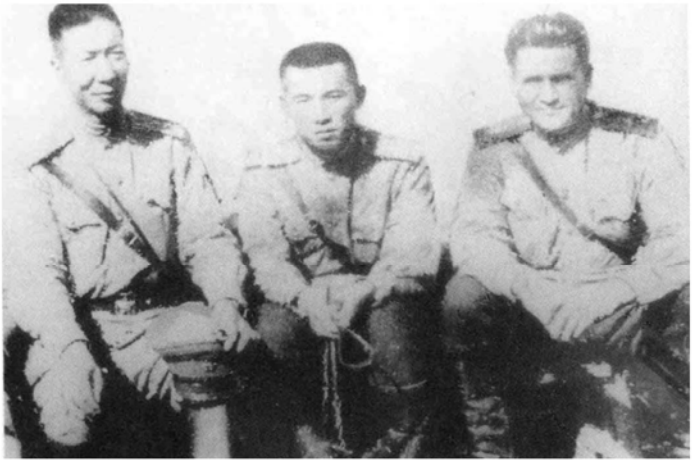
Истощенные корейские патриоты в японской тюрьме.

Около 200 тысяч корейских женщин были брошены на сексуальные развлечения японских солдат.

16 ФЕВРАЛЯ
31 ГОДА ЧУЧХЕ (1942)

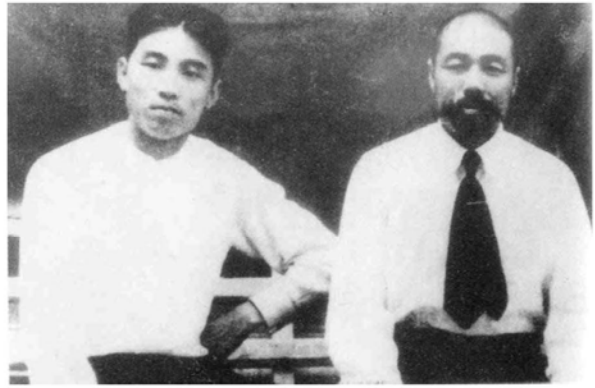
Гора Пэкту – моя родина.
Ким Чен Ир.

Формирование объединенных интернациональных войск



Товарищ Ким Ир Сен вместе с соратниками по ОИВ. Октябрь 32 г. чучхе (1943) (слева – Чжоу Баочжун, справа – Сиринский).

И. Р. Апанасенко.



Ким Ир Сен и Чай Шижун.

Ким Чак.

Кан Гон.

Ким Ген Сок.

Чвэ Ён Чжин.

Рю Ген Су.

Здесь был штаб ОИВ.

Дорога к учебной базе в Вятском.

Малый отряд ОИВ.

Пак Рак Гвон.

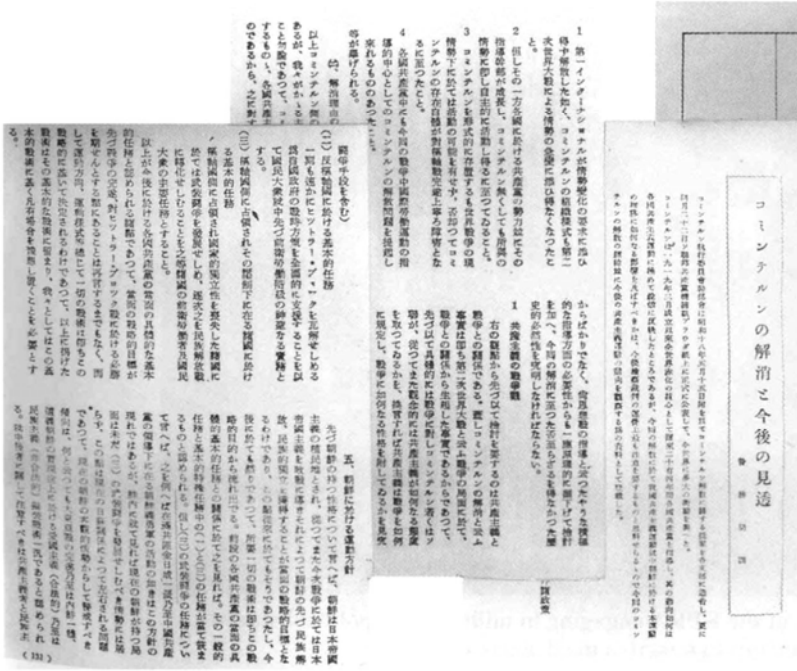
Чвэ Хен.

Здесь, в окопе и на Амуре, бойцы КНРА занимались тактической подготовкой.

Чжан Шоуцзянь.

Фэн Чжунюунь.

Президент Ким Ир Сен принимает Чэнь Лэя, в прошлом одного из командиров ОИВ.



朝鮮總督府
高等法院檢事局思想部

思想彙報續刊

昭和十八年

コミンテルンの解消と今後の見透

Материалы японского ведомства о роспуске Коминтерна.

За всемерное укрепление собственных сил корейской революции

조선혁명가들은 조선을 잘 알아야 한다

1. 조국에 대한 학습을 잘할데 대하여

2. 당면한 몇가지 과업에 대하여

Текст речи товарища Ким Ир Сена перед политработниками и преподавателями политических дисциплин КНРА.

Идет военно-политическое занятие бойцов КНРА.

Боевая подготовка бойцов КНРА.

Рим Чхун Чху.

Чо Чжон Чхор.

Детали партизанской рации периода деятельности малыми отрядами.

Чон Чхан Чхор.

Ли Бон Су.

Одна из сцен представления в ОИВ.

Вместе с партизанками

Товарищ Ким Чен Сук (вторая справа) среди партизанок.

Ким Ок Сун.

Пак Ген Сук.

Хо Чхан Сук.

Ким Мен Сук.

Ли Сук Чжон.

Ким Сон Ок.

Пак Ген Ок.

Ван Ок Хван.

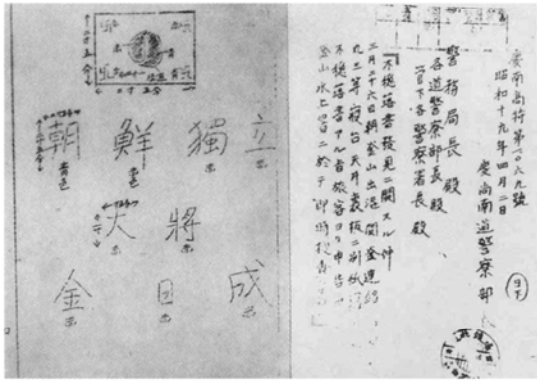
Чон Сун Хи.

Ли Ен Сук.

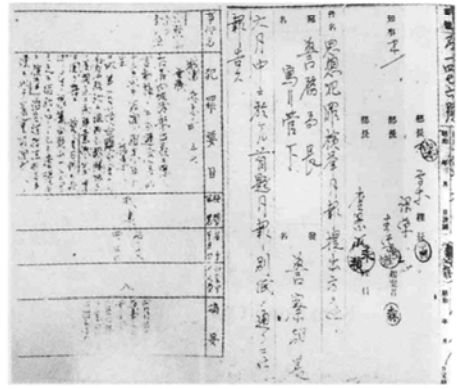
Ли Ге Хян.

Чон Ман Гым.

Пламя всенародного сопротивления (1)



Материалы японского ведомства о чувствах уважения народа к Полководцу Ким Ир Сену как солнцу наци.



Данные полицейского управления провинции Северный Хамген о создании в Сончжине организации сопротивления – общества Пэктусан. .

Совершенно секретный документ полицейского управления префектуры Ниигата: о деятельности организации всенародного сопростивления – «Отряда Ким Ир Сена». .

Мин Док Вон.

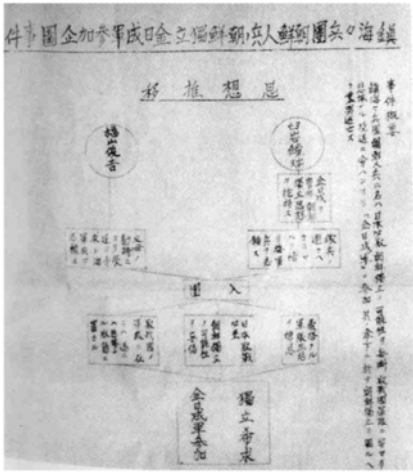
Чо Дон Ук.

Материалы японского ведомства о подготовке патриотической учащейся молодежи Сеула к вооруженному восстанию.

Ким Вон Чжу.

Статья в газете «Пхеньян минбо» о деятельности группы за освобождение Родины, созданной антияпонским борцом-революционером товарищем Ким Вон Чжу (ноябрь 34 г. чучхе (1945**).**

Чвэ Ген Мин.

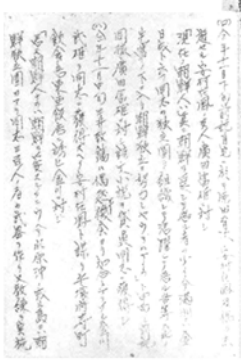


Материалы японского ведомства о борьбе корейских юношей из морской пехоты в Чинхэ.

Данные об антияпонском вооруженном ученическо-студенческом отряде, тайно организованном в японской дивизии в Пхеньяне. .

Пламя всенародного сопротивления (2)

Ким Бон Сок.



Материалы японского ведомства о борьбе рабочих Пхеньянской металлической мастерской. .

Ли Чхоль Су.

Гора Качхи у села Вонсан уезда Хвэрен. Здесь действовал Качхибонский вооруженный отряд.

Чвэ Ир.

NEW YORK TIMES, SATURDAY, JULY 18, 1942

KOREANS DAMAGE BIG JAPANESE BASE

Workers Kill 142 of Air Force in Attack on Quelpart, at Entrance to Yellow Sea

PATRIOT UPRISINGS GO ON

National Front Federation Here Gets Reports of Activities and Tokyo Reprisals

Special to THE NEW YORK TIMES.

WASHINGTON, July 17—Continuing active revolt in Korea against the Japanese resulted in heavy destruction to a Japanese air base on the Island of Quelpart, or Saishu, late in March, according to word just received here by the Korean National Front Federation and made public today.

Quelpart Island is off the southern tip of the Korean Peninsula and commands the Strait of Korea and the entrance to the Yellow Sea.

On March 29, according to the reports, a force of Korean workers on the island attacked the air base. They destroyed the wireless station and set fire to four underground hangars. In the attack 142 Japanese pilots and mechanics were killed and another 200 burned or wounded.

Two gasoline storage tanks and sixty-nine planes were also destroyed. The Japanese later killed all of the 400 Koreans who survived the fighting.

On March 1, the reports said, Koreans dynamited three power plants in Northern Korea.

These and other activities were said to have prompted heavy reprisals by the Japanese. About 125,000 Koreans were killed, wounded or arrested during February and March and 750,000 more were forced to work in labor battalions.

"In February and March about 950 Koreans were arrested in Osaka, Kobe, Yokohama and Tokyo," the Korean Federation reported.

"Vigilance over the Koreans has been so intensified in Japan that no Koreans are permitted to be on the streets after 8 P. M.

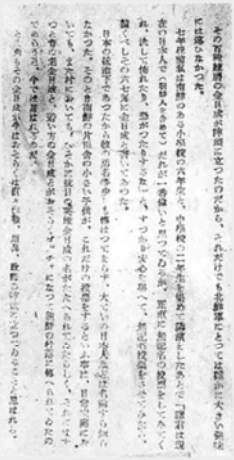
"There are 980,000 Koreans in Japan proper, of whom 189,000 were employed in defense works as of November, 1941."

HIGH OFFICIALS OUT IN BRAZILIAN SHIFT

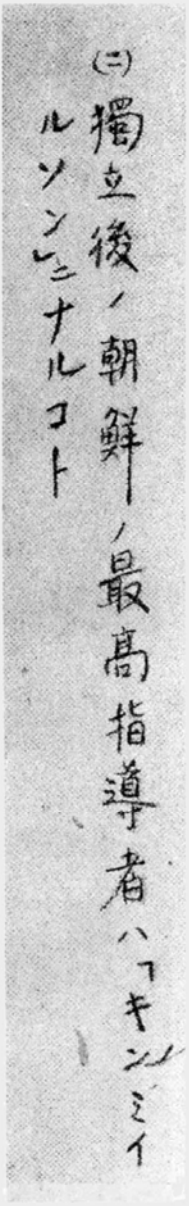
Justice, Propaganda and Police

Американская газета «Нью-Йорк таймс» о восстании корейцев на японском военном аэродроме на острове Чэчжу.

Материалы японской полиции о деятельности организации всенародного сопротивления – общества Чхунсонхвэ, созданного в японском городе Осаке. «Ежемесячные ведомости особой политической полиции», декабрь 18 г. сёва (1943). .



Пропагандистские материалы организации ЛВР: «Общая программа из ста букв» и «Положения общества близких друзей».



(三)
獨立後ノ朝鮮ノ最高指導者ハ
ルソンニナルコト

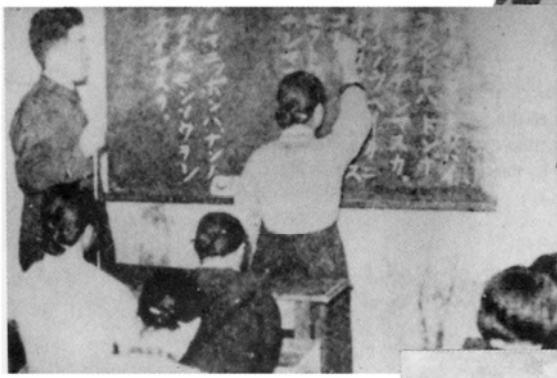
日本評論

Японская печать о подготовке Полководцем Ким Ир Сеном к освобождению Родины собственными силами.

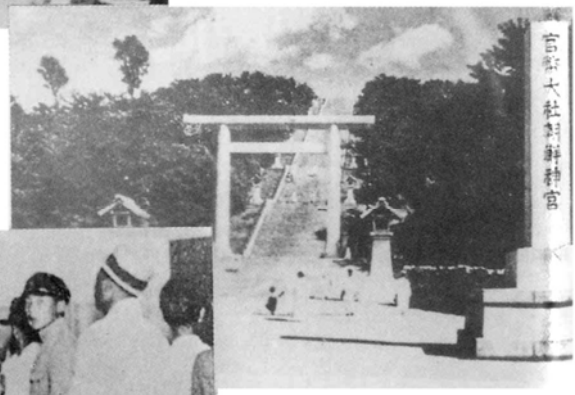
Японская печать о чувствах уважения народа к Полководцу Ким Ир Сену.

Японская политика уничтожения корейской нации

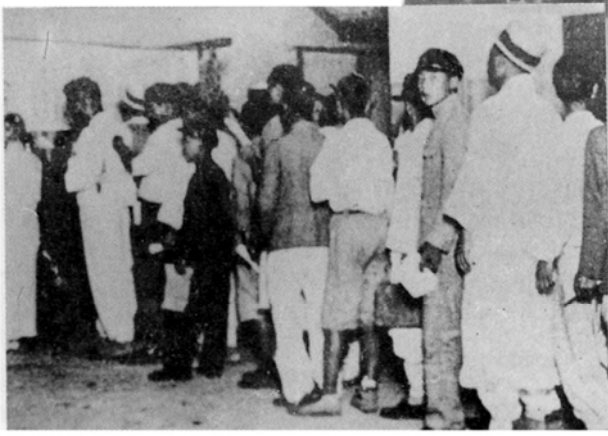
Японцы везде навязывали «употребление японского языка в быту» .



Деревенских женщин принуждали учиться японскому языку.



Синтоистский храм. Японцы заставляли корейцев совершать сюда паломничество.



Жители Сеула. Принудили их заменить свои фамилии и имена на японские.

Каллиграфическая надпись Ким Гу: «Совесть, государственное строительство».

Хон Мен Хи.

Хо Хон.

Ким Гу.

Хан Рён Ун.

Пэк Нам Ун.

Ли Гык Ро.

Часть унифицированного проекта правописания на корейском языке, опубликованного Научным обществом корейских языковедов.

Ли Юн Чжэ.

Горит японский военный самолет.

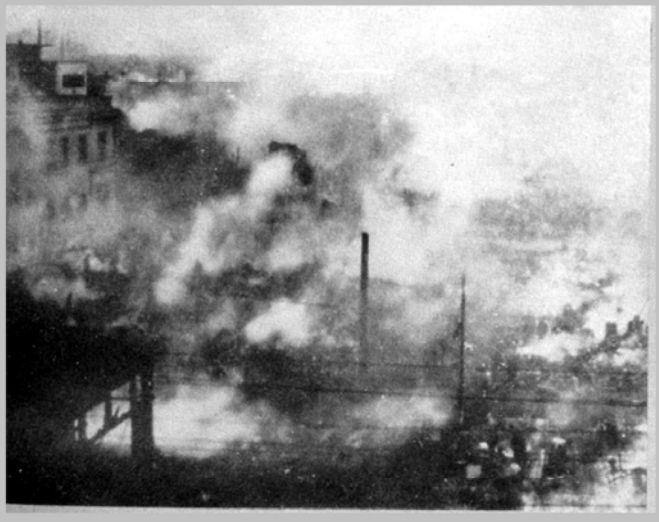
Японская армия претерпевает поражение на Тихом океане.

Советский воин водружает Красное Знамя на рейхстаге.

Поражение нацистской Германии приблизило гибель японского милитаризма.

Япония отчаянно пытается уйти от поражения в войне.

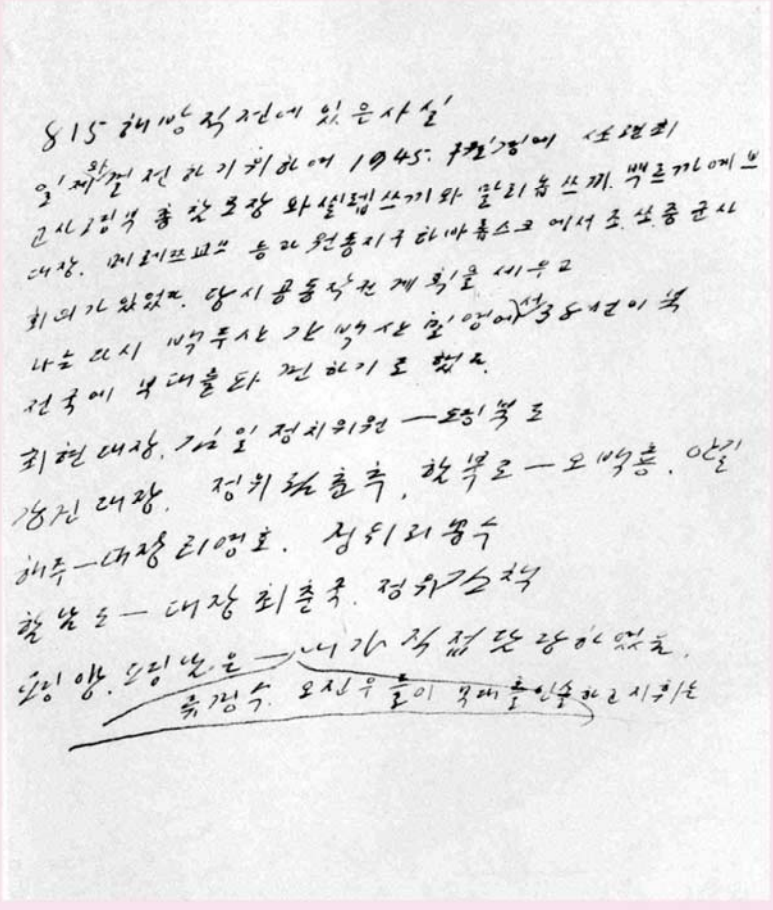
В зале Потсдамской конференции.



Японский город под бомбежкой .

Японские империалисты на пути к своей гибели

Последняя наступательная операция по освобождению Родины



Принадлежащая перу товарища Ким Ир Сена рукопись плана последней наступательной операции по освобождению Родины.

명 령

조국해방을 위한 총공격전을
개시할데 대하여

1945년 8월 9일

조선인민혁명군 각 부대들과 전체 :

우리 민족이 일일천추로 갈망하던
을 성취한 결정적시각이 목전에 도래하

이미 파쑈독일을 격멸한 쏘련군은
기 위하여 선전포고를 하였다. 쏘
극동의 정치군사정세를 근본적으로 변경
민족이 조국광복위업을 성취하는데 유리
것이다.

나는 이 엄숙하고 결정적인 시각에
대들과 전체 지휘판, 병사들에게 다음과

첫째, 전체 조선인민혁명군 지휘관
주의침략자들을 조국강토에서 완전히 격
결전에 총궐동할것이다.

전체 지휘판, 병사들은 일본군대와
용감성을 높이 발휘하라! 조국강토를 겨
강도 일본제국주의침략자들을 한놈도 남
에게 무자비한 복수의 철추를 내리라!

명령 조국해방을 위한 총공격전을 개시할데 대하여 — 578 —

물론, 국내에서 활동하고있는 조선인민혁명군 소부대, 소조 성원들과 정치공작원들, 혁명조직성원들은 조선인민혁명군의 총공격전에 호응하여 도처에서 전민중의 반일항쟁을 조직전개할것이다. 로동자, 농민을 비롯한 전체 반일대중을 일제와의 최후결전에 불러일으키고 그들을 승리의 길, 혁혁한 위훈의 길로 인도하라!

셋째, 국내에서 활동하고있는 조선인민혁명군 소부대와 인민무장조직들은 조선인민혁명군의 총공격에 합세하여 적의 배후에 대한 타격전을 과감히 전개할것이다. 소부대와 인민무장조직들은 적의 군대와 군사대상물을 공격소탕하며 적들의 지휘체계를 마비시키고 놈들을 혼란과 수세에 몰아넣으라!

넷째, 조선인민혁명군 정치일군들은 대원들을 원쑤격멸의 성전에로 적극 불러일으키며 후방지역 인민들속에서 정치사업을 강화하여 그들이 자신의 손으로 자치기관들을 창설하고 반동들의 책동을 분쇄하며 치안유지와 사회질서수립에 한결같이 떨쳐나서게 할것이다.

조선인민혁명군 전체 지휘관, 병사들!

조국해방성전에서 혁혁한 전과와 전투적위훈을 떨치라!

나는 조선인민혁명군 각 부대들과 전체 지휘관, 병사들이 간악한 일제식민지통치를 종식시키고 조국광복의 력사적위업을 빛나게 성취하리라는것을 확신한다.

승리는 우리의것이다.

항일전의 최후승리를 위하여 총진군하자!

Приказ товарища Ким Ир Сена от 9 августа 1945 года «О начале генерального наступления за освобождение Родины».

Лозунги на стволах деревьев, отражающие линию на освобождение Родины из трех пунктов и приказ о генеральном наступлении.

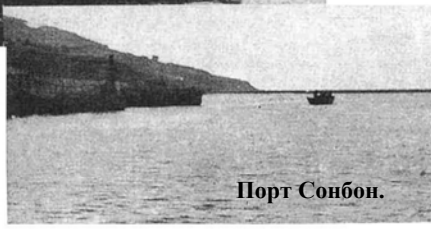
Печать о победе КНРА в окончательных военных операциях против Японии и ее военной мощи.

Великая победа антияпонской революции.

Здесь, на перевале Манхян, был бой.

Порт Чхончжин

Место высадки в Рачжине.



Порт Сонбон.

Места боевой славы, где передовые отряды КНРА открыли путь к боевой операции против Японии.

Ликующие бойцы КНРА и советских войск.

Разоружение капитулировавших японских войск.

Триумфальное возвращение на Родину солнца нации Полководца Ким Ир Сена

Радость и восторг освобожденного народа.

Патриоты, выпущенные из тюрем в Сеуле и Токио.

Товарищ Ким Ир Сен выступает с речью на ми- тинге в Пхеньяне, устро- енном в честь его триум- фального возвращения на Родину.

Ким Ир Сен встречается с бабушкой в родной деревне Мангендэ.

Триумфальные ворота (Возведены по случаю 70-летия товарища Ким Ир Сена).

錦繡江山을震動시키는 四十萬의歡呼聲

市民의感動爆發

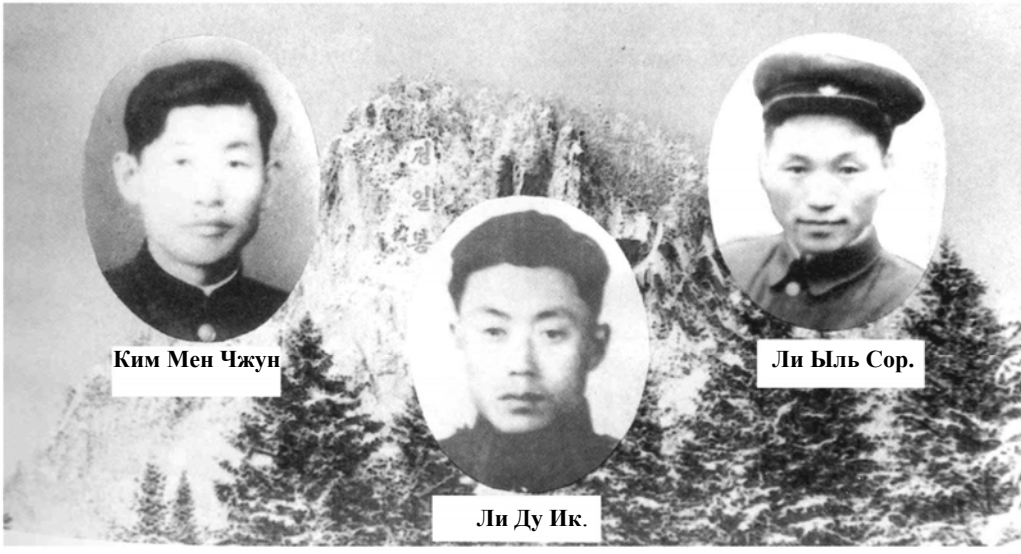
偉大한愛國者金日成將軍 參席

平壤市民衆大會盛況

해방신문

Газеты «Пхеньян минбо» и «Сэгир синмун» о возвращении на Родину товарища Ким Ир Сена и товарища Ким Чен Сук.

Слава трем Полководцам из гор Пэкту



В пламени антияпонской революции

Чу До Ир.

Ким Чва Хек.

Чон Мун Ук.

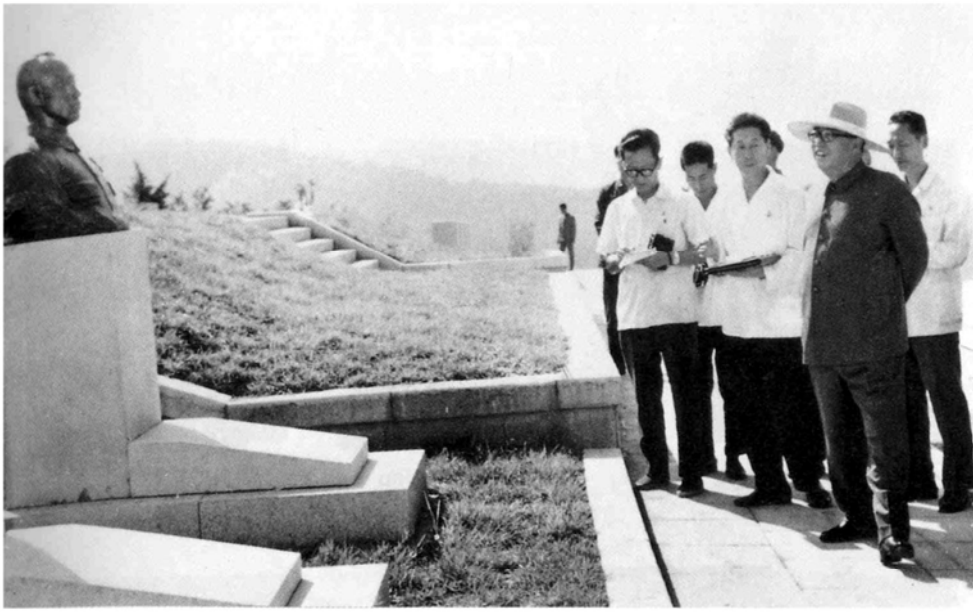
Хван Чжон Хэ.

Сим Юн Ген.

Кан Сан Хо.

Ли Рён Ун.

Ким Чжын Дон.



Президент Ким Ир Сен у одного из бюстов ветеранов революции на Мемориальном кладбище революционеров.

О Чжук Сун.

Сим Тхэ Сан.

Чвэ Чжан Ман.

Ким Чхор.

Ким Ю Гир.

Кан Ви Рён.

Ким Рён Ен.

Ким Дэ Хон.

Юн Тхэ Хон.

Чи Ген Су.

Кон Чжон Су.

Ким Дык Су.

Чан Сан Рён.

Ким Чхун Рер.

Ким Чхан Док.

Ким Ян Чхун.

Пак У Соб.

Хен Чхор.

Чвэ Мин Чхор.

Ким Чжун Ик.

Хван Чжон Рер.

Ким Рён Хва.

Ким Рён Гын.

Рю Ын Сам.

Им Чхор.

Чон Бон Со.

Сон Мен Чжик.

Сим Чхан Сик.

Ко Тхэ Бон.

Ли Чхи Хо.

Ли Бон Рок.

Чвэ Сон Сук.

Чон Мун Чжин.

Ко Хен Сук.

Ли Ин До.

Чан Хи Сук.

Ким Хе Сун.

Ким Бон Рюр.

Со Сун Ок.

Ким Сон.

Ли Чжэ Док.

Ли Мин.

Ли Чжон Ок.

Ким Бон Рок.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. **ПРОНЕСЕМ ЗНАМЯ РЕВОЛЮЦИИ ДО ПОБЕДНОГО КОНЦА**

1. На перевале Сяохаэрбалин 1
2. В будущее смотрим с оптимизмом 20
3. Информация от Коминтерна 39
4. Осень 1940-го 58
5. Воспоминания о Вэй Чжэнмине 79

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. **ОБЪЕДИНЯЯСЬ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИМИ СИЛАМИ**

1. Совещание в Хабаровске 99
2. Революционер Ким Чак 117
3. Встречая весну на чужбине 144
4. Дни действий малыми отрядами 164
5. Убеждения и предательство 189
6. Формирование Объединенных интернациональных войск 212
7. Плечом к плечу с боевыми друзьями из ОСВАА 232
8. Борцы из Северной Маньчжурии 256
9. Оберегая корни революции 281

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. **РОСТ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ЯПОНИИ**

1. Приближая день освобождения 304
2. Пламя общенародного сопротивления – над всей страной..... 329
3. Первопроходцы в военных операциях против Японии ... 352
4. Дух нации..... 374
5. За сплочение антияпонских патриотических сил..... 396
6. За Корейским проливом..... 417
7. День последнего и решительного боя 438
8. Триумфальное возвращение..... 465

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Пронесем знамя революции до победного конца

На перевале Сяохаэрбалин…1

В будущее смотрим с оптимизмом…20

Информация от Коминтерна…39

Осень 1940-го…58

Воспоминания о Вэй Чжэнмине…79

Апрель 29 года чучхе (1940) – декабрь 29 года чучхе (1940)

1. На перевале Сяохаэрбалин

Совещание на Сяохаэрбалине вошло в историю как важнейшее событие. На нем был намечен новый стратегический курс революционной борьбы против японского империализма: приблизить день ее окончательной победы и тщательно подготовиться к тому, чтобы во всеоружии встретить грядущее великое событие – возрождение нашей Родины.

Созыв совещания стал результатом неутомимых, титанических усилий и неугасимого энтузиазма товарища Ким Ир Сена. Это были дни суровых испытаний для нашей революции. Великий вождь делал все для того, чтобы из трудной ситуации в национально-освободительной борьбе и коммунистическом движении в Корее извлечь пользу и обратить ситуацию в благоприятную для нас, сделав беду счастьем.

В нашей памяти живы его неоднократные указания о подготовке и проведении совещания на Сяохаэрбалине.

На Хунцихэ мы наголову разбили японский карательный отряд, которым командовал Маэда. После боя, находясь в лесном массиве Хуалацзы, мы подводили итоги боевого пути, пройденного Корейской Народно-революционной армией (КНРА). Они стали известны потом как итоги Великого похода в 200 тысяч *ли* (мера длины, 10 *ли* примерно равны 4 километрам – ред.). Смысл – в том, что пройденный нами далекий путь составляет, увы, 80 тысяч километров.

Нам нужно было закрепить достигнутые в результате похода успехи и выйти на новый рубеж в нашей революционной борьбе. Нам предстояло свершить еще больше дел, преодолевая и дальше тернистый путь. И я подчеркивал: «Основным фактором наших побед в Великом походе оказались наше идейно-политическое превосходство и партизанская тактика. И это главный итог Великого похода в 200 тысяч *ли.* Ситуация складывается как никогда серьезно. Давайте, товарищи, искусно применять разнообразные приемы партизанской тактики и методы боя с учетом создавшейся ситуации и особенностей той или иной местности. Пойдем в гущу народа, усилим в массах политическую работу. Будем готовы пройти еще новые сотни тысячи *ли,* чтобы одержать окончательную победу революции.

С твердой верой в ее победу, без малейших колебаний, до конца пронесем ее знамя. Призываю и впредь прочно владеть инициативой, нанести по противнику ощутимые удары!»

Было это весной 1940 года. «Карательное командование Нодзоэ» как никогда яростно совершало наскоки на Народно-революционную армию. В карательные операции вовлекалось все больше вооруженных сил, тщательно разрабатывались планы карательных операций против революционной армии с учетом всевозможных факторов.

Положение было таким суровым. Но мы решили взять инициативу в свои руки. «Инициатива, – думали мы, – всегда была на нашей стороне, мы все время давили на противника. Пусть ситуация меняется, но инициативу мы и впредь будем держать в своих руках».

Во что мы верили при этом? В нашу духовную силу и тактику. Правда, с точки зрения людских резервов и вооружений наша революционная армия была слабее, чем противник, но ее духовная сила и тактика оказались непревзойденными. Все зависело от того, какая сторона превосходит другую в искусстве применения вооруженных сил. И преимущество было у нас.

В то время, когда мы очутились в ущелье Хуалацзы, все карательные отряды Нодзоэ сосредоточились в горных районах. Его солдаты плотно заблокировали все проходы, откуда, по их мнению, могли появиться отряды революционной армии, и не собирались убраться оттуда.

На совещании мы сделали акцент на важности инициативы, но обстановка тех дней, прямо скажу, была для нас крайне неблагоприятной. Нодзоэ, как нам стало известно, не довольствуясь контингентами вооруженных сил, дислоцированными в Восточной Маньчжурии, перебросил в виде подкреплений новые силы и из района Тунхуа. По словам О Бэк Рёна, свежие силы противника уже были замечены в районе Лянбинтая, что на рубеже уездов Яньцзи и Дуньхуа. Поступила информация, что и со стороны Чанбая под названием некоего «оперативного отряда» прибыло новое подкрепление.

Как видите, противник, укрепляясь за счет новых сил, все больше расширял сферу карательных операций. Так, какая же

тактика и какая стратегия были нужны в сложившейся ситуации?

Вопрос заключается в том, какими будут наши ответные меры для срыва этих вылазок противника, еще более гнусных и более жестоких, чем его крупномасштабное карательное наступление первого этапа, предпринятое под флагом «специальных мер по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе», которое, конечно, было сорвано нашими крупными отрядами, совершившими обходный маневр. Пришлось задуматься вот о чем: «Наш обходный маневр крупными отрядами дал, конечно, свой эффект. Но разве это дает основание и теперь повторить тот же прием? Может быть, пойти на другой тактический маневр? Ведь если вглядеться в ситуацию на Востоке и Западе, то станет ясно, что пожар войны, зажженный Германией и Японией, рано или поздно охватит весь земной шар и, несомненно, все крупные державы, множество малых стран будут втянуты в его полыхающее пламя. А если так, то какую же стратегию нам разработать, предвидя развитие событий?»

Перед нами встала, я бы сказал, двоякая задача – принять, с одной стороны, тактические меры по отражению очередных карательных операций противника, а с другой – разработать новую стратегическую линию, соответствующую требованиям круто меняющейся ситуации.

Я решил первым делом продумать тактический вариант преодоления трудных моментов, сложившихся после боя на Хунцихэ, и в то же время усовершенствовать новый стратегический замысел.

В те дни все силы противника скопились в горных массивах. Чтобы взять в этих условиях инициативу в свои руки, нам ничего другого не оставалось, как перейти на рассредоточенные действия и проскользнуть в зону с невысокими горами.

Охрану городов и коллективных поселений противник поручил полицейским подразделениям и отрядам самообороны. Свои основные силы он сконцентрированно разместил в горах. В этих условиях надежной успешной тактикой стало бы расчленение карательных сил противника путем дезорганизации его тыла.

На таком расчете были построены боевые действия главных сил КНРА. И вот в середине апреля 1940 года, скрытно покинув Хуалацзыский тайный лагерь, они вступили в бой для окончательного срыва вражеского плана – «специальных мер по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе». В первую очередь мы нанесли одновременный удар по Дуннаньча и Янцаогоу – крупным коллективным поселениям в бассейне реки Сяошахэ – и изрядно потрепали в ущелье Шуцзефэн следовавшего за нами противника. Расчленив таким образом вражеские силы, мы незаметно скрылись в сторону Чэчанцзы.

В районах Яньцзи и Ванцина маневрировали отряды Ан Гира и Чвэ Хена, они в унисон с действиями ядра наших сил начали операции по дезорганизации тыла противника в жизненно важных районах уездов.

В нескольких поселках мы преднамеренно открывали огонь, но противник практически не отреагировал на это.

Чтобы распылить силы противника, нужно было наживать на крючок более серьезную приманку. И было решено одновременно ударить по трем поселкам, расположенным восточнее уездного центра Аньту. В одну из ночей мы молниеносно ударили одновременно по пунктам Наньэрдаогоу, Бэйэрдаогоу и Синьчэнтунь.

На этот раз противник, не раздумывая, проглотил закинутый крючок. Части Квантунской армии, закрепившиеся на южном рубеже уездов Аньту и Хэлун, лавиной устремились в сторону уездного центра Аньту. Им казалось, что город вот-вот падет. К ним присоединились и силы гарнизона, дислоцированного на корейско-маньчжурской границе.

Как видите, нам пришлось приложить немало усилий, чтобы завлечь противника в среднюю часть уезда Аньту. Цель наших действий состояла в том, чтобы рассредоточить вражеские силы и нанести по ним удары. И еще: воспользовавшись передислокацией японских войск в бассейне реки Туман, снова перекинуть пламя вооруженной борьбы внутрь Кореи, на ее территорию.

Задание на рейд в Корею было дано тогда 8-му полку, ко-

торым командовал Ким Ир. Я дал 8-му полку приказ неспешно приближаться к пограничной зоне и там рассредоточенно действовать. А 7-й полк и комендантскую роту направил на север уезда Аньту. С того момента мы каждый день били врага.

А затем Ким Ир, взяв с собой один из небольших отрядов, бесшумно проник в Корею. К середине мая его отряд достиг волости Самчжан уезда Мусан. Там бойцы совершили внезапный налет на пограничный гарнизон, после чего два дня проводили работу среди местного населения.

Это было время, когда генерал-губернатор Минами, не жалея легких, кричал, что ни одному корейскому партизану не дано просочиться через границу. И как раз в это самое время как бы демонстративно на территории Кореи появился один небольшой отряд КНРА, там раздались ружейные залпы, открыто велась политическая работа. Этот успех, можно сказать, явился заметным в истории антияпонской революции в первой половине 40-х годов.

Мы делали все для закрепления успеха рейда в Корею – наши нарастающие удары растрепали силы противника в бассейне реки Туман, в среднем и северном районах уезда Аньту.

Итак, участники новой карательной операции, задуманной «карательным командованием Нодзоэ», в ее самом начале получили жестокую оплеуху. Между карательным командованием, районными и подрайонными карательными частями что ни день разыгрывались шумные скандалы: в одних начальство спрашивало за неудачи с подчиненных, а в других валили с больной головы на здоровую. «Карательное командование Нодзоэ» напоминало кипящий котел: издавались новые карательные инструкции, печатались новые приказы...

У нас полным ходом шла подготовка к новым боевым операциям, когда к нам пришел из Южной Маньчжурии Хан Ин Хва – штабной работник 1-й армии и комиссар комендантской бригады. Он привел с собой пять или шесть десятков бойцов – остатки 1-й армии. «Нас послал Вэй Чжэнминь, – сказал он. – Хотелось бы действовать в составе вашей части».

Мы решили в совместных боевых операциях поднять боевой дух товарищей из южноманьчжурской части. Июнь мы начали

налетами на поселки Дунцзинпин и Шандадун. После налета я увидел, что Дунцзинпин оказался почти беззащитным. Понятно, что все там чувствовали себя совершенно спокойной – вряд ли повторится партизанский налет на селение, которое подверглось нападению лишь немногим более десяти дней назад. После этого мы напали одновременно на несколько других поселков.

Налет был совершен и на лесоразработки Гудунхэ. А на следующий после этого день мы вместе с товарищами из Южной Маньчжурии довольно щедро отметили весенний праздник *тано.* В этом нам помог трофейный интендантский провиант.

Выпив стаканы горькой, Хан Ин Хва взял меня за руки и произнес: «Да, теперь я понял, зачем Вэй Чжэнминь отправил меня к Командующему Киму. Теперь ситуация сложилась так, что в Цзяньдао сегодня более круто, чем там, в Южной Маньчжурии. А мне кажется, что каратели противника движутся не по приказам Нодзоэ или Умэдзу, а куда захотите вы, Командующий Ким». Наши боевые операции произвели на него большое впечатление. «2-я войсковая группа, – заявил он, – первая голова. Войско Командующего Кима действительно победоносно. Теперь и мы готовы идти на все. Пойду в сторону Эму или Дуньхуа, встречусь там с Чэнь Ханьчжаном, а в Нинане – с Чжоу Баочжуном. Заверяю, что буду биться на славу».

Дерзкие действия головной части КНРА посеяли у японцев панику и растерянность. Колеса телеги так называемых «специальных мер по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе» неудержимо катились вниз, под крутой обрыв. Враги, силясь хоть чуточку затормозить ее бег, покрывали всю территорию Цзяньдао сплошной сетью отрядов охраны.

А в наших рядах в это самое время случилось неожиданное: в лапы противника попал начальник политотдела войсковой группы Люй Боци, который находился на лечении в тайном лагере под Дамалугоу. Арестованный выдал врагу все секреты части.

Капитуляция захваченного врагом Люя породила трудную для нас ситуацию. Мы решили преодолеть ее непрерывными атаками противника и разнообразными переменами в тактике.

Первым делом я решил переформировать часть в несколько мелких отрядов. Суть состояла в том, чтобы из войсковой группы создать несколько небольших формирований, которые могли бы везде и всюду, в любых условиях вести смелые бои на истощение сил противника. Это дало бы нам возможность обеспечить своевременность и быстроту действий, позволило бы легко пробиться через плотные кордоны противника и снова вызвать в его частях хаос.

Предложенная мера уменьшала численный состав каждого подразделения. Расчет был на то, что даже если враг заметит его, оно моментально исчезнет – и ищи ветра в поле.

Когда у нас созрел такой замысел, мы немедленно перегруппировали силы войсковой группы – вместо нее появились несколько небольших отрядов. Они-то и начали во всех районах изнурительные для противника бои на истощение.

Как видите, перед лицом наступления японцев мы не только не колебались, но, наоборот, двинулись ему навстречу.

Что стало бы с нами, если в то время, скованные крупным наступлением противника, мы искали бы только передышки, чтобы избежать беды? Нет слов, мы понесли бы большие потери. В конечном итоге мы вышли победителями потому, что, взяв инициативу в свои руки, непрерывно наносили врагу удары, не давая ему ни дня передышки.

Сам противник признал успех весенне-летних операций КНРА 29 года чучхе (1940).

«Банда, изощренно избегавшая острия ударов осенней и весенней карательных операций, в пору буйного расцвета природы активизирует свои действия во многих районах. В частности, в последнее время она совершает массированные налеты даже на тыловые поселки, находящиеся на второй и третьей линиях. Ситуация такова, что она ни чем не считается и нами понесен немалый ущерб. Вместе с вами очень сожалею об этом. В нашем распоряжении японо-маньчжоугоские войска, жандармерия, полиция, железнодорожные охранные войска, «Кёвакай» и так далее – всего десятки тысяч человек. Какими бы неблагоприятными ни были погодные условия и рельеф местности, наш противник являет собой внушительную силу. В чем причина? Конечно, за это ответственны прежде всего я, командующий карательными

войсками, а также все другие. Однако, если проанализировать обстоятельства последнего времени подробнее, то не могу скрыть своего сожаления по поводу того, что, в частности, в единстве планов и действий карательных экспедиций и всех ведомств пока еще множество серьезных недостатков и недочетов, которые, как я полагаю, помешали успеху ряда операций по обеспечению спокойствия и которые, как я чувствую, оставили на произвол судьбы бандитские группы» («Документы о состоянии обеспечения безопасности и спокойствия», карательное командование Нодзоэ, 15 год сёва (1940).

В процессе весенне-летних боевых операций 1940 года мы накопили богатый опыт действий малыми отрядами. Мы раньше, разумеется, действовали небольшими отрядами в случае необходимости, но в основном опирались на крупные отряды.

Однако летом 1940 года дела обстояли иначе. Основными боевыми единицами стали малые отряды, которые широко применяли такие искусные приемы ведения боя, как серии ударов, повторные и одновременные удары по нескольким объектам. В этом процессе мы обогатились новым ценным боевым опытом. Речь идет о том, что при укреплении противником карательных сил, уплотнении кольца окружения и создании усиленного кордона полезно уменьшить боевую единицу и развернуть партизанские действия небольшими отрядами. Накопленный опыт послужил нам большой подмогой при разработке стратегической задачи на следующий этап борьбы и боевых методов ее выполнения.

Не будь у нас такого капитала, я в августе того года не смог бы выступить на Сяохаэрбалинском совещании с предложением развернуть действия небольшими отрядами вместо крупных. Накопленный опыт и уверенность в себе позволили нам надежно взять в руки инициативу, считая действия небольшими отрядами главной формой борьбы на первую половину 40-х годов.

Иные товарищи полагают, будто до упомянутого совещания мы действовали только крупными отрядами, а после него – малыми. Такие утверждения не соответствуют историческим фактам.

Особенность партизанской войны состоит в том, что отве-

тные меры предпринимаются применительно к случаю сообразно сложившейся военной и политической ситуации и конкретным обстоятельствам. Действиям небольшими отрядами придавалось большое значение и во второй половине 30-х годов, когда мы действовали в основном крупными отрядами, и такие маломасштабные операции по необходимости применялись и тогда.

Пройдя стадию изучения эффективности рассредоточенных действий малых отрядов, широко развернувшихся в первой половине 1940 года, все партизанские формирования после совещания на Сяохаэрбалине перешли от действий крупными отрядами к действиям небольшими.

Вышесказанное относится к дням и месяцам после обходного маневра, предпринятого крупными отрядами. Историки высказывали мнение, что в исследовании этого периода есть немало пробелов, и вот сегодня я постарался поподробнее рассказать об этом.

Если взять совещание на Сяохаэрбалине за рубеж классификации событий, то наши действия весной и летом 1940 года можно отнести к звеньям подготовки совещания.

Надо ли заменять имеющуюся стратегическую установку на новую в соответствии с ходом ситуации? Такой вопрос мы задавали себе с той поры, когда стала набирать скорость война, вспыхнувшая в Европе.

Японские империалисты, движимые стремлением реализовать свой черный замысел «совместного процветания в Великой Восточной Азии», даже не успев завершить захватническую войну на китайском материке, лезли из кожи вон, чтобы перекинуть пожар войны на Юго-Восточную Азию. Ради этого они всеми силами пытались обеспечивать себе безопасность тыла.

Массированные и беспрерывные карательные операции врага против нас, о которых я уже упоминал выше, и беспрецедентное ужесточение фашистских репрессий и грабежа в отношении нашего народа – все это проистекало из раскручивания маховика подобной агрессивной политики.

Однако мы оценивали ситуацию так: чем шире театр агрессивной войны, тем серьезнее изоляция империалистов Японии

на международной арене и в самой их стране, тем глубже пропасть, в которой они оказываются во всех отношениях – в политическом, экономическом и военном.

Общая картина показала: крушение империалистической Японии неминуемо, это лишь вопрос времени, день свершения исторической задачи нашего народа – возрождения Родины приближается.

Именно это побудило меня к подведению итогов достижений и опыта, приобретенных в минувшей десятилетней вооруженной борьбе против японского империализма. Именно это наводило меня на размышления о том, что перед лицом круто изменяющейся ситуации нужно разработать новую линию – линию на сохранение и приумножение наших сил. Это было необходимо для того, чтобы во всеоружии встретить великое событие – возрождение Родины.

Тщательная подготовка к этому в то время стала закономерным требованием развития нашей революции.

Переход на новую стратегическую стадию не означает лишь анализ перемен в объективной ситуации и пассивное следование за их процессом. Надо учитывать состояние собственных сил, призванных постоянно стоять на активных позициях в борьбе и способных приблизить день ее окончательной победы, а также анализировать ход борьбы в прошедший период.

В первую очередь я прикинул: решена ли стратегическая задача, определенная в предшествующий период.

Я тщательно проанализировал процесс решения стратегической задачи, намеченной на совещании в Наньхутоу. Здесь вопроса не было. Закладка идейно-организационных основ создания партии, формирование, расширение и развитие единого антияпонского национального фронта, проведение рейда в пограничные районы, расширение сферы вооруженной борьбы на территорию Кореи... – все эти задачи были решены. Так можно было резюмировать итоги сделанного.

Еще одним из важных моментов, которые должно учитывать при определении стратегии очередного этапа вооруженной борьбы, является изменение в соотношении сил – своих и

противника.

Да, действительно, в численном отношении наши силы просто не шли ни в какое сравнение с противником. В те дни враг считал нас «каплей в море», то есть ничтожно малой величиной. Вот почему в обычном представлении нельзя даже было и говорить о таком понятии, как «соотношение сил».

Однако наш метод сопоставления сил не был математическим. «Один наш боец справится с сотней, даже тысячью врагов» – таков был наш способ сравнения.

После Наньхутоуского совещания КНРА быстро росла как в идейно-политическом, так и военно-техническом отношении. Хотя наша армия количественно уступала противнику, в боях с его полчищами, численно превосходившими нас в десятки, даже сотни раз, она всегда прочно владела инициативой и выходила победителем. В этом процессе наша Народно-революционная армия выросла в могучую когорту, которая своими разнообразными приемами ведения боя и тактическими методами могла бы умело действовать в любых, самых сложных обстоятельствах.

КНРА была революционной армией нового, особого типа, она выполняла как военную, так и политическую миссию.

Когда мы окидываем мысленным взором пройденный ею путь, становится ясно, что КНРА прочно заняла руководящее место и выполняла все возрастающую ведущую роль не только в вооруженной борьбе против японского империализма, но и в процессе корейской революции в целом. Факты убедительно доказали, что мы были абсолютно правы, когда неизменно держали в поле своего самого серьезного внимания строительство революционных вооруженных сил и придерживались принципа опережающего осуществления его во всех наших делах.

В борьбе коммунистов за обретение власти своего рода общепризнанный принцип выглядел так: создать в первую очередь партию как руководящий политический орган, а затем приступить к строительству вооруженных сил.

Я же выбрал другой вариант: в первую очередь создать вооруженные силы, а затем – партию. Мой выбор исходил из

признания решающей роли революционных вооруженных сил, насилия масс в революционной, в частности, в национально-освободительной борьбе в колониях, а также из анализа обстановки в нашей стране.

В апреле 1932 года мы создали первые революционные вооруженные формирования – Антияпонскую народную партизанскую армию. Расширяя свои ряды, она выросла в КНРА. При опоре именно на нее мы, раздувая пламя вооруженной борьбы против японских империалистов, вывели антияпонскую национально-освободительную борьбу в целом на новый этап развития. Более того, под руководством КНРА и при ее вооруженной гарантии успешно велись все дела: идейно-организационная подготовка к созданию партии, создание ЛВР и работа по расширению и развитию движения за формирование единого фронта, подготовка к общенародному сопротивлению.

Могу сказать, что в годы революционной борьбы против японских захватчиков КНРА как стержневая, ведущая сила нашей революции, как ее политическая направляющая сила, как вооруженная защитница национальных интересов действительно представляла собой и наши вооруженные силы, и партию, и власть в подлинном смысле этого слова.

Все это свидетельствовало о том, что у нас надежно подготовлены собственные ведущие силы, вполне способные справиться с задачами предстоящего нового стратегического этапа.

Более того, идейно-политическая подготовка народных масс была отмечена большими успехами – ускорен процесс повышения их сознательности и организованности. Так, в то время в рядах ЛВР насчитывалось более двухсот тысяч человек.

Кроме того, в самой Корее действовало немало полувоенных организаций, таких, как рабочий ударный отряд и производственный партизанский отряд. Опираясь на них, повсюду создавались вооруженные формирования, готовые подняться на всенародное сопротивление.

Был высок и идейный настрой масс, еще не объединенных в организации.

... Это было, когда бойцы отряда Ким Ира, потрепав врага в Корее, двигались в сторону реки Туман. За отрядом спешил

хромой крестьянин. «Вы, господа партизаны, – говорил он, – видать, хотите здесь перейти через реку Туман. Но, знаете, сегодня вечером вам придется идти другим путем. Здесь везде кишмя кишат эти мерзавцы».

Ким Ир и другие партизаны были в нерешительности – верить ли крестьянину. Ведь они не знали, что это за человек.

Заметив колебание наших товарищей, крестьянин вынул из-за пазухи крохотную газетную вырезку и, показав ее партизанам, произнес: «Видите, я такой человек, вы можете мне верить». Наши товарищи оторопели от этого клочка газеты величиной в ладонь.

Всмотрелись они в него – оказалось, что это информация о боевых действиях партизан в районе Мусана в мае 1939 года. Партизанское чутье, выработанное за много лет, подсказало им: крестьянин с газетной вырезкой, наверное, хороший человек. И наши ребята обратились к нему: «Куда же, по-вашему, нам путь держать, чтобы перейти реку благополучно?» Крестьянин говорит: «Не беспокойтесь. Следуйте за мной. И там, конечно, есть часовые, но это люди добрые, все они – за революционную армию».

В ту ночь наши товарищи при помощи того добровольного проводника смогли благополучно переправиться через реку Туман.

Сельчане на берегу реки, поставленные врагами в качестве охранников, видели, как партизаны переправляются через реку, но делали вид, что ничего не замечают. А некоторые из «сторожей» даже стали для них проводниками, подсказывая: «Здесь мелководье» или «Здесь вода глубокая».

Идейно-политическая зрелость народных масс и неизменная поддержка КНРА с их стороны всегда стали великой движущей силой в расширении и развитии антияпонской вооруженной борьбы.

Был еще один момент, который нужно было обязательно учесть при определении стратегии нового этапа вооруженной борьбы, – изменение тактико-стратегических замыслов противника.

... Случилось это летом 1940 года. Однажды на строительстве дороги возле Хуангоулина нам пришлось взять в

плен японского офицера инженерной службы. На допросе наши ребята узнали от него, что противник создает в районе Цзяньдао и в Южной Маньчжурии широкую сеть военных дорог. По словам пленного, дорожная сеть с ее центром – уездом Аньту охватывает как Хэлун, Яньцзи, Дуньхуа, Хуадянь и Фусун, так и внутренние районы Кореи и даже глубокие долины и ущелья на северо-востоке от горы Пэкту, куда редко ступает нога человека.

Ежедневная информация о ходе прокладки дорог поступала в «карательное командование Нодзоэ», а затем в ставку Квантунской армии. По словам пленного офицера, сам командующий Нодзоэ скоро должен был инспектировать строительство. Это были дороги оперативного значения, которые предназначались для карательных операций против Народно-революционной армии. Будет приказ – и по ним в районы наших действий потоками потекут полчища противника отовсюду – из Кореи и из разных уголков Северо-Востока Китая.

Враги строили вокруг нас также сеть военных аэродромов. Нам было известно, что новые полевые аэродромы строятся во всех трех юго-восточных провинциях Маньчжурии в соответствии с совершенно секретным приказом Нодзоэ. Офицер инженерной службы сообщил об известном ему местонахождении этих аэродромов. Он не скрывал, что авиация полностью подчиняется как районным, так и подрайонным карательным экспедициям.

Если офицер говорил правду, то это означало, что мы были окружены полевыми аэродромами противника.

К тому времени враги намеревались переместить «карательное командование Нодзоэ» из Гирина в Яньцзи. Сообщалось, что и командование карательной экспедиции восточного района перемещается из Яньцзи в Тумынь.

В нашу Ставку Командования то и дело поступала разведывательная информация: в районы наших действий непрерывно прибывают подкрепления противника. Все говорило о том, что он скоро пойдет на все, лишь бы рассчитаться с нами.

Понятно было, что на резкие перемены в действиях противника нельзя ответить прежними стратегическими мерами.

Нужно было в корне изменить нашу стратегию.

Исходя из этого, я разработал новый курс: избегать возможных потерь от безрассудных стычек и, ведя активные действия, сохранять и приумножать собственные революционные силы. Я решил поставить его как важнейшую стратегическую задачу нашей революции.

Суть нашего стратегического курса заключалась в том, чтобы во всеоружии встретить великое событие – возрождение Родины. Новый курс был принят в августе 1940 года на совещании на Сяохаэрбалине.

Когда мы добрались до рубежа уездов Аньту и Дуньхуа, к нам прибыли командир 15-го полка Ли Рён Ун и командир роты Им Чхор, вместе с которыми были четверо или пятеро охранников.

Я объяснил Чу Чжэ Иру цель созыва на Сяохаэрбалине совещания военных и политических кадров. Велел пригласить на него всех командиров и политических работников от командира роты, ротного политрука и выше. Приказал всем прибыть к месту совещания до 9 августа, то есть до 7 июля по лунному календарю, а Ан Гиру и Чвэ Хену, действующим в районах Ванцина и Дуннина, о результатах совещания сообщить позже. В 13-м и 14-м полках связываться лишь с действующими в ближних районах ротами, из 15-го полка не вызвать на совещание больше никого, поскольку к нам уже прибыли Ли Рён Ун и Им Чхор.

Сяохаэрбалинское совещание проходило два дня – с десятого по одиннадцатое августа.

В ходе совещания шли серьезные разговоры на тему – можно ли определить предстоящий стратегический этап как период наступления великого революционного события? Иными словами – сможем ли мы на следующей стадии добиться освобождения Родины?

Я ответил кратко: «Да, сможем». Затем я продолжал: «Конечно, и теперь японская армия сильна. Но армия эта гибнущая. Японские войска идут к своему закату. В этом можно убедиться хотя бы по тому факту, что в авиачасти, которая считается отборной в Квантунской армии, вспыхнул бунт. Дезертирство

растет, все больше и больше солдат переходит на сторону революционной армии. И на фоне войны с Китаем японцам нелегко держать ситуацию под контролем. Стоит ли иного говорить? Конец Японии не за горами».

Япония, выдумав так называемый спецдекрет о добровольцах, недавно начала бросать в пожар войны в качестве пушечного мяса корейскую молодежь. Подобные меры ввели и на Тайване, и в Маньчжурии. Положение Японии было настолько плачевным, что ей пришлось в качестве пушечного мяса брать молодежь и людей средних лет даже из той колониальной страны, которая бурлила ненавистью к ней. Нехватка людских резервов для вооруженных сил была столь острой, что ей пришлось пойти даже на такой шаг.

После событий 18 сентября до вспышки инцидента 7 июля японские войска потеряли только в Маньчжурии около 200 тысяч человек. На фронте с Китаем за один год они несли, как сообщалось, еще большие потери.

Запас стратегических материалов у Японии приближался к критическому уровню. Так, в канун Сяохаэрбалинского совещания враги расходовали боеприпасы, произведенные после 1939 года. А использованные в дни боя на Цзяньсаньфэне были производства 20-х годов. Это означало, что резервы боеприпасов у них были на исходе.

Суматоха царила и в политических кругах Японии. То и дело разыгрывались фарсы со сменой состава кабинета министров, ни дня не проходило без словесных перепалок. И военные круги оказались раздираемы противоречиями. Генералы и офицеры, разбившись на разношерстные группы и группки, вели между собой постоянные споры, и это, естественно, мешало единству и взаимодействию в боевых операциях. В придачу крайне обострились противоречия между трудом и капиталом, между армией и населением, между метрополией и колониями. Дело дошло даже до того, что в населенных пунктах самой Японии насаждались агенты контрразведки, которые затыкали людям рот.

Поэтому на совещании я отметил следующее. В разработке своей новой стратегии мы обратили особое внимание на тот факт, что государственная политика Японии обнажает гнусный

замысел захватить Юго-Восточную Азию, используя вспыхнувшую в Европе войну, и что японский поход в Юго-Восточную Азию означал бы рытье могилы самому себе.

Далее. На совещании шли разговоры о стратегической задаче в связи с предстоящим великим событием.

Чтобы во всеоружии встретить это событие – освобождение Родины, мы поставили в то время новую стратегическую задачу – сохранение, приумножение личного состава КНРА как ведущей силы корейской революции и воспитание из ее бойцов способных военно-политических кадров.

Грядущее великое событие предполагало последнюю, решительную битву, на которую были бы максимально мобилизованы военные и политические потенциалы воюющих сторон – наши и противника. Чтобы выйти в этой битве победителем, каждый боец должен был справляться со служебными обязанностями на несколько порядков лучше, чем раньше. После возрождения Родины именно этим бойцам отводилась бы ведущая роль и в строительстве обновленной Отчизны.

Последняя, решительная схватка и строительство обновленной Родины – эти два дела вошли бы в рамки стратегической задачи, решение которой привело бы к открытию новых страниц в истории нашей страны, к драматическому изменению в судьбе народа. Ее не мог решить кто-то другой вместо нас. Это было дело КНРА, всего корейского народа.

Нам было не во что верить, кроме как в свои собственные силы, выкованные нами самими в ходе многолетней революционной борьбы против японского империализма. Я обратился к собравшимся со словами: «Грех жаловаться, если другие добровольно помогут нам, когда мы, как хозяева, пойдем в последний, решительный бой. Ну, как, товарищи? Сможете поднять свой уровень на два-три порядка выше?» В ответ услышал: «Сможем!» А потом был другой мой вопрос: «Можно ли вооружить весь народ и поднять его на сопротивление врагу?» В ответ: «И это вполне возможно!»

Чтобы успешно выполнить упомянутую стратегическую задачу, мы наметили новый боевой курс – перейти с операций крупными отрядами на действия небольшими отрядами.

Вокруг этого варианта, конечно, шли дискуссии. Некоторые товарищи не скрывали опасения. «Противник, – говорили они, – отовсюду набросится на нас крупными силами. Не разгромят ли нас по отдельности, если пойдем на действия не большими, а малыми отрядами?»

Я им сказал: «Бурный период действий крупных отрядов минул. Теперь не время с шумом двигаться крупными частями. Противник, мобилизовав большие армейские контингенты, намеревается закинуть сеть, в которую одним махом поймать всех нас. Если мы, допустим, в такое время продолжим операции большими отрядами, то это будет означать, что мы поддались на вражьи уловки и роем яму самим себе. Действовать так – это все равно что лезть на рожон. Будем действовать небольшими отрядами – будем и воевать, и одновременно вести массово-политическую работу. Это позволит нам без особого труда доставать продовольствие, да и маневрировать мы будем легко, чувствуя себя, как рыба в воде. Вспомните, сколько наших боевых друзей погибло от рук врага в борьбе за приобретение продовольствия! И те запасы провианта, стоившие нам дорогих жизней, помогли нам не надолго, они быстро кончились – ведь кормить надо было большой отряд. И еще: действия малыми отрядами максимально распылят силы противника. Свидетельство тому – весь процесс ударных операций наших небольших отрядов, что мы провели весной и летом этого года. Уменьшить мишень для врага – вот чего мы хотим».

На совещании мы снова подчеркивали необходимость делать все для выполнения новой стратегической задачи. Речь шла о том, чтобы умело вести боевые действия небольших отрядов и вместе с тем широко развернуть политическую работу в массах на обширных территориях Кореи и Маньчжурии, скорее организовать работу по повышению уровня военно-политических знаний каждого бойца и командира, укреплять солидарность со всеми антиимпериалистическими силами мира. После того, как были достигнуты договоренности по ряду конкретных мер, совещание закончилось.

Совещание на Сяохаэрбалине, наравне с Минюегоуским (декабрь 1931 года) и Наньхутоуским (февраль 1936 года), на

которых были намечены важнейшие стратегические линии в антияпонской вооруженной борьбе, является историческим – ведь на нем было решено заменить прежнюю стратегическую линию на новую в канун наступающего переломного этапа нашей революции.

Если в то время мы, не поняв своевременно тенденцию в развитии ситуации и интересуясь только сиюминутными успехами, продолжали бы действия крупными отрядами, то, даже не сумев сохранить свои силы, мы прекратили бы свое существование и оставили бы на страницах истории только свои имена как имена людей, просто положивших свою жизнь на алтарь Отечества.

Сяохаэрбалин – местечко на хвосте перевала Хаэрбалин, протянувшегося на рубеже уездов Дуньхуа и Аньту. Совещание шло на северном склоне того горного перевала. Перед ним располагалась лужайка, покрытая осокой.

И сейчас, когда речь заходит о Сяохаэрбалинском совещании, в моей памяти всплывает эта лужайка. Может быть, оттого, что уголок довольно отдален от населенного пункта, там не было видно косарей. Окидывая взором ту лужайку, я думал: «Увидят эту поляну североманьчжурские друзья – наверняка обрадуются. Ведь там, говорят, все они ездят верхом – Ким Чак, Хо Хен Сик, Пак Киль Сон и другие».

С боевыми друзьями из Северной Маньчжурии, которых я рисовал в своем воображении, глядя на ту лужайку Сяохаэрбалина, мне довелось потом встретиться на Дальнем Востоке.

2. В будущее смотрим с оптимизмом

Было это, помнится, весной 1940 года.

Главные силы КНРА в те дни энергично вели свою военно-политическую деятельность в Аньту, Хэлуне и других районах к северо-востоку от горы Пэкту.

В ту пору, к слову сказать, на нашу долю выпали не на шутку суровые испытания. Да, нам ничего не оставалось, как переживать эти тяготы – ведь мы сами хотели незначительными силами взять инициативу в свои руки.

Самым трудным испытанием для нас была серия нападений вражеских карателей, которые волна за волной накатывались на Ставку Командования КНРА. Орды противника, сотни, даже порой тысячи солдат, отчаянно бросались на нас со всех сторон, и мы, казалось, могли потерять голову.

Теперь и Нодзоэ бросился на нас коршуном, сражаясь не на жизнь, а на смерть. Он выступил перед людьми с хвастливым заявлением, что-де выедет на боевом коне на гору Пэкту и искоренит там гнездо бандитизма. Но дело приняло иной оборот: зимой хвастун проглотил горькую пилюлю – обходный маневр крупных отрядов Народно-революционной армии. Было понятно, что он из-за нас чуть не лопнул от ярости. Нечего и говорить, что за это с него крепко спросили командующий Квантунской армии, вся военная верхушка Японии.

Потерявший инициативу в боях и метавшийся в отчаянии Нодзоэ до того озлобился, что перебросил подкрепления из районов Мукдена и Тунхуа и подключил к операциям карателей даже гарнизон с советско-маньчжурской границы.

Беда, как говорится, не приходит одна. К тому времени Рим Су Сан и ему подобные капитулянты, находившиеся в одной упряжке с противником, рыскали везде и всюду, пытаясь обнаружить место нахождения Ставки Командования КНРА. Это усугубило наши затруднения.

И еще: огромное число вражеских шпиков занималось своим

грязным делом. Лазутчики, скрываясь в горных шалашах охотников, грибников и даже тайных сеятелей мака на опиум, зорким глазом следили за действиями партизан. Заявляли о себе и сборища прислужников врага, такие, к примеру, как «группа по содействию капитуляции». Появляясь в районах наших действий, они начинали нагло «умиротворять» нас: мол, ситуация работает на японскую империю, не проливайте зря кровь ради этой бесперспективной революции, капитулируйте добровольно...

Нелегким испытанием для нас прежде всего был недостаток продовольствия.

Враги лезли из кожи вон, чтобы к нам не поступило ни одной мерки зерна. И когда мы зарывали в землю в лесу продовольствие – они, удивительно быстро пронюхав об этом, находили его и уничтожали.

В коллективных поселениях они жесточайшим образом контролировали запасы продовольствия у селян. Когда крестьяне выходили в поле, часовые у крепостных ворот рылись в их вещах, даже в узелках с обедом. Во многих коллективных поселениях за земляными стенами имелись тайные хранилища, где находились полицейский и армейский провиант, обмундирование и боеприпасы. Места этих хранилищ знали только кладовщики. Ключи от них они всегда носили в кармане. Когда им было нужно, открывали двери склада и незаметно для других маленькими партиями привозили припасы в поселения. Это делалось врагами потому, что мы частенько налетали на крепости и забирали все интендантские материалы, которые попадали в наши руки.

Такое же положение было и на рудниках, шахтах и лесоразработках. И там запасы продовольствия имелись лишь на день-два, максимум на три-четыре, не больше.

Когда мы находились под Чэчанцзы, у нас кончилось продовольствие, не было и соли. 7-й и 8-й полки, неустанно маневрируя в районе Аньту, немало трудились, чтобы достать продовольствие. Но, так сказать, большого дохода почти не было. И вся часть была вынуждена голодать, пропуская обеды и ужины.

Ситуация была настолько кризисной, что Первое Мая того

года нам пришлось отметить «блюдами» из лягушек. В какой-то зарубежной стране, говорят, такое кушанье значится в прейскурантах популярных продуктов, которые появляются на столе и в ресторанах высокого класса. Однако у нас в столовых и ресторанах таких блюд не приготовляют. Можно увидеть, хотя и редко, как детишки жарят наколотую на прутик лягушку, пойманную на меже заливного рисового поля или у ручейка. Но они это делают в большинстве случаев для забавы, как развлечение. К этому их побуждает отнюдь не оригинальный вкус лягушки.

Какой бы трудной ни была партизанская жизнь, у нас раньше не было случая, чтобы приходилось в первомайский праздник сидеть без еды. А Первого Мая 1939 года, когда мы отметили праздник на возвышенности Сяодэшуя, мы угощали бойцов даже водкой.

Но разве такое было в Первомай 1940 года! Какая там водка! Не было у нас ничего. И пришлось ловить у ручейка лягушек, чтобы утолить голод. И это было в праздник... Что же тогда говорить о не праздничных, а обычных днях?

Под Чэчанцзы мы, конечно, очень мучились от острой нехватки продовольствия. То же самое было и в глухомани Янцаогоу, где мы одно время действовали. Сколько мы натерпелись голода!

Питаясь травой, все бойцы, подобно беднякам, с трудом сводили концы с концами. Нехватка продовольствия была столь острой, что у меня из памяти не изглаживается даже само это географическое название – Янцаогоу.

Однажды я был на питательном пункте бойцов пулеметного взвода. Я упрекнул их: «Земля давно оттаяла. Вы можете собирать горные съедобные растения. Из них можно сварить хотя бы щи. Они довольно вкусные, да это и добавка к питанию, не так ли?» Кан Ви Рён, командир взвода, отвечает: «Видите ли, у нас не хватает даже караульных, и я не мог послать людей за травой».

Его ответ вызвал у меня чувство обиды. Как это так? Ведь съедобные травы можно добывать в любое время – и выходя на караульную службу, и возвращаясь с нее. Зелень для щей на

целые сутки заготовить недолго. Стоит только наладить дело. Я и говорю Кан Ви Рёну: «Командир должен всегда быть в ответе за жизнь и быт своих бойцов. Не хватает людей – бери ординарцев, добывай с ними травы».

На следующий день комвзвода взял с собой ординарцев Чон Мун Соба, Ли ЫЛь Сора, а также бойца Хан Чхан Бона на сбор съедобных трав. Четверка вернулась только к вечеру. И я увидел, что их добыча была меньше корзины. Спросил, в чем дело. Оказалось, четверо несколько часов провели на лужайке, занимаясь *сирым* (корейская борьба), оттого и мало собрали растений.

«Что же это такое? – спрашиваю их. – Сказано – собирайте травы. А вместо этого вы занимались борьбой. В чем дело?» А они мне отвечают: «Там так здорово, весенний ветерок такой приятный. И полно аромата цветов. Сядешь на бархатную траву – и в голову приходят думы о родном крае. Вспоминаются детские годы, когда мы весело резвились весной на горке. Вот так незаметно для себя мы и потратили полдня на *сирым».*

Чон Мун Соб и Хан Чхан Бон были схожи – и по возрасту, и по физическому развитию. И, как они говорили, исход состязания определить было не легко. Судьей стал командир взвода Кан, человек огромного телосложения. Кончается поединок, и судья, хлопая в ладоши, подогревает борцов: «Здорово боролись, ребята. Отлично! Давайте еще раз! И еще...» Так командир аплодисментами все подбадривал и подбадривал борцов, и те двое, окрыленные, с головой ушли в борьбу.

Слушаю историю и не верю ушам – батюшки, виданное ли это дело? Даже ординарцев послал на добычу даров природы, а эти четверо не сумели даже наполнить одну корзину – и вернулись почти пустые. А ведь случилось это в то самое время, когда отряд переживает трудности с продовольствием. А люди проводили дорогое время, устроив состязание по борьбе! Ну и ну, так просто с ума сойдешь!

Я сделал резкий выговор четверке и на каждого наложил взыскание – «предупреждение». Серьезность их проступка, конечно, требовала наказать их более сурово. В наших рядах, собственно, не было тех, кто столь халатно относился к вы-

полнению поручений Командующего. Однако, как ни странно, эти четверо были людьми, отличавшимися ответственностью за порученное дело и точностью в выполнении поручений. Им можно было поручить любое дело – и они его отменно выполнят, не «взвешивая» тяжесть поручений, – таков был их характер. Это были те образцовые люди, которых, прямо скажу, в нашей части можно было ставить в пример другим партизанам.

Я лег спать, и перед глазами все стояла та полупустая корзина, которую принесли ребята. Я объявил им в качестве взыскания «предупреждение», но, рисуя в своем воображении четверых бойцов, которые с азартом кружились в борцовской схватке, мною почему-то все больше овладевала такая мысль: «В столь суровой обстановке наши бойцы лишены пессимизма, живут оптимистически и даже со спокойной душой пускаются в состязание по борьбе». На душе у меня стало спокойно и я про себя улыбнулся.

Если ты лишился душевного покоя или смотришь на жизнь пессимистически, тебе и в голову не придет пуститься в *сирым* в суровой обстановке тех дней. Только наши партизаны, сильные убеждениями и волей, смогли жить оптимизмом даже во вражеском окружении – и лелеяли надежды на будущее, и пели песни, и состязались в борьбе *сирым*.

КНРА была коллективом оптимистов, равных которому не найдешь ни на Востоке, ни на Западе, ни в прошедшие, ни в нынешние времена. Мир знает немало знаменитых армий и партизан, но не найдешь на свете такой армии, как КНРА, – бурлящей революционной романтикой и страстью, жизнеутверждающей и имеющей широкую перспективу. Коллектив людей, которые отвечают на самую неблагоприятную ситуацию улыбкой и в состоянии превратить беду в счастье, оптимистов, которые уверены: «Пусть рухнет земной шар, все-таки выход найдется», – такой была КНРА.

Чон Мун Соб на вид тих и довольно скромен. По натуре он весельчак. Уходя в революционную армию, он на прощанье говорил родителям: «Дорогой папа, дорогая мама! Ждите меня. После победы пролетарской революции, в день независимости

Родины я, ваш сын, вернусь домой на машине!» После разгрома японского империализма вернется в объятия родителей на машине! Сколь необычна и романтична была его клятва!

И Ан Гир – из числа оптимистов. Я особенно любил его, конечно, прежде всего за его преданность делу революции. Но еще любил я его и потому, что мне нравился присущий ему жизнеутверждающий характер. Ан Гир был революционером-романтиком, не знавшим пессимизма.

Среди наших антияпонских партизан была целая плеяда таких оптимистов. Честное слово, все борцы, которые с оружием в руках встали на решительную битву с империалистами Японии, отличались тем, что никогда не знали уныния, жили всегда с революционным оптимизмом.

Конечно, я обратил внимание на серьезность проступков Кан Ви Рёна, Ли Ыль Сора, Чон Мун Соба и Хан Чхан Бона, но не наложил на них взыскания выше «предупреждения» именно потому, что дорожил лежащими в основе их поведения качествами – светлым жизнеутверждением и твердыми убеждениями.

Тот инцидент, хотя и незначительный, глубоко убедил меня в том, что даже если нам придется десять, сто раз повторить такой поход, как Трудный, они будут до конца следовать за нами.

По своему жизненному опыту знаю: оптимист, с твердыми убеждениями вставший на стезю революции, несгибаем, какой бы ветер ни хлестал его. Завтра его ждет виселица – а он тверд душой. Но есть и такие, кто без четких убеждений окунулся в океан революции, движимый просто думой: «Все вокруг устремились в революцию! Что ж, почему бы и мне не попробовать?» Такой человек, как правило, любой обстановке предпочитает затишье.

Все вы, товарищи, наверное, читали воспоминания «Ловля раков в походе». Эпизод, описанный там, можно сказать, является одним из живейших примеров, показывающих, как сильно воздействует жизнеутверждающая сила на будни и борьбу революционеров. Та охота за раками происходила осенью 1939 года, в дни нашей Дуньхуаской экспедиции, которую считают

первым этапом обходного маневра крупными отрядами.

И в те дни нас мучила нехватка продовольствия. Оторвавшись от противника, мы могли бы найти доступ к провианту. Но нам было некуда двигаться – каратели висели у нас на хвосте, преследуя по пятам. Не знаю почему, но в то время перед нами даже не мелькнул ни один лесной зайчик. Мы все время двигались по безлюдным местам, где не было и намека на человеческий след, и не к кому было обратиться с просьбой о продовольствии.

Поход буквально тянул жилы из партизан. У них уже не было сил пробираться через бурелом, и им приходилось обходить каждую преграду. Изредка давалась команда: «Вольно, можно отдохнуть!», и люди опускались бессильно на землю, бросались на нее плашмя и лежали, чтобы снять усталость. И после команды «Марш!» кое-кто не успел воспрянуть ото сна. Надо сказать, что верховье реки Сунгари, скажем, такие места, как Тоудаобайхэ, Эрдаобайхэ, Саньдаобайхэ, Сыдаобайхэ и так далее, болотисто и богато дремучими лесами, куда редко ступает и нога охотника. Понятно было, что темпы марша были невысоки.

– Ну, смелее, товарищи! Времечко-то такое! Не теряйте силы. В Лянцзянкоу нас с вами ждет отдых и обильная еда! – вдохновлял я бойцов, помогая усталым ребятам подняться.

Чего греха таить, я тоже был голоден и устал. Но показывать это бойцам я не имел права как Командующий.

Однажды ближе к обеду, я объявил привал на гребне горы. Там была поляна с небольшим уклоном. Я дал бойцам комендантского подразделения задание спуститься вниз и разузнать там обстановку. Вернувшись, они доложили, что внизу, в ущелье, течет ручей и ничего опасного не обнаружено.

Взяв с собой нескольких бойцов, я спустился к ручью. На берегу, засучив брюки до колен, вошел в воду. Потихоньку поднимаю со дна камень и начинаю шарить под ним. И вот в моих руках большущий рак! Кинул добычу на бережок, и бойцы комендантского подразделения удивились: «Ба! Рак-то какой!»

Затем охотники наперебой полезли в воду и с азартом начали ловлю раков. Трудно было поверить, что эти люди несколько

дней подряд жестоко голодали. У кого-то ноги сильно озябнут и он на минуту выходит на берег, а потом опять – бултых в воду. Весь отряд в оживлении - идет добыча раков. Бросились в ручейку, как бы соревнуясь, даже те, кто еле-еле переставлял ноги в строю.

Возвратившись на привал, мы разожгли костер и начали печь добычу. Аппетитный запах поджаренных докрасна раков, взрывы хохота и смеха, шутки... Недолгая ловля раков полностью изменила обстановку в отряде.

Конечно, раками можно полакомиться, но ими не насытишься. И все же в всплесках воды на охоте за раками бойцы забыли и голод, и усталость. И поверите ли – та ловля раков удвоила темпы нашего марша.

Веселье бойцов в тот день навеяло мне много дум. Еще совсем недавно они, выбившиеся из сил, не были в состоянии перешагнуть через бурелом и обходили его. После команды о привале где угодно опускались наземь от усталости... Отчего же вдруг они стали такими веселыми?

Стимулятором хорошего настроения бойцов, думаю, стала именно веселая охота за раками. Она сняла с каждого усталость и изменила настроение, и люди почувствовали прилив новых сил, повеселели и уже не выглядели проголодавшими несколько суток подряд.

Ловля раков создала в отряде веселую и жизнерадостную атмосферу потому, что она стала искрой, воспламенившей заряд романтических эмоций бойцов.

В мае 1939 года, как я говорил и раньше, по случаю дня *тано* в поселке Юйшидун мы организовали совместные мероприятия армии и населения – развлечения и спортивные состязания. Мы провели и футбольный матч, в котором выступили и партизаны, и жители. Великолепное было это зрелище! Молодые люди давно не били по мячу, и футболисты чуть ли не при каждом ударе мазали. То-то было со смеху! Нередки были промахи, но зрители не придирались к неудачникам. Наоборот, такие «мастера» промахов вызывали только взрывы хохота.

А было то самое время, когда после наших боевых действий в районе Мусана противник со всех сторон крупными силами

давил на нас, чтобы уничтожить главные силы КНРА. Но мы в самом сердце Хэлуна, где постоянно рыскали каратели, спокойно провели торжества по случаю весеннего праздника *тано* и даже устроили футбольный матч. Говорить об этом теперь легко, но дело это было тогда не простое.

На это могли пойти только бойцы и командиры КНРА – люди большого сердца, те, кто был полон революционной романтики и был способен применять непревзойденные приемы тактики сообразно сложившимся обстоятельствам.

Революционер – это тот, кто смотрит в будущее глазами оптимиста. В принципе сама революция берет свое начало из надежд на светлое будущее и тяги к новой жизни. Революционер – это такой человек, который, будучи окрылен высокими идеалами будущего мира, с полной отдачей упорно борется за их реализацию. Тот, кто лишен оптимистического взгляда на будущее и не уверен в победе революции, вообще с самого начала не встанет на путь революции, а если его окунуть в море революции, он не перенесет суровые испытания, трудности на пути продвижения вперед.

По своим взглядам на жизнь, по своим человеческим качествам, девизу и образу жизни революционер отличается от других не только своими убеждениями, волей и непреклонностью. Существенно то, что он, как никто другой, одухотворен грандиозными идеалами и надеждами, и что он в какой бы то ни было сложной обстановке с неизменным оптимизмом глядит в будущее, когда эти идеалы и надежды станут явью. Революционные убеждения, воля и жизнеутверждение – вот три отличительных черты, обязательные для революционера, три слагаемых его идейно-духовных качества.

Как-то раз иностранные журналисты обратились ко мне с вопросом: «Вам, Президент, 80 лет, а здоровье – пятидесятилетнего. В чем секрет?» «Секрет моего долголетия, – сказал я, – в том, что живу оптимизмом». Услышав это, все они зааплодировали. Подобно тому, как биологический возраст человека зависит от его оптимизма в подходе к жизни, так и исход и жизненность революции в любой стране зависят от революционного оптимизма, – таково мое убеждение.

Проживи с духом оптимизма хоть денек – и ты познаешь смысл человеческой жизни. Войско без боевого духа, с плохим настроением не может добиться своего сплочения, воюет не ахти как.

Революционные убеждения и воля крепнут, остаются неизменными вплоть до окончательной победы революции, если они базируются на оптимистическом взгляде на будущее.

Что значит быть революционером? Это значит вступить на путь борьбы, не страшась ни тюрьмы, ни виселицы, ни смерти. Другими словами, быть исполненным незыблемой веры в будущее, оптимизма, быть в готовности посвятить всего себя победе революции и с такой волею окунуться в дело национального, классового освобождения и освобождения человечества в целом. Мы часто говорим: «Живем по-революционному!» Жить так значит жить, как подобает революционеру. Кто является революционером? Тот, кто ради будущего без малейших колебаний встает на никем не проторенный путь. И если на том пути встретятся любые суровые испытания, он одолеет их благодаря своему духу оптимизма. Революционер, наконец, это тот, кто, не колеблясь, идет в огонь и в воду с высоким сознанием того, что на стезе борьбы за партию и вождя, за Родину и народ и жизнь твоя, и даже смерть покроют тебя славой.

Вот, по-моему, чем объясняется то, что жизнь истинного революционера столь бесценна и плодотворна.

Что же касается тех, кто покинул наши ряды, то все эти люди, без исключения, были пессимистами, утратившими веру в будущее. Это были люди слабовольные, слабохарактерные. Когда революция шла на подъем, они под влиянием царившей атмосферы, по воле случая включились в ряды революционеров. Но потом, когда нагромождались трудности и ухудшалась ситуация, они оказались перевертышами, восклицая: «Что же это такое! Черт возьми! Какая еще революция? Жить бы мне в покое – и все».

40-е годы... То было время, когда в наших отрядах дороже всего ценились революционная романтика и оптимизм. Они стали мерилом, определяющим цену каждого бойца и его вер-

ность делу революции. Бойцы, уверенные в нашей победе, вместе со мной до конца шли дорогой революции, а те, кто сомневался, что мы победим, ушли из нашего отряда, бросив дело революции на полпути.

Революционный оптимизм не рождается сам собой. Он обеспечивается только ценой непрерывного воспитания, неустанной идейной закалки. Оптимистически смотреть в будущее, когда противник силен, когда трудно сказать определенно о сроках победы революции, – это, скажу прямо, дано не каждому. Это дело не из легких, и потому нужны постоянное идеологическое воспитание, идейная закалка. КНРА стала могучей армией, несгибаемой в любых свирепых бурях и штормах, именно потому, что мы с самого начала прилагали большие усилия к идеологическому воспитанию ее бойцов.

Мы постоянно воспитывали партизан в духе безграничной преданности делу революции, непреклонной борьбы, революционного оптимизма, правоты нашего дела и твердой веры в его победу.

Всегда, когда позволяло время, я старался воспитывать у бойцов оптимизм. «Будет страна независимой, – говорил я им, – давайте пойдем в Пхеньян, попробуем там уху из кефали, отведаем *куксу* в холодном бульоне. Затем поднимемся на сопку Моран, полюбуемся с нее видом на реку Тэдон!» «Замечательная идея! Скорее приблизим тот день!» – говорили они и крепко сжимали кулаки. Бойцы с новым приливом сил и энергии смело шли в бой.

В первомайский праздник 1940 года, когда праздничные лакомства нам заменили «блюда» из лягушек, я вселил в сердца партизан революционный оптимизм и искру твердой веры в победу.

Вечером того дня мы все, расположившись у костра, делились друг с другом думами и мыслями, не замечая, как летит время. Рассказ следовал за рассказом – о революции, об Отчизне, о родителях, братьях и сестрах в родном краю, о победном завтра. Проводили веселое время.

Я говорил боевым друзьям: «Товарищи! Пусть мы сегодня отметили первомайский праздник кушаньем из лягушек. Но в

будущем, после разгрома японского империализма, отпразднуем в Пхеньяне возрождение Родины блюдами из кефали реки Тэдон! Враги лезут из кожи вон, чтобы одолеть нас, но мы никогда не покоримся им, не сдадимся. Пусть каждый из нас с твердой верой в завтра, высоко неся достоинство корейской нации, с законной гордостью корейского коммуниста еще решительнее ведет борьбу за разгром агрессоров – японских империалистов, за освобождение Родины!»

На лицах бойцов отсветы от костра. В каждом играет бодрость, жизнерадостность. У всех лица просветлены верой в победу. Весь их облик говорит о твердой решимости одолеть все трудности силой своего оптимизма и смелостью, во что бы то ни стало вернуть себе потерянную Родину...

А если бы в тот день я сокрушался по поводу нагрянувших трудностей и, сложа руки, сидел, вперив взор в горизонт, если бы я, накормив бойцов кушаньем из лягушек, сказал им: «Ну что ж, ребята, теперь утолили голод, и все – по палаткам!», то настроение в отряде не стало бы столь веселым и бодрым. Многие бойцы, пожалуй, не смогли бы сомкнуть глаз с тяжелой думой: «Сегодня, слава богу, нам помогли лягушки, а что будем есть завтра?»

Но дело обстояло совершенно иначе: когда был дан приказ ловить лягушек к праздничному обеду, все мои боевые друзья с одобрительными возгласами, засучив рукава, взялись за дело. Когда же я всю ночь напролет рассказывал у костра о перспективах революции, они, до глубины души тронутые моими словами, не отходили от меня. На лице своего Командующего они читали твердую веру в победу революции, стойкую волю – такую, которую не сломить никакими испытаниями.

«Ты, враг, цепко, как клещ, следуешь за нами, не давая нам ни есть, ни спать, ни отдохнуть. Но знай, враг, что КНРА ни за что не покорится, не уступит», – так я думал тогда.

Вот почему мы говорим, что главное – это духовное состояние командира. Когда у командира воля крепка, и у его солдат будет то же самое. Когда командир наделен твердыми убеждениями – и у его солдат непоколебимы убеждения и воля. Таков закон жизни. Солдатская романтика зависит от

убеждений командира. То же самое и с народными массами: их оптимизм определяется убеждениями и волею руководителя. Вот почему в трудную минуту люди всматриваются в лица командиров.

Раз я говорю: «Мы победим», партизаны верят, что победят. Я улыбаюсь – они тут же думают: перспективы революции светлые. Если я ужу рыбу или напеваю себе под нос песенку, они уже делают вывод: в следующей боевой операции победим.

Не только я, но и все другие командиры воспитывали бойцов в духе оптимизма. Чвэ Ген Хва и Кан Дон и в походном строю чаще беседовали с бойцами, вселяя в них веру в победу.

Немаловажным средством воспитания бойцов в духе твердых убеждений и оптимизма были литература и искусство. Без культурного досуга, исполненного революционного пафоса, нельзя представить себе жизнь антияпонских партизан. Без революционных песен и танцев не было победоносного пути, пройденного КНРА.

Товарищ Ким Чен Ир был прав, когда говорил, что корейская революция началась с песни, продвигалась вперед под ее звуки и победила вместе с песней. Такой революции, как корейская, столь тесно увязанной с песнями, проведенной вместе с ними, пожалуй, не найдешь в мире.

Сама революция – это своего рода торжественно-величавая симфония, исток песенной мелодии. Революции без песен быть не может. Можно ли представить историю развития международного рабочего движения без «Интернационала»?

Именно она, песня, во время похода в Северную Маньчжурию сблизила нас с массой людей, которые чурались нас. Китайцев, сторонившихся нас, притягивала любимая ими «Песня о Су Ву».

И на мой жизненный путь в немалой степени оказала влияние песня. Если моя жизнь началась с «Колыбельной»[1], то моя революционная борьба, можно сказать, взяла старт с «Песни о реке Амнок»[2]. Эту песню я пел, переправляясь через реку Амнок у Пхопхена. Пел песню с решимостью сделать родную страну независимой. И впоследствии каждый раз, когда я пел эту песню, в памяти всплывала клятва, данная на реке

Амнок, и я с удвоенной, утроенной энергией продолжал свой боевой путь.

В годы ученичества в средней школе я уже сам писал слова для песен, сочинял музыку. Так родились «Песня о Корее»[3], «Песня об антияпонской войне» и «Песня о Программе ЛВР из десяти пунктов». В трудный момент я пел песни и черпал в них силу. Бывало, мы оставались без продовольствия, и нам приходилось только пить воду. И песня помогала в этот трудный момент. Между тем и я рос, и революция шагала вперед.

Слушая песню, забывал про голод. При истощении сил звучание песни вливало в сердце живую струю.

... Это было в дни Трудного похода. Бойцы комендантского подразделения, зарывшись в сугробы, от усталости были не в силах подняться. При всем старании они не могли двигать ни руками, ни ногами. Сказывались голодные дни, крайнее измождение и истощение сил. Положение было столь критическое, что и я почти не мог двигаться. Я подполз к тем, кто лежал в снегу, как мумия, и начал тихо напевать «Песню о красном знамени». Услышав эту мелодию, бойцы собрались с духом, вставали со снега. Вскоре мы продолжили поход.

Одно время полчища врагов блокировали Чэчанцзыский партизанский район. Много людей там умерло голодной смертью. Жителей Чэчанцзы, находившихся на грани жизни и смерти из-за острейшего недостатка продовольствия и непрекращающихся карательных операций противника, подняла на решительный бой именно революционная песня, которую пели члены Детского отряда.

В те дни, в отличие от нынешних, у нас не было профессиональных художественных коллективов, не было и профессионалов-авторов и артистов. Антияпонские партизаны сами сочиняли стихи и музыку для песен. И из-под их пера вышло множество замечательных революционных произведений, таких, как «Партизанский марш», а также пьес, опер и танцевальных номеров революционного содержания.

В партизанских районах мы, как и в годы молодежно-ученического движения, часто устраивали художественные пред-

ставления. После ликвидации партизанских районов, когда мы, маневрируя в обширных зонах, крупными отрядами вели боевые действия, эмоционально-культурная жизнь у нас прочно вошла в быт. С художественной самодеятельностью выступали и в горах, и в населенных пунктах.

Когда выступали самодеятельные артисты, мы ставили неподалеку пулеметы для прикрытия. Это давало возможность спокойно продолжать представление и при нападении противника.

Представления устраивались и в праздничные дни, и после крупных боев, и при пополнении части большим числом новобранцев. Где бы и с какими бы номерами мы ни выступали, у нас, в конечном счете, была одна цель: вооружить армию и народ стойким революционным духом – «Пусть умрем тысячу раз, но уничтожим врага!», воспитать людей непреклонными борцами за революцию.

Сообразно поставленной цели мы придавали и известиям о представлениях жизнеутверждающий дух.

Однажды бойцы 2-й роты 7-го полка спустились в поселок Таоцюаньли, где организовали совместно с его жителями самодеятельные выступления в форме массовых развлечений. Заранее повесили объявление: «Слет улыбки хо-хо!» В нем, в частности, говорилось: «Имеем честь известить вас о проведении Слета улыбки хо-хо! Заранее благодарим за участие». Объявление собрало столько зрителей, что они не умещались во дворе сельского дома. «Слет улыбки хо-хо!» – какое остроумное, шутливое выражение! И даже перед объявлением на лицах зрителей заиграла улыбка.

Самодеятельные артисты – антияпонские партизаны выступали не только в радостные дни. И в скорбь, и в печаль они поднимали настроение массовыми играми и художественной самодеятельностью.

После того, как погибли О Чжун Хыб и Кан Хын Сок, мы два раза подряд провели большие самодеятельные художественные выступления. Бойцы и командиры нашей части, кажется, раньше никогда не сокрушались так, как после смерти этих двоих. Вечером того дня, когда похоронили О Чжун Хыба, на

бивуаке бойцам подали на ужин вареный рис с поджаренной соленой скумбрией, но никто из них не мог взять в руки ложку. Уже после освобождения страны у Ким Чен Сук при одном виде скумбрии от нахлынувших воспоминаний о погибшем товарище на глаза наворачивались слезы. Можете представить, сколь печально были настроены наши бойцы сразу после смерти О Чжун Хыба.

Поэтому мы однажды во время похода специально выделили время для массовых развлечений, чтобы скорбь и печаль, витавшие над рядами бойцов, были хоть немного развеяны благодаря песням, танцам и фокусам.

Спустя несколько дней, после налета на Цзясиньцзы, мы устроили самодеятельные представления в лесу, на берегу реки Сунгари. Ветераны революции и историки пишут, что это большое мероприятие было организовано в честь новобранцев. Однако, по правде говоря, дело было не только в этом. Преследовалась и другая цель: стряхнуть глубокую скорбь и чувство потери после смерти О Чжун Хыба и создать в наших рядах нормальную атмосферу.

То было великолепное зрелище. Импровизированная сцена была сделана из срубленного тополя, занавес – из полотнищ партизанских палаток. Сцена из замерзших деревянных досок была скользкой и ее покрыли шерстяным одеялом. Перед представлением повесили афишу с программой. Чего там только не было! Хор, сольное пение, танцы, фокусы, ансамбль игры на губной гармошке и так далее. Занавес открывали и закрывали с звуком свистка.

После ужина на концерт собрались все – и новобранцы, и бывалые партизаны, и рабочие – добровольные носильщики партизанской ноши.

Вспоминается, как Ким Чен Сук пела в тот вечер «Песню об эмансипации женщин», как она исполняла танец. Хореографические номера сопровождались исполнением песен за сценой.

С интересом смотрелись и интермедии в перерывах.

Подражание дикторской речи из немого кинофильма до того тронуло зрителей, что у них на глазах сверкали слезы. С этим

номером выступали двое бойцов, один из которых был очень высокого роста, вступил в партизанский отряд в Диянси, другой – в Яньцзи.

Захватывающий интерес вызвало у публики и выступление комика. Его номер – «Шаманский обряд по Пэбэньи». Фамилию исполнителя, к сожалению, не помню.

Один из китайских бойцов продемонстрировал танец на жердочке, с которым и в наши дни выступают циркачи в антрактах. Это тоже был действительно оригинальный номер. Кстати сказать, тот боец в каждом походе в лесу шел по жерди и, замыкая колонну, заметал следы.

В репертуар концерта вошли и фокусы Чо До Она, и вокальный номер новобранцев, которые со своими корейскими скрипками *хогун* придали исполнению своеобразную окраску.

Последним номером стала одноактная пьеса из партизанской жизни. Ее написал я, урывками работая над его созданием во время похода.

Представление в тот вечер длилось четыре или пять часов, но зрители не скучали. После концерта многие местные жители записались добровольцами в наш отряд.

Вот какой огромной силой воздействия обладают литература и искусство в воспитании людей в духе оптимизма! Об этом убедительно свидетельствуют самодеятельные художественные выступления в период революционной борьбы против японских захватчиков.

Революция совершается не только силой идей, воли и дисциплины. Свои истоки она берет не только из заряда идей, воли, морального долга, но и из романтики, из эмоций и чувств. Вне мира конкретных чувств любви к родному краю, где ты родился и рос, без любви к родителям, жене и детям патриотизм не рождается. Наивно думать, что без любви к своему коллективу, без духа самоотверженного служения ему можно такую глубокую идею, как коммунизм, воспринимать как вечную истину.

Весь процесс антияпонской революции свидетельствует: именно партизаны, люди, исполненные оптимизма, обладатели богатейшего багажа эмоций и чувств, могут быть творцами ярких подвигов, которые помнят Родина и народ, – теми, кто до конца остается

верным своему руководителю и его идеям и кто посвящает всего себя его делу с незыблемой верой в победу революции.

Вспомним, что сказал Пак Киль Сон в последние минуты своей жизни. «Родина! Я горжусь тобой!.. Коммунизм – это молодость мира,.. это колыбель, светлое будущее Отчизны... Это мы знаем так хорошо, что я умираю с улыбкой!» – сказал он.

Что восклицала перед своей смертью Чвэ Хи Сук, лишенная двух глаз на вражеских пытках? Она сказала: «Вижу победу революции! Вижу день, когда наш народ с возгласами «Ура!» узнает о своем освобождении!»

А теперь о партизанке Ли Ге Сун. Арестованной женщине, закованной в кандалы, японские палачи твердили: «Хоть одно словечко покаяния скажи и ты будешь жива. Мало того – будешь жить всегда на широкую ногу». Она ответила: «Сволочи! Слушать вас надоело. Неужели вы еще не поняли корейских коммунистов?» Поднявшись на место казни, она воскликнула: «Не за горами день возрождения Родины!»

Ветераны революции, погибшие в борьбе против японских империалистов, все без исключения были оптимистами, отличавшимися неизменной верой в победу революции и зарядом богатейших эмоций и чувств.

Революционер смотрит в будущее глазами оптимиста. Он больше дорожит завтрашним днем, чем сегодняшним. Это тот борец, в чьем сердце кипит кровь, который ради того завтрашнего дня готов в цветущие годы без малейшего колебания отдать все, даже жизнь.

Сегодня я здесь особенно серьезно рассказываю вам, товарищи, о революционном оптимизме потому, что сейчас как никогда насущно его требует международная жизнь и действительность нашей страны.

После поражения социализма в ряде стран империалисты поднимают шумиху о санкциях против нас, и вследствие этого ныне наш народ переживает серьезные затруднения во многих сферах жизни. Все области – и политика, и военное дело, и экономика, и культура – столкнулись с серьезным вызовом. Они не находятся в состоянии войны, но, можно сказать, пере-

живают еще более напряженную ситуацию конфронтации.

Однако подобное трудное положение не может продолжаться бесконечно долго – сто, двести лет. Наши затруднения временные и они рано или поздно непременно будут преодолены – таков закон жизни.

Все вы, товарищи, должны с оптимистическим взглядом в будущее, проявляя дух опоры на собственные силы и самоотверженной борьбы с трудностями, как можно скорее устранить сегодняшние трудные моменты и продолжать победное шествие Родины.

Суть оптимизма наших дней составляет твердое убеждение: раз есть представители нового поколения революции, такие, как товарищ Ким Чен Ир, – мы победим! Он стоит у руля революции, и мы можем спокойно и с оптимизмом смотреть в будущее.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть: товарищи, верьте только товарищу Ким Чен Иру – и все дела пойдут на лад. В его руках – будущее Кореи, судьба XXI века. Это докажет история!

3. Информация от Коминтерна

В годы революционной борьбы против японского империализма товарищ Ким Ир Сен, с одной стороны, руководил корейской революцией с самостоятельных позиций, а с другой – прилагал огромные усилия для укрепления солидарности с международными революционными силами.

На рубеже 30-х и 40-х годов процесс углубления связей с Коминтерном и Советским Союзом привел к дальнейшему расширению сферы корейской революции в международном плане, к перерастанию корейско-китайского совместного сопротивления империалистической Японии в борьбу на новой, более высокой стадии, охватывающей Корею, Китай и Советский Союз. Об этом историческом периоде товарищ Ким Ир Сен вспоминал так.

Прерванные несколько лет назад связи с Коминтерном были возобновлены нами в 1939 году. Это было время, когда мы готовились к предстоящему обходному маневру крупными отрядами, и у нас все переоделись в новые ватники.

Главные силы КНРА находились тогда в Хуалацзыском тайном лагере в уезде Аньту. Полным ходом шла военно-политическая подготовка бойцов.

Однажды Ким Ир – он только что вернулся в лагерь с операции, проведенной небольшим отрядом, – доставил в Ставку троих арестованных, одетых в китайские *дабушаньцзы* черного цвета. «Возвращаясь с задания, – доложил он, – захватили этих людей. Наряд их и поведение очень странные. Они не выглядят крестьянами из горной глуши. Не знаю, не японские ли это агенты». У арестованных обнаружили пистолеты, котелки и поджаренные бобы. Я побеседовал со всеми тремя.

Узнав, что наша часть принадлежит ко 2-й войсковой группе и что я Ким Ир Сен, они, наконец, удостоверили свои личности как связных Коминтерна и показали мне коробку спичек. Судя по тому, что спички были необычайно длинными, можно было понять, что изготовлены они не в Маньчжурии и не в Корее. Сделаны они были в Советском Союзе. Однако в то время никто из нас не знал, что спички эти – советского производства.

И мы потребовали от незнакомцев других доказательств,

чтобы надежнее уточнить их личности. И тут они показали нам маленький перочинный ножик. Его мы в свое время дали Вэй Чжэнминю, когда он отправился в Коминтерн, в качестве условного опознавательного предмета для контакта. Много воды утекло, за эти годы мы прошли огонь, воду и медные трубы, но память мне не изменила – я помнил этот перочинный ножик! Вручая его Вэй Чжэнминю, я сказал: «Будете в Москве – оставьте его в Коминтерне, он станет «паролем» при контакте. Наша просьба: пусть Коминтерн не забудет, отправляя к нам своих связных, дать им этот ножик. Это поможет нам удостоверить их личность».

Только по этому ножику мы смогли, наконец, признать, что трое, которых отряд Ким Ира принял было за японских агентов, – связные из Коминтерна. По какому делу они пришли – тема другая. А нам было радостно, что Коминтерн не забыл нас и даже послал к нам своих связных.

Вот так возобновилась нить связей с Коминтерном, прерванная после Наньхутоуского совещания. Нас вдохновляло то, что Коминтерн послал к нам своих связных как раз в то время, когда мы вели подготовку к новым операциям перед решительной битвой с крупными силами противника численностью более чем в 200 тысяч человек.

По словам связных, вначале их было шестеро. Они прошли длинный путь, разыскивая нас. В дороге трое из них заболели и вернулись домой. Среди них был и кореец. И вот теперь их осталось только трое.

Коминтерн, не зная точно нашего местонахождения, просто дал гонцам указание общего характера: идти в сторону Яньцзи и искать часть Ким Ир Сена. И им пришлось наугад разыскивать нас. Прошло много дней, и посланцы испытывали немалые трудности. При отправке из Советского Союза они взяли с собой схему-карту, но она не помогла им напасть на наши следы. Это было понятно: наш отряд постоянно маневрировал.

К тому же местное население относилось к ним с подозрением, и они уже хотели было отказаться от поиска нас и вернуться в Советский Союз. К счастью, в поселке Саньдаогоу

уезда Аньту какой-то местный житель намекнул им – идите в сторону Хуалацзы. Так они, наконец, попали к нам.

Когда трое ночевали в лесном шалаше, нагрянула и беда – произошел пожар. В огне обгорела одежда. Кончилось и продовольствие. Лишь поджаренные бобы спасали их от голода. И связные решили: если и в Хуалацзы не удастся встретиться с нами, то придется вернуться обратно, не выполнив задания. «С первого дня, когда мы ступили на маньчжурскую землю, – говорили они, – у нас было такое ощущение, что мы экипаж потерпевшего крушение корабля в открытом океане». Таким трудным и просто безнадежным оказался путь этих людей.

Я велел выдать троим связным новую военную форму и снабдить их комплектом предметов первой необходимости. Переодевшись в новую одежду, подкрепившись едой, они спокойно отдохнули в палатке для Ставки. Такого удовольствия они давно не испытывали.

О том, что в конце 28 года чучхе (1939) Коминтерн послал своих связных товарищу Ким Ир Сену и в 1-ю армию Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии, в документах японского ведомства говорится:

«... 11 октября 6 года кандэ (1939), когда банда Ким Ир Сена находилась в тайге Чжэньфэн на северо-западе от Саньдаогоу уезда Хэлун, к Ким Ир Сену пришли и провели с ним серьезную беседу восемь русских, одетых в форму коммунистических бандитов и вооруженных пистолетами. Их сопровождали двое корейцев-переводчиков. Кроме ведущих командиров, к ним никого не подпустили. Они оставались примерно десять дней, а затем ушли, взяв с собой двенадцать физически слабых человек из бандитской группы Ким Ир Сена. Говорят, что те русские пришли в качестве связных из Советского Союза... Подробности неизвестны, но кажется, что они пришли прямо из Советского Союза с важнейшей миссией – наладить связь» (Доклад Киути, консула в Хуньчуне, 26 июля 15 года сёва (1940).

«Следующий вопрос – о руководящей линии, касающейся руководства партии. В декабре прошлого года (1939) из Советского Союза были посланы четверо связных прямо в 1-ю армию. О содержании и цели этого пока еще ничего не известно. Ясно только одно: подобный факт недвусмысленно изложен в письме Вэй Чжэнминя к Ян Цзинюю, перехваченном 22 января этого года (1940) в Фусуне. Очевидно, что их путь – из Дуньхуа в Дапучайхэ, затем через Лянцзянкоу...» («О действиях 1-й армии ОСВАА», «Ежемесячные идеологические ведомости», № 77, уголовное управление Министерства юстиции, ноябрь 15 года сёва (1940).

Информация, полученная нами в то время от Коминтерна, была краткой. Стояли два вопроса. Первый – о приглашении

представителей КНРА и 1-й армии на совещание партизанских командиров Маньчжурии, созываемое Коминтерном. Второй – не воздержаться ли на некоторое время антияпонским партизанским частям на Северо-Востоке Китая от действий крупными отрядами?

К тому времени в Коминтерне и Советском Союзе анализировали возможные направления развития антияпонского партизанского движения на Северо-Востоке под новым углом зрения. Что касается положения в самих объединенных антияпонских войсках в конце 30-х годов, то там наблюдалась некоторая неслаженность. Между командованиями 2-й и 3-й армий, действовавших в Северной Маньчжурии и в восточно-гиринском районе, имели место определенные разногласия по некоторым аспектам, связанным, в частности, с руководством войсками и их совместными действиями.

Для устранения этих разногласий работники Коминтерна провели в Советском Союзе необходимое обсуждение с представителями 2-й и 3-й армий. В ходе долгих дискуссий они, по-видимому, думали так: поскольку представители объединенных антияпонских войск Северной Маньчжурии и восточно-гиринского района собрались вместе, хорошо бы пригласить на обсуждение и представителей КНРА и 1-й армии Южной Маньчжурии, посоветоваться в более широком составе с тем, чтобы не только разработать необходимые меры для подъема антияпонской революции во всех районах Северо-Востока Китая, но и увязать партизанское движение в Маньчжурии с советской политикой на Дальнем Востоке.

О деталях подобных проблем нам связные Коминтерна, конечно, не рассказывали. Но такой вывод был вполне возможен, судя по анализу военно-политического климата на Дальнем Востоке и ряда проводимых в то время Советским Союзом и Коминтерном политических решений.

Однако ни я, ни Ян Цзинюй, ни Вэй Чжэнминь не могли покинуть районы партизанских действий. Буквально на носу были крупные карательные операции противника. И если бы мы, оставив свои части, отправились в Советский Союз, это имело бы серьезные последствия для новых боевых операций, да и просто

отрицательно повлияло бы на моральный настрой бойцов.

Рекомендацию Коминтерна относительно воздержания от действий большими отрядами тоже нельзя было принимать, хорошенько не обдумав. Что такое прекратить действия крупными отрядами? Не будет ли это означать, что в конце концов мы просто побежим врассыпную? И этот вопрос надо было проанализировать всерьез.

Я подробно разъяснил связным нашу позицию по двум поставленным Коминтерном вопросам. Затем, помню, одного из них направил к Вэй Чжэнминю. Его проводником был связной Ставки с паролем «Манган».

Связные Коминтерна покинули Хуалацзыский тайный лагерь. Мы попросили их взять с собой наши материалы – фотоснимки и другие, рассказывающие о действиях КНРА. Хранить их в Советском Союзе было бы безопасно, и нам было бы легче. Вся посылка уместилась в одном вещевом мешке. И фотографию, снятую в Вудаогоуском тайном лагере уезда Линьцзян, где я был запечатлен в очках, мы тоже послали.

Возвращаясь в Советский Союз, связные, насколько мне известно, попали, к несчастью, в лапы молодчиков отряда самообороны. Случилось это при переходе железной дороги на территории уезда Хэлун. Так что те документы и фотоснимки не дошли до Коминтерна. Все они попали в руки противника. Судя по тому, что наши фотоснимки приводились в документах японских ведомств, ясно, что тех связных Коминтерна при возвращении в Советский Союз постигла беда.

Среди них был китаец по имени Нин. В письме Вэй Чжэнминя в Коминтерн говорится, что Нин был ранен в стычке с противником.

Мнение Вэй Чжэнминя относительно двух требований Коминтерна совпадало с нашей позицией.

Наши связи с Коминтерном сложились в самом начале 30-х годов. И в первой половине этих годов наши контакты с Коминтерном, можно сказать, сравнительно неплохо налаживались.

Однако с начала 1936 года – кстати, к тому времени Вэй Чжэнминь был направлен в Москву для устранения разногласий по вопросу антиминсэндановской борьбы[4], не полностью

ликвидированных на Яоингоуском совещании[5], – по осень 1939 года почти не было связи между нами и Коминтерном. И мы не посылали своих людей в Коминтерн, и оттуда к нам никто не приезжал.

В тот период мы, откровенно говоря, и не нуждались в обращении к Коминтерну. Мы думали: вопрос о важнейшей линии, связанной с судьбой нашей революции, справедливо решен, так что нам достаточно продолжать ее, следуя курсом, намеченным на Наньхутоуском совещании.

Мы, взяв на вооружение четкую линию, продвигались по пути революции и, оседлав горные массивы Пэкту, перенесли вооруженную борьбу внутрь Кореи. Всю линию действий и политику разрабатывать самостоятельно и претворять их в жизнь с революционным духом опоры на собственные силы – такова была наша неизменная позиция, подход к делу. Во многом у нас ощущалась нехватка, трудностей было немало. Но коммунисты Кореи все затруднения преодолели своими силами. Мы не протягивали зря руку за чужой помощью, не выпрашивали у других ничего.

За нашими плечами – исторические традиции и опыт. Мы еще с периода революционной борьбы против японского империализма твердо придерживались в революции самостоятельной линии. И потому ныне мы остаемся такими же, какими были раньше, – наша партия, нация и страна отличаются в мире своей самостоятельностью и поэтому они сильны.

Мир знает немало стран, где шли партизанские войны за изгнание интервентов. Многие страны вели современные войны своими регулярными вооруженными силами. Однако трудно найти прецедент, когда вооруженное сопротивление велось в таких труднейших условиях, как в нашей стране. Мы часто говорим: сражались мы добрых пятнадцать лет, не имея ни обеспеченного государственного тыла, без помощи регулярной армии. И это не преувеличение. Это действительные трудности корейской революции, какими они были.

Нам известно, как во время второй мировой войны смело сражались югославские партизаны. И в Югославии история партизанской борьбы насчитывает несколько лет, так как эта

страна была оккупирована немецкими войсками в апреле 1941 года. К тому времени, когда И. Б. Тито начал партизанскую борьбу, в Югославии было еще немало остатков регулярных войск.

Кроме того, югославские партизаны получали большую помощь от советских людей. По воспоминаниям Г. К. Жукова, СССР предоставил этой стране сотни тысяч единиц одного только легкого оружия, скажем, винтовок и пулеметов. Партизаны Югославии, говорят, получали из СССР немало и тяжелого оружия – пушек, танков и так далее.

И антияпонскую войну китайского народа можно объяснить в том же ключе.

В руках Чан Кайши имелось многомиллионное войско. Неправда, что эти громадные контингенты использовались только против коммунистов. Факт, что они подняли знамя антияпонской борьбы, хотя это выглядело пассивно и неопределенно. Факт также, что они вступили в стычки с японскими войсками. И если чанкайшистская армия хоть немного сдерживала натиск японских войск, то это надо рассматривать как поддержку партизанской войны китайского народа со стороны регулярных войск. Надо признать, что само выражение «сотрудничество Гоминьдана и Компартии в Китае» означает совместное сопротивление Японии.

В нашей же стране регулярная армия прекратила свое существование еще в 1907 году. Вооруженную борьбу мы начали, более двадцати лет спустя после этого. Тогда от регулярных войск не осталось, как у нас говорят, даже «пней».

Страна погибла, и нечего было говорить о каком-то государственном тыле.

Имелось, правда, немного оружия, которое использовали Армия справедливости и Армия независимости. Но все оно было устаревшего образца, покрыто ржавчиной, негодно для стрельбы. Каждая винтовка стоила нам жизни.

Если вспоминать все трудности, которые мы переживали в дни вооруженной борьбы, все невзгоды и лишения, пережитые нашими партизанами в горах около десяти лет, то рассказам, честное слово, не будет конца.

Несмотря на все это, мы не обращались к другим за помощью. Что же касается Коминтерна, то он, как я уже не раз говорил, уделял большое внимание процессу революции в таких крупных странах, как Китай и Индия, а корейской революции – не очень. Дело в том, что некоторые лица, сидевшие в Коминтерне, были склонны видеть в корейской революции придаток китайской или японской.

И когда речь заходила о революции в Китае, они больше интересовались революционной борьбой во Внутреннем Китае, а на революционный процесс на Северо-Востоке Китая, можно сказать, смотрели сквозь пальцы. Всему миру известен случай, когда Коминтерн направил Бородина и Блюхера в качестве советников Гоминьдана. Для помощи компартии были направлены Войтинский, Марин, Отто Браун и так далее.

А для помощи революции на Северо-Востоке Китая ни одного советника не было послано. И если ей и была оказана какая-то помощь, то внимание уделялось только 2-й или 3-й армии. Можно сказать, что они практически не поворачивались лицом к КНРА и 1-й армии в Южной Маньчжурии, которые сражались вдали от советско-маньчжурской границы.

О пренебрежительном отношении Коминтерна к революции на Северо-Востоке Китая убедительно говорит и тот факт, что командиры из Маньчжурии, обученные в Советском Союзе, были направлены в большинстве случаев не на Северо-Восток, а во Внутренний Китай. Так, начальник штаба 2-го корпуса Северо-Восточной народно-революционной армии Лю Ханьсин и Ли Цзинпу из 5-го корпуса, которые вместе с нами вели общую борьбу в партизанских районах Цзяньдао, после подготовки в Советском Союзе не смогли вернуться в «свои» районы и были направлены в Яньань. Только после поражения империалистической Японии они возвратились на Северо-Восток Китая.

В исторических документах японских авторов говорится, будто революция на Северо-Востоке Китая развернулась при помощи Советского Союза и Коминтерна. Но это, я бы сказал, не более чем неоправданное предположение, не соответствующее фактам.

Одно время японская пропаганда пустила утку, будто я, пройдя обучение в коммунистическом университете в Москве, летом 1938 года вместе с отборной воинской частью проник из Советского Союза в Маньчжурию. Если взглянуть на некоторые документы японских ведомств, то там говорится, что я довольно долгое время обучал в Советском Союзе своих подчиненных и получал от СССР помощь, а затем вернулся в Маньчжурию. И еще: будто я вернулся в Маньчжурию после инцидента на Чжангуфэне[6] и проявляю в Дунбяньдао, как они говорили, безрассудную храбрость.

Цель пропагандистской машины состояла в том, чтобы изображать нас в качестве фигур, действующих по наущению и под руководством Советского Союза или каких-то других внешних сил, и тем самым умалить и, наконец, свести на нет наше влияние на народ внутри Кореи.

По правде говоря, мы к тому времени почти ничем не были обязаны СССР или Коминтерну. Когда я был в Ванцине, в Советский Союз было послано письмо с просьбой построить у нас завод по производству ручных гранат. Однако мы даже не получили на него ответа. И тогда мы сами стали готовить самодельные гранаты, которые у нас назывались «енгирскими бомбами», и использовали их.

Да, Коминтерн, по всей вероятности, относился к революционному процессу на Северо-Востоке Китая и в Корее равнодушно и хладнокровно. И напрашивается вопрос: что побудило его к 1939 году предпринять такие необычные шаги, как посылка к нам своих связных и приглашение в Советский Союз?

На этот счет можно предположить, что подобные перемены вытекали из военно-политической ситуации в Советском Союзе, который считал японскую агрессию против СССР вполне вероятной. Инцидент в районе озера Хасан и инцидент на реке Халхин-Гол еще раз убедительно показали Советскому Союзу территориальные претензии и разбойничью природу империалистической Японии. СССР отчетливо предвидел вероятность «похода на север», который она могла начать в любой подходящий момент. И Советский Союз вместе с

Коминтерном очень старался предпринять соответствующие ответные меры.

При этом Коминтерн придавал особо важное значение поиску таких союзников, которые могли бы на флангах Советского Союза и в тылу противника силой оружия поддерживать СССР и пойти на военно-политическую коалицию с ним. Тех, кто помог бы оружием Советскому Союзу, на Востоке, кроме КНРА и ОСВАА, было не найти. Рассматривая антияпонские вооруженные силы на Северо-Востоке Китая как один из флангов советской Дальневосточной армии, как силы ее второго эшелона, Коминтерн намеревался использовать их в случае войны в качестве отдельно действующего отряда в рамках дальневосточных вооруженных сил Советского Союза. По этому поводу одинаковую с Коминтерном позицию занял и СССР.

В первой половине 30-х годов советские люди почти не обращали внимания на само существование антияпонского движения на Северо-Востоке Китая. Только во время событий в районе озера Хасан и на реке Халхин-Гол они, наконец, увидели, какие мощные ударные операции проводят в тылу противника КНРА и ОСВАА, поддерживая Советский Союз. Именно тогда они, по-видимому, поняли, что маньчжурские партизаны – это отнюдь не такая уж малая сила. С той поры они старались развивать связи с нами во многих направлениях.

В ногу с СССР шел и Коминтерн. Вести все дела, руководствуясь интересами защиты Страны Советов, – такова была основная задача и в то же время неизменная политика Коминтерна.

Однако это не значит, что взгляды на антияпонские силы на Северо-Востоке Китая у Коминтерна и советского военного ведомства на Дальнем Востоке с самого начала полностью совпадали. В отношении маньчжурских партизан Коминтерн считал, что до наступления военного времени следует сделать главный упор на сохранение имеющихся сил. Советское военное командование на Дальнем Востоке стояло на иной позиции. Поскольку весь Китай оказался уже в состоянии военного положения и жертвы неизбежны, то, считало оно, следует предпринять мощные военные акции с тем, чтобы

вооруженные силы Японии не смогли продвинуться во Внутренний Китай.

Так или иначе, но остается фактом, что Коминтерн заметнее, чем раньше, поворачивался лицом к антияпонскому движению на Северо-Востоке и пригласил нас в Советский Союз для обсуждения важнейших тактико-стратегических вопросов. Это знаменовало собой поворот в его политике, достойный нашего внимания. Такая ситуация стала возможной благодаря тому, что мы выросли в мощную силу, которая могла бы силой оружия поддерживать Советский Союз, действуя в тылу противника.

Однако в то время мы воздержались от принятия предложений Коминтерна – не прекращали действий крупными силами и не поехали в СССР. Наоборот, прочно обосновавшись в Маньчжурии, мы по установленному самими расписанию решительно предприняли запланированный ранее обходный маневр большими отрядами, что привело к полному срыву готовившегося вражеского наступления.

Его победоносный результат позволил нам не с пассивных, а с самых активных позиций разработать новый боевой курс. И если бы к тому времени мы, приняв предложения Коминтерна, поехали в Хабаровск или немедленно перешли на действия небольшими отрядами, то не сумели бы провести такие крупные боевые операции, как обходный маневр крупными отрядами.

Осенью 29 года чучхе (1940) товарищ Ким Ир Сен опять получил от Коминтерна приглашение на созываемое им совещание. Посланники Коминтерна, пройдя через порог смерти, прибыли к нему. О тех днях товарищ Ким Ир Сен вспоминал следующее.

Новую информацию от Коминтерна я получил в середине октября 1940 года. К тому времени все части и подразделения КНРА, руководствуясь курсом, намеченным на Сяохаэрбалинском совещании, уже повсюду развертывали действия небольшими отрядами.

У нас побывали двое связных, присланных Коминтерном. Направил их к нам, по их словам, генерал Люшенко из командования советских дальневосточных войск, который поручил

им передать нам от имени Коминтерна просьбу присутствовать на совещании, созываемом Коминтерном в декабре в Хабаровске. Вместе с тем они привезли директиву Коминтерна: всем антияпонским вооруженным формированиям в Маньчжурии перейти от действий крупными отрядами на действия небольшими отрядами и скорее переместиться в Советский Союз для создания базы на Дальнем Востоке и приведения в порядок, перегруппировки сил.

Входя в командование дальневосточных войск, Люшенко ведал мероприятиями, организуемыми Коминтерном. Позже я встретился с ним в Хабаровске. «Видать, не так уж легко схватить вас за руку, товарищ Ким Ир Сен!» – сказал он, встретившись со мной. Генерал рассказал во всех подробностях историю направления небольших отрядов и групп для установления связи с нами. Это был страстным человеком, большой силы воли, способным уже с первого свидания своей духовной силой завладеть душой и мыслями собеседника.

Обычно он выступал под псевдонимом «Ван Синлинь». Главным образом занимался работой по установлению связей между нами и Коминтерном или Советским Союзом.

По сообщениям связных, совещание партизанских командиров Маньчжурии, запланированное Коминтерном в начале 1940 года в Хабаровске, проходило при участии лишь представителей партизан Северной Маньчжурии и восточногиринского района, в отсутствие делегатов КНРА и 1-й армии.

Однако Коминтерн все же не хотел отказаться от запланированного дела. Он намеревался во что бы то ни стало созвать совещание командиров всех антияпонских вооруженных формирований Северо-Востока с тем, чтобы обсудить на нем направления развития антияпонского движения на Северо-Востоке и заодно помочь преодолению переживаемых Советским Союзом трудностей.

Связные прибыли к нам в октябре, но Коминтерн послал известие о созыве совещания еще в сентябре 1940 года. Та информация была передана 2-й и 3-й армиям по телеграфу кодом, а нам, не имевшим радиосвязи, – через связных. В круг участников Хабаровского совещания, определенный Комин-

терном, вошли главнокомандующие, комиссары, парторги и другие командные военно-политические кадры всех армий.

О прибытии связных Коминтерна я сообщил Вэй Чжэнминю и предложил ему принять совместное решение.

– Организатор совещания – Коминтерн, – сказал он. – Все-таки придется туда поехать. Но мне сделать это не позволяет здоровье. Когда поедете в Коминтерн, прошу вас, представляя КНРА, одновременно представлять и 1-ю армию ОСВАА и Южноманьчжурский провинциальный комитет партии.

Требования Коминтерна, связанные с деятельностью малых отрядов, совпали и с уже намеченным нами на Сяохаэрбалинском совещании курсом, направленным на переход к действиям небольшими отрядами.

Военно-политическая ситуация в те дни была более суровой, чем на рубеже 1939 и 1940 годов, когда мы действовали крупными отрядами. И время не позволило нам крупными отрядами передвигаться.

Прежде всего трудно было кормить большую часть, ибо к тому времени противник уже взял под контроль все коллективные поселения. Достать горсть зерна или хлебец из кукурузной муки нам порой стоило дорого. Нам приходилось добывать продовольствие ценой крови боевых друзей.

В ту пору враги проводили кампанию так называемой «ликвидации корня зла» и вели активную идеологическую обработку жителей.

Политика врага в отношении жителей коллективных поселений в те дни по своей жестокости намного превосходила все, что мы видели раньше в Западном Цзяньдао. Все изолированно стоящие дома были сожжены и вместо них построены «вооруженные поселения». Этим противник пытался обеспечить «отрыв народа от бандитов». Был ужесточен контроль за расходованием продовольствия, материалов и боеприпасов, усилилась слежка за «связанными с бандитами» и охрана речных переправ. Арестовали нарушителей «порядка». Ничего не скажешь – жесток был и контроль за опиумом тайного производства.

Японские власти шумели об «оказании помощи бедному населению», о «работе по обеспечению народного благоденствия» и тому подобном, стремясь идеологически разложить революционно настроенные массы, всех жителей.

Наш опыт показал, что переход к действиям небольшими отрядами позволяет им приобретать продовольствие сравнительно легче, чем это удавалось крупным частям. При разработке стратегии и тактики мы не могли не учитывать этот продовольственный вопрос. Первое дело – провиант, а уж потом тактика. На голодный желудок много не навоюешь. Вместо такого сочетания, как «одежда, питание и жилье», я употребляю выражение «питание, одежда и жилье». Это, так сказать, отражает мое личное отношение к острейшей нехватке продовольствия, существовавшей в партизанские годы и пережитой мною.

Если базироваться на Дальнем Востоке и действовать небольшими отрядами, то это облегчило бы политическую работу среди населения, а также дало бы нам возможность налаживать обучение и подготовку кадров нашей части. Кроме того, мы имели бы временную и пространственную возможность в летнее время совершать военные действия, а в зимний сезон вести военно-политическую подготовку в зоне, рекомендуемой Советским Союзом. Это, можно сказать, помогло бы нам и в смысле сохранения и подготовки своих сил.

На рубеже 30-х и 40-х годов во время крупных карательных операций противника мы лишились множества руководящих работников.

Я сообщил связным Коминтерна о том, что, исходя из требований самого процесса развития антияпонской вооруженной борьбы, мы провели на перевале Сяохаэрбалин совещание, на котором наметили курс на сохранение сил и переход на действия небольшими отрядами. Не забыл и сказать, что впредь будем учитывать и рекомендацию перебраться в Советский Союз.

В условиях, когда противник всеми силами пытался разгромить нас, создание условий по времени и месту для приведения в порядок и перестройки наших рядов могло стать необходимой

мерой не только в свете существующей ситуации в вооруженной борьбе, но и для ее перспективы. Интересы сохранения и подготовки наших сил требовали соответствующей стабильной базы.

В те дни мы обращали большое внимание на сохранение сил, поскольку сами были твердо уверены в том, что день окончательной победы корейской революции не за горами.

Во второй половине 1940 года пожар второй мировой войны охватил всю территорию Европы. Каждому нетрудно было предвидеть, что вспыхнет и война между Советским Союзом и Германией. Япония, не успев закончить войну с Китаем, запланировала еще одну войну, теперь взяв на прицел юг. Если она спровоцирует новую войну против США и Великобритании, то чем закончится подобная авантюра? Ответ был довольно очевиден.

В этой ситуации наилучшим для нас выбором было избежание лобового столкновения с противником, сохранение, приумножение и укрепление своих сил. Эта наша точка зрения в основном совпадала с мнением советских людей и работников Коминтерна.

Если Советский Союз был готов создать для нас на своей территории базу для приведения в порядок и переформирования наших сил, сохранения и приумножения наших рядов и оказать нам военную и материальную помощь, то это было хорошо.

Однако я не спешил отправиться в Советский Союз. Проблема была серьезной и нужно было хорошенько подумать. Прежде всего вставал вопрос: прибыв на Дальний Восток, сколько времени оставаться? Долго или недолго? Каким способом продолжать вооруженную борьбу в случае создания базы и долгосрочного пребывания на Дальнем Востоке? Сможем ли мы свободно выходить из СССР в Корею или Маньчжурию в случае необходимости? Как руководить в дальнейшем движением внутри Кореи? Все эти вопросы требовали соответствующих решений.

Исходя из этих обстоятельств, я стремился рассмотреть и решить вопрос нашей переброски на Дальний Восток по ряду возможных вариантов. Первый вариант – оставив главные силы

на месте нынешних действий, только командиры отправятся туда и после совещания, вернувшись, продолжат борьбу на прежнем месте. Второй – отправятся в первую очередь только командиры, они будут участвовать в совещании, а затем в подходящий момент, с учетом новых условий, приведут свои части на территорию Советского Союза. Третий – по времени скоординировать вопрос участия в совещании и вопрос перехода на советскую территорию и, временно находясь там, предпринимать очередные действия.

Я рекомендовал при решении этого вопроса придерживаться принципа: даже переместившись на Дальний Восток, следует совершенствовать наши секретные опорные базы в районе гор Пэкту и на этой основе создать на территории Советского Союза новую базу. Для этого были нужны время и более глубокое изучение обстоятельств.

В общем-то мы, следуя курсу Сяохаэрбалинского совещания, планировали действовать небольшими отрядами на «своем» поприще, контролируемом нами, и провести там всю зиму. И мы ускоряли процесс подготовки к этому. Между прочим, начатое дело нельзя было бросить на полпути.

Исходя из такого анализа и изучения ситуации, я решил отложить ответ на предложение Коминтерна. С одной стороны, я поручил направленным в первую очередь в Советский Союз товарищам известить нас о конкретных обстоятельствах на месте, с другой – предложил продолжать подготовку к зиме, которая уже давно велась.

Мы дали Ли Рён Уну задание: открыть новый проход на советскую территорию и одновременно еще раз убедиться в надежности и безопасности прежнего канала.

В 3-й войсковой группе Ли Рён Ун слыл боевым командиром. Он стал командовать полком вместо Чон Дон Гю, погибшего в бою в Дашахэ – Дацзянгане в уезде Аньту в августе 1939 года. Ему было положено отправиться в Советский Союз с письмом Вэй Чжэнминя к Коминтерну. Но сделать это ему не позволило одно обстоятельство.

Ли Рён Ун, человек большого роста, выглядел намного старше своих лет. Был он немногословен и серьезен в общении. В

быту был тих и смирен, а на поле боя превращался в лихого рыцаря.

Как мне рассказывали, это было во время налета на одно из коллективных поселений в уезде Дуньхуа. Его отряд был в походе. И тут кончилось продовольствие. Было решено ударить по коллективному поселению, в которое были посланы разведчики. Они вернулись в отряд с такими данными, что в селе только трое солдат противника. Сначала пулеметному отделению предлагалось ворваться в село и уничтожить врага. Но Ли Рён Ун изменил решение. «Зачем посылать туда отделение пулеметчиков? Их всего-то трое. Беру с собой ординарца и сам разделаюсь с врагом. А когда дам сигнал – входите в село», – говорит он. Его ординарцем был Тхэ Бен Рер.

Под покровом ночи, взяв с собой этого ординарца, он проник в коллективное поселение и направился прямо в казарму. И тут видит – в комнате более 30 офицеров сели в кружок и обсуждают оперативный план. Один из них, судя по всему, старший, учивший других уму-разуму по военной карте, увидел вошедшего и вытаращил глаза.

Ординарец Тхэ Бен Рер, вошедший вслед за командиром полка, вспоминал потом этот эпизод так: «Живым вернуться просто и не думал».

Однако Ли Рён Ун, спокойно вынув маузер из кобуры, говорит: «Вы окружены. Всем поднять руки!» Тут старший офицер с отчаянным криком вдруг ухватился за оружие Ли Рён Уна. Тот нажал на курок, но ... маузер дал осечку! Ли Рён Ун так сильно дернул маузер, что японский офицер выпустил его из рук и повредил себе ладонь.

Ли Рён Ун, перезарядив маузер, пустил пулю в него и ногами свалил нескольких нападавших. В одиночку он действительно одолел противника. Несколько офицеров тут же рухнули от его пуль.

Пока разгоралась схватка, ординарец, даже не сумев сделать хоть один выстрел, окаменел у дверей. «Бен Рер! Посмотри на стену!» – раздался громкий крик комполка, и лишь тогда ординарец бросил взгляд себе за спину. Ба! На ней на вешалке висели десятки пистолетов.

Ли Рён Ун велел ординарцу снять с вешалки все пистолеты. Все оставшиеся в живых офицеры были взяты в плен. В ту ночь двое партизан взяли живыми еще и всех солдат противника, возвратившихся с карательных операций против партизан. Их было немало.

При налете на уездный центр Эму, в боях в Дашахэ – Дацзянгане и в Яоча и во многих других боевых операциях Ли Рён Ун прославился как мужественный, решительный и способный командир.

Командиру полка Ли я дал задание, по-моему, у перевала Сяохаэрбалин. Встретившись с ним и Им Чхором, я сказал Ли Рён Уну: «Открой надежный проход в Советский Союз для связи». «Не беспокойтесь, все будет сделано», – ответил он.

Когда двое наших товарищей открыли проход к советско-маньчжурской границе, с ранеными и физически слабыми в сторону Советского Союза отправились Рим Чхун Чху и Хан Ик Су. Как мы тревожились тогда за них! Но они благополучно добрались до назначенного места. Но Ли Рён Ун, наш посланник, к несчастью, в стычке с японцами погиб смертью храбрых. Он точно выполнил и задание по открытию прохода, по которому раненым удалось перебраться на советскую землю.

После этого у него осталось другое задание – самому прибыть в Советский Союз и оттуда сообщить нам об обстановке на новом месте. Выполняя задание, он продвигался к советской границе и тут обратил внимание на довольно поношенную одежду бойцов. «Такая неряшливость может дискредитировать нас, – подумал он. – Ведь мы идем в Советский Союз по поручению Ставки». И он пошел к хозяину хижины, где жили заготовители древесного угля, с которым он давно имел связи. Ему хотелось через знакомого достать новую одежду.

Однако тот человек оказался мерзавцем. Одно время он включился в революцию, но затем изменил и превратился в тайного агента противника. Он водил Ли Рён Уна за нос – обещал купить для него одежду, а затем привел к нему более ста вражеских солдат. В одиночку сразив десятки врагов, Ли Рён Ун погиб героической смертью.

Вот так были восстановлены наши связи с Коминтерном, которые перед этим несколько лет оставались прерванными.

После этого я поддерживал тесные связи с Коминтерном и прилагал усилия для укрепления уз с международными революционными силами.

4. Осень 1940-го

Я прочитал на днях статьи, посвященные истории нашей антияпонской революции, и заметил, что, несмотря на большие успехи наших историков в их исследовательской работе, в ней осталось еще немало пробелов, требующих дальнейшего освещения и углубления.

Дефицит ощущался особенно в материалах, относящихся к периоду до и после Сяохаэрбалинского совещания.

Осень 1940 года была необыкновенной. Сколько превратностей судьбы мы пережили той осенью! Всего не расскажешь даже в нескольких томах! Это было время, когда мы сделали поворот от маневра крупными отрядами к действиям малыми отрядами. Поэтому крупных боев, таких, как рейдовая операция на уездный центр Фусун или бой на Цзяньсаньфэне, тогда не было.

Все говорят, что за всю историю антияпонской революции не было более изнурительного похода, чем Трудный поход, и никогда не приходилось нам так тяжело, как в то время. Это верно. Однако и испытания, пережитые нами осенью 1940 года, можно сказать, были не менее страшными, чем во время Трудного похода. Если назвать Трудный поход испытанием, вышедшим за все пределы в отношении физических страданий, то трудности, в которых мы оказались осенью 1940 года, были еще одним новым испытанием, сопровождавшимся невероятными духовными муками.

Для преодоления как физических, так и духовных страданий человеку нужно обладать стальной волей, и этот процесс сопровождается непрерывной борьбой с самим собой. Именно это мы пережили на собственном опыте осенью 1940 года.

Согласно изменившейся боевой стратегии после Сяохаэрбалинского совещания – переориентировке с операций крупными отрядами на действия малыми отрядами – мы переформировали свой отряд – и в войсковой группе появилось много

малых отрядов.

Распределив между ними районы действий и задачи, я вместе с одним из отрядов вышел в направлении Яньцзи.

Малому отряду Ким Ира я дал тогда задание действовать в районах Ванцина и Дуннина, а малому отряду О Бэк Рёна поручил достать продовольствие на зиму в Яньцзи и Аньту.

Мы остановились в лесной глуши Фацайтуня и стали ждать там возвращения бойцов О Бэк Рёна. Прошло много дней, но вестей о них не было. И понятно: ведь то было время, когда за один кукурузный початок порой приходилось проливать кровь. Чтобы достать хотя бы килограмм зерна, надо было пробиваться в коллективные поселения, а это трудно было сделать без риска для жизни.

В том году мы все лето питались одними сваренными съедобными травами – новопильчатым соссюреном. Их было сколько угодно в горах, но сколько ни набивай пустой желудок такой «едой», мы, страдавшие от постоянного недоедания, чувствовали себя истощенными. Вот в такое-то время наши товарищи вернулись после поисков продовольствия и сообщили об одном крестьянском шалаше, который заметили в низине ущелья. Там, говорили они, живут трое корейских крестьян, возле шалаша виднелись даже довольно большие огороды, вспаханные сохой. «Возможно, – говорили они, – мы достанем хотя бы немного продовольствия с помощью этих крестьян».

Вот я и направил туда Кан Ви Рёна. Подсказал ему: работай с людьми как следует и скажи откровенно, что мы партизаны.

Кан Ви Рён попросил у них помощи, а обитатели шалаша что-то стали мяться. «За продовольствием-то нам надо будет сходить в Минюегоу, – сказали они, – а это нелегкое дело. За нами следят зоркие глаза охранников». Но, подумав, решили: «Разве можно отказаться от партизанской просьбы?» – и отправились в Минюегоу.

Получив от Кан Ви Рёна рапорт такого содержания, я приказал бойцам проявлять высокую бдительность и усилить охрану.

В тот день на партизанской кухне варили жидкую похлебку из корней горной травы – ланцетолистного кодонопсиса. Клу-

бни такого растения прокатывают валиком, а потом варят до получения однородной жижи. Если добавить в нее немного зерна, получается еда довольно даже вкусная. Кушанье, конечно, приготовлено из горной травы, но его вполне можно отнести к добротному.

В котле булькала кипящая похлебка из клубней травы, но тут прибежал стоявший на посту Сон Чжан Чхун и прокричал: «Враги! Лезут, как саранча!» Друзья побежали за ним к посту, стали просматривать окрестности. «Где враги?» – спрашивали они. Сон Чжан Чхун, указывая рукой на подошву горы, кричал: «Вот они!» Но на месте, куда он показывал, не было ничего, кроме торчавших местами пней.

Человек может обознаться, принять пни за людей, особенно после заболевания лихорадкой. А у Сона как раз всего несколько дней назад прошла именно лихорадка.

И на кухне дело пошло насмарку, пока я отчитывал командира, который поставил Сона на пост. Бойцы, возившиеся на кухне, услышав о приближении врага, тут же вылили на землю с такими хлопотами приготовленную похлебку...

Через несколько дней я получил сообщение, что хозяева шалаша, уходившие покупать продовольствие, вернулись. Ушли в Минюегоу двое, а вернулись домой с еще одним человеком. Третий – в европейском костюме – попросил встретиться со мной. Этим гостем оказался не кто иной, как Чвэ Ён Бин, бывший ротный Ванцинского партизанского отряда.
Он был сильным вояком, да и вообще редким силачом.

Как-то пришел он ко мне и излил душу: «Утомился, хочется немного отдохнуть, забыть о роте». И ему дали такую возможность, но ограниченную. «Иди, – сказал я ему, – в глухомань Сяованцина. Будешь охотиться на зверей, восстановишь здоровье, а заодно и поможешь работе местной парторганизации».

Впоследствии он навлек на себя подозрение в причастности к реакционной организации «Минсэндан». Он уехал в контролируемый врагом район, оставив жене короткое письмо, в котором писал: «Прощай, счастливо оставаться тебе с ребенком. Хотел сделать революцию, но это ведь не для того, чтобы умереть бесславной смертью, обвиненным в причастности к

«Минсэндану». Я решил уйти, так и знай. Но и теперь я по-прежнему буду бороться на стороне революции». Жена его, лишь недавно разрешившаяся от бремени, была вне себя от горя и обратилась ко мне, показав письмо мужа. Может, из-за послеродового заболевания все лицо ее было в отеках, а еле живой ребенок, казалось, вот-вот испустит дух.

«Чвэ Ён Бин, ты переметнулся на другую сторону баррикады, оставив своих родных на грани смерти и ища спасение одному себе. Какой же ты после этого на самом деле человек?» – у меня в душе клокотало возмущение. Ругал про себя этого бесчувственного, жестокого человека, но не мог подавить закрадывающуюся в душу смутную надежду – может быть, он сохранил свою верность делу революции, как писал в своем письме?

После этого мы присматривали вместо него за его женой и ребенком. Потом их – и мать, и дочь – послали в СССР в группе раненых.

И вот теперь он, Чвэ Ён Бин, покинувший нас без какого-либо сожаления, снова появился у нас спустя пять лет. И в какое время – в более трудное, чем тогда, когда бушевали свирепые вихри антиминсэндановской борьбы.

Чвэ Ён Бин поднимался в гору большими шагами. На плечах у него висел рюкзак, к которому был прикреплен котелок. Нетрудно было угадать, что жил он довольно безбедно. Видимо, оттого и выглядел чисто и аккуратно. Войдя в палатку Командующего, он воскликнул: «Сколько лет, сколько зим!» – и поспешил ко мне.

И я встретил его радостно. Пусть уйдут в прошлое неприятные воспоминания, ведь это мой бывший подчиненный командир в ванцинский период.

Встретившись со мной, он стал пространно рассказывать, как бродил в лесах, чтобы снова вступить в партизанский отряд. Я спросил: «Успел ли ты пообедать?» «Немножко подкрепился. Сварил котелок риса, здесь недалеко, под самой горой», – ответил он, выкладывая из рюкзака небольшой мешок с очищенным рисом, сушеную камбалу и даже спиртное.

Мой взгляд остановился на его рюкзаке, потом на привя-

занном к нему котелке, не тронутом копотью. Странно, подумал я, что котелок остался таким чистеньким, не закопченным у человека, который долго скитался в лесу в поисках партизанского отряда и, как он заверял нас, только что подкрепился рисовой кашей, сваренной в нем.

Теперь я уже не сомневался, что он сделался таким же негодяем, как и Ли Чжон Рак. Ведь одно время в нашей части действительно ходили слухи о предательстве Чвэ Ён Бина.

Не замечая, какими глазами смотрю я на него, Чвэ налил мне в стакан спиртного и предложил выпить ради нашей встречи. Я отказался. Вдруг его рука со стаканом вина судорожно дрогнула. Уловил, наверное, гнев в моем голосе и понял, что его спектакль разгадан.

– Говори правду. Как связался с хозяевами шалаша? С какой целью пришел сюда? – допытывался я.

Прибегать к обману было незачем. Теперь это Чвэ Ён Бину было ясно.

– Три человека в шалаше – тайные агенты. Я получил от них донесение и привел за собой три отряда карателей. Пришел сюда после того, как они окружили это ущелье, – сказал он.

Если дать сигнал – и начнется атака. Я понял, что мы попали в окружение, из которого трудно спастись.

Я испытал жгучую боль в душе не столько из-за того, что мы оказались в смертельной опасности, а сколько из-за того, что Чвэ Ён Бин стал цепным псом японских империалистов и не постеснялся появиться передо мной.

Он пытался убедить меня сдаться, добиваясь своего всеми правдами и неправдами и порой удивляя своими софистическими рассуждениями. Вот что меня особенно потрясло. А он, испытующе поглядывая на меня, тараторил: «Хорошо знаю, в каком вы, Полководец Ким, теперь трудном положении. Знаете, в Маньчжурии полно японских войск. Хватит вам биться, как рыба об лед. С вашей стороны все сделано ради своей нации. Сдайтесь. Пусть вы решитесь на это в эту минуту, никто не будет вас презирать. Все капитулировавшие благополучно устроились. Вам на должность начальника управы провинции Гирин, только спуститесь с горы».

Я не вытерпел и сказал ему с негодованием: «До чего ты, Ён Бин, дожил! Стыдись! Ты ведь вчерашний командир роты Ванцинского отряда. А мы, знаешь ли, сожалели, когда ты сбежал от нас, бросив жену с ребенком. Думали, что потеряли хорошего командира. И с какими глазами ты осмелился явиться перед нами! Бросил жену и дитя ради объятий врага. После этого есть ли у тебя совесть? Дошел до какой подлости!»

Человек, в конце концов, сам выбирает себе подобную судьбу, если только думает о себе.

Измена Чвэ Ён Бина, думаю, зарождалась еще в уединенном углу Сяованцина, когда он, отлучившись из родной роты, жил как бы в тиши, восстанавливая ослабевшее здоровье. Уже тогда в своих тайных мыслях он ставил личное благополучие выше интересов революции. Попав под подозрение в причастности к «Минсэндану», по его словам, он не хотел погибнуть безвинно и сбежал во вражеский район. Но все-таки все произошло из-за его слабой убежденности в правоте дела революции.

Как показывает пример Чвэ Ён Бина, шаг назад с пути революции ведет к закономерному результату – измене. Вот и я вбиваю постоянно бойцам в голову: «Революционеру суждено жить революцией. Кроме этого единственного, другого пути у него нет. Собьешься с этого пути – станешь реакционером, изменником, подонком. Кто сегодня бросит революцию на полпути, побоявшись идти в снег и в дождь, боясь пуль, голода, изнурительных походов по горным тропам и, наконец, тюрем и виселиц, тот сменит свой флаг сразу же, как только его посадят на скамью для пыток или напоят раза два-три водой с красным перцем».

Можно сказать, что измена в любом случае начинается с совершения проступка против совести. Таков был урок, которому учит нас происшедшее с Чвэ Ён Бином.

Было время, когда в Цзяньдао множество людей было казнено по обвинению в причастности к «Минсэндану». Часто появлялись беженцы, которые уходили из партизанского района во вражеский, как это сделал Чвэ Ён Бин. Однако большая часть революционеров, подвергшаяся несправедливым обвинениям и притеснениям, не покидала партизанский район, до конца

оставалась в революционных рядах. Почему? Потому что эти люди, хоть умри, не могли изменить своей совести. Потому что слишком хорошо знали: идти изменнику революции некуда, кроме как скатиться в пропасть контрреволюции. Как видите, революционеры считали позором, самоубийством уход от совести, от красного знамени революции. То есть считали это поступком, недостойным человека.

В партизанском районе Шэньсяньдун в роте, в которой состоял Пак Сон Чхор, была партизанка по имени Ин Сук.

Однажды Пак Сон Чхор стоял на часах, и к нему подошла партизанка и украдкой показала ему письмо. Оно было написано ее мужем, служившим ротным в одной из партизанских рот. В письме говорилось, что его автор «связан красными веревками». Это означало: арестован на основании причастности к «Минсэндану».

Пак Сон Чхор был в то время инструктором роты по делам молодежи. Если рассмотреть дело с точки зрения верного подхода к организации, было весьма похвально, что партизанка решила показать свое письмо инструктору и обсудить с ним вопрос, связанный с ее дальнейшей судьбой.

Партизанка сказала: «Раз моему мужу наклеен ярлык «минсэндановца», вряд ли меня оставят безнаказанной? Лучше бы я ушла во вражеский район, избежав незаслуженной казни...» «Чушь! Значит, откажешься от революционной борьбы? Ведь это капитулянтство, в конце концов. Разве можно пойти на такое?» – сказал инструктор. «Нет, я не убегаю от революции, от борьбы, я избегаю «Минсэндана», – не согласилась Ин Сук. «Уход из революционных рядов – это путь к контрреволюции. А какой есть другой путь, кроме этого?» – стал переубеждать ее Пак Сон Чхор.

Наконец, партизанка признала свою ошибку, поняла, что чуть не оказалась в грязной яме, куда ступить революционеру нельзя ни в коем случае. Хорошо получилось, что Пак Сон Чхор дал ей полезные советы. А если бы он сказал: «Ну, что ж, беги, спасайся от гибели». Это привело бы к большой беде.

Ин Сук, как мне стало известно, не оставила партизанский район, сохранила свое место в рядах революции и погибла ге-

ройской смертью в бою.

В роковой час, когда она встала перед дилеммой: революция или бегство, ее выбор все-таки остался за революцией, а не за бегством. Так могло случиться благодаря тому, что случившееся с ней она раскрыла инструктору по делам молодежи, не решая вопросы в одиночку, обратилась к организации за советом, а, получив его, образумилась и решительно преодолела внутренние колебания, как и подобает революционеру.

А здоровый крепкий мужчина Чвэ Ён Бин, даже и не помышляя о том, что ему могут оказать помощь товарищи по революции, оставил жене короткое письмо и как последний трус убежал вон во вражеский район. Если бы у него оставалась хоть капелька человеческой совести, он не смог бы вести себя столь трусливо – бросил жену, разродившуюся совсем недавно, и переметнулся в стан врага. Он не мог побороть личные чувства. И это решило судьбу Чвэ Ён Бина. Если человек не одолеет личные чувства, он может совершить даже невероятно крупное преступление. Кто думает только о себе, кто абсолютизирует только свои личные чувства, тот в любое время может предать революцию. Предательство в любом случае рождается из «собственного я». В чувстве «наше общее» нет и не может быть предательства.

Вот почему революционер всегда должен брать себя в руки, прилагать постоянные усилия к тому, чтобы привыкнуть к понятию «мы». В этом чистая совесть человека, решившего посвятить себя делу революции, процесс ежедневной, ежечасной работы над собой.

Тот, кто думает только о себе, никогда не станет революционером, не сможет идти по пути революции до победного конца.

Когда мы были в Наньпайцзы, к нам приехал Ли Чжон Рак, переодевшийся в форму вольнонаемного японской армии, и предложил мне сдаться, а во время Трудного похода от нас сбежал Ли Хо Рим. Предал нас и Рим Су Сан. И вот сегодня передо мной явился Чвэ Ён Бин и порол всякую чушь. Какие тяжелые переживания терзали тогда мою душу.

В чем же, впрочем, было мое горе?

В том, что и Ли Чжон Рак, и Чвэ Ён Бин были из тех, кого я оберегал и кому я доверялся. Если бы я относился к ним не очень заботливо, если бы не очень доверял им, то теперь моему сердцу не было бы так мучительно больно.

Стать командиром Корейской революционной армии непросто. Непросто быть и командиром роты антияпонского партизанского отряда. Другое дело, если предатели замкнулись в своих четырех стенках и тихо провели свои дни. А они, изменники революции, без зазрения совести, нагло, беззастенчиво припожаловали к своему вчерашнему начальнику и рассуждали о капитулянтстве. Вот что обжигало мое сердце нарастающей, жгучей болью.

Что же толкнуло их на столь же бессовестные, бесстыдные поступки?

Наверно, они считали, что крах революции очевиден и теперь можно пожаловать к своему бывшему Командующему и предложить ему капитулировать. Насколько темными были они в политической ситуации, насколько низко пали как человек!

Чвэ Ён Бина постигла такая же участь, что и Ли Чжон Рака.

... В тот день враги окружили гору, где мы находились, двойным и тройным кольцом. Везде горели костры. Но как ни изощрялся враг, перекрыть сетями все склоны горы невозможно. Обычно противник расставлял своих часовых по гребням и ущельям горы, окружая ее.

В тот день нам удалось ускользнуть, передвигаясь по поясу горы. Мы обманули врагов, заставив их стрелять друг в друга.

Пересекли большак, ведущий из Минюегоу в Аньту, потом скрылись в лесу, здесь перевели дух. Отсюда было видно, как солдаты карательного отряда толпой поднимались на гору в тупике Фацайтуня, которую мы только что покинули, как устраивали перестрелки между собой.

Партизаны же растаяли в лесной глуши.

Только непредвиденные обстоятельства затрудняли связь между нами и небольшим отрядом О Бэк Рёна.

Тупик Фацайтуня – это место, где мы договорились встретиться с О Бэк Рёном и его бойцами. Чтобы встретить связных из отряда О Бэк Рёна, кто-то должен был пойти туда, а дело это

до того было рискованным, что за него можно было заплатить жизнью.

Дело в том – и это самое главное, – что связные из группы О Бэк Рёна совсем не знали о том, что тупик Фацайтуня теперь взят врагами.

Мы послали туда Чи Бон Сона и Ким Хон Су.

После того, как мы принимали Ким Хон Су в партизанский отряд в Чанбае, друзья обзывали его некоторое время «женихом-малышом». Это был боец с сильно развитым чувством ответственности за порученное дело.

К вечеру следующего дня оба они – и Чи Бон Сон, и Ким Хон Су – встретились с вестовыми в пункте связи и благополучно возвратились к нам с письмом О Бэк Рёна.

Мы жадно слушали их леденящие сердце рассказы – как они прорвались в условленное место встретиться с вестовыми. С большим трудом они добрались туда, укрываясь от глаз врага за стволами деревьев.

До этого О Бэк Рён и его бойцы совершили налеты на коллективные поселения и добыли немного продовольствия. Большую часть добычи они прислали потом в Ставку Командования. Итак, Фацайтунь остался позади. Следующая наша стоянка – база в Хуангоулине уезда Аньту. Решили провести здесь зиму 40-го года и маневрировать небольшими отрядами.

Действуя малыми отрядами, надо было восстанавливать разрушенные революционные организации, создавать прочную основу в массах. Для этого требовалось хорошо подготовиться к зиме.

Кроме отряда О Бэк Рёна, я и другим малым отрядам дал задание припасти для зимовки различные хозяйственные товары – продовольствие, соль, ткани и другие.

Самым главным в приготовлениях к зиме была идейно-политическая подготовка. Надо было обращать особое внимание на идейное воспитание бойцов с тем, чтобы они в любых трудных обстоятельствах сохранили свои революционные убеждения. Кроме того, как никогда, требовалась строгая дисциплина, что предотвратила бы любые непредвиденные происшествия.

Но после этого в малом отряде Кан Ви Рёна произошел не-

ожиданный случай, ставший свидетельством идеологической расхлябанности. Возвращаясь из разведки, с места, где собирались создать партизанский тайный лагерь, бойцы заметили ручей, кишмя кишевший рыбой. Тут они, позабыв обо всем, начали палить по рыбе.

Выслушав рассказ об этом, я был до того ошеломлен, что у меня сердце похолодело. Недалеко от них, на седле перевала, как мне доложили, враги работали над сооружением форта. Нетрудно понять, какую беду могла повлечь за собой такая расхлябанность.

Ведь мы намеревались сделать многое за эту зиму, обосновавшись в тайном лагере. А наш план чуть не провалился из-за неосторожных выстрелов.

Из числа происшествий в те времена мне запомнилось еще одно, случившееся с волом.

Героем происшествия стал Чан Хын Рён. Это был командир отделения пулеметного взвода. Все произошло тогда, когда он, возглавив небольшую группу бойцов, отправился в район Цзяпигоу за продовольствием.

Чан Хын Рён возвратился не один, а с волом – не то с лесоразработок, не то из общества «Минхвэ», на роге которого было клеймо в виде буквы иероглифа «король». Это было волом крестьянина.

В этом была, конечно, своя причина. Направляясь в населенный пункт за продовольствием для отряда, партизаны застали в горах вола на выпасе. Они походили по лесу, разыскивая хозяина, но найти его так и не смогли. Тогда Чан Хын Рён велел бойцам привести вола в тайный лагерь, а сам остался там, где вол стоял на привязи. Думал, что когда придет хозяин, он объяснит ему все и заплатит за вола.

Долго ждал он, но хозяин вола не появился. И ему не оставалось ничего иного, как вернуться в лагерь, так и не заплатив за вола.

Позднее стало известно, что хозяин, уже направляющийся к своему волу, увидел возле него незнакомого человека с оружием, испугался и возвратился домой без вола.

Сообщение о том, что небольшой отряд Чан Хын Рёна при-

вел вола, не заплатив за него, крайне возмутило меня.

Просто не верилось, что допустил такую грубую ошибку не новичок, не разбирающийся в Уставе военной службы революционной армии, а Чан Хын Рён, давно участвующий в революции.

В 1932 году в одной из схваток с молодчиками отряда самообороны противника Чан Хын Рён потерял палец на руке – прямо в него угодила вражеская пуля. Был он тогда схвачен в плен, но убежал и вернулся в родной партизанский отряд. А товарищи некоторое время сомневались в его верности: не вернулся ли он с заданием врага?

Он прилагал огромные усилия для того, чтобы восстановить доверие товарищей. Выдержал жестокий голод в партизанском районе в Чэчанцзы, перенес и Трудный поход.

Просто было уму не постижимо, что такой человек может прихватить чужого вола тайком от хозяина.

Уже с первых дней вооруженной борьбы мы подчеркивали необходимость поддерживать хорошие отношения между армией и народом. Эта задача была четко сформулирована и в Уставе военной службы Народно-революционной армии. 1940 год был ознаменован созданием таких хороших отношений между ними. Они были столь бескорыстными, что армия вернула жителям даже те хозяйственные материалы, которые они приносили ей в фонд помощи.

Весной 1940 года в Янцаогоу был бой. И после боя сельчане принесли нам несколько кур. И мы заплатили им в десятки раз больше, чем стоили куры. Эти деньги как раз и потрясли местных крестьян. «Вы – революционная армия и создана она из сыновей и дочерей народа, ведь это правда? Разве мы можем получать от своих детей деньги за кур? То, что вы сделали, просто обижает нас», – говорили они. В ответ мы не могли ничего сказать. На проявленное народом радушие партизаны отвечали деньгами. Вполне понятно их сожаление, если посмотреть на дело с их позиции – людей, намеревавшихся сделать нам добро. «Не берете наши деньги, мы не берем ваших кур», – говорили мы. И вот деньги и куры переходили из одних рук в другие. Спор кончился, наконец, тем, что мы взяли кур, а

сельчане – деньги. Но, покидая Янцаогоу, партизаны отпустили всех кур, что взяли за деньги.

Смотрите, вот такой у нас произошел случай, причем не очень давно, а всего несколько месяцев назад. И вот Чан Хын Рён грубо попрал наши прекрасные традиции и огорчил меня своим недостойным поступком.

Бойцы обрушили на него огонь критики. Они говорили: «Ты не искупишь свою вину даже и смертью».

Сам Чан Хын Рён чистосердечно признал свою вину.

И именно благодаря этому все обошлось для него легче – мы ограничились взысканием и советом вернуть вола хозяину.

В 1941 году, когда я снова выступил в Маньчжурию с малым отрядом, Чан Хын Рён включился в небольшой отряд Ким Ира, где он воевал и где погиб.

Когда мы проводили время на базе в Хуангоулине, появился у нас дезертир.

Это был китаец Сяоцай.

В отряде он часто скучал по дому. В осенний праздник *чхусок* – день поминовения усопших, – сидя за праздничной едой – блинами со сладкой начинкой, он даже проливал слезы. Человек он был очень слабовольный. На него уже обращала внимание партийная организация, занимаясь его индивидуальным воспитанием.

Как-то раз он заболел эпидемией и мы послали его в тыловой лазарет. После этого в Ставку поступило сообщение, что Сяоцай уговаривал одну партизанку из отделения питания вернуться с ним в родной край. И партизанскую жизнь он вел недобросовестно. Дремал на дежурстве, увиливал от обязанностей часового, делая вид, будто испытывает острую боль в животе. Невозможно быть революционером поневоле.

Сяоцай, несмотря на нашу искренность, в конце концов сбежал. Дело было в том, как он повел себя после своего бегства. Оставив свой отряд, он набросился на нас, ведя за собой карательные отряды.

Большая часть наших людей тогда ушла на задания с малыми отрядами, а в лагере остались только я и несколько ординарцев.

Скоро мы перенесли место Ставки в лесную глушь Мыншаньцуня.

Сюда возвращались один за другим небольшие отряды и группы, выполнив свои задания.

Бойцы отряда О Бэк Рёна запасли несколько сотен мешков зерна и спрятали их в надежном месте. Купили кукурузу на корню, собрали початки, уложили их в мешки и хранили их тайком в глубоком лесу километрах в двадцати от Фуэрхэ, построив там хранилище.

Как раз к этому времени мы получили извещение Коминтерна о совещании военных командиров Кореи, Китая и Советского Союза, которое будет созвано в СССР. Как я говорил об этом раньше, получив тогда сообщение Коминтерна, я предложил первым делом послать передовую группу с заданием узнать подробно о положении там, а также велел закончить необходимую подготовку для зимовки на земле Северо-Востока, как это было намечено нашим курсом.

А тут пришла весть, что все наши продовольственные запасы попали в руки неприятеля. Доложили, что из-за предательства командира полка Би место хранения продовольствия было обнаружено врагом. Изменником был тот вчерашний «последыш Би», ради спасения которого Ким Мен Хва так хлопотала в лесу Дуньхуа. Назывался он командиром полка, но не выдержал испытания и скатился в болото измены.

Узнав место хранения нашего продовольствия, враги зажгли огонь в горах, нагнали людей для разграбления хранилища, очистили его дотла. Результаты нашего многомесячного труда исчезли в одночасье.

Однако я не дрогнул перед трудностями, вставшими перед нами. Они, конечно, были для нас серьезными, но преодолевали мы такие уже не раз и не два.

Лишения на плоскогорье под Лоцзыгоу, двукратные экспедиции в Северную Маньчжурию и поход в Фусун, сопровождавшиеся неимоверными трудностями. А каким был наш Трудный поход с его невзгодами!

Однако все эти испытания мы перенесли. И невыносимую простуду, и смертельный голод, и страшное, как ночная тьма,

отчаяние. Претерпевая скорбь и жгучую боль в душе, горе огромных утрат, мы каждый раз поднимались на ноги.

Было это возможно лишь благодаря тому, что в любых обстоятельствах все мы сохраняли веру в победу революции, ни на минуту не забывали о своей миссии, сохраняли чувство ответственности перед Родиной и нацией, свято берегли совесть революционера.

«Переживем во что бы то ни стало и этот трудный час и сделаем мощный рывок в революции. Ладно! Время покажет, кто будет победителем!» – такая мысль властвовала тогда во мне в Мыншаньцуне. Как правильнее назвать эти мои чувства? То ли это было сознание своей миссии свершить революцию, то ли твердая решимость?.. Каждый раз я стоял лицом к лицу с целым нагромождением трудностей, и каждый раз во мне зарождалась удивительная смелость, сердце загоралось неодолимой страстью, чувством ответственности за революцию.

Где был выход из трудностей?

Он был в форсированном походе. А форсированный поход нуждался в идейной мобилизации, которая придала бы людям веру и отвагу.

Исходя из такой необходимости, я созвал в Мыншаньцуне совещание.

Я сказал бойцам откровенно: «Наше положение становится все жестче и тяжелее. Каждый из нас уверен, что наше революционное дело принесет свои плоды и страна будет независимой, но когда именно это произойдет – никто не знает. Лет десять мы боролись, подвергаясь всяким лишениям и невзгодам, и долго ли нам еще суждено жить таким же образом – пять или десять лет – никто это не может точно сказать. Ясно только одно: окончательная победа непременно будет за нами. На этом пути, разумеется, нам придется пережить уйму трудностей. Может быть, они в несколько раз страшнее, чем уже пережитые нами, порой даже в десятки раз. Так что если кто-то из вас не уверен в себе, не верит, что сможет до конца следовать за нами и продолжить революцию, тот пусть вернется домой. Желающий идти домой получит деньги на дорогу и продовольствие. И никто не спросит с него за то, что бросил

революцию на полпути. Что поделаешь, если человек оставляет отряд из-за слабости и неуверенности. Кто хочет, пусть идет. Но только не забудьте проститься...»

Не успел я закончить, как бойцы почти одновременно бросились ко мне, цеплялись за руки, и на глазах у многих были слезы. «Полководец, пусть мы не доживем до победы революции, нам это не будет обидно. Дело не в жизни и смерти. Только бы вместе с вами, Полководец. Дано человеку жить не так долго. Но лучше умереть здесь, стоя, чем изменить своим товарищам и жить на коленях перед врагом, спустившись с горы в его стан. Мы готовы разделять с вами и жизнь и смерть». Их слова растрогали меня до слез. Они вселяли в мою душу великую силу и мужество. Никакая красивая речь не могла бы найти такой отзыв у людей, как эти слова моих бойцов в тот день.

Наша клятва того дня была клятвой не осквернить кровь, пролитую нами на длинном пути антияпонской революции.

Совещание, открывшееся в глухом уголке Мыншаньцуня, еще раз продемонстрировало неразрывную кровную связь между Командующим и бойцами, монолитное единство и сплоченность руководителя и масс. Через это совещание партизаны еще глубже осознали, что главнейший ключ к спасению антияпонской вооруженной борьбы в критический момент заключается именно в том, чтобы каждый ее участник дорожил революционной совестью, всегда разделял с Командующим общую судьбу.

После совещания мы были еще более уверены в том, что революционеры Кореи непременно одержат победу, если будут стойко бороться, неизменно хранят революционные убеждения и волю.

И вот в это время мы получили весточку от товарищей, направленных до этого на советский Дальний Восток. Речь шла о том, что Коминтерн еще раз просит меня, Вэй Чжэнминя и других представителей КНРА и 1-й армии ОСВАА в ближайшее время вступить на территорию СССР и участвовать в совещании военных командиров трех стран – Кореи, Китая и Советского Союза, которое будет созвано в Хабаровске, и что он готов принять действующие ныне на Северо-Востоке Китая партизанские отряды, если они все

вместе прибудут в пределы СССР.

Коминтерн предложил нам прибыть на Дальний Восток, остаться там на зимовку, а уж потом обсудить направления нашей дальнейшей деятельности в соответствии с конкретными условиями.

Учтя то, что цель созыва Коминтерном совещания ясна и, насколько нам было известно, туда уже прибыли другие командиры ОСВАА, я решил отправиться в СССР на совещание и взять при этом с собой некоторых товарищей из главной части.

Но и это нам далось не так уж легко, как на словах. Мысль о том, что мы еще больше удаляемся от своей родной страны, родной земли и снова покидаем, хотя и ненадолго, места, связанные со своими ратными подвигами, огорчала наших бойцов. Таковы были их общие настроения.

На собрании командиров было решено двигаться в СССР. Я сообщил бойцам об этом решении. Некоторые из них, однако, высказывали другое мнение. Коминтерн, говорили они, созвал важное собрание и приглашает на него Командующего. Пусть туда отправятся Полководец и несколько товарищей, остальные же пусть продолжат борьбу здесь.

Конечно, можно было подумать и о таком варианте.

Но я считал, что самое оптимальное решение вопроса в данной ситуации – передвинуться на Дальний Восток вместе со своим отрядом. И я стал переубеждать бойцов. «Мы пойдем на Дальний Восток не для того, чтобы уклониться от революции и обрести покой, и тем более не для того, чтобы остаться там навсегда. Мое решение – присутствовать на нынешнем коминтерновском совещании, поскольку мы пропустили такое же в прошлом году. Там мы обсудим с Коминтерном и советскими властями перспективы корейской революции в более широком диапазоне. Это, может быть, нам поможет. Но нам неизвестно, насколько затянется это совещание. Поэтому я решил привести вас туда, вместе с собой. Не могу оставить вас здесь, где недостаточно заготовлено необходимого на зиму. Давайте отправимся в СССР, чтобы там перезимовать, а весной снова вернуться на наш театр боевых действий».

Позднее, окидывая мысленным взором ту суровую осень

1940 года, я думал, что как командир я принял тогда правильное и своевременное решение.

Подготовились мы к переходу на Дальний Восток и отбыли из глухомани Чэчанцзы к концу октября.

Перед уходом я не забыл послать связного к Вэй Чжэминю и О Бэк Рёну. Болезнь свалила их в постель и идти на Дальний Восток они не могли.

Как мне стало известно позднее, О Бэк Рён, не дождавшись моего связного, рыскал потом по всему уезду Аньту в поисках наших следов. И когда он добрался до лесов Чэчанцзы, нас там уже не было. Он нашел зарытые нами в землю продовольствие и зимнюю одежду. Это его потрясло. Ведь это мы, обуреваемые думами об О Бэк Рёне и его бойцах, перед уходом на Дальний Восток зарыли в землю два мешка очищенного риса и несколько десятков комплектов ватников. И эти вещи спасли их из кризисной ситуации.

А потом вслед за нами перешел на Дальний Восток и малый отряд О Бэк Рёна.

Нас довольно измотал путь на Дальний Восток. Днем скрывались в лесах, шли только ночью, избегая вражеских кордонов. От этого наш маршрут стал более изнурительным и длительным. Хорошо, что мы хотя бы до Лаотоугоу добрались одним броском.

Потом мы держали путь в сторону Байцаогоу и вдруг столкнулись с карательным отрядом. Мы гуськом, один за другим, спускались с горы, а снизу навстречу нам поднимались враги. Мы повернули обратно и бежали вверх по горному гребню.

Тогда чуть не попала в беду Ким Чен Сук. Собравшаяся в поход с большим грузом, она не поспевала за другими товарищами.

Когда мы прошли через гребень, я осмотрел бойцов, и среди них не оказалось Ким Чен Сук. Я повернулся и помчался вспять через гребень и посмотрел вниз, туда, откуда враги преследовали нас. Ким Чен Сук под тяжестью огромного вещмешка еле волочила ноги. Враги следовали за ней, крича: «Взять живым!»

Я застрелил их из маузера. Прибежали бойцы комен-

дантского подразделения и прикрыли Ким Чен Сук пулеметным огнем. Так мы спасли Ким Чен Сук.

Нам удалось сбить врага со следа и мы остановились на ночлег под Хаматаном. В тот день передвижений врага было так много, что до сумерек мы пролежали за деревней в бороздах поля, засеянного чумизой. Голод утоляли капустой и редькой, посаженными кем-то в бороздах, но от пронизывающего холода укрыться никак не могли. Зажгли свечи, еле-еле обогревавшие окоченевшие руки.

От Хуньчуня нас провожали два корейских крестьянина. Когда подошли к советско-маньчжурской границе, они сказали: «Видите впереди гору? За ней – уже Советский Союз». Мы перевалили через гору и нашим глазам открылся безбрежный пустырь, где не было никаких опознавательных знаков. Где кончается Маньчжурия и где начинается советская земля – было непонятно.

Я велел Ли Ду Ику влезть на высокое дерево, посмотреть, в какую сторону течет река, где есть жилища. Еще сызмальства он славился умением лазать на деревья. Взлез он на самую макушку, затем сполз вниз и сказал, что не увидел ни реки, ни жилищ.

Мы прошли дальше, держа курс на восток, и вдруг заметили в лесу телефонные провода. Были там и изоляторы – по виду они отличались от китайских и корейских. Это подсказало нам, что мы уже на территории Советского Союза. Но надо было еще раз убедиться в этом, чтобы потом решить, что делать.

В ту ночь мы опять послали на разведку несколько товарищей. Остальные расположились на отдых. Прошло немало времени, и вдруг на востоке разразилась пулеметная трескотня. Скоро вернулись из разведки наши товарищи и доложили: «Мы наткнулись на какой-то небольшой сторожевой пост. Ощупываем рукой стаканы и чайник, но тут нас обнаружили часовые и чуть не случилась беда. Там стаканы и чайник – такие большие и неуклюжие. Это, очевидно, советский пограничный пост». «Какое расстояние, примерно, до сторожевого поста?» – спросил я. «Около четырех километров», – отвечали они.

Всю ночь советские пограничники вели огонь из пулемета,

как бы угрожая нарушителям границы. Наши разведчики, видимо, сильно напугали их.

На следующий день я послал Ли ЫЛь Сора и Кан Ви Рёна на пограничный пост, чтобы они привели к нам советских пограничников.

Вот таким образом мы оказались с советскими людьми лицом к лицу, но испытывали при этом досаду, совсем не понимая друг друга. Я повторял им одно и то же: «Мы корейские партизаны, а я – их командир Ким Ир Сен». К счастью, они, похоже, поняли «партизан» и «Ким Ир Сен».

Наш путь на Дальний Восток оказался вот таким негладким.

В пределы Советского Союза мы вступили, конечно, с ведома Коминтерна, но конкретный маршрут прохода и время не были известны пограничникам и это доставило нам лишние хлопоты.

После вступления в пределы СССР мы на несколько дней задержались в связи с эпидемиологическим контролем.

Целыми днями бойцы попусту проводили время в комнате и ужасно скучали. Иные целый день пели песни. Революционные песни были спеты все до единой. Кончились их запасы, и теперь они стали петь даже то, что когда-то очень давно услышали мимоходом. Это было интересное зрелище.

В общем-то наши товарищи знали очень много песень.

Я зашел к ним в комнату и попросил их не слишком мучиться от скуки. «Вы, наверно, обиделись, что уже несколько дней нас задерживают на границе, – говорил я. – Но не думайте, что советские товарищи плохо принимают нас. У каждой страны – свои правила перехода границы. Согласно установленному порядку въезда в страну и выезда из нее ведется и необходимое установление личности. А цель санитарной инспекции – обнаружение бациллоносителя. В последнее время центр по исследованию бактериологического оружия Квантунской армии в Маньчжурии распространил заразную болезнь на советский Дальний Восток. И, говорят, даже принято соответствующее постановление советского правительства – вести тщательную проверку людей при въезде в страну. Перед нами много дел и много трудностей. Наша революция отныне встретит новую обстановку. Недалек и день освобождения

страны. Уже сейчас мы должны духовно подготовиться к этому. Давайте же стойко бороться до дня освобождения Родины, громко распевая революционные песни».

После этого советские люди повели нас в Посьет.

На пограничной заставе я встретился с Ким Сын Бином, служившим переводчиком в отряде Хон Бом До. Он и выступил в роли переводчика на наших встречах с советскими людьми. Он хорошо знал Чэчанцзы.

Видя, как нарядно одетые советские женщины ходили по улицам, наши партизанки задумались: когда же и корейские женщины смогут носить такую же одежду и свободно ходить по улицам, размахивая руками. Они прослезились.

Итак, осень 1940 года была суровой, каждый день ее сопровождался трудностями и испытаниями. Несмотря на их нагромождение, мы уцелели, остались живы только благодаря тому, что смело пробивались сквозь полосу трудностей, не сгибаясь ни на каких свирепых ветрах, и бережно сохраняли свои революционные убеждения.

Пусть наш путь вперед тяжел и опасен, но мы никогда с него не сворачивали. Неизменно шли только прямо, вперед, устремляясь к единственной цели – освобождению Родины. И на этом пути к освобожденной Отчизне любые испытания мы преодолевали безропотно и охотно.

Можно сказать, что революционер и испытания – фатальные спутники. Это объясняется тем, что революционеры – это люди, живущие преобразованием старого и созданием нового, и их каждодневная жизнь неизбежно сопряжена с лишениями и невзгодами. Кто боится испытаний, убегает от них, тот уже перестал быть революционером.

Осень 1940 года... И теперь я не могу забыть эту позднюю осень. Перед глазами так живо встает природа Цзяньдао, где мы в те поздние осенние дни засыпали, укрывшись для тепла сухими листьями.

На советском Дальнем Востоке, где не было ни выстрелов, ни смерти, мы чувствовали себя, как в сказочном мире. Но впереди нас ждали немалые новые трудности. До дня освобождения Родины осталось еще целых пять лет.

5. Воспоминания о Вэй Чжэнмине

При жизни товарищ Ким Ир Сен не раз вспоминал о главном военно-политическом работнике ОСВАА Вэй Чжэнмине.

Его воспоминания говорят нам о многом – о необычайной дружбе между товарищем Ким Ир Сеном и Вэй Чжэнминем, о человеческом облике Вэй Чжэнминя как революционера, о том, как он трагически умер, что беспокоило его в последние минуты жизни, чего он желал.

Мое первое знакомство с Вэй Чжэнминем состоялось, когда он в качестве посланника Маньчжурского провинциального комитета партии принял участие в Дахуанвэйском совещании[7] в Цзяньдао. С той поры мы неизменно делили друг с другом пламенные чувства дружбы в борьбе против японского империализма.

Вэй Чжэнминь был профессиональным революционером. С юношеских лет он шел дорогой сопротивления империалистической Японии, дорогой патриотизма. Учился в военном училище в Аньяне, выходил на антияпонские демонстрации в годы обучения в Пекине.

Его деятельность как революционера, можно сказать, вступила в новую стадию после того, как он перенес поприще борьбы в Маньчжурию в связи с инцидентом 18 сентября. В Маньчжурии он сначала остановился в окрестностях Харбина. Там он был секретарем парткома.

Внешностью он напоминал институтского профессора. Был человеком не военного типа, а ученого. Он был, по моему мнению, человеком размышлений. Если бы не революция, то он мог бы посвятить всю жизнь научному поиску или литературной деятельности.

Как человек он отличался простотой, общительностью, проникновенностью, чувством достоинства, скромностью и открытой душой.

В архиве Коминтерна хранится «Характеристика комсостава партизанских

отрядов в Маньчжурии», в которой о Вэй Чжэнмине говорится:

«Вэй Чжэнминь.

Заместитель командира южной группы, член КПК, секретарь Южно-маньчжурского партийного комитета...

Политически зрелый командир.

По откликам партизан, человек высокого авторитета. Биографических данных не имеется.

Отрицательных данных о нем разведывательное управление и МВД не имеют».

Вэй Чжэнминь был китайским революционером, но он поддерживал корейских революционеров, переживал немало мук за корейскую революцию. Каким серьезным было совещание в Дахуанвэе! Если бы на нем он в качестве партийного посланника вел себя с какой-то предвзятостью, то мы оказались бы в весьма неблагоприятном положении. А он прислушивался к моим замечаниям, одобрял и принимал во внимание то, что было нужно. После Яоингоуского совещания он даже уехал в Москву в штаб-квартиру Коминтерна, чтобы получить там заключение по выдвинутым нами вопросам. Его обращение к Коминтерну стало хорошей помощью делу корейской революции.

И сейчас в моей памяти сохранился тот день, когда он прибыл в Наньхутоу, буквально перешагнув порог смерти. От нахлынувшей радости мы обнялись друг с другом и потерлись щека о щеку.

Вэй Чжэнминь проинформировал нас о мнении Коминтерна, что мои утверждения, суть которых в том, что корейские революционеры должны поднять в своей борьбе знамя корейской революции, не противоречат интернационализму и что справедливы и мои слова о левацкой направленности прошедшей борьбы против «Минсэндана». Он передал такое заключение Коминтерна: коммунисты Кореи, имея свою национальную корейскую армию, должны бороться внутри Кореи и в прилегающих к реке Амнок районах. Передав мне это, Вэй Чжэнминь обнял меня за плечи. Я же думал, что не забуду его огромные усилия, отданные корейской революции.

В ходе совещания в Наньхутоу дружба между нами стала во много крат глубже. Проведя вместе около полумесяца, мы легко находили общий язык. В то время я стал еще глубже понимать

его.

На совещании в Михуньчжэне он поддерживал наше мнение о переформировании части, а впоследствии горячо приветствовал и создание Лиги возрождения Родины.

С того времени, насколько мне известно, он старался овладеть корейским языком с думой: «Для совместной борьбы с корейскими товарищами нужно полное взаимопонимание». Он очень любил бойцов-корейцев. Все это было выражением его интернациональной поддержки и помощи корейской революции.

Мы в свою очередь делали для него все. Недаром поговорка гласит: «Каков привет, таков и ответ».

Его ранило под Фуэрхэ. Это было сразу же после совещания в Михуньчжэне, когда он вместе с нами направлялся в сторону горы Пэкту. У нас тогда имелось несколько трофейных коней. Для него мы выбрали из них одного, самого хорошего. На том коне он вместе с нами добрался до Мааньшаня.

Я велел Пак Ен Суну организовать медпункт в Дацзяньчане, чтобы лечить Вэй Чжэнминя.

После этого он поехал к Ян Цзинюю, чтобы передать ему директиву Коминтерна о Жэхэском походе. Затем приехал ко мне, когда мы передвинулись в Западное Цзяньдао и завершали строительство Пэктусанского тайного лагеря.

И вот я вижу Вэй Чжэнминя, приехавшего из Южной Маньчжурии. О его здоровье нечего было и говорить. Были у него серьезные недуги – больные сердце и желудок. В общем-то физически он был слаб, но характер был такой, что не жалел себя в любом деле – и ясно, что здоровье его не могло не ухудшиться.

Как-то раз был случай, когда он, раньше других бойцов взбираясь на горы и преодолевая перевал, потерял сознание. Это был приступ сердечной болезни. Мы говорили ему: «Все-таки вам надо лечиться». А он каждый раз с улыбкой отказывался: «Болезнь организма не страшна, а вот болезни идеологической – боюсь».

Я поручил Пак Ен Суну и Кан Ви Рёну на стороне Хэншаня соорудить легкую постройку вроде домика отдыха, где бы

остановился Вэй Чжэнминь. Тайный лагерь в Хэйсяцзыгоу, что в переднем краю, был непригоден для лечения и отдыха таких физически слабых людей, как он.

Некоторое время Вэй Чжэнминь посвятил лечению и отдыху в Хэншаньском тайном лагере. Я послал Кан Ви Рёна и Ким Ун Сина в Чанбай за искусственной кровью речной черепашки и другими лекарствами, питательными продуктами, которые помогли бы выздоровлению Вэй Чжэнминя. Мои друзья, собрав 200 с лишним *юаней,* купили для него и искусственной крови черепашки, и очищенного риса, и пшеничной муки, консервов, молока и блинов. Особенно любил Взй Чжэнминь мучные блюда.

В том году новогодний праздник по лунному календарю я провел вместе с Вэй Чжэнминем в Хэншаньском тайном лагере. Пак Ен Сун проделал отверстия в донышке консервной банки, из которых выдавливались длинные нити корейской лапши – *куксу*. И мы вместе с Вэй Чжэнминем в тот праздник наслаждались *куксу,* приготовленной из картофельного крахмала, опрокинули и несколько стаканчиков горькой.

Вместе с нами отметил праздник Цянь Юнлинь, командир 8-го полка. Удивительным было его кулинарное искусство! Он принес с собой ножи разного назначения – и для мяса, и для овощей, стал готовить разнообразные закуски. Я с интересом наблюдал, как он разрезает мясо мелко и тонко, словно ниточки, кладет кусочки на тарелки и умело и быстро приправляет – золотые были у него руки!

Когда Вэй Чжэнминь просил бойцов, мы не отказывали ему. И Хван Чжон Хэ, и Пэк Хак Рима, моих любимцев, которых я в общем-то оберегал, посылал к нему, когда он просил, называя их имена.

Что касается Хван Чжон Хэ, то он был таким умелым бойцом, что мог бы справиться с обязанностями ротного, а может быть, даже полкового командира. Все дела у него шли хорошо. К тому же он был отлично знал и китайский язык. И самым подходящим он был и для работы с массами.

Пэк Хак Рим, мой ординарец, много лет был рядом со мной. Был добросовестным, скромным, не жалел себя в деле. И куда бы я ни отправлялся, всегда брал его с собой.

Был он со мной и во время рейда на Почхонбо. У берега речки Карим под тополем я руководил боем, а Пэк Хак Рим – весь в бегах: передает мои приказы.

Так же было и во время боя на Цзяньсаньфэне. Когда бойцы 4-й дивизии под командой Чвэ Хена попали в кольцо вражеского окружения, для помощи им я приказал 7-му полку и комендантской роте атаковать врага. Тот приказ передал Пэк Хак Рим.

Как-то раз он попросил направить его в боевую часть, хотя бы на некоторое время. И я отправил его в один из полков. Позже спросил его: «Ну, как у тебя дела идут в боевой части?» «Дух-то боевой, – отвечает он. – Но вдали от вас, товарищ Командующий, просто не могу жить! Прошу взять меня ординарцем». И я опять взял его в Ставку.

Вместе с нами он участвовал и в Трудном походе. Он был одним из тех, кто в то время делил со мной последнюю чашку толокна.

Когда отношения между начальством и подчиненными столь тесны, они, как правило, оберегают и любят друг друга больше, чем родственники. Передать такого человека в чужие руки и мне, собственно, было от души жаль. Но я стряхнул сожаление и направил его к Вэй Чжэнминю, страдающему от тяжелой болезни, по его просьбе.

Известие о смерти Ян Цзинюя больше всех поразило Вэй Чжэнминя. Насколько мне известно, он так горевал, что совсем ничего не ел.

Он, командуя 1-й армией вместо погибшего Ян Цзинюя, воевал на славу.

Осенью того года его второй раз ранило в бою. Беда, как говорится, не приходит одна. Раненого мучила и болезнь легких. Он больше не мог вести за собой отряд.

Убив Ян Цзинюя, японские империалисты повесили голову мертвого на улице и включили машину пропаганды. Все отряды объединенных антияпонских войск в Южной Маньчжурии, говорили они, «уничтожены». И трубили, что рано или поздно антияпонской вооруженной борьбе на Северо-Востоке Китая придет конец.

В те дни на долю ОСВАА, прямо скажу, выпали суровые

испытания, связанные как с внутренними, так и с внешними обстоятельствами, – все ужесточающиеся, карательные операции японских войск, непрерывное появление в ее рядах изменников и колеблющихся. Бывший одно время комбригом Фан Чжэньшэн почти в одно время с гибелью Ян Цзинюя был арестован врагами и совершил измену. Кроме того, связи 1-й армии в Южной Маньчжурии с массами заметно ослабли.

Ситуация не могла не потрясти Вэй Чжэнминя, комиссара 1-й армии и секретаря Южноманьчжурского провинциального комитета партии. Он считал, что в его работе есть пробелы, серьезные ошибки, исправление которых не терпит отлагательства.

Вэй Чжэнминь был таким командиром и политработником, который предъявляет высокие требования к себе и умеет скромно перенимать опыт и достоинства других. Он обратился ко мне со словами: «После ликвидации партизанских районов корейские товарищи приложили большие усилия для организационно-партийного строительства, создания массовых организаций в обширных районах Восточной Маньчжурии, Кореи и Западного Цзяньдао. Хотелось бы послушать о вашем опыте».

Да, когда мы действовали в партизанских районах, во всех уездах Цзяньдао всеми делами занимались революционные организации. Дети шести-семи лет с дубинками на поясе шумной гурьбой ходили, рекламируя вывески Детского отряда. Женщины, освободившись от уз феодализма, объединились в свои организации. Организации мобилизовали местных людей, которые вместе с армией вдохновенно шли в бои, занимались земледелием, установили народно-революционные правительства.

Южноманьчжурские же отряды, покинув партизанские районы, знали только одни военные действия, считая работу в массах второстепенным делом. Переместив плотно населявших партизанские края людей в контролируемую врагом зону, потом почти не заботились о них, не стремились и создать себе новую опору в массах. Само собой разумеется, что связи с народом были оборваны.

В этих отрядах усугублялась тенденция к одним военным действиям особенно во время Жэхэского похода. Сторонники

их взглядов пытаются решить все вопросы только военными действиями и военным противоборством.

Да, вооруженная борьба необходима, но нельзя считать, что войска – все и вся в военном деле. Не будь народных масс, которые оказывают войскам поддержку и помощь и пополняют их людскими ресурсами, не будь базы в массах – партизанскую борьбу нельзя было бы развернуть.

В первые дни создания партизанского отряда у нас были единицы оружия, да и наши силы были незначительными. Но мы без колебаний поднялись на войну против японского империализма. С твердой волей, с верой в победу в борьбе мы устремились на поле брани против империалистической Японии. Военные силы нашего партизанского отряда, честно говоря, вообще не шли в сравнение с военным потенциалом Японии, опиравшимся на большую экономическую силу.

А если так, то во что же мы верили, начиная войну против Японии? Мы хотели победить японских империалистов идейно-политическим, моральным, тактическим превосходством, зиждущимся на верном взгляде на народные массы.

Безрассудство Жэхэского похода состояло в том, что его инициаторы не учли состояние связей с народом и тактические возможности. И, находясь в плену субъективистских намерений, они покинули прежние районы боевых действий, попытались пойти на прямое противоборство с японскими войсками.

После ликвидации партизанских районов на Наньхутоуском и Дунганском совещаниях мы приняли решения: создать партию, организацию единого фронта, перестроить комсомол в Антияпонский союз молодежи, расширить вооруженную борьбу как в бассейне реки Амнок, так и непосредственно в Корее. Обосновавшись в районе гор Пэкту, мы создали организации ЛВР и быстро покрыли их сетью обширные районы Кореи. Мы поступали так потому, что работе с народными массами, которые могли бы оказывать армии поддержку, придавалось огромное значение.

Эти организации оказывали большую помощь КНРА. Враги, уповая на коллективные поселения и тому подобное, возводили земляные крепостные стены между населением и партизанами,

из кожи вон лезли, чтобы из этих стен не утекло ни одного черпака зерна, ни одного кусочка ниток. И если бы в такой ситуации не было упомянутых организаций, то мы просто оказались бы беспомощными, даже если овладели бы искусством подъема в облака и проникновения вглубь земли.

Армия и народ неразрывны друг от друга. Как иголка с ниткой, они должны образовать единое целое в любой ситуации.

На собрании, созванном Южноманьчжурским провинциальным комитетом партии, Вэй Чжэнминь предложил направить подготовленные партизанские кадры в разные районы Маньчжурии. Его решение было нацелено на устранение допущенных в прошлом недостатков. К счастью, он понял свои оплошности, хотя и с определенным опозданием, и решил отказаться от курса на голые военные действия.

Вэй Чжэминя, боровшегося со своими недугами в тайном лагере, больше всего мучила мысль – чем возместить огромные людские и материальные потери 1-й армии? Как снова привести в порядок ее силы? Как добиться нового подъема революции в Южной Маньчжурии, испившей горькую чашу неудач и поражений?

Он решил: перед приходом предстоящего великого события придется разработать гибкую стратегию и изменить сообразно ей тактические установки. Однако, будучи не в состоянии принять решительные меры в соответствии с создавшейся ситуацией, он всерьез переживал.

В качестве одного из решений ему в голову пришла мысль: «Нельзя ли осуществить военную коалицию с 8-й армией, действующей во Внутреннем Китае?» Занятый подобной идеей, он с нетерпением ждал ответа на письмо, посланное им в апреле того года в Коминтерн.

В письме Вэй Чжэминя в адрес Коминтерна есть строки, отражающие его нелегкие думы того времени. Вот они.

«...После того, как осенью 1935 года... прерваны все коммуникации с центром, не можем получать конкретные директивы центра. Не получаем ни документы, ни корреспонденции, издаваемые центром. В такой обстановке коварные враги нас атакуют со всех сторон.

...Да, мы похожи на лодку без гребца в необъятном просторе океана, на

бродящего ребенка, лишенного глаз. Бушуют волны великой революции, но участь у нас такая, что будто мы заперты в чужом доме или сидим внутри большого барабана, где нет ни глотка воздуха... После разрыва связей с вышестоящими инстанциями мы в своей деятельности терпим непредвиденный серьезный ущерб».

Вэй Чжэнминь написал письмо для того, чтобы еще убедительнее рассказать Коминтерну и ЦК КПК о трудном положении 1-й армии и получить от них активную помощь в ее восстановлении.

Его надежды на Коминтерн и ЦК КПК практически были лишены реальности.

К тому времени Коминтерн и Советский Союз, исходя из интересов собственной безопасности, проводили политику умиротворения – не желали щекотать нервы империалистической Японии в Маньчжурии. Кроме того, ЦК КПК был просто не в состоянии помочь революционному процессу на Северо-Востоке, ибо он поглощен был боями с японскими империалистами, находясь за тысячи *ли* от тех мест.

Как раз в такое время Вэй Чжэнминь возлагал надежды на помощь Коминтерна и ЦК КПК. Это было вызвано тем, что он некоторое время был оторван от военно-политической деятельности, не получил своевременно объективную информацию, необходимую для точной оценки ситуации, и, более того, сам был духовно и физически очень слаб из-за одолевавших его болезней.

Он с нетерпением ждал ответа от Коминтерна потому, что в его письме был выражен настойчивый призыв о пополнении кадров и военных материалов 1-й армии.

Он думал, что единственным путем для подъема 1-й армии является помощь Коминтерна.

Однако в то время Коминтерну было трудно даже просто послать одного связного. Вопрос стоял так: откуда ему взять кадры для пополнения недостающего комсостава, как и по каким каналам направить военные материалы? Вместо того, чтобы полагаться на мифическую помощь со стороны Коминтерна, не целесообразнее ли восстанавливать разгромленные подпольные организации, укреплять базу в массах, а затем получать от них людскую и материальную помощь? Таково было

мое мнение.

После Сяохаэрбалинского совещания я направился в тайный лагерь в Ханьцунгоу, где лечили Вэй Чжэнминя. Тяжело было смотреть в бледное лицо больного. Мои друзья беспокоились: «Пулевая рана у него кое-как заживает, но осложняются прежние недуги, и здоровье его не улучшается». Думалось, что в трудных условиях тайного лагеря нелегко просто сохранить даже нынешнее состояние его здоровья.

Больной говорил, что в груди у него остро подступает что-то вроде каменной глыбы. Я слушал его и мною овладевала страшная мысль: так же часто моя мать жаловалась на боль под ложечкой.

Однако Вэй Чжэминь всякий раз переводил разговор на тему об очередных задачах, стратегии и тактике партизанского движения. Я проинформировал его, что мы, исходя из требований создавшейся ситуации, взяли курс на сохранение и приумножение революционных сил и на переход от действий крупными отрядами на действия малыми и начали принимать практические шаги сообразно этому. Поддерживая намеченные нами меры, он говорил: «Корейские товарищи правильно оценили сложившееся положение и верно разработали стратегию».

Между нами, кроме того, шло много разговоров о создавшейся ситуации и дальнейшей нашей деятельности. Мы говорили об отправке раненых и больных в Советский Союз, заблаговременной заготовке провианта на зиму для действий малых отрядов и других подобных делах.

Помню, в тот день я посоветовал ему полечиться в Советском Союзе. Но прикованный к постели, очень беспокоясь о положении 1-й армии, он отказался: «Не могу. Пока еще много дел надо сделать». Вместо этого он обратился ко мне с просьбой: «Когда будете в Советском Союзе, прошу подробно доложить Коминтерну о положении дел в 1-й армии и узнать, доставлено ли мое письмо Коминтерну».

И мне было жаль видеть Вэй Чжэнминя, который болеет душой за судьбу 1-й армии больше, чем за свою жизнь. После смерти Ян Цзинюя 1-я армия переживала нелегкие испытания.

Однако обстоятельства того времени не позволили мне сразу же поехать в Советский Союз, да и намерения такого у меня не было. Мы договорились и впредь связываться в случае необходимости через своих вестовых.

«Прошу, Командующий Ким!» – сказал он в последний раз при нашем уходе из тайного лагеря. Его обращение было похоже на завещание: ведь я больше не увидел его.

Какое это простое, какое обыкновенное слово!

Однако его напутствие «Прошу», прозвучавшее столь многозначительно в тот день, горечью отдавалось в моем сердце. Конечно, я понял его как просьбу довести до победного конца революцию, которой он был так предан и которой посвятил всю свою жизнь. Или, возможно, оно говорило, что он поручил мне дело 1-й армии...

Так сказав на прощание, Вэй Чжэнминь устремил на меня свой взгляд, полный грусти и печали, который я и сейчас не забуду.

Уходя, я оставил для него в тайном лагере и провиант, и материалы хозяйственного назначения, но на душе все равно было тяжело. Оставил рис, ватник и тому подобное, но все это не могло влить в него живительную струю. Ему был нужен здоровый организм, который позволил бы ему продолжать революцию.

Взяв за руки Хван Чжон Хэ и Квак Чжи Сану, я еще раз повторил: «Прошу, ребята, любой ценой помочь ему выжить». Они уверяли меня: «Не беспокойтесь, будем хорошо заботиться о нем. Счастливого пути!» И продолжали идти за мной. А у меня самого не слушались ноги. Нелегко было оставлять их в той глухомани. И я еще довольно долго задерживался не в силах уйти и повторял свою просьбу снова и снова...

Позже в Хабаровске я выполнил все, о чем просил Вэй Чжэнминь. Работники Коминтерна заверили, что его письмо было получено.

Его секретное послание в Коминтерн было впервые оглашено в декабре 29 года чучхе (1940). На страницах сборника материалов японского ведомства «Идеологические ведомости» (№ 25) был помещен его полный текст.

То письмо попало в японские руки потому, что после того, как комполка

3-й войсковой группы Ли Рён Ун погиб осенью того же года в Ванцине, враги захватили его вещи, среди которых, как известно, оказалось и письмо Вэй Чжэнминя в Коминтерн.

Оттого и говорили, что письмо его не дошло до Коминтерна и на полпути попало в руки противника. Но если это так, то кто же передал то письмо Вэй Чжэнминя, получение которого признал Коминтерн? Ответом на этот вопрос может служить следующий материал из архива Коминтерна:

«Исполкому Коминтерна. Совершенно секретно.

Направляется доклад заместителя командующего 1-й армии объединенных антияпонских войск, секретаря Южноманьчжурского провинциального комитета КПК товарища Вэя от 10 апреля 1940 года, и два его письма в переводе.

Шелиганов

10 августа 1940 г.».

Бумага помечена датой – 23 января 1941 года. И подписана Димитровым.

В первой части письма говорится:

«Наше известие состоит из четырех частей. В нем немало и недосказанного, и упущенного. Поэтому прошу вас, товарищи, выяснять все представляющие интерес вопросы на беседе с Ван Жуньчэном, который на этот раз будет у вас.

Он расскажет вам и о секретных вопросах, которые не подлежат письменному изложению.

За посылаемого к вам я лично ручаюсь».

Приведенные цитаты дают основания для догадок о том, что Вэй Чжэнминь доверял свои письма в Коминтерн не только Ли Рён Уну, но и Ван Жуньчэну. В отдельных местах, правда, видна определенная разница, но основное содержание писем одно и то же. Есть одно различие: в письме, обнаруженном у Ли Рён Уна, - ни слова о Ван Жуньчэне.

Ван Жуньчэн – его прозывали «Ванданаодай» – давно действовал в Восточной Маньчжурии, имея тесные связи с товарищем Ким Ир Сеном. Вначале он был комиссаром 4-го полка 2-й дивизии 2-го корпуса Северо-Восточной народно-революционной армии, затем комиссаром 2-й дивизии 2-го корпуса ОСВАА.

Весной 30 года чучхе (1941) товарищ Ким Ир Сен, перешагнув порог смерти, со своим небольшим отрядом вышел в Маньчжурию. Он двинулся в Ханьцунгоу, где до этого состоялась его последняя встреча с Вэй Чжэнминем. Там, однако, теперь ни Вэй Чжэнминя, ни бойцов охраны не было. О их судьбе товарищ Ким Ир Сен мог подробно узнать через несколько месяцев, в конце 30 года чучхе (1941).

Это было, когда мы снова вернулись с небольшим отрядом из Маньчжурии и Кореи после выполнения задания. Советские товарищи просили о срочной встрече со мной. И вот перед мной полковник Красной Армии в гражданской одежде. Мне сказали, что он из Владивостока. Он говорит: «Сейчас во Владивостоке есть хлопцы, перешедшие советско-маньчжурскую границу.

По-видимому, это один из небольших отрядов объединенных антияпонских войск. По их словам, только вы, товарищ Ким Ир Сен, можете удостоверить их личность. Они очень просят о встрече с вами».

Вместе с ним я сел в машину. На пути к Владивостоку у меня в голове – рой мыслей. Рождалась и надежда: «Может, там и Вэй Чжэнминь? Говорят, он умер после болезни. Что ж это – беспочвенная молва?»

Казалось, машина ползет, как гусеница. Ох, как тяжко на душе!

Когда прибыли во Владивосток, полковник сразу же привел ко мне Квак Чжи Сана. К моему удивлению, за прошедший год интендант Квак так состарел, что выглядел шестидесятилетним. Его вид словно все говорил о горьких переживаниях Вэй Чжэнминя и его бойцов.

Раньше он учительствовал в районе Яньцзи, затем ушел в партизаны и стал политработником. Сначала в Яньцзиском партизанском отряде он командовал ротой. Был видавшим виды, подкованным революционером. Многие учились у него грамоте.

Человек с большим кругозором и хорошими качествами, он у всех снискал уважение к себе. За что его любили и уважали? За готовность идти в огонь и в воду ради товарищей.

И еще одно. Человеком он был, что называется, широкой натуры. Иные так и называли его – «широкая душа». Смысл здесь, пожалуй, в том, что это человек великой души, кто относится к любому без придирок, с искренней добротой. Кое-кто даже говорил, что он ни дать ни взять мать, которая всей душой заботится о крупных и мелких делах большой семьи.

При создании в 1-й армии комендантского полка мы рекомендовали его Вэй Чжэнминю на должность интенданта. С той поры рядовые фамильярно обращались к нему, называя «интендантом Кваком».

Для Вэй Чжэнминя он делал все, что мог. Не раз, рискуя жизнью, проникал в район, контролируемый противником, и возвращался, таща на спине продовольствие и медикаменты. Не случайно Вэй Чжэнминь часто говорил: «Продлением своей жизни я обязан интенданту Кваку».

Немного успокоившись после встречи, Квак Чжи Сан попросил сопровождавшего меня советского полковника принести маузер, который он дал ему. Когда полковник явился с маузером, Квак хриплым шепотом произнес: «Это маузер товарища Вэй Чжэнминя».

Я взял у него оружие, но язык так и не повернулся спросить: «Что с ним?» Не Вэй Чжэнминь, а только его маузер... Было ясно, что его нет в живых.

В тот день я, наконец, услышал от Квака во всех подробностях о горькой участи Вэй Чжэнминя...

После того, как я вернулся из Ханьцунгоу со встречи с Вэй Чжэнминем, все они отправились в тайный лагерь в Цзяпигоу в уезде Хуадянь. Кстати сказать, места, носящие название «Цзяпигоу», есть и в уезде Ванцин, и в уезде Дуннин. Таких названий в Маньчжурии много.

Перебравшись на новое место, группа Вэй Чжэнминя разбила тайные лагери в двух пунктах: один – за десятки *ли* к северу от Цзяпигоу, другой – подальше, в юго-западном направлении.

Вэй Чжэнминь находился в первом. Вместе с ним были Хван Чжон Хэ, Ким Бон Нам и врач Ким Хи Сон. Находилось здесь и пулеметное отделение – 7 – 8 бойцов. Во втором лагере разместились Квак Чжи Сан, Ким Чхоль Хо, Чу До Ир, Ли Хак Сон, Чон Мун Ук и Ким Дык Су.

О местонахождении двух лагерей знал только Квак Чжи Сан. Он с немалым трудом переходил из одного лагеря в другой, обеспечивая связь и продовольствие. Провиант он доставал при помощи офицеров марионеточной армии Маньчжоу-Го, с которыми он был знаком по дружескому союзу «Цзяцзяли». Они делали все, о чем просил Квак. Под его влиянием оказался и начальник спецслужбы жандармерии. Состоявшие в «Цзяцзяли» маньчжоугоские офицеры и начальник спецслужбы, как говорится, сидели между двух стульев. Вот они идут в лес к партизанам и передают им зерно и соль, берут у них изношенную одежду, порванную обувь, продырявленную эмалированную посуду и тому подобное. А возвратившись домой, пускают утку: сколько-то партизан убито и столько-то

ранено. За это в их адрес – очередные пачки наградных денег.

Вэй Чжэминь, как мне говорили, до последнего дыхания не выпускал из руки перо. Писал и доклады, и статьи об итогах партизанской борьбы. В один из дней составил и документ о своей армии. «Не выпущу дел из рук до последних минут жизни» – таково было, по-видимому, его стремление, которым он жил как революционер.

Он уже чувствовал на себе дыхание смерти. Передавая своим соратникам маузер и кипу бумаг, сказал: «Вы, товарищи, люди молодые, у вас кипит кровь. И боритесь до конца. Революция вам верит. Революция – дело трудное, бывают и кровопролития, бывают и жертвы. Но не бойтесь мук. Пролитая нами кровь не пропадет. Товарищи, вы обязательно идите к товарищу Ким Ир Сену».

Ушел он из жизни в марте 1941 года, и было ему всего 32 года... Разве это возраст? Суровым был и его последний путь – ни траурного залпа-салюта, ни траурного митинга. Боевые друзья похоронили покойного как могли...

Позже, говорят, один боец-китаец спустился с горы и привел туда врагов. И могила покойного была обнаружена. Говорят, при жизни того бойца Вэй Чжэминь очень любил. Непонятно, что подтолкнуло его сделать такое.

Сведения противника о том, что Вэй Чжэминь убит в бою, не отвечает действительности. Не убит, а умер из-за болезни. Японцы были мастерами лживой пропаганды. Враги тогда раскопали его могилу, чтобы получить денежную награду. Варвары!

Я слушал историю его маузера, который попал, наконец, в мои руки, и мне становилось понятно, какой суровый путь прошли охранники Вэй Чжэминя.

Первым маузер Вэй Чжэминя получил Хван Чжон Хэ, которого он очень любил и которому глубоко доверял. Вначале Хван ведал связью и был его переводчиком в случае необходимости. Затем стал командиром комендантского взвода. А это важная должность – это и его охранник и помощник во всех делах. По просьбе Вэй Чжэминя он делал переводы документов и других материалов, а когда больной был прикован к постели, за него и писал.

Вместе с Квак Чжи Саном этот товарищ со всей ответственностью обеспечивал безопасность Вэй Чжэнминя. Право, он был его надежным охранником.

Как-то раз случилось, что из тайного лагеря исчез белый конь Вэй Чжэнминя. Оставив с Вэй Чжэнминем пулеметчика, Хван отправился на поиски потерянного коня. Надо было идти по следам от копыт. Шел он, шел по этим следам, как вдруг заметил неприятеля. Откуда ни возьмись, противник крадучись движется к тайному лагерю. Причем делает это тоже по следам копыт, но в сторону лагеря. Весьма необычная и острая была ситуация. Бойцы комендантского взвода как раз ушли за продовольствием и с Вэй Чжэнминем оставались лишь двое – Хван и пулеметчик.

Хван скорехонько вернулся обратно и, спрятав секретные бумаги, взял больного на спину и побежал вглубь леса. Вскоре над ними засвистел град вражеских пуль. И Хван под пулями нес больного на руках. Мелькнула мысль: «Пусть сам умру, но его надо спасти». Одна пуля ранила его в плечо, и он не мог больше бежать с Вэй Чжэнминем на руках. Передал его пулеметчику. Затем, взяв пулемет в руки, прикрывал товарищей огнем, сковывая действия противника.

Таким был Хван Чжон Хэ. Как же было не любить его Вэй Чжэнминю! Не случайно, Вэй отдал свой маузер именно ему.

Впоследствии Хван со своим небольшим отрядом перемести лся в тот тайный лагерь, где располагался Квак Чжи Сан. Бойцы охотились на кабанов, медведей и другую лесную дичь – и для ежедневного питания, и для создания запаса на дорогу.

Несчастье постигло Хвана на охоте на медведя. Однажды он гнался за раненным пулей медведем. И вдруг разъяренный зверь повернул назад и яростно напал на охотника. Так случилась совсем неожиданная беда. Из-за пустяка ушел из жизни дорогой нам человек.

Теперь маузер, который хранил Хван, перешел в руки Ли Хак Сона, земляка Пэк Хак Рима. Владелец маузера каждый день чистил оружие, чтя память о Вэй Чжэнмине. И вдруг неожиданность лишила его жизни.

После смерти Ли Хак Сона оружие Вэй Чжэнминя хранил

при себе Квак Чжи Сан. Он вел боевые действия со своей малой группой. При этом он ухитрялся сеять мак, готовясь к отправлению в Советский Союз. К тому времени, очевидно, группа Рю Ген Су встретилась под Цзяпигоу со стариком, который имел связь с Кваком и его друзьями. Но группе не удалось найти Квака, ибо старик оставался верным тайне.

На деньги, полученные от урожая мака, Квак Чжи Сан и его друзья сшили себе обмундирование, приобрели продовольствие, соль. Безупречно подготовились в дорогу, но, насколько мне известно, в пути их поджидало немало трудностей. При переходе советско-маньчжурской границы они переправились через реку, положив одежду на голову.

Как видите, маузер попал мне в руки, побывав у нескольких бойцов.

Позже Квак Чжи Сан в составе небольшого отряда Ким Ира вышел в Маньчжурию. Он успел привлечь на нашу сторону офицеров марионеточной армии Маньчжоу-Го, с которыми раньше имел связь через посредство «Цзяцзяли», создать подпольную организацию и проводил политическую работу среди населения.

Квак Чжи Сан и другие корейские коммунисты, охранявшие Вэй Чжэнминя, прилагали все усилия к тому, чтобы развенчать тенденцию к «чистым» военным действиям, о чем беспокоился Вэй Чжэнминь при жизни, и укреплять опору вооруженной борьбы в массах.

Квак, насколько я помню, погиб в 1943 году. С очередным разведывательным заданием он вышел в Маньчжурию. Возвращаясь после выполнения всех поручений, погиб от вражеской пули...

Вэй Чжэнминь был человеком, который от всей души поддерживал нас, когда корейская революция переживала самые серьезные испытания. Вот почему я ныне вспоминаю о нем.

Всякий раз, когда поднимались вопросы, по которым трудно было принять практические решения, он прислушивался к нашему мнению. Насколько глубоко он поверил в нас, можно было видеть и по тому, что после смерти Ян Цзинюя он

советовался с нами по всем проблемам, связанным с действиями 1-й армии и Южноманьчжурского провинциального комитета партии.

К нему приходят командиры 1-й армии за каким-то заключением – он всех направляет ко мне...

После смерти Вэй Чжэнминя Коминтерн стал советоваться с нами по всем вопросам, касающимся действий 1-й армии ОСВАА и работы Южноманьчжурского провинциального комитета партии.

Вэй Чжэнминь – и как человек, и как революционер – был прекрасен. Таким он был, и мы со всей искренностью помогали ему.

Многие окружали его душевной заботой. Бойцов-интернационалистов, грудью защищавших его, было не один и не два.

Интерес Вэй Чжэнминя к корейской революции, его дружеские чувства к нам можно назвать исключительными.

По словам моих товарищей, долгое время работавших рядом с ним, он всегда связывал судьбу корейской революции со мной и потому часто говорил им: «Будьте беззаветно верны товарищу Ким Ир Сену».

Жизнь Вэй Чжэнминя прекрасна оттого, что ее начало и конец тождественны. Тот, кто уже на заре жизни сделал первый шаг во имя Родины и народа, во имя всего человечества, должен и закончить свою жизнь служением их интересам. Это делает всю жизнь человека благородной и прекрасной, вечно живущей в памяти народной.

В годы антияпонской революции духовный мир наших людей был поистине кристальным.

Однако с той поры, когда в рядах международного коммунистического движения поднял голову современный ревизионизм, почти не найдешь тех, кто говорит об интернационализме. И те, кто раньше при каждом удобном случае крикливо ратовал за интернационализм, теперь хлопочут лишь о том, чтобы потуже набить себе карман.

Прекрасной была та пора, когда революционеры, у которых не хватало и питания и одежды, помогали друг другу, независимо от гражданства, предлагая другу и то, и другое. В

любое время, в любой ситуации коммунистам не следует забывать о своих интернациональных обязанностях, о чувстве долга.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Объединяясь с международными антиимпериалистическими силами

Совещание в Хабаровске ...99

Революционер Ким Чак ...117

Встречая весну на чужбине ...144

Дни действий малыми отрядами ...164

Убеждения и предательство ...189

Формирование бъединенных интернациональных войск...212

Плечом к плечу с оевыми друзьями из ОСВАА ...232

Борцы из Северной Маньчжурии ...256

Оберегая корни революции ...281

Январь 30 года чучхе (1941) – июль 31 года чучхе(1942)

1. Совещание в Хабаровске

Летом 73 года чучхе (1984) Президент Ким Ир Сен возвращался на Родину после исторического официального дружественного визита в Советский Союз и социалистические страны Восточной Европы. По пути домой, проведя день в Хабаровске, он с глубоким волнением вспоминал о жизни и быте на дальневосточной учебной базе, о Хабаровском совещании.

Давно хотелось побывать здесь, в Хабаровске. В прошлый раз попал в Советский Союз через Маньчжурию. И заехать в Хабаровск не смог. На этот же раз в маршруте предусмотрено: вернуться на Родину через Хасан и станцию Туманган. И я решил на сутки остановиться здесь. Давно хотелось приехать сюда, но только через несколько десятков лет сбылась эта мечта.

Помню, это было время, когда КНРА, ОСВАА и части советской Дальневосточной армии (ДВА), создав Объединенные интернациональные войска (ОИВ), развернули совместную борьбу. В те дни Хабаровск стал важнейшим местом встреч работников Коминтерна, коммунистов и военных руководителей трех стран – Кореи, Советского Союза и Китая. Здесь они знакомились друг с другом, обменивались мнениями и намечали направления и пути совместной борьбы.

К тому времени в Хабаровске находилось командование советской ДВА. Одно время здесь был и отдел пропаганды по вопросам Востока Коминтерна.

В ноябре 1940 года я пересек советско-маньчжурскую границу и ступил на советскую землю для участия в совещании, созванном Коминтерном.

После необходимого оформления я простился с моими друзьями и в сопровождении советского офицера поехал прямо в Хабаровск.

За окном пробегали заснеженные просторы Дальнего Востока. Перед глазами всплывала целая плеяда участников движения за независимость и патриотов, которые проливали на

этой земле горячую кровь.

Сколько было борцов-патриотов и деятелей движения, горевавших о судьбе Родины! Сколько было тех, кто на этой земле, горько переживая гибель родной страны и призывая к восстановлению государственности, встал на невыносимо мучительный, но безутешный путь! Кто-то ушел туда за винтовками, кто-то – за созданием организаций, кто-то – с горькими слезами на глазах жаловаться на горестную судьбу слабой малой нации... Да, никто не ступал на эту землю любоваться, как турист, пейзажами ее гор и рек.

Однако достижение независимости страны по-прежнему оставалось задачей нашей нации.

Мысленно перед прахом ушедших предшественников, кости которых лежат в чужой земле, я клялся: «Добьемся независимости Родины своими силами и тем облегчим их незабытые обиды».

Путь в Хабаровск с первого шага держал мою душу в напряжении. А как же иначе? Ведь я впервые участвую в собрании Коминтерна. То, что Коминтерн пригласил нас на совещание, заслуживало нашего внимания. Это означало, что руководство Коминтерна придает важное значение самому существованию КНРА.

Работники Коминтерна редко приглашали корейцев на свои собрания.

В 20-е годы причастные к Компартии Кореи лица, каждый прихватив этакую картофельную печать, обращались к Коминтерну. Однако то было вояжем сектантов, искавших шанс для захвата гегемонии. То не была деятельность по развитию коммунистического движения в подлинном смысле этого слова. За подобным турне последовал позор – роспуск Компартии Кореи и еще: обязательный переход в партию другой страны, обусловленный принципом «одна страна, одна партия».

Руководство Коминтерна, думаю, никогда не обсуждало на своих совещаниях вопрос корейской революции в качестве отдельного самостоятельного пункта повестки дня.

После роспуска Компартии Кореи корейская революция оказалась фактически вне поля зрения Коминтерна. Внимание

Коминтерна было обращено на революционный процесс в больших странах, таких, скажем, как Китай и Индия. Некоторые деятели в верхнем эшелоне Коминтерна даже запрещали корейцам, борющимся на Северо-Востоке Китая, самим поднять лозунг корейской революции, то и дело издавали директивы, не отвечающие реальным условиям Кореи, что причинило немало вреда революционному процессу в нашей стране.

Коминтерн, признав самостоятельность корейской революции, впервые со времени его 7-го конгресса в официальном порядке выразил ей свою поддержку.

Хотя Коминтерн не спешил поворачиваться лицом к корейской революции, мы, независимо от этого, неизменно поддерживали его, дорожили его успехами и даже самим его существованием.

Огромные заслуги принадлежат Коминтерну в единении рядов коммунистического движения и обеспечении их чистоты в соответствии с велением новой ситуации, сложившейся после первой мировой войны. Мы отдавали должное заслугам Коминтерна, который с честью выполнял роль международного авангарда в борьбе за победу мировой революции.

Коммунисты Кореи, окрыленные гордостью хозяина корейской революции и вместе с тем чувством достоинства участника международного коммунистического движения, с одной стороны, энергично продвигались вперед, к победе корейской революции, а с другой – прилагали все усилия для исполнения директив Коминтерна о развитии мировой революции.

Мои надежды на Хабаровское совещание были немалыми. Меня тогда осенила мысль: впервые здесь соберутся представители вооруженных сил трех стран и обсудят представляющие общий интерес вопросы, так что совещание, возможно, не пройдет как по маслу. Однако я все же был оптимистически настроен в отношении перспектив совещания.

Прибыл в Хабаровск, а там снегу по колено, трескучий мороз.

Нам, рыцарям тайги, все выглядело сказкой. Ни выстрелов, ни грабежей, ни голода. Мирные проспекты, счастливые лица прохожих, свободная речь, бодрые шаги... Все это было пуль-

сом той жизни, которую мы представляли себе как идеал.

В иных географических атласах Хабаровск обозначен под названием «Хабпу» или «Пэкрек». А Владивосток в былые времена корейцы называли «Хэсамви». На Дальнем Востоке было немало мест, которые раньше носили такие названия, как «Сансончжа», «Енчху», «Сучхон», «Сосон» и тому подобные.

Название города Хабаровска, говорят, происходит от имени Хабарова, одного из первооткрывателей Дальнего Востока. В центре города, перед вокзалом, стояла его бронзовая статуя. Она произвела на меня большое впечатление. К тому времени население города уже превысило 200 тысяч человек.

В первый день в Хабаровске я встретился в гостинице с Со Чхором, а на следующий день – с Ан Гиром. Со Чхор приехал на совещание, как мне сказали, в качестве члена Южноманьчжурского провинциального комитета партии, а Ан Гир – как начальник штаба 3-й войсковой группы. Какими словами выразить нахлынувшее волнение от встреч с боевыми друзьями, я просто не знал. Ведь мы не могли часто видеться – все участвовали в боях в Восточной, Южной и Северной Маньчжурии.

Командир 1-й армии Ян Цзинюй погиб в бою, к тому же Вэй Чжэминь был прикован к постели, а командиры войсковых групп Цао Яфань и Чэнь Ханьчжан тоже сложили голову в боях. Поэтому мы, трое, представляли не только КНРА, но и Южноманьчжурский провинциальный комитет КПК и 1-ю армию ОСВАА. Мы были как бы представителями парторганизаций и всех партизанских формирований Южной Маньчжурии.

Со Чхор и Ан Гир сообщили мне, что в начале ноября в Хабаровск уже прибыли главнокомандующий 2-й армии Чжоу Баочжун, за ним – главнокомандующий 3-й армии Чжан Шоуцзянь и ее комиссар Фэн Чжунюунь, начальник политотдела 5-го корпуса Цзи Цин и другие. Они не забыли сказать мне, что в Хабаровск прибыли также Ким Чак и Чвэ Ён Гон, которые ждут меня. Значит, собрались все представители трех армий ОСВАА и Восточногиринского, Североманьчжурского, Южноманьчжурского провинциальных комитетов партии.

Перед началом Хабаровского совещания я встретился с

генералом советской ДВА Люшенко, представителем Коминтерна.

Он объяснил мне, с какой целью, с каким намерением Коминтерн созвал в Хабаровске совещание представителей маньчжурских партизан и советских войск. Затем генерал предложил совместными усилиями разработать продуманные ответные меры в соответствии с требованиями новой ситуации. Он обратился ко мне с просьбой представить собранные материалы о составе Южноманьчжурского провинциального комитета партии и 1-й армии и содержании их деятельности.

Я согласился, и мы вместе с Ан Гиром и Со Чхором составили подробную информацию о деятельности Южноманьчжурского провинциального комитета партии и 1-й армии. Именно это и было нашими донесениями Ван Синлиню от 1 января 1941 года.

Ван Синлинь – это псевдоним Люшенко, начальника отдела разведки советской ДВА. В период действий в Советском Союзе отрядов КНРА и ОСВАА представитель Коминтерна, ВКП(б) и советской ДВА называл себя Ван Синлинем. Когда Хабаровское совещание подходило к концу, поручения Люшенко были переданы советскому генералу Соркину, который также действовал под именем Ван Синлиня.

В архиве Коминтерна хранится текст документа, составленный и предъявленный в январе 30 года чучхе (1941) товарищем Ким Ир Сеном от имени представителей Южноманьчжурского провинциального комитета партии(1-й армии). В начале текста говорится:

«Тов. Ван Синлинь!

На все заданные нам вопросы о работе 1-й ОНРА (ОСВАА — ред.) весной и летом 1940 г. отвечаем только то, что знаем. Поэтому этот доклад не охватывает всего положения 1-й ОНРА...

С большевистским приветом !

Ким Ир Сен
Ан Гир
Со Чхор
1.1.1941 г.»

Перед открытием совещания я имел волнующую встречу с Ким Чаком и Чвэ Ён Гоном, а также с Чжоу Баочжуном, которого давно не видел.

Ан Гир и Со Чхор остановились в одном со мной доме до отъезда из Хабаровска после совещания. Мы, даже забывая

порой о сне и еде, делились сокровенными думами, обсуждали будущее нашей революции. Все это вспоминается так ярко, как будто было вчера.

До этого в конце января 1940 года в Хабаровске Коминтерном было созвано совещание командиров маньчжурских партизан. Представители КНРА и 1-й армии на совещание не приехали. Оно проходило при участии Чжоу Баочжуна, Чжан Шоуцзяня, Фэн Чжунюуня и других представителей 2-й и 3-й армий.

Участники совещания подвели итоги партизанского движения на Северо-Востоке Китая, извлекли необходимые уроки и на основе анализа ситуации определили курс дальнейшей борьбы, затем обсудили вопросы налаживания связей и взаимного сотрудничества с советской ДВА. В итоге они пришли к нужным договоренностям по вопросам согласованных действий.

На основе достигнутых успехов к середине марта 1940 года опять открылось совещание с участием представителей ОСВАА и советских военных ведомств. Его целью было укрепление взаимных связей и сотрудничества. В нем принимали участие представители 2-й и 3-й армий ОСВАА, исполняющий обязанности командующего ДВА, командующие дислоцированных в Хабаровске и Ворошилове войск, а также Люшенко и другие.

На совещании представители ОСВАА требовали от Коминтерна и советских войск оказывать ей усиленную помощь. А советская сторона потребовала от них передать ей право командования частями ОСВАА. Командующий дислоцированных в Хабаровске войск сказал: «Как вы думаете? Нельзя ли отделить вооруженные формирования ОСВАА от организаций КПК? Это облегчит оказание Советским Союзом помощи партизанским отрядам Северо-Востока Китая».

Подобная позиция советской стороны создала большие осложнения в обсуждении проблем на совещании. Итак, вопрос о форме и содержании взаимной поддержки и сотрудничества между ОСВАА и властями советской ДВА ограничивался элементарными договоренностями, не получив удовлетворительного решения.

Об этом же вопросе снова зашла речь на созванном позже Хабаровском совещании.

Известное как Хабаровское совещание 1941 года, в котором мы приняли участие, было созвано в декабре 1940 года и продолжалось до середины марта 1941 года. Совещание проходило в военной казарме секретной службы, огороженной изгородью. Зал совещания был конспиративной явкой, которой раньше пользовался какой-то подпольщик.

Поскольку на совещание впервые собрались ответственные лица ОСВАА, КНРА и провинциальных комитетов партии, на его первом этапе несколько дней шло серьезное обсуждение мер по укреплению связей между армиями и провинциальными комитетами партии, обеспечению согласованных действий в отношениях с Коминтерном и Советским Союзом. Затем с первых дней января 1941 года вместе с представителями Коминтерна и властей Советского Союза обсуждались в основном вопросы о будущем антияпонского партизанского движения в Маньчжурии, о содержании и способах взаимной поддержки и сотрудничества с военными ведомствами на советском Дальнем Востоке.

В качестве представителей Коминтерна и Советского Союза в совещании участвовали генерал Люшенко и другие лица.

С самого начала совещание проходило в запутанной обстановке. Дело было в том, что по вопросу о праве на командование ОСВАА представители обеих сторон – советских войск и ОСВАА – заняли противоположные позиции. Пасмурная обстановка на совещании объясняется и еще одним фактором: командиры ОСВАА были недовольны отсутствием представителя КПК.

Кстати сказать, созывая Хабаровское совещание от имени Коминтерна, советская сторона известила Восточногиринский и Североманьчжурский провинциальные комитеты партии об участии в нем представителя ЦК КПК. Совещание началось, но он на него не явился. Это крайне разочаровало командиров ОСВАА, давно с нетерпением ждавших восстановления прерванных связей с центром. Собственно говоря, побудила их с особым интересом участвовать в Хабаровском совещании

именно надежда на встречу с представителем ЦК КПК.

Почему представитель ЦК КПК не приехал в Хабаровск – и мы точно не знали. Может быть, советские власти не известили ЦК КПК о созыве совещания или посланная информация не дошла до него? Так или иначе, независимо от причин, неучастие представителя ЦК КПК вызвало сомнения у некоторых представителей ОСВАА, заставило их усомниться в самой целесообразности созванного Советским Союзом от имени Коминтерна совещания и бросило определенную тень на его работу в первые дни.

Совещание шло в форме собеседования, отдельного доклада не было. Каждый из представителей армий ОСВАА информировал участников о своей деятельности. Такая форма совещания способствовала углублению осмысления, понимания проблем при обсуждении поставленных вопросов. Я сообщил на совещании о действиях 1-й армии и КНРА.

Ситуация того периода не давала возможности выступить со всеобъемлющим докладом о военно-политической деятельности ОСВАА.

КПК не могла осуществлять централизованное, единое руководство деятельностью ОСВАА. Правда, Чжао Шанчжы, Чжоу Баочжун и другие в той или иной форме старались связываться с ЦК партии и вынашивали замысел о создании самостоятельной парторганизации Северо-Востока, но это не было осуществлено. Дело дошло до того, что Североманьчжурский, Восточногиринский и Южноманьчжурский провинциальные комитеты партии, находящиеся параллельно, действовали каждый на самостоятельных началах. И естественно, что и армиям ОСВАА тоже приходилось действовать так же - каждой самостоятельно.

Контролировать и направлять все дела революции на Северо-Востоке Китая было нелегко. Японские войска, оккупировавшие Маньчжурию, насчитывали сотни тысяч штыков. В таких условиях руководству КПК, находившемуся во Внутреннем Китае, было очень трудно направлять партийную и военную деятельность на Северо-Востоке.

Главным пунктом повестки дня Хабаровского совещания

был вопрос о направлениях дальнейшей деятельности ОСВАА и КНРА. В конечном счете, дело сводилось к вопросам: как установить взаимоотношения между партизанской борьбой в Корее и на Северо-Востоке Китая и действиями советских войск? Как приспособить их к существующим обстоятельствам, как укреплять и развивать их в соответствии с требованиями новой ситуации?

В связи с этим советская сторона предложила следующее. Поскольку фашистские силы, в том числе Германия, Япония и Италия, образовали антикоминтерновский альянс, а пожар второй мировой войны все расширяется, то в этих условиях для победы над объединенными фашистскими силами нужно усиливать совместную борьбу, для чего нужны практические меры. В этой связи предлагалось ОСВАА отказаться от своей самостоятельности и объединиться с советскими войсками.

Между прочим, советская сторона усердно объясняла, что такая мера соответствует принципу пролетарского интернационализма и будет полезна и для революции на Северо-Востоке Китая. По правде говоря, это был тот самый вопрос, по которому командиры ОСВАА упорнее высказывали свое отрицательное мнение на совещании предыдущего года.

Прошедший год ознаменовался серией драматических перемен в международном политическом климате и в военной ситуации на Дальнем Востоке. Предложение Советского Союза как раз отражало подобные перемены обстановки.

К тому времени СССР считал почти неизбежным военное столкновение с Германией, боевая колесница которой стремительно катилась к советской западной границе. Если бы заодно с германскими наскоками с запада японские войска напали с востока, то это без сомнения принесло бы большую беду.

Советские люди старались делать все, чтобы любой ценой избежать ударов с обеих сторон – с востока и запада. Предложенный советской стороной вариант взаимодействия ярко отражал ее обеспокоенность, порожденную накалом ситуации.

Советский Союз занимал большую территорию, одна часть которой относилась к Европе, а другая заняла обширную пло-

щадь Азии. Нельзя сказать, что он полностью был готов к обороне страны, если он уделял бы внимание защите одной стороны своей длинной границы или он был в состоянии отразить нападение врага только в одной стороне.

С первых дней после своего образования Советский Союз уделял большое внимание обороне государства. Он придерживался принципа: надо быть готовыми к отражению всех врагов, одновременно нападающих с обеих сторон – Европы и Азии. Исходя из подобной доктрины обороны, с учетом отношений СССР с Японией и Китаем, советские люди с самого начала намеревались превратить Дальний Восток в самостоятельную военную единицу.

Успехи первой советской пятилетки, однако, заметно не сказались на укреплении военного потенциала Дальнего Востока. Дело было в том, что главный упор в этом плане делался на то, чтобы развивать и крепить как в экономическом, так и в военном отношении европейскую часть Советского Союза.

Непосредственным толчком к резкому наращиванию и пополнению военных сил на Дальнем Востоке для советских людей стали события 18 сентября 1931 года. Шокированные нападением империалистической Японии на Маньчжурию, они постоянно беспокоились, как бы Япония не двинула свои вооруженные силы на советский Дальний Восток.

По имеющимся данным, до событий 18 сентября советские вооруженные силы на Дальнем Востоке состояли примерно из 50 тысяч пехотинцев, 100 самолетов и 30 танков. После упомянутого инцидента, спровоцированного японскими империалистами, Советский Союз начал наращивать свои дальневосточные силы, увеличив их в два, три и четыре раза. После того, как Япония отказалась от советского предложения о заключении договора о ненападении, СССР разместил в этом регионе тяжелые бомбардировщики, танки новейшего образца, подводные лодки и другие виды боевой техники. Таким был его ответ на угрозу японской агрессии. И цель советско-монгольского соглашения, заключенного в 1936 году, состояла в том, чтобы обуздать аппетиты Японии в регионе. Советский Союз еще более ускорил темпы наращивания вооруженных сил

на Дальнем Востоке после того, как вспыхнувшая война Японии с Китаем и серия инцидентов в районе озера Хасан и на Халхин-Голе поставили безопасность советской восточной границы под серьезную угрозу.

Предложение советской стороны о превращении ОСВАА в часть непосредственного подчинения советской ДВА истолковалось как перепев старой песни, уже прозвучавшей год назад. Оно даже вызвало порицания, что-де СССР, ставя на первый план только свои военно-политические интересы, планирует подчинить им антияпонское движение на Северо-Востоке Китая.

Если принять во внимание ситуацию на Дальнем Востоке в то время, то в советском предложении содержалось и понятное. Опасность германо-японских «клещей», сжимаемых с запада и востока, представлялась делом недалекого будущего. Она приближалась с каждым днем, стала делом ближайшего будущего.

Советский Союз не хотел, чтобы на востоке страны загрохотала канонада.

Машина японской пропаганды запускала утку, будто антияпонские вооруженные формирования Маньчжурии действуют по подсказке и наущению Советского Союза. Ясно было, что Япония старалась во что бы то ни стало найти предлог для нападения на Страну Советов.

В сложившейся ситуации СССР, с одной стороны, укреплял оборону советского Дальнего Востока, а с другой – прилагал максимум усилий для предотвращения японской агрессии, пуская в ход весь арсенал дипломатических средств.

К тому времени Советский Союз не имел союзника, который мог бы совместно с ним противостоять возможному нападению Германии и Японии. Намереваясь предотвратить нарастающую военную угрозу в Европе, СССР старался создать систему коллективной безопасности, но эта идея не могла осуществиться из-за происков империалистов Запада. И на Востоке не было страны-союзника, которая могла бы силой оружия помочь Советскому Союзу.

Китай, конечно, воевал с Японией, но он не являлся со-

юзником, который мог бы оказать помощь СССР. Наоборот, он получал от Советского Союза необходимую поддержку. Желая обеспечения спокойствия хотя бы на востоке страны, СССР не должен был дать Японии предлога для вооруженного вторжения.

Советский Союз выступил с предложением о создании военной системы, нацеленной на слияние воедино ДВА и ОСВАА, и сделал это, думаю, для того, чтобы, с одной стороны, не дать Японии предлога для вторжения в СССР, а с другой – получить союзника, способного осуществлять взаимодействие с ДВА в случае боевых операций против Японии.

В зале совещания и за его стенами шли горячие дискуссии вокруг вопроса об объединении ОСВАА и советской ДВА.

Командиры ОСВАА категорически отказывались перейти под зонт советской ДВА. «Что это за объединение? – говорили они. – Ведь мы более десяти лет проливали кровь в боях – прошли огонь, воду и медные трубы. Бросить революцию на Северо-Востоке Китая ни в коем случае нельзя! Советскую сторону не интересуют дела других. СССР думает только о самом себе. Его позиция ясна – это игнорирование революционного принципа уважения самостоятельного характера революции в каждой стране. Этот вопрос надо решать, даже если придется обратиться к Сталину или Димитрову». Подобную точку зрения ОСВАА, как мне стало известно позже, и Сталин и Димитров поддерживали. В связи с этим, в конце концов, Люшенко был заменен Соркиным.

В те дни советская сторона очень хотела знать, как смотрим на вопрос объединения войск мы.

Советские люди старались уверить меня в том, что советское предложение отнюдь не вытекает из национального эгоизма. В их голосе явственно звучала нотка: «Если живет и здравствует Советский Союз и успешно идет революционный процесс на советской земле, то пойдет на лад и революция как в Китае, так и в Корее».

Я же говорил: «В вашем предложении есть резон. Мы с пониманием отнеслись к выдвижению вами подобного варианта. Однако эти требования, думается, пока что односторонние и

преждевременные. Ясно, что японские войска ищут повод для нападения на Советскую страну. Но признаков того, что война вот-вот разразится, пока не видно. Защищать победившую в стране революцию, конечно, дело важное. Но не менее важно и развивать ту революцию, которая в стране пока еще не победила. Мне кажется, что вы обращаете недостаточное внимание на антияпонское партизанское движение на Северо-Востоке Китая».

Мне задавали вопросы: «Значит, вы против любых форм объединения?» «Нет, – отвечал я. – Почему быть против таких способов объединения и взаимодействия, которые были бы полезны для всех обеих сторон? Я против того чрезмерного слияния, при котором одна из сторон игнорирует другую или не признает ее самостоятельность. КНРА вместе с китайскими товарищами создали объединенные антияпонские войска. Она ведет совместную борьбу с ними и при этом неизменно сохраняет свою самостоятельность. И поэтому в совместной борьбе ничего скандального нет. Я и против растворения КНРА в объединенных антияпонских войсках и против вхождения ее в состав советских войск, ибо все это по своей форме и содержанию не отвечало бы нашей самостоятельности. Какими должны быть форма и содержание совместной борьбы КНРА, ОСВАА и советской ДВА? О конкретных методах подумаем потом. По нашему мнению, форма и методы совместной борьбы должны быть полезными для Советского Союза и в то же время соответствовать интересам как корейской, так и китайской революции».

Внимательно выслушав меня, они заявили: «Вы дали возможность распутать клубок и поставить точки над «и» в наших дискуссиях на совещании, которые все время буксуют. В ваших рассуждениях содержится очень полезный для нас намек. О вопросе самостоятельности мы хорошенько подумаем».

– Раз вы так решили, – обратился я к ним, – то это хорошо. Односторонние суждения давай отбросим и поскорее завершим совещание. Время не ждет. Мы хотели бы быстрее снова выйти на поле боя, чтобы развернуть действия небольшими отрядами, заниматься организационным строительством и вести работу с

населением. Коммунистам не следует бесконечно тратить время на словопрениях по одному и тому же вопросу повестки дня. Пусть каждый думает справедливо, основываясь на духе пролетарского интернационализма. Тогда мы решим все.

Моими взглядами по обсуждаемому вопросу интересовались также Чжоу Баочжун и Чжан Шоуцзянь. «Я не буду выступать против интернациональной коалиции различных вооруженных сил, – сказал я, – если она предполагает признание самостоятельности каждой из сторон. Но вот вопрос: какой будет форма объединения? Это надо как следует изучить, а на это нужно время. Предложение советской стороны хотя и носит односторонний характер, в нем, я бы сказал, есть рациональное зерно. Так что давайте не будем отвергать его на корню. Будем сообща, имея товарищеский, беспристрастный подход к делу, максимально проявляя дух пролетарского интернационализма, как можно быстрее завершать обсуждение вопроса в соответствии с общими интересами».

Совещание поддержало наше мнение. Принципиальная позиция, которую заняли мы на совещании, оказала положительное воздействие и способствовала осуществлению сплоченности и сотрудничества между революционными вооруженными силами трех стран – Кореи, Советского Союза и Китая.

Хабаровское совещание подтвердило правоту нашего стратегического курса, направленного на сохранение и приумножение революционных сил и переход от крупномасштабной партизанской борьбы на действия небольшими отрядами, курса, который отвечает требованиям новой ситуации. На совещании шел серьезный разговор о том, что все части ОСВАА и КНРА должны отныне развернуть действия малыми отрядами, делая главный упор на сохранение сил.

Обсуждение этого вопроса на совещании длилось дня два. Участники сравнительно беспрепятственно пришли к единому мнению.

Однако надо отметить, что при обсуждении этого вопроса не обошлось без споров.

Кое-кто высказал мнение, что переход от партизанской борьбы крупного масштаба к действиям небольшими отрядами –

это отступление революции. Слышались голоса: «Нас не удовлетворяют действия даже больших отрядов. А тут предлагается действовать малыми силами! Когда мы сможем одолеть японский империализм таким методом? Товарищи во Внутреннем Китае орудуют крупными частями, действуют с большим размахом. А что делать нам, людям Северо-Востока, зачинателям сопротивления Японии? Действия маленькими отрядами лишь опозорят нас».

Но полагать, что только действия крупными отрядами приносят популярность, а деятельность небольших отрядов дискредитирует репутацию, неверно.

По вопросу о курсе на проведение действий небольшими отрядами разговоров было много. По этому поводу я обменивался мнениями с боевыми друзьями из Советского Союза и Китая как в зале совещания, так и за его стенами. Они проявляли довольно живой интерес к моим взглядам. И это было понятно: уже на перевале Сяохаэрбалин мы наметили курс на переход к операциям небольших отрядов с целью сохранения и приумножения сил КНРА, да и раньше имели опыт успешного проведения рассредоточенных действий небольших отрядов.

– Ситуация, – говорил я, – коренным образом изменилась. И потерь у нас немало. Ради не только сегодняшнего дня революции, но и ее завтра нельзя пренебрежительно относиться к вопросу сохранения сил. Не думайте, что легко одолеете империалистическую Японию. Чтобы разгромить японский империализм, чтобы освободить свою родину, и КНРА, и ОСВАА должны сохранить и приумножить свои силы. Действия небольшими отрядами позволят и динамично развернуть работу по созданию организаций всенародного сопротивления, облегчат добывание продовольствия. Более того – действовать малыми отрядами просто удобно. С лета прошлого года мы действовали именно так. Результаты были выше всяких похвал. Дело это стоящее. А крупными отрядами можно действовать в случае необходимости.

Но тех, кто считал действия малыми отрядами шагом назад, простым объяснением справедливости такого метода действия не возьмешь. И мы вели детальное обсуждение ситуации в

регионах – Корее, Маньчжурии и Советском Союзе, аргументированно доказывая обоснованность перехода на действия небольшими отрядами. В ходе таких дискуссий удалось в основном сгладить разногласия.

Да, разговор о ситуации шел у нас в те дни действительно серьезный. Мы провели немало заседаний, но не было, пожалуй, другого такого случая, когда так глубоко и так долго, как на Хабаровском совещании, обсуждались бы вопросы сложившейся обстановки.

Обращаясь к апологетам концепции о действиях крупными отрядами, я говорил: «И Коминтерн предлагает воздержаться от таких действий. Его предложение отражает и стремления, и решимость коммунистов всех стран помочь защите Советского Союза и его революционных завоеваний. Если крупные партизанские бои негативно влияют на безопасность Советского Союза, то стоит это иметь в виду».

А представителю советской стороны я, между прочим, сказал: «Вам не пристало без надобности держать нас здесь на привязи. Ничего не делаем, просто сидим, сложа руки, рассуждая о сохранении сил. Так революцию не продвинешь. Мы создадим небольшие отряды и продолжим активные военно-политические действия в районах Кореи и Северо-Востока Китая».

Все участники совещания положительно отзывались о моем мнении. Да и то сказать – в те дни пожелания советских товарищей в наш адрес выглядели примерно так: посидите на Дальнем Востоке, занимайтесь учением, ходите на военную разведку мелкими группами – и оставайтесь в покое. Зато, по их мнению, у Японии не будет повода к нападению на Советский Союз.

Однако мы были не вправе так пассивно вести революционную борьбу. Если бы мы бесполезно проводили время за такими занятиями, то это было бы очевидным тунеядством, не более.

На дискуссиях мы, в конце концов, пришли к выводу: в будущем основной упор в своей деятельности надо делать на действия небольшими отрядами, на работу с массами, на создание необходимых организаций, на наращивание реальных сил. По сути своей это совпадало с духом нашего курса, который был уже обсужден и принят на Сяохаэрбалинском совещании.

На совещании советская сторона обещала нам создать на своей территории базу для действий ОСВАА и КНРА. И мы решили, используя выделяемую ей зону в качестве еще одной новой временной базы, развернуть действия небольшими отрядами в обширных районах Кореи и Маньчжурии. После Хабаровского совещания Советский Союз выделил для нас две базы на Дальнем Востоке. Одной из них был Южный лагерь под Ворошиловом, другой – Северный лагерь под Хабаровском. Мы временно заняли Южный. Здесь с нами находилась и часть сил 5-го корпуса 2-й армии ОСВАА. Северный же был выделен для 2-й и 3-й армий.

Как Командующий КНРА я отвечал тогда за Южный лагерь. Через некоторое время, слив воедино КНРА и часть сил 1-й армии, я создал 1-й отдельный отряд и в качестве его командира разработал меры для активизации действий небольших отрядов.

То, что, имея на Дальнем Востоке новую временную базу, мы получили возможность широко маневрировать небольшими отрядами в районах Кореи и Маньчжурии, может считаться своего рода переломной вехой в истории антияпонской вооруженной борьбы. Это, конечно, была пока мера временного характера, но она знаменовала собой первый крупный шаг на пути развития борьбы за окончательную победу антияпонской революции на новом, более высоком уровне.

Если мы в то время не сумели бы принять своевременные активные ответные меры в соответствии с велением создавшейся обстановки и процесса развития революции, то не смогли бы спасти революции от кризисной ситуации и не добились бы окончательной победы в революционной борьбе против японского империализма.

В процессе революции могут возникать самые суровые ситуации. Но наша революция не знала ни периода спада, ни периода ослабления усилий. Мы ни разу не спасовали перед трудностями, не опускали рук от горя, никогда не терялись перед наступлениями противника. Если бы мы хоть раз в трудной ситуации опустили руки или проявили пассивность, то враг безжалостно растоптал бы нашу революцию.

«Умрем, но ни в коем случае не покоримся, не сделаем ни

шагу назад!» – с такой волей, с такими убеждениями мы всегда превращали беду в счастье, неблагоприятную ситуацию в благоприятную для себя.

Хабаровское совещание, наряду с Сяохаэрбалинским, стало своего рода толчком для открытия нового переломного периода в нашей революции. Эти совещания, определившие содержание и форму антияпонской вооруженной борьбы в первую половину 40-х годов, имели важнейшее значение. Они дали корейским революционерам возможность с твердой верой в освобождение Родины, укрепляя собственные силы нашей революции, готовиться к тому, чтобы во всеоружии встретить грядущее великое событие.

После совещания в Хабаровске мы, с одной стороны, вели военно-политическую подготовку своих сил на временной базе на советском Дальнем Востоке, а с другой – опираясь на надежные тайные опорные базы в горах Пэкту и во многих других районах Кореи, энергично развернули вооруженную борьбу и другие формы революционного движения в стране. Все это ускорило приближение светлого дня – дня освобождения Родины.

В то время, когда Полководец Ким Ир Сен, наметив новую линию, новый тактико-стратегический курс, активно вел военно-политическую деятельность, японо-маньчжоугоские войска и полицейские, зорко следя за ней, делали все для подготовки и осуществления ответных мер. Противник явно был растерян, о чем хорошо говорят следующие документы.

«В настоящее время элементами Компартии Кореи, совершающими под руководством Советского Союза заговорщические акции против Маньчжурии, являются остатки сил старых 1-й, 2-й и 3-й армий, в центре деятельности которых стоит Ким Ир Сен...

Ким Ир Сен занимает место военного начальника в системе Океанского лагеря, непосредственно подчиненного советской Красной Армии» («Дело о происках организаций неблагонадежных корейцев в Маньчжурии», письменные известия полицейского департамента генерал-губернаторства в Корее, адресованные к начальникам провинциальных полицейских управлений, 19 год сёва (1944).

«До начала нынешнего года все сильные бандитские группы Ким Ир Сена, Чхэ Хена, Ан Сан Гира, Чай Шижуна и других перешли на территорию Советского Союза и, пройдя в Ворошилове обучение во всех его формах, после апреля переформировались и на основе нового курса поочередно проникают в Маньчжурию» (Доклад Фуруя, и. о. консула в Муданьцзяне, 17 июня 16 года сёва (1941).

2. Революционер Ким Чак

Прошло несколько месяцев после кончины Президента Ким Ир Сена. Однажды великий руководитель товарищ Ким Чен Ир сказал своим сотрудникам:

– В Кымсусанском дворце съездов находился металлический сейф родного вождя.

Что в нем хранилось, никто не знал, даже его адъютанты.

После его кончины хотели открыть тот сейф, но не удалось – ключа не нашли. Нашли его лишь несколько дней назад. Открыли – и я увидел фотографию, ту, на которой запечатлены вождь и товарищ Ким Чак...

Обычно он передавал фотоснимки на хранение в Институт истории партии. Однако эту фотографию хранил у себя в сейфе.

Это ярко свидетельствует о том, что в его памяти всегда был боевой друг Ким Чак...

Жить в памяти вождя! Это величайшая честь для человека, наибольшее счастье революционера во всей его жизни. Ким Чак – вернейший из верных, зенит славы и счастья.

Что сделало его бессмертным, что сохранило его в памяти вождя?

...Первая моя встреча с Ким Чаком произошла в Хабаровске, где Коминтерн созвал совещание. Там я увиделся и с Чвэ Ён Гоном. И потому в моей памяти сохранился этот город – Хабаровск. Ким Чак приехал тогда на совещание в качестве представителя Североманьчжурского провинциального комитета партии и 3-й армии ОСВАА.

Мы с ним пробыли в Хабаровске не день-два, а несколько месяцев, и часто встречались, заходили друг к другу. В гостинице вместе со мной остановились Ан Гир и Со Чхор. Ким Чак приходил к нам в гости, беседовал с нами часа два, после чего уходил.

Встреча с ним произвела на меня столь большое впечатление, что наше первое знакомство и теперь свежо в моей памяти.

Ему еще не было сорока, он был лысоват, вел себя степенно... С первого взгляда меня почему-то потянуло к нему.

При первом знакомстве, как ни странно, меня не покидала мысль, что я его уже давно знаю. Казалось так, наверное, потому, что о нем я много слыхал и мне давно хотелось с ним

встретиться.

Назвав себя, я сказал: «Это у нас первая встреча, а мне кажется, что мы уже знакомы». «И мне тоже. Никогда бы не подумал, что с Ким Ир Сеном это у нас первое знакомство», – сказал в ответ Ким Чак.

Мы прекрасно понимали друг друга. Значит, одинаково глубоки были у каждого из нас думы, тосковали друг по другу.

Мне очень хотелось увидеться с Ким Чаком и Чвэ Ён Гоном. И я со своим отрядом сходил в Северную Маньчжурию, где они действовали. И Ким Чак жаждал свидания со мной. Он приехал в Гирин еще в 1930 году. Чвэ Ён Гон тоже горел желанием вести со мной совместную борьбу. Четыре раза он посылал связного в Цзяньдао.

Где бы мы ни сражались, будь то Северная или Восточная Маньчжурия, в то время каждым из нас владели думы о корейской революции, мы никогда не забывали, что мы корейцы, корейские революционеры, сыновья Кореи, которые, независимо от принадлежности к организациям и места действия, призваны посвятить себя борьбе за независимость Родины.

Могу сказать, что подобная психологическая общность побудила корейских революционеров Восточной и Северной Маньчжурии с давних времен тянуться друг к другу.

Отчего Ким Чак и Чвэ Ён Гон устремляли свой мысленный взор к Восточной Маньчжурии? Оттого, что хотелось увидеть земляков, корейцев.

Если 2-й корпус Восточной Маньчжурии был, я бы сказал, по сути корейский, то большинство личного состава 3-го и 7-го корпусов, в которых они воевали, составляли китайцы. Обоим пришлось работать и жить в среде китайцев, людей с совсем другими обычаями и языком. Вот почему они всегда с завистью смотрели на Восточную Маньчжурию, где корейцев было, как говорится, хоть пруд пруди – сотни тысяч, вот почему не могли не тосковать по нашим частям, где подавляющее большинство бойцов составляли корейцы.

– Отчего столь далеким был путь к встрече с Командующим Кимом? – Ким Чак как бы спрашивает сам себя после первых приветствий.

Его слова, странное дело, больно задели мою душу. Мы уже представились друг другу, но Ким Чак долго-долго не выпускает мои руки из своих. Смотрю ему в лицо – а у него на глаза навернулись слезы. Даже слезам дал волю этот самый немногословный человек. Вот сколь велика была его тоска по корейцам в Цзяньдао, по корейским отрядам... Что греха таить – и я прослезился в тот день.

Когда Корея была оккупирована, отец Ким Чака с семьей сразу перебрался в Цзяньдао. Наверное, он слыхал, что в Цзяньдао много земли и людям живется там неплохо. Если говорить о земле, то и в Хаксоне она, можно сказать, плодородная. Однако в родном краю сколь прилежно ни занимались крестьяне земледелием, они не могли избавиться от нищеты.

Кому неведомо, как хорош родной край! И все же, чтобы заработать на хлеб, люди толпами уходили на север.

Родители Ким Чака лелеяли надежду, что Цзяньдао откроет им путь к жизни. В семье было трое сыновей, так что не было и в помине забот о рабочих руках. Но дело повернулось по-другому. Трое сыновей, на которых возлагались столь большие надежды, занимались своим делом – махнув рукой на семью, они с головой ушли в революцию.

Дыхание революции в семью принес Ким Хон Сон, старший брат Ким Чака. Когда вспыхнуло Первомартовское народное восстание, он вышел на улицу и провозглашал «Да здравствует независимость!» Затем шел в Армию независимости, участвовал в сражении на Циншаньли, после чего окунулся в океан коммунистического движения. Он учительствовал в Тонхынской средней школе города Лунцзина, в которой было немало учеников – выходцев из России. Общаясь с ними, он, видимо, и попал под влияние социалистических идей. Работал потом секретарем участкового комитета компартии в уезде Нинань. Там он, по словам моего собеседника, стал жертвой заведомой клеветы и интриг.

Младший брат Ким Чака тоже слыл стойким революционером. Ким Чак рассказывал, что со страниц газет он случайно узнал о своем младшем брате как узнике Содэмунской тюрьмы и что его дальнейшая судьба неизвестна.

Занимаясь земледелием, Ким Чак прилежно учился в вечерней школе. Именно с той поры он включился в революционное движение.

Вначале он примкнул к Молодежной федерации Восточной Маньчжурии, затем вступил в компартию. Его ячейка находилась под влиянием группировки Хваёпха[8].

Даже зная, что Коммунистическая партия Кореи, созданная в 1925 году, была распущена из-за сектантской грызни, он не скрывал, что одно время состоял в одной из ячеек этой партии.

Тогда на Северо-Востоке Китая существовали два так называемых Маньчжурских бюро. Одно из них, Маньчжурское бюро Компартии Кореи, оказалось под контролем группировки Хваёпха, а другое было сфабриковано группировкой Эмэльпха[9], чтобы противостоять оппозиции. Вникнув в подоплеку фракционной грызни за гегемонию в партии, он был разочарован верхушкой Компартии, ослепленной борьбой за власть. В те дни он был брошен за решетку. Когда его терзали думы о коммунистическом движении, гибнущем в водовороте фракционных схваток, до тюремной камеры долетела потрясающая весть – Коминтерн распустил Компартию Кореи. Партия эта была запятнана сектантской грызней и была распущена. Тяжело было у него на душе.

«Раз так, то какой выбор сейчас у корейских коммунистов? И что мне теперь делать?» – эта мысль, говорит он, не покидала его и в тюрьме, и на воле. В душу закралось сомнение: «Да, со старым поколением каши не сваришь. Но откажешься от него – откуда возьмешь взамен новые силы? Как ни ломай голову – выхода не видно. Вышел из ворот тюрьмы, а в кармане – ни копеечки. Не на чем и самому продержаться». Наконец мелькнула мысль: «Надо бы хоть поблагодарить доброго человека – это мой моральный долг». Подумав так, он пошел к дому Хо Хона.

Именно Хо Хон защищал его на судебном процессе. Вообще-то подсудимый Ким Чак не хотел прибегать к услугам защиты. Нечем было платить адвокату, да и не было охоты нанимать его. А тут Хо Хон вызвался бесплатно защищать подсудимого. В суде он неоднократно защищал рево-

люционеров и деятелей движения за независимость, и его защита смягчала приговоры, а то и приводила к оправданию подсудимых.

Ким Чак провел у Хо Хона несколько дней, чтобы восстановить подорванное здоровье. Когда он уезжал из Сеула, хозяин дома подарил ему корейский халат *турумаги* и дал денег на дорогу. На эти деньги – то ли три, то ли четыре воны того времени – уезжающий, как он вспоминал, купил железнодорожный билет и продукты на дорогу.

Такая история связывала друг с другом этих двух людей. Защита Ким Чака в суде была выражением кристального патриотизма Хо Хона. Адвокат бесплатно защищал его, так как ему было больно и обидно смотреть на патриотов Кореи, которые делали то, что должны были делать как корейцы, но за это несли наказание. Сочувствие, солидарность, долг представителя старшего поколения патриотов... Вот что, можно сказать, повлияло на его действия. Короче говоря, Хо Хон был просто замечательным человеком...

После освобождения страны Ким Чак работал заместителем Председателя Кабинета Министров и министром промышленности. А Хо Хон, между прочим, был первым в стране председателем Верховного Народного Собрания. Руководителями из высшего эшелона государственной власти стали и бывший подсудимый, и его адвокат. Вот ведь как бывает в жизни!

В день своего назначения заместителем Председателя Кабинета Министров Ким Чак обратился к Хо Хону:

– Позвольте сказать вам вот что. Вы раньше защищали меня как подсудимого, а теперь прошу вас меня критиковать. Если как заместитель Председателя Кабинета Министров, просто как человек я допущу ошибки, беспощадно бейте меня.

Хо Хон, как говорят, был добрым, но принципиальным человеком. И он, честное слово, был готов бить Ким Чака по икрам, если бы тот допускал ошибки в делах. Однако старому наставнику ни разу не представилось такого случая: Ким Чак как заместитель Председателя Кабинета Министров и просто как человек никогда не занимался заслуживающими критики

делами.

Хо Хон просто ненавидел Пак Хон Ена, который тоже был заместителем Председателя Кабинета Министров. Заметив в его работе изъяны, Хо Хон не раз подсказывал мне: «Берегитесь этого Пак Хон Ена».

Не забуду, как горько рыдал Хо Хон после известия о смерти Ким Чака. С глубокой скорбью он сказал: «Он был незаменимой правой рукой для вас, Председатель Кабинета Министров. Слишком рано он от нас ушел».

Когда Ким Чак гостил у Хо Хона, он так стеснялся, что даже горячие блюда, которые для гостя готовили три раза в день, как он сам говорил, не лезли ему в горло. «Ничего особого еще не сделано мною ради своей нации, я был просто игрушкой в руках оголтелых фракционеров – и брошен за это в тюрьму. И вдруг обо мне такая забота – как о большом революционере! Чувствовал я себя тогда, как на иголках!» – признавался позже Ким Чак.

«Пусть сто раз умру и воскресну, но оправдаю ожидания народа!» – такова, говорят, была его клятва, когда он покидал дом Хо Хона, чтобы уехать в Цзяньдао.

На земле Цзяньдао ждала его и трагическая весть: отец и жена умерли после болезни. В доме остались двое несмышленышей – маленьких сыновей.

Но было ему тогда не до житья-бытья. Ходили слухи, что агенты японской спецслужбы были подняты на ноги, чтобы арестовать его. Коварству японских империалистов не было границ: посадят революционера за решетку, беспощадно бьют его, а затем, как бы демонстрируя свою доброту, выпускают на волю через переднюю дверь, а немного погодя снова берут под арест и бросают в камеру через задние двери. Такими изощренными были эти палачи.

Оставив двух сыновей в доме шурина, Ким Чак покинул село. В одежде крестьянина, в большой шляпе из камыша вышел он за околицу, погоняя корову шурина. Он поднялся на перевал – и корова то и дело мычит, зовя теленка, который остался в коровнике. На ее зов теленок отвечает грустным мычанием...

Главным, конечно, было хорошо, надежно замаскироваться.

Но Ким Чак дальше не мог вести с собой корову. Отзвуки грустного мычания зовущих друг друга коровы и теленка отдавались печалью в его сердце. От думы о детях, оставленных в доме шурина, он сам заливался слезами. Ему было жалко и теленка, и детей. И ему ничего не оставалось, как отпустить поводок. После этого он целых 16 лет не виделся с детьми. Не будь таким революционером, как Ким Чак, – не переживаешь подобной жизненной драмы.

Я спросил Ким Чака: «Интересно, какая судьба выпала им потом. Это вам известно?» «Если жив шурин, – отвечал он, – то они сводят концы с концами. А если с его семьей что-то случилось, они стали нищими. Не умерли бы они! Неужели им суждено, как нищим, просить подаяние у чужих ворот? Надеюсь все-таки, что они увидят день освобождения страны, встретятся со своим непутевым отцом».

Ким Чак услышал о нас, когда оказался в Нинане. Простившись со сыновьями, он пошел прямо в уезд Нинань, где были его коллеги времен Молодежной федерации Восточной Маньчжурии и знакомые люди из Маньчжурского бюро. Они рассказывали ему: «В районе Гирина появились новые силы, в корне отличающиеся от тех, что были раньше. Их руководитель – Ким Сон Чжу. Это молодой человек. Он авторитетен, силен своей притягательностью. Ходят слухи, что он страдал в тюрьме китайской военщины, затем был освобожден. Где он сейчас, чем занимается, мы не знаем».

Они были в курсе нашей деятельности, ибо линия связи с Гирином протянулась до Молодежной федерации Восточной Маньчжурии. В районе уезда Нинань было немало учащихся, которые занимались раньше в Гирине.

Услышав об этом, он, говорят, тут же тронулся в путь, чтобы увидеться со мной. Однако, к сожалению, это было, когда я уже покинул Гирин. Но в гостинице он случайно застал моих друзей. По-видимому, они тайно следили за ним.

Мои друзья, уточнив личность Ким Чака, выслушали всю историю поездки в Гирин. Они предупредили его: «Ким Сон Чжу в Гирине нет. Видимо, вы в Гирине в первый раз. Советуем вам здесь лишний раз на людях не появляться. Скройтесь. Сейчас

здесь после «Красного мая» разгул военщины. Они лезут из кожи вон, чтобы пересажать всех революционеров. С Ким Сон Чжу вы можете встретиться позже. Спешите ускользнуть из города Гирин, пока вас не сцапает полиция». И, говорят, мои друзья дали ему денег на дорогу и проводили в путь.

Оттуда он направился в Северную Маньчжурию. Там он был схвачен гоминьдановцами и опять оказался за решеткой. Он был в тюрьме, когда вспыхнули события 18 сентября. Не успел он выйти из тюремных ворот, как снова был арестован полицией китайской военщины, оставлен в тюрьме как подследственный. Неофициальный суд приговорил его к смертной казни. Разумеется, его осудили как коммуниста, но он к тому времени еще не включился в движение в истинном смысле этого слова, не причинил никакого ущерба военщине. Осуждение такого человека на смертную казнь было совершенно необоснованным наказанием. К тому времени Маньчжурия была в буквальном смысле слова краем беззакония.

Его уже привели на место казни, но он чудом спасся от верной смерти. Рассказывали, что там появился какой-то офицер, который крикнул: «Не стрелять!» Возможно, это был прогрессивно настроенный человек, сильный антияпонским духом. Ким Чак сказал, что тогда, покидая место казни, подумал: «Да, мир не совсем безразличен ко всем».

Какой же урок извлек он из пережитых им перипетий? Он говорит: «Факт, что еще с молодых лет я со своей стороны старался помогать революции. Но большую часть тех дней я провел в тюрьме и в дороге, ничего серьезного не сделал, лишь показывал врагу свои пятки. Только после того, как встал под ружье, взял в руки инициативу и начал бить противника».

– В революционерах, борющихся голыми руками, враги видят чучело, – говорил Ким Чак с улыбкой. – Не возьмешь в руки ружье – будешь бессильным существом, поистине чучелом, перед вооруженными до зубов разбойниками, не сумеешь защитить даже самого себя. Вот каков урок моей жизни.

Слушая Ким Чака, я думал, что он извлек правильный урок. Это, можно сказать, был урок доброй половины всей жизни Ким Чака и вместе с тем в этой жизни отразилась общая

закономерность революционной борьбы.

Революцию надо делать с оружием в руках. Исход всякой борьбы за национальную независимость и социальное освобождение решается, как правило, вооруженной борьбой. И основной фактор нашей победы в революционной борьбе против японского империализма – это то, что мы имели свои собственные революционные вооруженные силы.

На арене национально-освободительной борьбы в нашей стране выступали разношерстные силы, в том числе ведомые Ким Гу, Ли Сын Маном и Ре Ун Хеном. Однако японские империалисты самого грозного противника видели в нашей КНРА. Почему? Потому, что мы боролись против японских империалистов не петициями или забастовками, не кистью, не голыми словами. Мы вели упорную вооруженную борьбу, что является высшей формой национально-освободительного движения.

Победа в революционной борьбе против японского империализма подтвердила истину, что революцию надо вести с оружием в руках. Она побудила нас после освобождения страны твердо придерживаться революционной линии военного строительства во всем процессе борьбы за строительство обновленной Родины, за совершение дела социализма, прилагать все усилия для создания могучих революционных вооруженных сил.

И могущество государства, и национальное достоинство основаны на винтовке. Сильная армия – исток процветания нации, развития государства. Без винтовки не может быть самостоятельности. Заржавеет винтовка – народ станет рабом.

Сегодня товарищ Ким Чен Ир, стоя у руля революционных вооруженных сил, укрепляет Народную Армию как могучую и непобедимую, добиваясь поразительных успехов в военном строительстве. Это является самым ярким историческим подвигом в унаследовании и завершении нашего революционного дела, начатого в горах Пэкту.

Ким Чак многое рассказывал и о вреде фракционности. Да, он ничего особенного не успел сделать, однако успел оказаться за решеткой, как он сам сказал, благодаря именно сектантам. «Лишь вкусив тюремной похлебки, – сказал он, – я всеми

фибрами души осознал, что коммунистическое движение нельзя вести по-старинке. Без ликвидации фракционности ничего не сделаешь, не говоря уж о национальном и классовом освобождении. Я слышал, что в Гирине появились новые силы. Это не те, что под крылом Компартии Кореи, это коллектив людей, я бы сказал, нового свежего поколения, не имеющего ничего общего с сектантством. И я решил: таким силам без колебаний подам руку. Это побудило меня увидеться с вами».

Он добавил, что если есть что-то достойное внимания на его жизненном пути, то это создание им в Чжухэ партизанского отряда и начало вооруженной борьбы, и что его жизнь до этого была скитаниями и поиском. Да, так и было. После создания в Чжухэ партизанского отряда он, находясь на ответственных должностях в североманьчжурской парторганизации и 3-й армии ОСВАА, вел активную деятельность для развития корейской и китайской революции. Корейские и китайские революционеры, весь народ Северной Маньчжурии уважали и любили его как зрелого, испытанного революционера.

– Я давно обращал свой взор на вас, Командующий Ким. Если бы вы знали, как хотели увидеться с вами мы, корейские революционеры Северной Маньчжурии! Борясь с врагом, мы всегда обращали свой мысленный взор в сторону гор Пэкту, где находятся отряды Командующего Кима. Если в то время я увиделся бы в Гирине с вами, то не так мучительно переживал бы...

И когда его известили о том, что мы вступили в пределы Родины и совершили налет на Почхонбо, его самым горячим желанием, как он сказал, было пожать мне руку и поблагодарить от имени корейских революционеров в Северной Маньчжурии.

Слывший строгим человеком, Ким Чак неожиданно предстал перед мной как очень эмоциональная натура.

Он добавил, что от посланных мною в Северную Маньчжурию товарищей много слышал и о Восточной Маньчжурии, и о Западном Цзяньдао. «Самым ярким примером, который нам следует перенять у главной части КНРА в ее деятельности, – продолжал он, – я считал дух единства командиров и бойцов, начальников и рядовых, армии и народа. Идейно-духовным

примером, которому нам надо следовать, я считал дух самостоятельности. Как известно, нам пришлось, как говорится, скитаться по чужим углам в чужой стране, но вы считаете освобождение Родины своей главной боевой программой и уверенно выдвинули тезис о том, что корейцы должны бороться за освобождение Кореи».

Ким Чак до мелочей знал подробности нашего боевого пути. Он был в курсе даже того, что я однажды чинил ложе винтовки одного из бойцов. И в дни революционной борьбы, и в будни он считал нас, как сам говорил, как бы своим зеркалом. Настолько скромен был Ким Чак.

Хотя, по его словам, он считал нас зеркалом, на деле сам являлся примером для революционеров.

Он пользовался репутацией «человека-тигра». На самом же деле, будучи политработником, он, как никто другой, горячо любил бойцов. Он сказал, что эпизод с ремонтом ложа винтовки бойца тронул его до глубины души. Но и у него похожих на ту историй, касающихся отношений между командирами и подчиненными, было немало.

«Что обеспечивает боеспособность революционной армии? Дух товарищества. Оберегайте и любите товарищей по революции. Берегите их так, как собственное сердце. Нет на свете ничего дороже товарища по революции», – такую мысль внушал Ким Чак своим бойцам.

Однажды боец одного из отдельных отрядов пришел к Ким Чаку, доставив документы. Ким Чак дал ему отоспаться в казарме, а сам просмотрел бумагу. Наступила ночь. Взяв иголку с нитками, Ким Чак пошел в ту казарму, где спал связной, и починил ему изношенные белье и форму. Еще днем, когда боец передавал Ким Чаку документ, тот заметил его рваную форму и подумал, что хорошо было бы зашить ее. Связной боец был из чужого отряда, но Ким Чак позаботился о нем, как его родной брат или отец.

Кончается бой – и Ким Чак встречается с бойцами и поздравляет их с боевыми успехами. Не собирает их для этого у себя, а сам подходит к каждому бойцу и дает конкретную оценку его ратных успехов. Скажем, так: «Ты, голубчик, отличился при

прорыве через крепостные ворота, при налете на казарму маньчжоугоской армии, обращаясь к противнику с призывом к капитуляции. Но другое у тебя получилось не очень удачно...» По словам тех, кто сражался в отрядах Северной Маньчжурии, после подобных разговоров бойцы с еще большим подъемом сражались в следующем бою.

Ким Чак искусно вел работу и с теми, кто подвергся критике или получил взыскание. Так, если кто-то из бойцов получал выговор от командира, то Ким Чак обязательно вызывал его и узнавал, осознал ли он свой проступок. И если тот не все понимал, Ким Чак терпеливо убеждал его до тех пор, пока боец не осознал суть своей провинности.

Случай, о котором пойдет речь, произошел, помнится, тогда, когда Ким Дэ Хон служил в отряде Ким Чака командиром взвода.

Однажды он набросился с ругательствами на второго номера пулеметного расчета, который лишь недавно вступил в отряд. Еще не прошедший боевого крещения боец от испуга перед градом вражеских пуль стрелял, не целясь. Разъяренный взводный кричал: «Заячья у тебя душа! Если тебе дороже твоя шкура, брось прочь винтовку! Убирайся к черту! Марш домой, к родителям!»

После боя Ким Чак позвал к себе взводного. «Тебе, – сказал он ему, – негоже так обращаться с бойцами. Ты же знаешь, что он новичок. У него это первое боевое крещение. За что же ты бранишь его? Руганью ничего не добьешься. Покажи ему личный пример».

Говорят, что после этого взводный ни разу не повышал голос на бойцов.

Однако не думайте, что Ким Чак раздавал поблажки подчиненным. Он был командиром, сильным своей принципиальностью. Он и убеждал, и привлекал к ответственности, и наказывал – все зависело от обстоятельств. За серьезные ошибки, конечно, взыскивал строжайшим образом.

После смерти Ким Чака, вспоминая о покойном, Чан Сан Рён рассказал о следующем эпизоде.

Случай этот имел место зимой 1942 года, когда Ким Чак,

вернувшись с Хабаровского совещания обратно в Маньчжурию, действовал с небольшим отрядом. В отряде тогда ощущалась острая нехватка продовольствия.

Однажды Чан Сан Рён целый день ходил в лесу, охотясь на зверей. Ему повезло – убил медведя и кабана и собрался возвращаться на бивуак. Уже вечерело и темнело. Укрыв добычу, Чан Сан Рён попытался прибавить шаг, но совсем выбился из ног, да и дорога была гористая. И он не мог вернуться на привал, пришлось ему провести ночь в охотничьей хижине, невдалеке от тайного лагеря, а в отряд вернуться на следующий день утром. Но дело в том, что использовать эту хижину Ким Чак настрого запретил – по его мнению, ей могли бы пользоваться агенты спецслужбы противника.

Ким Чак, разумеется, узнал, что Чан Сан Рён ночевал в запрещенном месте. Позвал он к себе Чон Чхан Чхора и сказал: «Чан Сан Рён недостоин оставаться в наших рядах. Надо ставить вопрос ребром».

Чон умолял: «Прошу в последний раз простить его. Ведь он до этого отлично сражался за революцию».

Однако Ким Чак отрезал: «Простить такое нельзя! Пусть-ка он для начала постоит три часа на морозе».

Как приказано, Чон вышел с провинившимся. Не прошло и двух часов, как наказанный уже окоченел.

Чон, не в силах смотреть на него, обратился к Ким Чаку: «Чан, думаю, раскаялся в своем проступке. Надо бы разрешить ему войти». На что Ким Чак сказал, что попытка облегчить наказание провинившегося – тоже нарушение дисциплины, и велел ординарцу наказать и Чона – поставить и его на мороз. Прошло целых три часа, прежде чем он позвал в палатку Чан Сан Рёна и сказал ему: «Первым делом поешь, видать, ты голоден».

Чан сел за стол, но не мог даже взять ложку. Виновный, судя по всему, глубоко раскаялся в своем проступке. Поняв это, Ким Чак привлек бойца к себе и мягко сказал: «Ты, дружок, наверное, считаешь свой промах не таким уж серьезным. Но ты неправ. Знаешь, почему я отношусь к этому делу так серьезно? Потому, что погрешность твоя, ошибка одного человека, может

выдать местонахождение нашего малого отряда и, в конечном счете, может сорвать выполнение нашего революционного задания, не говоря уж об угрозе для жизни всех наших бойцов. Вот почему я велел никогда не пользоваться этой хижиной. А ты, хорошо зная о распоряжении своего командира, не посчитался с ним и остался там ночевать, то есть пошел на риск. Ведь если бы там оказались вражеские лазутчики, то бог знает, чем все это могло закончиться».

Каждое его слово врезалось в память Чан Сан Рёну, как он об этом говорил потом нам.

Ким Чак отличался немногословием, но уж каждое его слово было столь веско и категорично, как статья юридического кодекса.

Чтобы сломить боевой дух антияпонских партизан, наши враги в Северной Маньчжурии одно время стали распускать лживые слухи, будто Ким Чак «арестован», Пак Киль Сон «сдался японцам», какой-то отдельный отряд «сложил оружие», а с Хо Хен Сиком «что-то случилось».

Командиры и бойцы партизанского отряда знали, что все это – чистой воды вымысел. Они были просто в негодовании. Командир 2-го отдельного отряда, который устал от этих лживых слухов, решил проучить тех, кто их распускал. «Ну, ладно, – решил он, – я вам покажу, я вас проучу!» Заманил одного шпика, появившегося в районе расположения отряда. «Партизаны готовы сложить оружие, – уверял он того шпика. – Ты спускайся с горы и связывайся с жандармерией».

Жандармерия через своего агента сообщила партизанам о месте и времени предлагаемой встречи и обещала командиру того отряда большую награду. Для принятия «добровольной капитуляции» отряда жандармы в сопровождении агента появились в назначенном месте в условленный час. Увидев выстроившийся в лесу 2-й отдельный отряд, враги расплывались в улыбке и даже приветливо махали руками.

И в тот момент партизаны дружно выставили вперед оружие и хором выкрикнули: «Стоять! Ни с места!» Командир отряда гремел: «Подлецы! И вы думали, что мы пришли сдаться? Мы пришли взять живыми вас, негодяев. Всем поднять руки!»

Главный в рядах противника пробовал завязать разговор: «Нам известно, что коммунистическая армия не обманывает. А вы не держите слово. Виданное ли это дело? Армия должна действовать честно...»

Выслушав его, командир партизанского отряда ответил: «И ты, шкура, еще говоришь о доверии! Привык всех вокруг пальца обводить, пускать ложные слухи. А вот теперь и мы взяли тебя на пушку!»

В тот день отряд взял всех врагов живыми и вернулся на базу. Командира отряда после этого хвалили на все лады, считая, что он совершил большой подвиг. Говорили, что была это удачная операция. Этот случай был похож на историю с Пак Дык Бомом, который инсценировал капитуляцию, чтобы приобрести продовольствие, за что попал под огонь жесткой критики.

Ким Чак вызвал командиров 2-го отдельного отряда и учинил им жестокий разнос: «Скажите, что за образ мышления у вас! Вы думаете, что если враги лгут, то и партизаны могут так же поступать? Пусть это была только игра в капитуляцию, но как вы смеете просто связывать слово «партизан» со словом «капитуляция»? Вы потеряли право быть командирами революционной армии». И тут же он снял командира того отдельного отряда с должности, понизил по службе и всех остальных командиров.

После того, что я рассказал, вы, возможно, подумаете: Ким Чак обожал взыскания. Нет, он не был жестоким командиром, который бездумно наказывает людей.

Приведу еще один пример.

Однажды какой-то боец при выходе из боя второпях забыл вещевой мешок с зарядами для гранатомета. Оставил его на поле боя, взяв с собой только гранатомет.

В отряде прошло собрание, на котором виновного подвергли критике. В частях революционной армии бывали случаи, когда потерявшего оружие критиковали или наказывали. Тот боец, ставший предметом критики, воспринял советы боевых друзей как справедливые и поклялся не повторить подобной ошибки.

Но атмосфера на собрании сгущалась. Младший политработник поставил вопрос ребром: такой проступок заслуживает

суровой кары.

Ким Чак выяснил, когда провинившийся боец вступил в отряд. Оказалось, он новичок. И Ким Чак заключил: «Ответственны за происшедшее командиры. Они плохо воспитывали бойца. Ему помощь нужна, а не взыскание», – и отклонил предложение того политработника.

Если бы дело этим и закончилось, то ничего не случилось бы. Но младший политработник продолжал упорно стоять на своем, вследствие чего дело осложнялось.

Провинившийся новобранец, обеспокоенный своей дальнейшей судьбой, целый день не находил себе места, его лицо стало мертвенно-бледным. И в конце концов ночью он скрылся из лагеря. Дело, которое могло завершиться вполне спокойно, теперь приняло серьезный оборот и пошло по совершенно непредвиденному руслу. Политработник, настаивавший на наложении взыскания, стал предметом общей ненависти. О нем говорили как о человеке бессердечном, бездушном. Некоторые даже осуждали его как контрреволюционера, а самые горячие призывали покарать и его.

Обо всем доложили Ким Чаку. «Спрашивать здесь не с кого, – сказал он. – Вся вина лежит на мне. Если у нас в отряде есть такой политработник, который не умеет дорожить политической жизнью бойцов, то это значит, что плохо работал я сам как начальник политотдела». С того дня он перевел того политработника в собственное охранное отделение и, находясь рядом с ним, воспитывал его в индивидуальном порядке.

При каждом удобном случае он советовал командирам и бойцам поддерживать безупречные отношения между армией и народом, между начальниками и подчиненными.

Тот факт, что мы, проживая, как говорится, по чужим углам, подняли знамя корейской революции, Ким Чак высоко ценил с точки зрения самостоятельности. Между прочим, он сам наказывал бойцам-корейцам: «Хотя мы сражаемся в китайских частях, нам никогда нельзя забывать о корейской революции. В этой революции никто нас не заменит. Ее должны совершить сами корейцы. Нам ни в коем случае нельзя забывать свою Родину».

Мы с Ким Чаком нашли общий язык по многим вопросам, начиная с взгляда на революцию, подхода к народу, позиции в отношении самостоятельности и кончая методами и стилем работы, не говоря уже о партийном, государственном и военном строительстве.

Ким Чак говорил мне: «Удивительно, что вы в курсе всех подробностей моей жизни». Я же сказал, что давно пристально присматривался к нему. Выслушав меня, мой собеседник с улыбкой заметил: «И в лицо друг друга не знали, никогда не виделись, а проявляли внимание и скучали друг без друга. Это, видно, судьба». Я добавил, что и у меня такое же ощущение.

Чтобы встретиться со мной, он летом 1930 года приехал в Гирин. Значит, правильно будет сказать, что наша дружба ведет отсчет с той поры.

По своему возрасту, по своему вкладу в революционную борьбу Ким Чак, занявший высокую должность в североманьчжурском отряде, заслуживал уважения как старший из военно-политических руководителей-корейцев в маньчжурских партизанских формированиях. Что же касается меня, то в то время я еще не был ни главой государства, ни Генеральным секретарем партии. Однако и советским людям, и китайцам он представлял меня как представителя, руководителя корейской революции.

Отчего же он абсолютно доверял и уважал меня, человека на девять лет моложе его? Это можно объяснять рядом обстоятельств! Им владела мысль: чтобы вести революцию, нужен руководящий центр, вокруг которого все должны тесно сплотиться. Тяга к руководящему центру, потребность в нем, в конечном счете, можно сказать, и нашли свое выражение в исключительной внимательности и привязанности ко мне.

Встретившись со мной, он стал моим ближайшим товарищем и неизменно уважал и во всем поддерживал меня. Независимо от каких бы то ни было перемен в ситуации, он, безгранично доверяя мне, честно трудился.

После освобождения Родины, вернувшись в Корею, он, обремененный массой дел, исколесил всю страну. Его направляющую руку ждало строительство партии, вооруженных сил,

государства, промышленности. Ни дня не проходило у него без забот о стране и народе.

Так же было и во время Отечественной освободительной войны. Где только он не побывал! Будучи командующим фронтом, находился даже в провинции Чхунчхон. Сам он бывал на передовой линии фронта, но стоило мне выехать на фронт для инспекции, как он тут же отчитывал тех, кто сопровождал меня: «Вы что – не понимаете, где находитесь? Куда вы привели товарища Верховного? Вы в своем уме?» Тех, кто вместе со мной поехал в Суанбо, Ким Чак крепко отчитал.

Если в гиринские годы меня поставили во главе руководства молодые коммунисты нового поколения, то в 30-е годы и в первой половине 40-х годов Ким Чак и другие антияпонские революционеры, сделав меня ядром единства и сплоченности революционных рядов, боролись за претворение в жизнь линии корейской революции, основанной на принципах чучхе.

По мере укрепления единства и сплоченности революционных рядов вокруг меня сформировался центр руководства революцией в нашей стране. В этом деле Ким Чаку принадлежит выдающаяся заслуга. Вот в чем состоит его вклад в историю коммунистического движения и национально-освободительной борьбы в Корее.

В то время на советской дальневосточной базе встретились разные группы людей. Здесь были борцы из Северной Маньчжурии, выходцы из Южной Маньчжурии и корейцы, которые родились и выросли на советском Дальнем Востоке. Если бы в те дни каждая из них выпячивала на первый план свой отряд, свои цели, то ряды революционеров не были бы сплоченными и не было бы у них общего центра.

Однако у корейских коммунистов, съехавшихся на дальневосточную базу, отсутствовали такие пороки, как местничество, они не стремились к главенству, гегемонии и тому подобному. Все они были людьми чистой души, и подобного быть просто не могло. В довершение к этому такие, я бы сказал, «старейшины», как Ким Чак и Чвэ Ён Гон, с самого начала выдвинули вперед меня, так что центр руководства был незыблемым.

Приведу пример, который свидетельствует, насколько глубоко было уважение, доверие ко мне Ким Чака.

После участия в Хабаровском совещании он большую часть 1942 и 1943 годов провел в Маньчжурии. Уехал он туда для руководства малыми отрядами Северной Маньчжурии, но потом не вернулся на базу. То было время, когда только что погибли Хо Хен Сик и Пак Киль Сон, командиры североманьчжурского отряда.

Ким Чаку не хотелось покидать землю, которая пропитана кровью боевых друзей. С созданием Объединенных интернациональных войск командование не раз по рации просило, чтобы он вернулся. Но каждый раз получало ответ: сделаю то, что нужно, и вернусь. В то время его малый отряд имел рацию. При каждом таком ответе командиры ОИВ выражали свое недовольство.

Я подумал, что Ким Чак не понимает, что мы с учетом изменившейся ситуации сформировали ОИВ и приближаем день окончательной победы антияпонской революции. Это побудило меня сообщить ему по рации информацию от себя лично.

Лишь после получения моей радиограммы он вернулся на базу. Действительно, он пропустил мимо ушей указания командования ОИВ о возвращении. Почему же он так сразу же вернулся после моей радиограммы? Это произошло потому, что он глубоко уважал меня, верил мне. «Раз товарищ Ким Ир Сен велел вернуться, то так и надо было поступить, надо было безоговорочно, без каких-либо условий вернуться», – именно так он воспринял мои слова и требования – как абсолютную истину. Именно этим объясняется его поведение.

Еще на дальневосточной базе я видел, что он искренне уважает и оберегает меня.

Весной 1941 года, когда я уходил с небольшим отрядом, он проявил заботу о каждом из моих охранников, которые сопровождали меня.

Мы вели подготовку к последней наступательной операции по разгрому японских войск. Однажды он втайне от меня собрал корейцев – командиров ОИВ, чтобы обсудить вопрос об обеспечении моей безопасности. На нем Ким Чак подчеркивал:

«Пусть каждый с повышенной бдительностью, надежно принимает участие в обеспечении безопасности товарища Ким Ир Сена. Он – руководитель, представляющий корейский народ, революционеров Кореи. Поэтому надо всемерно оберегать его».

Как только бойцы КНРА вернулись на Родину, Ким Чак опять созвал их собрание по такому же вопросу. «На Родине обстановка оказалась намного сложнее, чем мы слышали раньше. Террористы распоясались. Не теряйте голову. Иначе бог знает, что сотворится. Хен Чжун Хек, ответственный секретарь Южнопхеньанского провинциального комитета партии, убит террористами. О том, что в Корею вернулся Полководец Ким Ир Сен, – ни слова! Придет время, и мы скажем об этом, а пока болтать об этом не надо. Пусть все, как охранники, обращают особое внимание на обеспечение безопасности Полководца Кима», – призывал Ким Чак. Позже он стал инициатором организации службы охраны.

На рассказ о его преданности мне не хватило бы и целого дня.

После освобождения страны я с первых дней, как и ныне, уделял большое внимание работе с людьми. Встреч со мной ждали и народ, и революционеры Южной Кореи, и иностранцы. Дел у меня было просто по горло. К тому времени Но-сака Сандзо возвращался в Японию через Корею после ее освобождения.

У нас в стране были дорогие для нас гости, но в те дни у нас не было службы их обслуживания. Не было даже гостиничного комплекса, где бы гости могли питаться и ночевать. Большинство гостей мне приходилось приглашать к себе домой. И у меня нечем было их угощать. На столе – каша да суп и ничего больше.

«Ну что ж, никуда не денешься! Ведь страна освобождена совсем недавно», – так тогда думал каждый из нас. Ким Чак, однако, был настроен более серьезно. Душой болел за то, что к столу, который накрывают для гостей у меня дома, подается не ахти какая водка.

– Бесспорно, положение в стране нелегкое, – сказал он. – И денег у нас действительно нет. Гости приходят к Полководцу в

дом часто. Так что же – нам все время ходить теперь на базар за бутылкой вина? В недалеком будущем, когда будет образована наша Республика, гости будут приезжать к Полководцу со всех концов света. Давайте построим ликеро-водочный завод, будем сами производить вино для гостей. Это, кстати, нужно и для обеспечения безопасности Полководца.

И он, ничего мне не говоря, начал разузнавать, какая водка считается самой популярной в стране, кто именно и как ее производит.

В те дни, помнится, в стране на лучшем счету была водка из Рёнгана. Ее гнал местный винокур вместе с дочерью. Говорили, что до освобождения Кореи рёнганскую водку любили потягивать японские высокопоставленные чиновники и местные богачи.

Ким Чак поехал в Рёнган. Винокур, глубоко тронутый визитом гостя, сказал: «Если государству понадобится специалист-винокур, возьмите мою дочку». Девушку звали Кан Чжон Сук. С тех пор она и варила Ким Чаку кашу, и гнала водку.

Когда женщина начала обустраивать новое место работы, Ким Чак вместе со своим сотрудником купил на рынке риса. И его дом, в конце концов, превратился в настоящую винокурню.

Через несколько дней он пришел ко мне с бутылкой «первача» – водки первого производства.

– Вот вам, Полководец, водка – первая рёнганская. Гнала Кан Чжон Сук.

И он до краев налил стаканчик. Я получил возможность убедиться: слухи о том, что рёнганская – высшего качества, были не лишены оснований.

– Отличная водка, – сказал я.

– Ну, если так, то все в порядке! – не скрывал своей радости Ким Чак.

С того времени рёнганская водка, которую гнала Кан Чжон Сук, получила «зеленый свет» на правительственные банкеты. И эта история сделала их супружеской четой.

Авторитет вождя Ким Чак возвел в абсолют. Вот одно из свидетельств тому. Если звоню ему я, он каждый раз встает из-за стола, поправляет себе одежду, застегивает пуговицы и

только потом начинает говорить в трубку. Даже будучи прикованным к постели, он так разговаривал по телефону со мной. Он делал так всегда – и в присутствии других, и тогда, когда рядом никого не было. Так не может вести себя тот, кто не умеет от всей души уважать вождя.

Не будет вождя – не будет и его самого, – думал он. Да, таким был Ким Чак.

Самым суровым испытанием в годы Отечественной освободительной войны было отступление наших войск. Было объявлено: это временное отступление, это стратегическое отступление. Однако люди слабых убеждений уже думали, что Республике пришел конец.

Противник прорвался на рубеже Саривона. Командующий фронтом Ким Чак, укрепив линию обороны Пхеньяна на рубеже Чунхва, Санвона и Кандона, доложил мне обстановку на фронте. «Пополню силы обороны отступающими частями и буду держаться до конца. Прошу вас, товарищ Верховный, и весь состав Ставки Верховного Главнокомандования уехать из Пхеньяна», – попросил он. Через несколько дней он снова обратился ко мне по телефону с просьбой переместить расположение Ставки.

Я сказал ему: «Да, вы задержали наступление противника. Достаточно, теперь можете отойти назад». Однако он не отступил и прислал мне свой партбилет, что означало: он решил пойти в решительный бой. Я позвонил ему по телефону и сказал: «Если бы не прибудете, я не уеду из Пхеньяна». Лишь тогда он с бойцами обороняющей части прибыл в столицу. А партбилет свой он взял обратно, когда началось новое наступление Народной Армии...

Были и такие, кто говорил: Ким Чак – это очень строгий, страшный человек. Да, он был страшен, но только для лодырей, подхалимов, ворчунов, эгоистов, карьеристов и фракционеров. В обращении с подчиненными, простыми людьми был безгранично добр и скромен. Он смертельно ненавидел двурушников, так что с ним и Пак Хон Ен вел себя довольно осторожно. И Ким Ду Бон, хотя он был одно время председателем Президиума Верховного Народного Собрания, видев Ким

Чака, старался не встречаться с ним.

Ему были чужды притворство и лицемерие.

Это были первые дни после освобождения страны. И вот перед Ким Чаком – его сын, который скитался по маньчжурской земле. Он был в рубахе из конопляной ткани, с двумя пуговицами, в соломенных лаптях. Ким Чак хотел познакомить меня с ним, но парень смутился: как же мне в лаптях предстать перед Полководцем? В такой момент обычные родители побежали бы в магазин за одеждой и обувью и лишь потом привели бы сына в новом наряде в мой кабинет.

Однако Ким Чак был не таким. «Тебе нечего стыдиться лаптей, – уговаривал он сына. – Видать, ты плохо знаешь, какой человек наш Полководец Ким Ир Сен, если так думаешь. Не беспокойся, пойдем. Ты и раньше ходил босым и теперь тебе вдруг походить на сына богача ни к чему. Думаю, Полководец будет только рад, если увидит тебя в соломенных лаптях, в такой рубахе. Он не обрадуется, если ты явишься в хорошем европейском костюме и кожаных ботинках». И он с сыном шагнул в мой кабинет.

Когда я увидел Ким Чака с его сыном, который пришел к отцу после добрых шестнадцати лет разлуки в соломенных лаптях, я не мог сдержать слез. Их в тот день у меня было, пожалуй, больше, чем у Ким Чака. Сколько проливал слез в душе сам он, Ким Чак! И наконец-то вот они – слезы волнующей встречи с детьми после долгой разлуки. Но вместе с ними Ким Чаку предстояло прожить, увы, немногим более четырех лет...

Он ушел от нас из-за переутомления. Бремя, которое он взвалил на себя, было слишком велико.

В последний раз я видел его 30 января 1951 года. В конце января того года Ставка Верховного Главнокомандования находилась в селе Кончжи. Вечером в тот день вдруг, откуда возьмись, явился предо мною Ким Чак. «Извините за опоздание, товарищ Председатель Кабинета Министров. Я помнил, что 24-е число прошлого месяца – день рождения Ким Чен Сук. Знал, что вы будете в этот день в одиночестве. Но я просто не мог приехать к вам – не позволили дела. Этот месяц уже на исходе. Сколько ни думал, не считаю, что вел себя достойно, и

сейчас не мог просто усидеть дома. И вот теперь я у вас».

Выслушав его, я сказал: «Декабрь прошлого года был у нас горячим. Надо было изгонять американских оккупантов из северной части страны. Было не до визитов, так что не слишком беспокойтесь».

В тот день Ким Чак почему-то погрузился, я бы сказал, в сентиментальное настроение, и это было на него непохоже.

Он попросил меня вместе погулять, и мы вышли на воздух. «До войны не бывал здесь, – говорит он. – Не знал, что есть такое симпатичное местечко. Кончится война – построим здесь хороший дом отдыха». Я был согласен с его идеей. Да, после освобождения страны мы, загруженные делами строительства обновленной Родины, даже не успели разузнать, где у нас имеются живописные ущелья и озера, которые подходят для места отдыха. Время было такое: хочешь отдохнуть – иди под мост Чансувон или на переправу Мэкчжон, вымой там в реке ноги. Вот и весь отдых.

Не забуду, как он старался в тот день не показывать мне дырки в пятках изношенных носков. Протянув ему пару новых, я сказал: «Вижу, все думы у вас – только о делах. Нельзя так. Берегите здоровье. На дворе трескучий мороз, снегу уйма, а вы в таких носках с голыми пятками. Холодно же! Позаботьтесь о самом себе хотя бы ради меня».

В тот вечер Ким Чаку хотелось поужинать вместе со мной. А тут неожиданно ко мне явился Хо Га И, сказал, что хочет доложить о партийной работе. Он, дипломатично обращаясь ко мне, довольно долго говорил о том, о сем и много времени ушло по пустякам. Ким Чак, так и не поужинав, уехал из села Кончжи. Покидая Ставку, он обратился ко мне: «Товарищ Верховный, с американцами биться мы будем до конца. Прошу вас, не переутомляйтесь. Обратите внимание на здоровье». Это стало его последней просьбой ко мне. Почему-то его наказ того дня особой болью отозвался в моем сердце.

Вернувшись к себе в служебное помещение, он всю ночь провел напролет за работой и умер из-за паралича сердца.

О его смерти мне сообщил министр здравоохранения Ли Бен Нам, по совместительству начальник военно-медицинского

управления. Я просто не хотел поверить услышанному. Ведь еще несколько часов назад он говорил со мной, уехал к себе – и вдруг ушел из жизни. Не верилось. Несмотря на уговоры охраны, я среди бела дня на машине отправился в пункт, где тогда находился Кабинет Министров. Лишь тогда я понял, что сообщение министра – правда.

Меня мучило раскаяние, что прошедшей ночью я не дал ему отдохнуть вместе со мной. Мне подумалось: если бы он спал возле меня, то не провел бы бессонную ночь и дело не дошло бы до паралича сердца.

Раскаивался я и еще в одном: вечером того дня я отпустил его от себя без ужина. Угощение гостя миской каши, конечно, не уменьшило бы моего горя, но отчего-то тот досадный промах и сейчас не дает покоя моей душе.

Подробностей прощания с покойным почти не помню. В моей памяти только одно: перед выносом праха покойного я в последний раз взял его за руки. Те самые руки, которые я впервые взял в свои десять лет назад в Хабаровске, долго не выпускал. Их теплоту я помнил все те десять лет, но в день прощания с покойным его руки были холодны, как лед. Да, это были те самые руки, которыми Ким Чак всякий раз брал меня за руку, первым выскочив из помещения, когда я возвращался с периферии после руководства делами на месте.

Всю жизнь он оставался моим верным соратником – и вот теперь ушел. И он всегда в моей памяти, я просто не могу забыть его. Проводив его в последний путь, я постарался позаботиться о его детях, так, как это сделал бы родной отец. Послал их за границу на учебу, организовал свадебный стол, поздравил с рождением внучки Ким Чака, порой приглашал к себе в гости к обеду. И все-таки кажется мне всегда, что остается еще что-то недоделанное для Ким Чака, и я никак не могу избавиться от ощущения пустоты в душе...

Когда наша революция переживает испытания, когда она сталкивается с теми или иными трудностями, это, признаться, наводит на думы о Ким Чаке.

Как я говорил и раньше, просто не могу заставить себя поехать на могилу Ким Чака. При ее посещении чувствую себя

виноватым, особенно если еду к ней на машине. Поэтому оставляю машину у подножия горы Тэсон и пешком поднимаюсь к могиле. Он ушел в иной мир, но вряд ли ослабнет у меня чувство любви и уважения к нему.

Революция заставила меня многое испытывать. Среди того, что глубоко врезалось мне в память, – вечное ощущение дыхания товарищей.

Для того, кто идет по пути революции, кто не на жизнь, а на смерть сражается за освобождение и свободу народа, самое дорогое – это товарищество и товарищеская любовь. Верный товарищ – это, я бы сказал, мое «второе я». Ведь «я» никогда не изменит «я». Сплочение таких преданных товарищей, отличающихся глубоким чувством долга, дает силу одолеть и небо. Вот почему я часто говорю: приобретешь товарища – получишь всю Вселенную, потеряешь его – лишишься всего на свете.

Слово «товарищ» можно толковать как «единомышленник». Мысль рождает идейный настрой. Товарищеские отношения, обусловленные временными интересами или расчетами, не могут быть прочными, они порою легко рвутся. Однако те отношения, которые скреплены силой идей и воли, – вечны, их не прервет ни пуля, ни виселица.

Корейская революция дала множество товарищей, ставших ярчайшим примером для других благодаря своей преданности руководителю. Эти люди образуют вокруг нас, образно выражаясь, своего рода Галактику.

Увековечивая память покойного Ким Чака, мы присвоили его имя городу Сончжину, неподалеку от которого он родился, а также Чхончжинскому металлургическому заводу и Пхеньянскому политехническому институту, где до сих пор видны следы его огромных усилий. Сейчас это город Кимчак, металлургический завод имени Ким Чака и политехнический институт имени Ким Чака. Одно из военных училищ Народной Армии тоже названо его именем. В городе Кимчаке воздвигнута его бронзовая статуя.

Я надеюсь, что и сегодня в строительстве социализма носящие его имя город, завод и вуз всегда будут стоять в первых рядах.

Ким Чак как никто другой не любил плестись в хвосте у других. Он был всегда впереди, устремлялся только вперед. Для строительства отечественной индустрии им было сделано немало. При виде предприятий, где плохо поставлено хозяйственное управление, я всякий раз мысленно повторяю: «Если бы Ким Чак узнал об этом...» Когда он был министром промышленности, экономика нашей страны работала четко, как часовой механизм.

Сейчас у нас немало тех, кто в свое время работал вместе с Ким Чаком. Вам, товарищи, следует делать все, чтобы не пропали даром его громадные усилия, отданные строительству нашей промышленности.

3. Встречая весну на чужбине

Посетители Музея корейской революции всегда долго стоят перед фотографией, на которой размашистым почерком товарища Ким Ир Сена начертано: «Встречая весну на чужбине».

Как-то посетив Музей корейской революции, товарищ Ким Ир Сен остановился перед ней и сказал, что это самый дорогой для него фотоснимок.

Каждый раз, вспоминая о годах антияпонской революционной борьбы, он рассказывал о товарище Ким Чен Сук. Она всегда жила в душе дорогого вождя как самый дорогой ему и близкий товарищ, как незабываемый соратник по революции.

Снимок этот был сделан в то время, когда я находился в Южном лагере. Это была временная база недалеко от Ворошилова, которой пользовались вначале отряды КНРА и отряды, находившиеся в подчинении 1-й армии объединенных антияпонских войск. Южный лагерь мы называли лагерем В.

Проведя там одну зиму, я снова вышел на территорию Маньчжурии и Кореи, развернул деятельность малыми отрядами. В связи с началом войны между СССР и Германией и тихоокеанских кампаний резко изменилась обстановка. В соответствии с этим мы вместе с ОСВАА и советскими войсками организовали Объединенные интернациональные войска и с лета 1942 года обосновались в Северном лагере. База, находящаяся недалеко от Хабаровска, которую антияпонские борцы называли лагерем А, и есть Северный лагерь.

После Хабаровского совещания я направился в Южный лагерь.

На подходах к лагерю нас встретил Чвэ Хен, который прибыл туда немногим раньше нас. Увидев меня, одетого в шубу и шапку, он некоторое время с удивлением смотрел на меня, а потом вдруг рассмеялся: «Думаю, что это за джентльмен, а, оказывается, это Полководец Ким!» До сих пор не могу забыть его тогдашнего изумления. Чвэ Хен так сжал меня в своих объятиях, что у меня перехватило дух. С капризной ноткой в голосе, полушутя-полусерьезно он говорил: «Слышал, что идет

совещание в Хабаровске. О чем же вы так долго там совещались?»

Если от Южного лагеря пройти немного на восток, то там проходит железная дорога от Хабаровска на Владивосток и находится небольшая станция.

Бойцы Народно-революционной армии, собравшиеся в Южном лагере, построили дополнительные казармы, жилые дома, склады, кухню и умывальню. Казармы выглядели вроде полуземлянок, в которых были сооружены двухъярусные нары, как в нынешних наших народноармейских казармах. Тогда наши бойцы немало потрудились, воздвигая эти постройки. Перед казармой была и широкая площадка.

В Южном лагере мы активно вели политическую учебу, готовясь к деятельности малыми отрядами в Корее и Маньчжурии. Большинство наших бойцов тогда впервые увидели кино.

После того, как мы разместились там, нас уже не беспокоили заботы о питании. На один прием пищи нам давали по 200 граммов тонко нарезанного хлеба, однако вначале бойцы плохо ели его. Дело было в том, что наши люди не привыкли к европейской пище, да и приличных дополнительных продуктов было мало.

В лагере имелась и машина интендантской службы. На этом грузовике нам из ближайшего подсобного хозяйства привозили необходимые продукты.

Шофером этой машины был советский человек. Ли О Сон ходил за ним по пятам, чтобы научиться водить машину. Иногда он ездил вместе с ним и в подсобное хозяйство. В результате этого Ли О Сон научился не только водить машину, но и пить водку. Кажется, советский шофер был очень пристрастен к этому напитку.

Благодаря тогдашним урокам Ли О Сон и после освобождения страны некоторое время водил машину.

При виде машины он просто терял голову. Однажды сел за руль моей машины и наехал на ограду. С тех пор товарищи запретили ему садиться за руль.

После освобождения Кореи ряд советских друзей, находившихся вместе с нами в Южном лагере, посетили нашу страну.

Приезжал в Пхеньян и шофер того грузовика и встретился со своим старым другом Ли О Соном.

В памяти живы воспоминания о той зиме, которую мы пережили на Дальнем Востоке, и весне, проведенной там.

В 1941 году большие перемены произошли не только в нашей революции. В мировом масштабе тоже было много значительных событий.

В июне гитлеровские войска напали на Советский Союз, а в декабре нападением японских войск на Пёрл-Харбор началась тихоокеанская война.

Да, 1941 год был несчастливым годом, принесшим человечеству неисчислимые бедствия и страдания. Это был год бедствий, год войн, когда гусеницами танков и снарядами пушек безжалостно разрушалась тысячелетиями создавшаяся цивилизация человечества.

Однако в те весенние дни и война между Советским Союзом и Германией, и тихоокеанские кампании были еще делом будущего. Преисполненные веры в свои силы и уверенности в будущем, мы торжественно встретили 1941 год. Приближался час, когда корейские революционеры должны были выполнить свой священный долг перед эпохой и историей, Родиной и нацией.

Встречая новую весну, я много раздумывал над деятельностью малыми отрядами и над дальнейшими совместными операциями. А обдуманное я обязательно обсуждал с товарищами. В то время в Южном лагере некоторое время находились Ким Чак и Чжоу Баочжун, и я часто советовался и с ними.

После Хабаровского совещания мы решили организовать малые отряды и направить их в Корею и Маньчжурию. Я тоже готовился отправиться в путь вместе с малым отрядом.

До дня отправления оставалось немного, и Ким Чен Сук помогала мне и уходящим товарищам собраться.

К тому времени мы уже поженились.

Мы познакомились и узнали друг друга в ходе революционной борьбы, разделяя горести и радости партизанской жизни в горах Пэкту, стали друзьями и товарищами, спутниками на всю жизнь.

Впервые я увидел Ким Чен Сук, когда мы проводили совещание в Дахуанвэе. То ли после совещания, то ли в разгар его, точно не помню, я пошел в Сандаовань в уезде Яньцзи. В Сандаоване есть местечко Нэнчжиин. Там находился партийный секретариат, в котором работала Ким Чен Сук. На совещании работников секретариата, созванном в Нэнчжиине, я и познакомился с нею.

Впоследствии в Мааньшане я снова встретился с Ким Чен Сук, которая тогда была зачислена в наш отряд. Особенное впечатление произвел на меня ее образ, когда она вместе с Ким Мен Хва встречала меня в Маньцзяне. В тот день между нами состоялась продолжительная беседа. Я узнал, что она была одна-одинешенька на этом свете. Близкими людьми для нее, на которых она могла бы опереться, были лишь соратники по революции.

С тех пор Ким Чен Сук все время сражалась вместе со мной.

После ее прихода в наш отряд был рейд на уездный центр Фусун. В этом бою она сполна проявила как партизанка мужество и храбрость, смекалку и гибкий ум.

Можно сказать, что благодаря ей я остался живым в этом бою. Это был очень трудный бой. Ким Чен Сук вместе с 7 – 8 партизанками готовила завтрак в небольшой низине неподалеку от места боя. В этой седловине находился дом, в котором можно было приготовить пищу, он стоял так, что не было заметно дыма, выходившего из трубы.

Но неожиданно враги атаковали эту низину, где находились одни партизанки. Если бы мы отдали эту низину, то наш отряд мог оказаться зажатым с двух сторон. Моментально оценив обстановку, становившуюся все более грозной, Ким Чен Сук выдернула из кобуры маузер и вместе с подругами открыла яростный огонь. Натолкнувшись на отчаянный отпор, враги отошли, оставив многочисленные трупы.

После этого боя Ким Чен Сук стала пользоваться еще большей любовью товарищей.

В тот год мы действовали в Чанбае. А в марте следующего года отправились в поход в Фусун.

О том, что это был очень трудный поход, я уже говорил не

однажды. Откровенно говоря, и для меня он был физически очень трудным. Когда наступала ночь, большинство бойцов просто падало от усталости, забываясь в тяжелом сне.

А Чен Сук всю ночь напролет сидела возле костра и чинила порвавшуюся одежду товарищей. Поход продолжался по лесным дебрям, и одежда превращалась в лохмотья. Ма Дон Хи, тогда еще новичок, тоже участвовал в походе в Фусун, и однажды от костра у него прогорела шапка. Эту шапку ему починила Ким Чен Сук, да так хорошо, что она выглядела совсем как новая.

Как я впоследствии убедился, Ким Чен Сук, взявшись за любую работу, отдавала ей всю свою душу и безупречно выполняла ее. В ту походную ночь, глядя на нее, я просто восхищался ею.

Что же привлекало меня в ней? Ее несравненная доброта, эта особенная черта ее характера, не дающая ей спокойно уснуть, если она не помогла другим.

Так через подобные детали повседневной жизни я смог хорошо узнать качества Чен Сук, как женщины. Поэтому я без колебаний согласился на предложение командиров включить Ким Чен Сук в группу подпольщиков, направляемых в поселок Таоцюаньли.

Ким Чен Сук провела большую работу в районах Таоцюаньли и Синпха. Именно тогда я обнаружил у нее недюжинные способности и талант революционера.

Она обладала необыкновенным талантом влияния на людей, умением их пробуждения и мобилизации. Когда она была арестована ищейками Цзинъаньской армии, жители Таоцюаньли и окрестных селений представили в полицию «справку о благонадежности» с соответствующими печатями и отпечатками пальцев нескольких сот человек. Можно сказать, что эта справка явилась характеристикой Ким Чен Сук, данной ей народными массами.

Как она могла пользоваться таким доверием народа?

Это был результат самоотверженности Чен Сук. За любую работу она бралась с уверенностью в своих силах, отдавалась ей всей душой. Казалось, она думала: «Чего бояться? Тут ведь

одно из двух – или умереть, или остаться в живых». Именно поэтому, я думаю, она и выходила живой из любого переплета.

Ким Чен Сук пламенно любила человека. Она без сожалений жертвовала собою во имя других. За товарищей она шла в огонь и в воду. Таков был ее характер.

В апреле 1938 года мы, разгромив врагов в Людаогоу, на обратном пути провели бой в Шуаншаньцзы. Битва была ожесточенной, даже мне пришлось лечь за пулемет и бить врагов на передовой. На нас нажимали со всех сторон, и нам некуда было выскользнуть, некогда было ни перевести дух, ни перекусить. Неожиданно я боком почувствовал что-то теплое. Сунул руку в карман и вынул оттуда... пельмени. Бросил взгляд в сторону и увидел, что Чен Сук перебегает от одного бойца к другому и раздает им пельмени. Положив в рот и жуя эти пельмени, мы продолжали бой.

Кухня находилась возле родника под крутым обрывом, и нельзя было понять, как она поднялась по этому обрыву с большим тазом с пельменями.

Ким Чен Сук, которая всегда беспокоилась о питании бойцов и даже с едою приходила на поле боя, сама была почти всегда полуголодной.

Как-то в отряде кончилось зерно, и всем нам пришлось жить на одной картошке. А картошка, если есть только ее подряд несколько раз на дню, очень скоро вызывает отвращение, и человек теряет аппетит. Чен Сук очень терзалась из-за того, что несколько дней пришлось кормить товарищей одной картошкой. Она все думала, как поднять аппетит бойцов. Натерев картошку на терке, она пекла оладьи, а иногда, нарвав диких трав, готовила из них начинку и делала хлебцы. С тех пор бойцы стали с аппетитом есть пищу из картофеля.

Всю свою жизнь Ким Чен Сук прожила не для себя, а для товарищей. Ее жизнь началась с любви к товарищам, развивалась, исходя из этой любви, в ходе чего она стала выдающейся революционеркой, обладающей наивысшим уровнем коммунистической нравственности и долга. Все, что она сделала за свою жизнь, было сделано для товарищей, для народа, для революции. Для самой же себя у нее ничего не осталось.

В мыслях Ким Чен Сук не было понятия «я».

«Пусть я буду голодной и больной, пусть мне будет холодно, но я буду рада и спокойна, если не будет холодно товарищам, если они не будут голодны и больны. Если ценою моей жизни можно будет спасти товарищей, то я без малейшего колебания, с улыбкой на лице выберу смерть», – такова была точка зрения Чен Сук на жизнь.

Чтобы узнать, сколь искренне и горячо любила Чен Сук товарищей, достаточно услышать рассказ о шерстяном одеяле.

Недавно в Пхеньян встретиться со мной приезжала Со Сун Ок, боевая подруга Ким Чен Сук, которая проживает в Янь-цзи. Она привезла с собой шерстяное одеяло и бинокль. Со Сун Ок была поварихой в Командовании главного отряда КНРА. Ее муж Ким Мен Чжу тоже одно время был командиром в главном отряде. Это был человек, который прославился под прозвищем «Яньцзиская тюрьма». Когда мы действовали в районе Фусуна, он служил в 7-м полку.

К нам в партизанский отряд ее привела с собой Чвэ Хи Сук, которая вела подпольную работу в Яофанцзы. Когда Сун Ок вступила в наш отряд, ей было всего 15 или 16 лет. Вместе с нею Чвэ Хи Сук привела и ее племянника. Тот юный боец-новичок, в котором Ом Гван Хо подозревал вражеского лазутчика в Цинфэнском тайном лагере, и был племянником Со Сун Ок.

Со Сун Ок пользовалась большой любовью Чен Сук. Ночью на привалах Чен Сук спала, крепко обняв Сун Ок, которая была на несколько лет младше ее. Они спали под одним одеялом. В то время при Командовании было всего двое девушек – Ким Чен Сук и Со Сун Ок.

Одеяло, которое привезла с собой Со Сун Ок, - то самое, которым Чен Сук постоянно пользовалась. Оно всегда лежало поверх ее вещевого мешка. И когда этот мешок был таким огромным, что за ним не было видно человека, я узнавал его хозяйку по этому одеялу.

Это одеяло Ким Чен Сук подарила на память Со Сун Ок, когда та уходила на базу малого отряда. На этой базе находились и Ким Мен Чжу, и Хен Чхор. Наверное, Ким Мен Чжу и Со Сун Ок и поженились на той базе.

В тот день, когда Со Сун Ок отправлялась на новое место, она, обняв Ким Чен Сук, все плакала. И не удивительно, что было столько слез: ведь расставались девушки, которые укрывались одним одеялом.

Тогда Ким Чен Сук очень мучилась, что не могла приготовить подарок для Сун Ок.

Засовывая одеяло в вещмешок Сун Ок, она говорила: «Возьми с собой на память. Хоть оно и не новое, но ты не забывай, что оно хранит тепло сестры, которая любила тебя, как родную сестренку». И вот это одеяло спустя полвека вернулось ко мне.

Хотя минуло более пятидесяти лет, одеяло, которым Чен Сук укрывалась каждый день, я сразу узнал. А бинокль, который привезла Со Сун Ок, я в свое время подарил Ким Мен Чжу.

Если бы в то время у Ким Чен Сук была вещь дороже шерстяного одеяла, она бы без колебаний отдала Со Сун Ок и ее. Она всегда говорила, что ей приятнее отдавать, чем получать. Конечно, хорошо, когда пользуешься любовью других, но еще лучше любить их, – такой, можно сказать, была жизненная философия Ким Чен Сук.

Чувство товарищества Ким Чен Сук особенно высоко проявлялось в ее внимании ко мне, в ее самоотверженной заботе обо мне. Преданность своему Командующему, по своей сущности, можно сказать, тоже является проявлением товарищеской любви.

Не помню уже в каком году, но был у нас такой случай. Кончилось продовольствие, и приходилось вести бои, голодая по нескольку дней. Бой был в самом разгаре, когда я почувствовал, как мне кладут что-то в карман. Обернулся и увидел Чен Сук. По окончании боя я вынул из кармана бумажный кулек и, развернув его, увидел чисто очищенные кедровые орехи.

Я спросил у Ким Чен Сук, откуда появились эти орехи.

Но она не отвечала и только улыбалась. Впоследствии я узнал от девушек, что она сама лазила на дерево, чтобы набрать кедровых шишек.

Ким Чен Сук не раз выручала меня из беды. Она всегда была готова собою защитить меня.

Когда мы вели бой в глуши Дашахэ, вокруг меня создалась буквально критическая обстановка. Группа врагов незаметно подкрадывалась ко мне. Однако я, всецело занятый командованием боем, не замечал, что творится вокруг.

Если бы не Ким Чен Сук, в тот день не миновать мне большой беды. Защищая меня своим телом, она метко стреляла, уничтожая всех врагов. Так я чудом избежал смерти. И такие случаи бывали не один и не два раза.

Ватное пальто, которое я много лет носил, сражаясь в горах, тоже сшила мне Чен Сук. Кажется, она где-то услышала, что пуля не пробивает шелковую вату. После этого она при каждом удобном случае добывала шелковую вату и, набрав ее сколько нужно, сшила мне ватное пальто. Несколько дней и даже по ночам она старательно шила, а когда увидела, что оно мне как раз впору, не знала, что делать от радости.

На привале, когда я проводил ночи без сна или же спал, то расстилал на земле шкуру косули, которую всегда носил с собой, а сверху укрывался этим ватным пальто и совсем не чувствовал холода.

Говорят, женщины сейчас не очень любят заниматься вязанием. Да это и понятно, ведь в наше время есть трикотажные машины, так что незачем утруждать себя таким занятием.

Каждый раз, когда я вижу вязаные изделия, то вспоминаю Чен Сук. Она очень много вязала для меня. Она и так была занята приготовлением еды для бойцов, ей не хватало времени, и было непонятно, как она его выкраивала, откуда доставала шерсть для вязания. Одним словом, как только у нее выдавалась свободная минутка, она или читала книги, или вязала.

В горах очень трудно достать шерсть. В те времена для того, чтобы достать пачку иголок, нужно было вести бой. Беспокоясь о том, что я во все времена года спал и ел на открытом воздухе, ходил в походы, сражаясь с врагами, Ким Чен Сук сшила мне ватное пальто, связала шерстяной пояс и все время – до самого освобождения Родины обеспечивала меня вязаными шерстяными носками.

Мне было очень неудобно за то, что доставлял ей столько хлопот. И однажды я спросил, как и где достает она шерсть для

вязания. Но в ответ Чен Сук только улыбалась. Тогда я спросил, носит ли она сама вязаные чулки. Она не отвечала и на этот вопрос. Но я не отставал и настойчиво расспрашивал ее. Тогда она нехотя сказала: «Вы, Полководец, занимаетесь важной работой, так что на такие мелочи можете не обращать внимания».

После освобождения страны Чен Сук продолжала много вязать для меня. Если носки мои изнашивались, она их не штопала, а распускала и сматывала нитку в клубок, а затем вязала новые. Просидев всю ночь за вязанием, она утром клала носки возле моей постели. Конечно, в магазине или на рынке можно было купить носки и получше. Но она не покупала новые. Купив раз, она распускала и вязала заново до тех пор, пока нитки не приходили в полную негодность, и таким образом обеспечивала меня связанными собственноручно носками.

Даже пару носок она хотела связать мне собственными руками. Такова преданность женщин.

Был даже случай, когда я невольно рассердился из-за этой необыкновенной преданности Ким Чен Сук. Как-то зимой она выстирала мою одежду и высушила ее на своем теле. Конечно, она старалась сделать это незаметно, но до меня дошли слухи об этом, ибо девушки, восхищенные ее поступком, за глаза хвалили.

Впервые в жизни услышав о том, что одежду сушат на теле, я был просто ошеломлен и вызвал Ким Чен Сук в Командование. Увидев ее, совсем посиневшую от холода, я почувствовал, как на глаза навертываются слезы. При мысли, что она сделала то, что не смогла сделать и моя мать при жизни, я не находил слов.

Чувство товарищества Ким Чен Сук, которая добровольно взяла на себя ту работу, которую не могла выполнить и родная мать, и жертвовала собою, – это было не только чувство революционного товарищества к своему Командующему, но и чувство горячей любви к Ким Ир Сену как человеку.

Я сказал ей: «Чен Сук, я преклоняюсь перед твоей искренней заботой обо мне, и всегда благодарен тебе за это. Но зачем ты сделала это? Что будет, если ты вдруг простудишься? И каково будет у меня на душе, если я буду благоденствовать ценою

твоей жертвы? Впредь прошу не поступать так».

Ким Чен Сук, улыбнувшись, ответила:

– Да какая эта жертва, Полководец! Было бы только вам хорошо...

Хотя я и рассердился на Чен Сук, но, отпустив ее, был готов расплакаться. Почему-то в тот момент вспоминалась мать. Мне казалось, что в искренней заботе Чен Сук обо мне крылась и любовь, которую не могла до конца отдать моя мать.

Я до конца дней своих не смогу забыть вид Чен Сук в тот день, когда она, высушив мокрую одежду теплом своего тела, дрожала от холода и, кусая губы, старалась скрыть это.

И впоследствии Чен Сук сушила на своем теле мою одежду и белье. Так что можно сказать, что она своим телом прикрывала меня от пуль, защищала от снега и дождя, оберегала от простуды.

Ныне наши историки называют путь пройденной нами антияпонской революции непроторенным раньше, и я думаю, что они правы. Антияпонские борцы-революционеры шли непроторенным путем не только в революции, но и в любви. Жизненные невзгоды наши трудно было описать, но и в горах Пэкту с их суровой природой зарождалась и крепла любовь.

В человеческой жизни есть любовь разного рода – любовь между родителями и детьми, любовь между супругами, между влюбленными, между учителем и учеником, между товарищами и так далее. Но самое главное в любви, я думаю, – это самоотверженность.

Только такая самоотверженность, когда человек готов идти в огонь и в воду, подняться на эшафот и броситься в ледяную прорубь ради того, чтобы любимый человек не был голоден, хотя голоден он сам, не был болен, хоть сам он и болеет, не чувствовал холода, хотя сам он дрожит от холода, – только такая самоотверженность может породить самую прекрасную, самую благородную и искреннюю любовь.

Когда я вернулся на освобожденную Родину и посетил Мангендэ, родные и близкие засыпали меня вопросами: «Говорят, в годы борьбы в горах ты встретил хорошую девушку, так где и как ты справил свадьбу, кто был шафером, кто накрыл

вам свадебный стол?»

Я не мог ответить им. При этих вопросах к моему горлу невольно подкатил горячий комок, и я лишился дара речи. Я не мог сказать им правду – ведь дедушка и бабушка будут горько переживать, а родственники – очень сожалеть.

Когда мы сражались в горах, мы не знали свадебного стола. Конечно, жизнь была суровой и трудной, но более того, в том положении, когда мы еще не могли вернуть свою Родину, не могли смыть позор порабощенной нации, мы не могли думать о свадьбах или днях рождения. В наших рядах не было человека, который мечтал бы о такой роскоши.

Партизанская свадьба была несложна. Просто перед бойцами объявляли, что с сегодняшнего дня кто-то становится мужем и женой – и все. Мы не могли даже и думать о такой церемонии, как сегодня, когда молодые люди одеваются в свадебный наряд и сидят за свадебным столом. В лучшем случае новобрачным доставалась каша. Если не было каши, то давали похлебку, а если не было и похлебки, то давали картошку или кукурузу, но никто не выражал недовольства. Наоборот, все принимали это как должное и естественное.

В то время жених и невеста и после объявления об их женитьбе по-прежнему служили и жили в своих ротах или взводах. Не были исключением и командиры. Бывали случаи, когда сразу же после свадьбы приходилось идти в бой и кто-нибудь из новобрачных складывал голову, или же они получали разные задания и жили в разлуке.

В день моей с Ким Чен Сук свадьбы товарищи старались что-нибудь подготовить для нас, но так и не достали ничего.

Да и где они могли что-либо найти, когда весь отряд голодал, ибо у нас кончились продукты?

Хотя не было ни свадебного наряда, ни свадебного стола, ни церемониймейстера и шафера, я всю жизнь не забуду нашей свадьбы. И Чен Сук при жизни все время вспоминала тот день.

Услышав такое, молодые люди, наверное, с недоумением покачают головой, не веря этому. Однако в условиях тех дней мы не могли поступить по-другому. Все справляли свои свадьбы таким образом.

И даже считали это своего рода модой. Ради завтрашнего счастья охотно переносить сегодняшние трудности и видеть в этом плодотворность своей жизни – именно это было радостью антияпонских партизан. Так они жили во имя потомков, во имя сегодняшней Отчизны.

Когда я находился в Пэктусанском тайном лагере и на учебной базе на Дальнем Востоке, то решил, что после освобождения страны устрою пышную свадьбу соратникам. Но когда страна стала освобожденной, это снова оказалось лишь мечтой. Хотя страна была освобождена, но жизнь народа была бедной, положение с продовольствием было весьма напряженным, и мы не могли сделать это.

Вскоре после освобождения страны был такой случай. Однажды пришел Чан Си У и набросился на меня: «Разве можно допускать такое? Ваш человек, бывший партизан, взял средства Южнопхеньанского провинциального комитета партии, чтобы сыграть свадьбу какой-то личности!» Я спросил, кто совершил такой поступок. Он ответил, что деньги провинциального парткома взял Ким Сон Гук.

Я вызвал к себе Ким Сон Гука и приказал Ли Ыль Сору разоружить его. А потом спросил, по какому праву он своевольно распоряжается средствами провинциального партийного комитета.

– Сон Чжон Чжун женится, и я хотел приготовить свадебный наряд и одеяла, а также устроить свадебный стол. Ведь у него нет ни близких, ни родных. Кто позаботится о нем, если не мы? – со слезами в голосе ответил Ким Сон Гук.

Я резко критиковал его: «А я, думаешь, не знаю, что будет хорошо, если мы приготовим Сон Чжон Чжуну свадебный костюм и одеяла и устроим свадебный стол? Но ты подумай, можно ли сейчас нам заниматься этим. Если мы хоть немного помним о тех прошлых днях, когда мы справляли свадьбы, не имея возможности поставить на стол даже тарелку каши, то ты бы не протягивал руку в кассу партии. В таком положении, когда страна испытывает трудности, ты должен поступать как бывший партизан, серьезно обдумав все стороны вопроса». С этими словами я отпустил Сон Гука, но на душе у меня кошки

скребли. Говоря по правде, желание Сон Гука, старавшегося как следует справить свадьбу боевого товарища, с которым разделял и горести и радости, было только похвальным.

Из наших боевых товарищей многие женились, вернувшись на освобожденную Родину. Но все они справили свои свадьбы скромно. Этот факт всегда болью отзывался в моей душе. Поэтому товарищ Ким Чен Ир организовывал им 60-летние и 70-летние юбилеи, посылал им подарки.

Однако Чен Сук такое удовольствие не выпало. Она ушла от нас, когда ей едва миновало 30 лет, оставив лишь эту фотографию. Этот снимок был сделан случайно. Наверное, если бы наши товарищи по революции не проявили внимания, то у нас не осталось бы и этого снимка.

Однажды, когда мы готовились в путь для действий малыми отрядами, пришли товарищи и предложили мне сфотографироваться. «Если мы сейчас отправимся с малыми отрядами, то неизвестно, когда снова встретимся, так давайте снимемся на память, – говорили они. – Мы и фотоаппарат достали, так что вам, Полководец Ким, остается лишь «одолжить» ваше лицо».

Я надел военную форму и вышел во двор. Нас поджидал Чвэ Хен. Погода была еще холодной, но во всем чувствовалось дыхание весны.

Я прислонился к стволу дерева, в котором уже ощущался прилив весенних соков, и снялся вместе с соратниками. Это был снимок на память о том, что мы после длительной разлуки встретились в Южном лагере, на память о том, что после встречи мы снова разлучаемся, чтобы вести действия малыми отрядами.

И другие тоже снимались, собравшись по двое, по трое.

Когда фотографирование было в разгаре, к нам подбежали партизанки, как-то пронюхавшие об этом, и заявили, что тоже хотят сняться. Я несколько раз сфотографировался и с ними, а они предложили мне сняться вдвоем с Чен Сук.

Услышав это, Чен Сук застыдилась и спряталась за спинами подруг. Но девушки упорно выталкивали ее вперед. От стыда Чен Сук не знала, что и делать. Подталкиваемая подругами, она, смеясь, приблизилась ко мне.

Не упустив этого момента, фотограф щелкнул затвором.

Это был первый снимок, на котором я сфотографировался один на один с соратницей. Для меня и Чен Сук это была как бы свадебная фотография.

В ту пору мы были полными сил, жизнерадостными молодыми людьми. У нас было много мечтаний и надежд, было много и смеха. И хотя мы встретили весну на чужбине, все были преисполнены уверенности в своих силах, настроение у всех было приподнятое.

Для меня и Чен Сук эта незабываемая весна была первой после нашего брака.

Чтобы навеки запомнить эту весну, я на обратной стороне фотографии сделал надпись: «Встречая весну на чужбине. 1 марта 1941 г. В лагере В».

Мы, конечно, и в мыслях не допускали тогда, что эта фотография останется в истории и будет выставлена в таком большом музее. Целых двадцать лет мы вели революционную борьбу против японских империалистов, и я очень сожалею, что у нас осталось очень мало фотоснимков того периода.

Так что нужно было бы выразить благодарность тем товарищам, которые стали инициаторами фотографирования в тот день.

Чен Сук, как и другие партизанки, служившие в отряде, ходила с коротко подстриженными волосами. Но на этой фотографии нельзя угадать ее прическу, потому что она все волосы забрала под военную фуражку. На это тоже была своя причина.

Весной того года я, ведя за собой малый отряд, направился в Маньчжурию и Корею. Мы пересекли советскую границу и шли по территории Хуньчуня, когда я почувствовал странную теплоту в ногах. Сначала я подумал, что это просто от долгой ходьбы, но постепенно стал ощущать, что при каждом шаге что-то мягкое и теплое касается подошвы ног. Я разулся и увидел стельку, сплетенную из волос.

Только тогда я вспомнил странное поведение Чен Сук, которая и в комнате не снимала фуражки. Я догадался, что она отрезала местами свои волосы и смастерила стельки для моей обуви. Она, наверное, не снимала фуражки, чтобы другие не

увидели ее подстриженных волос.

Теперь уже никого не осталось из тех, кто снимался с нами в тот день. Ушли от нас и Ан Гир, и Чвэ Хен, и Чен Сук, ушли многие товарищи, и остался только один я.

Наверное, и то дерево, оперевшись на которое, сфотографировались я, Ан Гир и Чвэ Хен, стало сейчас большим-пребольшим.

Не знаю, как изменился сейчас Южный лагерь. Порою хочется выделить свободную минутку и побывать там.

Ким Чен Сук и после освобождения страны со всей искренностью заботилась обо мне.

Насколько она была внимательна ко мне, говорит тот факт, что даже подворотничок, который я менял через несколько дней, она, накрахмалив, не гладила, а отбивала скалкой, потому что разглаженный таким образом он был мягким и не натирал шею. Если накрахмаленный воротничок выгладить утюгом, то он становится тугим и в нем неудобно поворачивать голову, ибо он натирает шею.

Ким Чен Сук отбивала белье скалкой только тогда, когда меня не было в доме. Она ни разу не занималась этим, когда я был дома, боясь, что помешает мне работать.

Хочу вспомнить еще один случай, рассказывающий о ее преданности мне.

Накануне освобождения Кореи я поехал в Москву, чтобы принять участие в совещании, на котором обсуждался вопрос о военной операции против Японии.

Однажды ночью в гостинице мне приснился сон. Чен Сук наполнила огромную комнату книгами и сказала мне: «Читайте эти книги, товарищ Командующий, сколько вам захочется. За всю свою жизнь вы, может, не сможете прочитать эти книги».

Проснувшись, я рассказал товарищам о сне. А они в ответ сказали: «Этот сон предвещает, что вы станете президентом». С шутками и прибаутками они разъяснили сон, а потом поздравили меня, говоря, что он предвещает мне огромную удачу.

Возвратившись из Москвы, я рассказал обо всем Чен Сук, и она тоже, смеясь, сказала, что это хороший сон.

Прошел месяц, два, и постепенно я забыл об этом сне.

Однако Чен Сук о нем не забывала. Когда после освобождения страны мы поселились в доме у подножия горы Хэбан, она заполнила весь кабинет книгами и сказала мне: «Родина освобождена, и теперь читайте книги, сколько вам захочется». И предложила сфотографироваться на память. Та фотокарточка сохранилась до сих пор.

Можно сказать, что вся жизнь Чен Сук была отдана мне. Выйдя за меня замуж, она неизменно почитала меня и поддерживала как Командующего, руководителя и вождя. Отношения между мною и Ким Чен Сук были отношениями между вождем и бойцом, товарищескими отношениями.

Ким Чен Сук всегда называла себя бойцом вождя. До последнего дня своей жизни она ни разу не назвала меня так, как обычно обращаются дома женщины к своему мужу. Она называла меня просто «Чангунним» (Полководец) или «Сусан-ним» (Председатель Кабинета Министров).

Как-то после освобождения страны к Чен Сук пришли журналистки, чтобы взять у нее интервью.

Тогда она сказала им: «Жизнь бойца является частицей истории вождя. Прошу вас побольше писать о Полководце Ким Ир Сене».

Я считаю, что в этих словах отражаются лучшие благородные качества Ким Чен Сук.

Вся ее жизнь была полна всяческих невзгод и лишений. Она ушла от нас, пережив бесчисленные страдания. Я испытывал мучительную боль от сознания этого. И поэтому, отправляя ее в последний путь, я надел ей на запястье часы. Разве мог я этими часами воздать ей за ту искреннюю заботу, которой она окружала меня всю жизнь? Разумеется, я не мог этими часами утолить невосполнимую утрату. Но все равно я надел ей на руку часы. Если бы это были простые часы, не имеющие никакого значения, я, конечно, бы не подумал об этом. Но эти часы имеют свою трогательную историю.

Как-то моя бабушка спросила меня, не мог ли я достать ей хорошие дамские часы, пусть дорогие, так как они нужны ей.

Я удивился, что бабушка, которая всю жизнь прожила даже

без настенных часов, неожиданно просит дамские часы, да притом еще и дорогие.

Купив часы, я пошел к ней. «Бабушка, зачем тебе эти часы?» – спросил я. «Меня все время терзает мысль, что вы в горах поженились даже без свадебного подарка, – отвечала бабушка. – Уже прошло немало времени, как вы вернулись с гор, а я, старуха, не смогла вам приготовить ни свадебного стола, ни одежды. И вот решила хотя бы подарить часы. Я буду бесконечно рада, если увижу Чен Сук с часами на руке».

Именно эти часы были на руке Чен Сук, когда она покидала этот мир.

Поистине трогательна была любовь бабушки к Чен Сук – жене внука. Эта любовь восполняла даже любовь моих давно умерших отца и матери.

Однако я ничего не сделал для Чен Сук. Каждый год она не забывала моего дня рождения и, хотя и скромно, отмечала его. Однако я, прожив вместе с нею почти десять лет, ни разу не смог отметить даже дня ее рождения. О том, чтобы отметить день ее рождения, она не позволяла даже заикнуться. Такой она была женщиной.

Я всегда чувствовал себя неловко оттого, что ничего не смог сделать для Чен Сук. Поэтому в день провозглашения КНДР я пришел пообедать домой и налил ей бокал вина. «За все это время ты немало потрудилась, помогая моей работе, – сказал я. – Но я ничего не мог сделать для тебя и только причинял тебе беспокойство. И вот сегодня я наливаю тебе бокал и давай выпьем за тебя». «Почему вы говорите, что ничего не сделали для меня? Ведь вы создали партию, организовали армию и основали Республику. Какой это большой подарок для меня! Ведь вы же осуществили мечту всей моей жизни! Я ничего другого больше не желаю!» – таков был ее ответ.

На следующий год после смерти Ким Чен Сук ее подруги, вместе с нею участвовавшие в революционной борьбе против японских захватчиков, собрали деньги и принесли их в парторганизацию с просьбой получше обустроить ее могилу. Так началось строительство. Когда я посетил могилу Ким Чен Сук на горе Моран, то увидел, что она была обнесена железной

оградой, обложена камнем, и в самом разгаре были работы по сооружению гранитных ступенек. «Я, конечно, понимаю ваши чувства, – сказал я работавшим там бывшим партизанкам. – Но посмотрите вон на те дома – народ все еще живет в таких невзрачных жилищах. Хотя в прошлом наш народ пережил неисчислимые страдания, пролив немало слез, он еще живет не так уж зажиточно. К тому же мы еще не смогли объединить Родину. Если Чен Сук могла бы узнать, что вы в такое время возводите ей надгробие из гранита, она от неловкости не посмела бы посмотреть в глаза людям. Если вам уж так хочется выразить свои чувства, то лучше посадите возле могилы цветы и деревья. А когда будете сильно тосковать по ней, то приходите вместе с детьми провести здесь отдых да заодно и присмотреть за могилой. Это, я думаю, будет проявлением вашей настоящей преданности Ким Чен Сук. Так что прошу вас немедленно прекратить работы и отвезти эти гранитные плиты на стройку».

Ким Чен Сук, которая всю свою жизнь отдала во имя товарищей и народа, ничего не оставила для детей – ни денег, ни ценностей. Деньги, которыми она пользовалась, были моей заработной платой, которую я получал каждый месяц, а дом, в котором она жила, и мебель, которой она пользовалась, были собственностью государства.

И если говорить о наследии, оставленном нам Ким Чен Сук, то это будет то, что она вырастила Ким Чен Ира, то есть дала партии и Родине будущего руководителя. Вы говорите, что я воспитал из него своего преемника, но на деле основа этого была заложена Ким Чен Сук. В этом ее самая большая заслуга перед революцией.

И в последний день своей жизни Ким Чен Сук подозвала к себе сына и наказала, чтобы он преданно поддерживал отца и продолжил и завершил его дело. Эти слова оказались ее завещанием сыну. Спустя три часа после этого она навсегда закрыла глаза.

Я и сейчас постоянно вспоминаю Чен Сук. Хотя она несколько лет ходила в национальной одежде, почему-то мне она вспоминается не в ней, а больше в военной форме. И чаще

всего вспоминается тот ее образ, когда она пришла ко мне вся посиневшая от холода после того, как высушила мою одежду на своем теле.

И когда перед моим мысленным взором встает тот образ, я и сейчас чувствую острую боль в сердце.

4. Дни действий малыми отрядами

Одно время наемные печатные издания Японии подняли шумиху, будто распались все отряды объединенных антияпонских войск, когда погибли командиры. Японские и маньчжоугоские войска и полиция, не говоря о командовании Квантунской армии, прекрасно знали, что большие силы объединенных антияпонских войск все еще продолжают сражаться. Несмотря на это, они в 40-е годы объявили, что партизанские отряды потерпели полное поражение.

Предположим, что все антияпонские вооруженные отряды и вправду были разбиты и нашему сопротивлению пришел конец. Так почему же в таком случае Нодзоэ передислоцировал свое командование из Гирина в Яньцзи, являющийся районом действий КНРА, а также оттянул все силы, брошенные на подавление Ян Цзинюя, и двинул их в северо-восточные районы от горы Пэкту? Кроме того, зачем он наряду с Квантунской и маньчжоугоской армиями и полицейскими силами бросил в карательные экспедиции против партизан также железнодорожные охранные войска и даже сброд из «Кёвакай»?

Мы не прекращали ведение огня и во время действий малыми отрядами. Избегали бессмысленных столкновений, но при необходимости наносили чувствительные удары по врагу.

Чтобы сохранить силы, мы, разумеется, избегали крупных боев. Вместо этого обращали усилия на политическую работу с массами и разведку. Направляя внутрь Кореи небольшие отряды, группы и политработников-подпольщиков, вели подготовку к развертыванию всенародного движения сопротивления.

В зависимости от условий численность малых отрядов и групп была различной. Небольшой отряд обычно формировался числом от десяти до нескольких десятков человек, а небольшая группа состояла из нескольких бойцов. Соответственно цели и заданию они имели легкое вооружение. После формирования небольшого отряда или небольшой группы я давал задание и

намечал соответствующий район действий. В зависимости от распределения заданий небольшие отряды и группы подразделялись на такие, которые в основном вели либо политическую работу, либо боевые действия, либо разведку. Однако такое распределение было условным. В случае необходимости разведгруппа вела политическую работу, и небольшая боевая группа занималась и разведкой, и политработой. Таким образом наряду с основным своим заданием они одновременно выполняли и другие.

Закончив формирование подразделений, мы прилагали силы к устройству временных тайных опорных баз, на которых должны были базироваться малые отряды и группы. Такие базы, созданные после совещания на Сяохаэрбалине, находились, например, вблизи Даомугоу в уезде Яньцзи, Мыншаньцуня в уезде Хэлун, в Хуангоулине, что в уезде Аньту, и Цзяпигоу, что в уезде Ванцин. А внутри Кореи такие базы были созданы в Ындоке, Сонбоне, Мусане и Рачжине и даже во многих глубинных районах. В них были сооружены тайные лагери для небольших отрядов, пункты связи, места для тайных сборов, склады хранения интендантских материалов и другое.

После совещания на Сяохаэрбалине Командующий КНРА Ким Ир Сен лично повел группу бойцов комендантской роты и, завершив победой бой у болота вблизи Хуанхуадяньцзы в уезде Аньту, создал пример успешных действий малых отрядов. Об этом бое он вспоминал следующее.

Бой вблизи Хуанхуадяньцзы был первым боем, который мы провели, переходя к действиям малыми отрядами после совещания на Сяохаэрбалине. Закончив это совещание, я приблизительно с одним отделением бойцов личной охраны дошел до Ханьцунгоу и возвращался обратно. Однако в местности Хуанхуадяньцзы нам пришлось неожиданно войти во встречный бой, каждый момент которого и поныне четко остается в моей памяти.

Название Хуанхуадяньцзы так же, как Матангоу и Нань-пайцзы, имело свое происхождение. Когда спрашивали жителей этой местности – какой смысл имеет название Хуанхуадяньцзы, то получали разные ответы. Одни говорили,

что это слово означает болото, на котором растет много девясилов, другие – болото, на котором расцветают оранжево-красные краснодневки, а третьи утверждали, что название этой местности происходит от любви парня и девушки. Однако неизвестно, какой вариант был правильным.

Я несколько раз следовал мимо местности Хуанхуадяньцзы, но там росло не так уж много и девясилов, и оранжево-красных краснодневок. Однако там и впрямь было болото. И бой развернулся именно на этом болоте.

Среди нас находилась и Хван Сун Хи. Я вызвал ее, чтобы дать ей задание – передать Чвэ Хену о нашем курсе, обсужденном и принятом на Сяохаэрбалинском совещании. Несмотря на хрупкое телосложение, она была расторопной и имела чувство высокой ответственности. К тому же она хорошо знала, где находится отряд Чвэ Хена.

С наступлением сумерек мы сделали короткий привал на горе за Хуанхуадяньцзы.

Дав бойцам отдохнуть, я стал размышлять, как преодолеть это болото. По середине его тянулась канава, через которую был перекинут одинокий деревянный мостик. Под ним стояла тухлая вода, глубина которой могла бы быть в человеческий рост и больше. Перейдя этот мостик и преодолев одну-две горы, можно было прямым путем добраться до Даомугоу в уезде Яньцзи, где мы решили создать временную тайную опорную базу.

Однако за мостиком могла находиться засада врага. Вот почему я не отрывал взора от противоположного конца мостика. Как и следовало ожидать, на той стороне сверкнул огонек. Это мог быть светлячок? Нет, это, несомненно, был свет от вражеского фонарика. В Даомугоу можно было пройти лишь по этому мостику, но беда была в том, что в темноте за ним засел враг. Как говорится в поговорке, действительно это был случай, подобный встрече с врагом на бревне, перекинутом через речку.

В дни вооруженной борьбы я не раз оказывался во вражеском окружении, бывал и на грани смерти, но в такую, как тогда, безвыходную, опасную ситуацию, кажется, попал впервые.

Если не переходить этот мостик, то придется преодолеть

десятки *ли* кружным путем, а это ставило нас в затруднительное положение. Так что, невзирая на опасность, надо было пробиваться прямым путем. Увидев, что я молча изучаю обстановку и ищу выход, бойцы затихли в тревожном молчании.

Через некоторое время я решил незаметно, пока нас не видят враги, перейти одинокий мостик и дал бойцам команду. Все мы благополучно прошли через мостик.

Когда я, находясь в арьергарде, последним перешел его и вошел в заросли, вдруг застрочил вражеский пулемет.

Я приказал нашему пулеметчику подавить его, а затем повернул свой отряд в сторону большака. Чон Мун Соб и Хван Сун Хи, невзирая на смертельную опасность, охраняли меня. Поистине наступил критический момент. При одном неверном шаге в сторону можно было утонуть в глубокой трясине, но мы под градом пуль противника смогли благополучно, без единой потери, выбраться из этой опасной ловушки. Поистине это было для нас большой удачей.

Если бы тогда в сложившейся обстановке мы растерялись и не приняли своевременного решения, то не смогли бы выбраться из вражеской западни и понесли бы большие потери.

Когда мы полным ходом пробирались к большаку, из дозора сообщили, что на этот раз враг появился впереди нас. Несомненно, это надвигались выжидавшие поодаль главные силы врага, услышав пулеметные очереди возле мостика.

Я тотчас приказал отряду повернуть назад и поспешно двигаться в сторону мостика. Вслед за этим приказал бойцам открыть огонь по врагам, находящимся у мостика и повисшим у нас на хвосте, а затем, незаметно выбравшись в сторону, подняться на гору. Там я подал команду остановиться на привал.

Усевшись на середине холма, бойцы переводили дыхание. И вдруг между врагами, находившимися у мостика и продвигавшимися со стороны большака, завязалась ожесточенная перестрелка.

Позже от жителей района Аньту я слышал, что враги, начав между собой перестрелку, понесли в ней большие потери. Говорят, что с целью привлечь к ответственности виновных стали выяснять, кто первым начал стрельбу, кто перешел

мостик – черти или партизаны. Словом, в стане врага разгорелся скандал.

После этого мы уложили немало врагов также в Боцайтуне уезда Яньцзи и близ Вудаоянча уезда Аньту.

В местности Боцайтуня, в отличие в Хуанхуадяньцзы, мы применили комбинацию – налет тремя группами с одновременным «наблюдением издали».

И на этот раз враги, вступив в перестрелку между собой, понесли большие потери.

Такие бои приходилось вести едва ли не каждый день. Иногда несколько малых отрядов объединялись и наносили удар по крупному объекту. Таким образом, ведя бои в основном небольшими отрядами, мы иногда чередовали их с крупными боями. Поэтому враги не заметили, что Народно-революционная армия от боев большими отрядами перешла на тактику боев малыми.

Узнав от Хван Сун Хи о курсе, принятом на Сяохаэрбалинском совещании, хорошо вели действия и малые отряды Чвэ Хена. В уезде Ванцин отряды Чвэ Хена сначала крупными силами разбили врагов, стоявших в Гуаншэнтуне и Сяочэнцзы, а затем разделились на небольшие отряды и, передвигаясь из стороны в сторону, наносили чувствительные удары по врагу.

В уездах Яньцзи, Хэлун и Аньту бои вели малые отряды О Бэк Рёна, в уездах Хуньчунь и Дуннин – Ким Ира и Сон Чжан Сана, а в уездах Дуннин, Нинань, Мулин и Вучан – Хан Ин Хва, Пак Сон Чхора и Юн Тхэ Хона.

Весь Северо-Восток Китая и северные приграничные районы Кореи кипели, как котел, в результате активных действий наших небольших отрядов и групп.

Президент Ким Ир Сен о действиях небольшими отрядами, которыми лично командовал после Хабаровского совещания, вспоминал:

Раньше небольшие отряды и группы действовали в основном в приграничных местностях на севере Кореи и в северо-восточных районах Китая, но с этого времени, пробравшись глубоко внутрь Кореи, они расширили масштабы своих действий, распространив их на важные военные объекты на юге

Кореи и до самой территории Японии.

Было разнообразным и содержание действий небольших отрядов и групп. Восстанавливали внутри Кореи и на Северо-Во-стоке Китая разрушенные партийные и другие подпольные революционные организации, создали новые, приводили в порядок и реформировали оставшиеся вооруженные отряды, проводили работу по установлению единого стройного руководства организациями всенародного сопротивления. Наряду с этим в разных уголках страны укрепляли тайные опорные базы и соответственно требованиям обстановки обустраивали новые временные тайные опорные базы, а также внутри Кореи и в северо-восточных районах Китая, приняв в партизанские отряды патриотически настроенную часть молодежи и людей средних лет, расширяли ряды КНРА и готовили военный костяк.

Одновременно с этим они проводили акции для подрыва тыла и ослабления боеспособности врага активными налетами, боями из засады и диверсионными действиями, расширяли разведку военных сооружений, баз и других важных военных объектов противника, вызывали смятение в системе управления и в стане врага.

В действиях небольшими отрядами принимали участие и отряды ОСВАА. В связи с этим за ними были закреплены свои районы действий. Отряды КНРА и 1-й армии, а также некоторые отряды 2-й армии взяли на себя районы Кореи и Восточной и Южной Маньчжурии, основные отряды 2-й армии – территорию к северу от озера Синкайху до Дунгана, а отрядам 3-й армии поручалось действовать малыми отрядами во многих уездах, включая Цинчэн, Тели и Хайлунь.

Передвигаясь между горой Пэкту и временной дальневосточной базой, я руководил действиями небольших отрядов внутри Кореи и в Восточной и Южной Маньчжурии, одновременно проводя военно-политические занятия с бойцами.

Каждый партизан по возвращении на базу после действий в составе небольших отрядов был обязан участвовать в политической учебе и боевой подготовке для ведения современной войны.

Было решено, что в Южном лагере я во главе небольшого отряда, насчитывающего сравнительно много бойцов, первым отправлюсь на северо-восток от горы Пэкту и в Корею. Вслед за этим, в зависимости от обстановки, планировалось отправиться в Корею и Маньчжурию также малым отрядам Чвэ Хена и Ан Гира. Я распределил между ними районы действий и задания каждому.

Вместе со своим малым отрядом я покинул базу в апреле 1941 года. Главная наша задача заключалась в том, чтобы связаться с малыми отрядами и группами, ведущими боевые действия в районах Восточной и Южной Маньчжурии, и обеспечивать единое руководство ими. Вместе с тем другая важная цель наших действий состояла в том, чтобы восстановить, привести в порядок разгромленные прежние революционные организации и создать новые, расширять ряды вооруженных рядов за счет молодежи, отобранной через сеть подпольных организаций, и заодно готовить из них кадры, необходимые для завершающей операции по освобождению Родины и строительства обновленной Отчизны.

Мы тогда решили выяснить также, где находится Вэй Чжэнминь.

Положение в Корее и Маньчжурии было тогда угрожающим. С ранней весны 1941 года японцы предприняли новую карательную операцию. «Карательное командование Нодзоэ» было распущено, а его функции перешли к командованию Квантунской армии. Главные части Квантунской армии и все карательные отряды, подчиненные командованиям всех военных округов маньчжоугоской армии, а также командованию Квантунской жандармерии, отчаянно начали новые карательные операции против Народно-революционной армии.

Поэтому некоторые командиры, беспокоясь, что я сам во главе малого отряда отправляюсь во вражеский район, просили, чтобы я действовал осторожно, смотря по обстановке. Ким Чак, думая о моей безопасности, тоже вначале проявлял беспокойство.

Отправляясь на операцию с небольшим отрядом, команди-

ром роты я назначил Рю Ген Су, а политруком – Ким Ира. Ординарцем был Чон Мун Соб. Когда его назначали ординарцем, Ким Чак предупредил его, чтобы он ни на шаг не отходил от меня. Радистом нашего малого отряда был Ан Ен.

Этот человек одно время воевал и в Восточной, и в Северной Маньчжурии. Он долгие годы работал учителем и широко вел патриотическое воспитание молодежи и детей. В Восточной Маньчжурии он организовал гастрольную драматическую труппу и, переезжая с места на место, вел просветительную работу среди масс.

Ан Ен был наделен широким кругозором и обладал богатым жизненным опытом. Чтобы общаться с массой людей, он в Северной Маньчжурии и работал на кухне чужого дома, и нанимался поденщиком для работы на маковых полях.

Отправляясь в Маньчжурию, мы взяли Ан Ена радистом потому, что как боец североманьчжурского отряда он шесть месяцев обучался на курсах радистов в Советском Союзе.

У Ан Ена были впечатляющие усы. Многие за это звали его «усачом».

Наш малый отряд насчитывал около трех десятков человек. Все бойцы переоделись в японское обмундирование и выглядели настоящими японскими солдатами.

Границу перешли глубокой ночью в один из дней первой декады апреля. После пересечения границы мы, минуя места наших бывших опорных баз, двинулись к северо-востоку от горы Пэкту. Там нас ждало немало дел.

После того, как мы в Восточной Маньчжурии распустили партизанские районы и выступили в сторону Западного Цзяньдао, враги в Восточной Маньчжурии и в районах к северо-востоку от горы Пэкту предприняли серию диверсионных операций. Чтобы ликвидировать их последствия, мы после боя в районе Мусана снова выступили на северо-восток от горы Пэкту и активно вели революционизирование жителей этой местности.

Использовав короткий промежуток времени, когда мы находились в Советском Союзе, враги перебросили сюда части регулярных вооруженных сил и предприняли целую серию ди-

версий. А затем объявили, что «в Восточной Маньчжурии обеспечено общественное спокойствие».

Чтобы снова добиться революционного подъема в районах к северо-востоку от горы Пэкту, требовалось смелыми, дерзкими действиями небольших отрядов и групп показать реальную силу КНРА. Это могло всколыхнуть массы.

Мы планировали сначала «показать зубы» в районах Аньту, Ванцина, Яньцзи, Хуньчуня и Дуньхуа, а затем выйти к горам Пэкту, чтобы создать многие революционные организации в Западном Цзяньдао и внутри Кореи. С другой стороны, мы намеревались укрепить силы всенародного сопротивления, отобрать несколько сотен патриотически настроенных молодых людей, чтобы на Пэктусанской опорной базе и на дальневосточной учебной базе подготовить из них военно-политических работников.

Итак, перейдя границу, наш малый отряд через несколько дней форсированного перехода добрался до ущелья, находящегося недалеко от тайного лагеря в Дахэйсяцзыгоу.

Точно не помню, когда это было, проживавшие в Яньбяне корейцы, по их словам, нашли место привала партизанского отряда на стыке трех уездов – Ванцина, Дуннина и Хуньчуня – и принесли нам видеокассету, снятую там во время их экскурсии. При ее просмотре мне показалось, что местность, снятая на пленку, похожа на ту, где бойцы нашего малого отряда создали временную тайную опорную базу.

Когда мы достигли ущелья, у нас уже кончился провиант.

Я послал в Цзинчан несколько человек с Ким Иром во главе, дав им задание – вблизи Цзинчана уезда Ванцин напасть на золотые прииски, добыть там продовольствие, провести работу с массами.

Недалеко от базы в Дахэйсяцзыгоу Чон Мун Соб застрелил огромного медведя. Несколько человек еле дотащили на палке его тушу до базы. Помню, что из нее мы вытопили целую бадью сала.

Через несколько дней, добыв продовольствие, вернулась группа Ким Ира. Он с потемневшим лицом доложил, что при выполнении задания погиб Чан Хын Рён. Произошло это по

вине Чи Габ Рёна. После налета на золотые прииски, он на обратном пути на базу потребовал устроить привал, чтобы приготовить пищу и перекусить. Из-за этого партизаны задержались почти на час, и за это время небольшой отряд догнали и ударили по нему преследовавшие партизан враги.

Сожалея, что он согласился с предложением Чи Габ Рёна, Ким Ир сказал, что ему стыдно передо мной.

Гибель Чан Хын Рёна расстроила нас. Моя душевная боль еще больше усилилась при воспоминании, как он, получив выговор за происшествие с волом, изо всех сил старался загладить свой промах.

Наряду с гибелью Чан Хын Рёна в руки врагов попал один боец-китаец, и месторасположение нашего отряда было раскрыто. Узнав, что появился Ким Ир Сен, враги еще яростнее стали преследовать нас.

Я же думал, что шумиха, поднятая врагами в связи с появлением нашего отряда, – нам на пользу. Весть о том, что появился отряд Ким Ир Сена, дойдет до народа, и будет говорить людям, что КНРА здравствует и сражается. Разумеется, на нашем пути теперь было больше трудностей, но то, что враги невольно пропагандировали нашу деятельность, было явно в наших интересах.

Чтобы замести следы и скрыться от врага, мы перевалили перевал и двинулись в сторону Тайпингоу. В первой декаде мая прибыли в Цзяпигоу в уезде Ванцин.

В Цзяпигоу я расстался с Ким Иром. Поручил ему вместе с одним небольшим отрядом, сделав Цзяпигоу своей временной тайной опорной базой, воевать в этом районе. В Лоцзыгоу и местности с железной дорогой Тумынь – Цзямусы, где должны были действовать Ким Ир и его малый отряд, было немало членов организаций, выросших у нас на глазах в пору существования партизанского района. Я сказал Ким Иру, что где-то здесь могут проживать члены семьи Чвэ Чхун Гука, так что ему следует попробовать связаться с ними.

А радисту Ан Ену я велел вместе с двумя помощниками остаться на базе в Цзяпигоу. Эта база выполняла также роль промежуточного пункта связи.

Примерно с двадцатью бойцами я покинул Цзяпигоу, чтобы выйти в широкие районы бассейна реки Туман к северо-востоку от горы Пэкту. Мы решили действовать, обходя уезды Дуньхуа, Аньту, Фусун, Хэлун, Яньцзи и другие уезды в Восточной Маньчжурии.

Наш малый отряд, миновав уезд Дуньхуа, обустроил базу в Ханьцунгоу уезда Аньту, сделав ее связным пунктом. Здесь мы с Вэй Чжэнминем встретились в последний раз.

Когда мы прибыли в Ханьцунгоу, время года уже сменилось, лес стал густым, а в полдень стояла жара.

Из Ханьцунгоу я отправил группы политработников-подпольщиков в Чанбай, Дуньхуа, Чэчанцзы, внутрь Кореи, к горе Пэкту и в другие места.

В район Чанбая были направлены тогда Хан Чхан Бон и Хан Тхэ Рён. Их задание состояло в том, чтобы руководить работой подпольных организаций в той местности, разыскивать членов семей и родственников наших бойцов и, связав их с организацией, переселять в Корею. В нашем отряде было много бойцов происхождением из Чанбая. Если всех членов их семей и родственников включить в организацию и переселить их в Корею, то они могли бы внести большой вклад в создание организаций всенародного сопротивления. Я также дал задание подобрать достойных молодых людей и направить их на дальневосточную базу.

Подробно разъяснив Хан Чхан Бону и Хан Тхэ Рёну, кто находится в Таоцюаньли Чанбая, а кто-то – где и где-то, я велел им, чтобы после создания там подпольных организаций они направились в Корею, чтобы войти в гущу рабочего класса.

Чон Мун Соб и Ким Хон Су, побывав в глухом месте у Чэчанцзы, вернулись оттуда с оружием и картами, которые мы там когда-то спрятали.

Одновременно с этим товарищи, действовавшие в районе Дуньхуа, привели с собой старика по фамилии Пак, который в тайге около Дахуангоу зарабатывал на жизнь охотой на зверей. Он был раньше членом подпольной организации, был причастен к Антияпонскому обществу в уезде Хуадянь.

Я долго беседовал со стариком. По его словам, окрестные

горы кишели японскими карателями и их приспешниками. Шалаш заготовителей древесного угля и крестьян, выращивающих мак, а также хижины для хранения похоронных носилок и пещеры, которые небольшие отряды раньше использовали в качестве опорного пункта, были заняты японскими агентами, так что, говорил он, надо быть осторожным. Старик Пак говорил, что все крестьяне согнаны в коллективные поселения и, контролируя их общение, японцы устроили даже взаимную слежку друг за другом, так что вести подпольную работу стало очень трудно. Однако партизанскому отряду, сказал старик, он готов всеми силами оказывать помощь.

Посещая центр уезда Дуньхуа и коллективные поселения, старик порою приносил нам списки людей, близких к организации, или доставал продовольствие и необходимые нам вещи. На основе присланных им сведений мы быстро восстановили организации сопротивления в этой местности.

Впоследствии, к сожалению, старик Пак был арестован врагами и погиб.

Так во время действий малыми отрядам мы получали активную поддержку и помощь народа. В нашей трудной борьбе, проходившей во вражеском тылу, поддержка народа вдохновляла и воодушевляла нас. Она была лучшим доказательством того, что народ уже действительно поднимается на всенародное сопротивление.

Наряду с расширением сети подпольных организаций мы решили выяснить местонахождение оставшихся отрядов 1-й армии и Вэй Чжэнминя. Я решил первым делом сформировать три группы и послать их в уезды Дуньхуа и Хуадянь, а также в район Аньту, северную часть уезда Хэлун, в район уезда Фусун.

Хорошо действовал тогда Рю Ген Су, хотя испытал и немало трудностей.

Чтобы добраться до Цзяпигоу в уезде Куадянь, надо было перебраться через реку Фуэрхэ. Однако река была полноводной, переправиться через нее было крайне трудно. Пробовали подниматься и спускаться вдоль реки в поисках переправы, но вскоре кончилось продовольствие, да к тому же настало время возвращаться. Проголодав несколько дней, Рю Ген Су очень

переживал при мысли, что не смог выполнить задание, и даже захворал. В Цзяпигоу должен был сходить кто-нибудь из нас.

И вот туда, куда было запланировано направить Рю Ген Су, я решал сходить сам с небольшим отрядом.

Однако о моем намерении узнал больной Рю Ген Су, лежавший в углу палатки. С трудом поднявшись с места, он, пошатываясь, подошел ко мне и сказал: «Полководец, вам нельзя идти, лучше я сам отправлюсь туда снова».

Я несколько раз повторил, что ему нельзя идти, но все было бесполезно. Когда он упрямился, на него не действовали никакие уговоры. В результате, хотя мне было очень тяжело, я не мог не согласиться с его предложением.

В жизни человека бывают особые моменты, когда проверяется, какой он на деле. Каждая секунда и минута нашей партизанской борьбы, которая проходила на грани жизни и смерти, можно сказать, была моментом такой проверки. И в день были десятки моментов, когда надо было принимать жизненно важнейшие решения.

При каждом столкновении с трудностями Рю Ген Су всегда становился как бы живым снарядом. Поэтому на самые трудные дела я всегда посылал его.

Легкую работу он поручал боевым соратникам, а тяжелую взваливал на себя; на почетное место выставлял товарищей, а при привлечении к ответственности брал вину на себя, беспрекословно принимая все взыскания и выговоры. Вот в чем притягательная сила Рю Ген Су как человека и главная причина того, что он пользовался всеобщей любовью. Когда Рю Ген Су отправлялся в Цзяпигоу уезда Хуадянь, я велел отдать ему все оставшееся у нас продовольствие. Рю Ген Су исподтишка спросил Чон Мун Соба – останется ли провиант для меня. Увидев, что Чон Мун Соб уходит от ответа, он отчитал его, говоря, что ординарец не может так поступать, и высыпал обратно весь рис из вещевого мешка. Рю Ген Су, выполнив задание, вернулся лишь через много дней.

Он испытал столько лишений, что сразу же после встречи со мной свалился обессиленный, потеряв сознание. С него стащили изорванную обувь и увидели израненные ноги, покрытые

гноем, смешанным с кровью. Когда в рот ему влили рисовый отвар, он с трудом приоткрыл глаза и начал докладывать об итогах своего похода.

В Цзяпигоу они встретились с одним из крестьян, имевшим, как им было известно, связь с партизанским отрядом. Однако тот отмалчивался. По этой причине они не смогли встретить людей Квак Чжи Сана и, побродив некоторое время без толку, вернулись с вестью, что, по слухам, Вэй Чжэнминь будто бы умер.

Хотя Рю Ген Су сделал все, что мог, он очень терзался тем, что не смог полностью выполнить задание.

Случилось тогда и другое – Чи Габ Рён, отправившийся во главе одной из групп в Ванбабоцзы, встал на путь измены.

И испытания 1941 года стали пробным камнем, определявшим, кто настоящий революционер, а кто – фальшивый. Такие испытания и проверка продолжались непрерывно, до самого дня освобождения Родины. Антияпонские революционеры, возвратившиеся на освобожденную Родину, все были безупречными людьми, многократно проверенными в суровых испытаниях.

Враги, узнавшие в результате предательства Чи Габ Рёна место нашей стоянки, как стая шакалов, бросились туда. Однако, ведя за собой отряд, я сумел ловко вырваться из окружения. Миновав Дашахэ и Сяошахэ, мы направились в сторону Аньту.

Маневрируя на обширной территории Аньту и Фусуна, мы много работали над расширением созданных там прежде организаций сопротивления.

Через членов организации мы узнали, что Вэй Чжэнминь умер от болезни и ходят слухи, что объявления с его фотографией были вывешены на улицах Минюегоу. Одновременно получили сведения и о том, что в районах Наньхаматана и Бэйхаматана, а также вблизи Минюегоу и Яньцзи появились и действуют свыше трех десятков партизан.

Решив остаться еще на некоторое время в этих районах, я послал одну группу в районы Шахэчжана, Наньхутоу, Дахуанвэя и Бэйхаматана. А сам я, взяв с собой оставшихся бойцов, направился в сторону горы Пэкту.

Прибыв в тайный лагерь на горе Канбэк, я созвал руководителей малых отрядов, групп политработников-подпольщиков и местных революционных организаций и поставил перед ними задачу – согласно требованиям создавшейся ситуации твердо придерживаться своих собственных позиций и наступательно развертывать идейно-воспитательную работу, чтобы нашими силами завершить корейскую революцию. Затем дал распоряжение подготовиться к тому, чтобы подобрать внутри Кореи и в районах Западного Цзяньдао хороших молодых людей для обучения их на дальневосточной базе, и, кроме них, готовить в Пэктусанском тайном лагере и в районе горы Канбэк большое число революционеров и таким образом организовать подготовку ко всенародному сопротивлению.

Потом, прибыв в уезд Онсон, именно в таком направлении мы строили работу с организациями внутри страны.

Нелегким было и возвращение после действий в районе горы Пэкту. Перепуганные выстрелами, произведенными бойцами малых отрядов, враги буквально сходили с ума, пытаясь разузнать наше местонахождение.

Повсюду встречались каратели в желтых мундирах. Враги были везде – и на дорогах, и на вершинах гор, и в ущельях. Не было места, где бы их не было.

Лаотоугоу в уезде Яньцзи был одним из важных опорных пунктов врага, имеющим важнейшее военное значение. Там засели жандармы и части особого назначения Квантунской армии, солдаты маньчжоугоской армии и полицейские. Пройти через городок было очень трудно.

Однако, не миновав эту местность, нельзя было ни попасть к горным грядам в лесу Сыфантай, ни направиться к месту сбора нашего малого отряда.

Мы приняли решение: переодевшись в японскую военную форму, ночным маршем пройти Лаотоугоу. Но только мы оказались у железнодорожного пути под Лаотоугоу, как уже рассвело. Надо было остановиться и отсидеться, спрятавшись в безопасном месте. С горы я увидел, что внизу, около большака, стоят несколько домов, а недалеко от них – станция. Решили зайти в эти крестьянские дома и дождаться там, пока стемнеет.

Разместив в этих домах бойцов, я сам остановился в доме у самой дороги. Одевшийся под китайского крестьянина боец, пропалывая тяпкой грядки в огороде, вел наблюдение. Остальные все отдыхали.

В обед дверь дома, где я находился, распахнулась. Вошли люди, одетые в желтоватые костюмы. Увидев, что в комнате полно военных, они в изумлении застыли. Вошедший первым испугался и попытался повернуть обратно, но наш боец приставил ему к спине дуло винтовки.

Я велел этому человеку пройти в комнату. Кажется, до этого они принимали нас за японских солдат. Когда я спросил вошедшего, кто он такой, тот ответил, что он – председатель общества «Кёвакай», а прибыл в село, получив сведения, что там появился отряд Ким Ир Сена, а потом куда-то исчез.

Я прямо сказал ему, что мы – бойцы КНРА. Услышав это, незнакомец задрожал, как осиновый лист.

Мы получили от него немало ценных сведений.

Из газеты, которую он держал под мышкой, я узнал в тот день, что началась война между Советским Союзом и Германией.

Незнакомец сказал, что японцы вдруг, почему-то растерянные, сосредоточивают вооруженные силы у советско-маньчжурской границы и что ходят слухи – скоро разразится война между Советским Союзом и Японией.

Я сказал председателю общества «Кёвакай», чтобы после того, как мы уйдем из села, он пошел в полицию и сообщил о том, что отряд Ким Ир Сена средь бела дня промаршировал по улицам Лаотоугоу.

Говорят, что изумлению получивших этот доклад врагов не было предела. Они не могли поверить в такое необычайное происшествие. Ведь отряд Ким Ир Сена у них под носом приготовил для себя обед и даже спокойно поспал днем.

Мы же без единой потери благополучно добрались до Цзяпигоу в уезде Ванцин, который являлся пунктом нашего сбора. Там мы соединились с бойцами Ким Ира, вернувшимися туда после выполнения задания.

Прошел июнь. В конце июля здесь я опять собрал совещание

руководителей малых отрядов.

Цель совещания заключалась в том, чтобы в связи с радикальными изменениями в обстановке на международной арене, возникшими в результате подписания пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией и начала советско-германской войны, провести идейную мобилизацию всех командиров и бойцов КНРА, а также членов малых отрядов.

В связи с началом советско-германской войны среди бойцов малых отрядов было много различных толков. Одни считали, что война между Советским Союзом и Германией открывает перед нашей революцией выгодные перспективы, другие, наоборот, доказывали, что если СССР будет зажат в клещи двумя могучими державами с востока и запада, то это окажет на нашу революцию неблагоприятное влияние. А, по мнению третьих, влияние международного положения на нас надо определять после того, когда нападение Японии на СССР станет свершившимся фактом.

Я созвал это совещание для того, чтобы как можно скорее выработать единую точку зрения по этому вопросу и внушить всем бойцам веру в победу революции, чтобы энергичнее мобилизовать их на активную подготовку к великому событию – освобождению Родины.

На совещании мы подвели итоги действий небольших отрядов и групп, направленных в разные районы, и обсудили направления дальнейших действий.

На чем же мы настойчиво настаивали на совещании? Вот наши суждения. Как бы ни менялась обстановка, нам нельзя колебаться. Нападение Германии на Советский Союз станет для нее концом, а нападение Японии на СССР тоже обернется для нее гибелью. Но у Японии нет сил, чтобы напасть на СССР. Надо уметь анализировать соотношение сил держав. Как бы ни изменилась картина земного шара, фашизм потерпит крах, а демократия победит. Перед нашей революцией откроются светлые перспективы. А поэтому нельзя колебаться и пребывать в нерешительности перед временными трудностями. Надо до конца отстоять знамя революции, надо иметь достаточные убеждения и настойчивость, чтобы своими силами освободить

Родину и завершить корейскую революцию.

На этом совещании мы предложили направление последующих действий малых отрядов. Я отметил, что для сохранения наших сил, конечно, надо избегать безрассудных прямых столкновений и боев с врагами, имеющими перевес в силах, что требуется более интенсивно вести диверсионные операции в тылу врага, совершать налеты и разрушать пути транспортировки военных грузов и базы снабжения военными материалами, что следует усилить разведывательные акции для операции по освобождению Родины и более интенсивно вести политическую работу в массах.

В начале августа мы провели бой, сделав налет на строительство дороги между Ванцином и Лоцзыгоу.

В то время японские империалисты сосредоточивали крупные контингенты своих сил на этой территории, примыкающей к советско-маньчжурской границе. Казалось, что если в этой местности, кишевшей японскими солдатами, прозвучат наши выстрелы, то их эхо будет непростым. Мы проявляли дерзость уже в том, что если уж и производили выстрелы, то делали это в гуще врагов.

Послав в две стороны по одной заградительной группе, мы, одетые в японские мундиры, с независимым видом прошли на территорию стройки, моментально разоружили охранников и подавили врагов, находившихся в казарме. Мы столь быстро и энергично провели налет, что ошеломленные рабочие-строители лишь в изумлении хлопали глазами. Только после того, как Рю Ген Су воскликнул: «Мы – партизаны Ким Ир Сена!», они бросились к нам со всех сторон и заключили нас в объятия.

Проведя соответствующую разъяснительную работу среди рабочих, мы обогнули северную часть уезда Ванцин и поднялись на вершину горы, откуда виднелась деревушка Тайпингоу.

Говорят, что после того боя в местности Ванцин ходило много слухов о нас.

Когда я с вершины горы смотрел в бинокль на деревню, там виднелись дома Ли Гвана, а также О Чжун Хыба и Пак Киль Сона. Было видно, как по двору ходит отец О Чжун Хыба.

Я дал Ким Иру задание связаться с живущими здесь родственниками наших товарищей и стимулировать создание подпольной организации.

Впоследствии Ким Ир, связавшись с О Чхан Хи – отцом О Чжун Хыба и Пак Ток Симом – отцом Пак Киль Сона, создал подпольную организацию. Он также создал подпольные организации среди крестьян в Наньбэйдадуне уезда Ванцин и рабочих станции Сяованцин. Говорят, отец О Чжун Хыба сказал тогда, что сейчас повсюду разнеслась молва о новом походе отряда Ким Ир Сена в сторону горы Пэкту, отчего народ проявляет большую радость и преисполнен верой в победу революции.

Малые отряды КНРА провели немало военно-политических операций по срыву вражеских акций в районе советско-маньчжурской границы, где проходили интенсивные перевозки материалов и переброски войск. Как раз в это время наши малые отряды устроили столкновение военных эшелонов на станции Тумынь, а в Тоудаогоу уезда Хэлун и в уезде Ванцин нанесли чувствительные удары по передвигающимся войскам противника.

Успешно завершив в Корее и на Северо-Востоке Китая действия малыми отрядами, мы в августе вернулись на временную базу на советском Дальнем Востоке.

В середине сентября 1941 года я со своим небольшим отрядом снова отправился в Маньчжурию и внутрь Кореи, чтобы закрепить успехи прошлых действий.

Важная задача теперь состояла в том, чтобы связаться с малыми отрядами Ан Гира, Ким Ира и Чвэ Хена, обобщить собранные ими разведывательные данные, осуществить на месте руководство деятельностью небольших отрядов и групп, действующих в бассейнах реки Туман и в разных районах Кореи и укрепить у них веру в непременную победу. Это имело важное значение и для того, чтобы в соответствии с круто изменяющейся ситуацией перенести в глубину страны действия малых отрядов и групп и во всеоружии встретить великое событие – возрождение Родины, а в районах, прилегающих к советско-маньчжурской границе, удостовериться, дей-

ствительно ли Япония намеревается напасть на Советский Союз.

Перед отправлением я устроил Ан Ену встречу с женой. Его жена Ли Ен Сук находилась тогда в Северном лагере. По совету родителей она вышла замуж за Ан Ена, который работал в том же селе учителем вечерней школы. После этого она вместе с ним служила в отряде Чвэ Ён Гона. Но после того, как Ан Ен уехал в СССР на курсы радистов, она не получала от него ни весточки. Узнав, что его жена сейчас находится в Северном лагере, Ан Ен загорелся желанием встретиться с ней. Вот почему я и устроил встречу этой супружеской четы. Ведь в душе человека, отправляющегося на трудное боевое задание, не должно быть ни тени беспокойства. После встречи с женой у Ан Ена сил словно прибавилось, и он не переставал улыбаться.

Направляясь в сторону Ванцина, мы выбрали для привала место на берегу реки. Ли Ду Ик и Чон Мун Соб наловили рыбы. Они были неплохими рыболовами. После недавних проливных дождей уровень воды в реке намного поднялся. Этим двум бойцам, удившим рыбу, удалось даже застрелить медведя, который слизывал красных муравьев, ползавших по сгнившему дереву.

Мы разделали тушу медведя и некоторую ее часть сохранили в речной воде. Вода горной речки столь холодная, что мерзнут даже зубы, и мясо в ней не портится. Если, например, хранить в глубоком омуте муку, то нечего беспокоиться, что она испортится. Вы, наверное, скажете, что весь мешок с мукой в воде промокнет, но вы ошибаетесь. Намокает лишь около одного сантиметра поверхности, а внутри мешка мука остается сухой. Разумеется, в жизни в горах много неудобств, но и из них можно найти уникальный выход.

В один из дней я собрал командиров малых отрядов и, обобщив полученные за это время разведданные, обсудил с ними создавшееся положение. Командиры высказали много интересных сведений. Все они, как один, отмечали, что некоторое время надо бы следить, нападет или нет Япония на Советский Союз, но при нынешней ситуации всем нам казалось, что пока не нападет.

В доказательство этому Ан Гир доложил разведданные о количестве составов, проходящих по железной дороге. По его словам, японские полицейские, собрав жителей и открыто говоря им, что вскоре начнется война с Советским Союзом, объявляют, что надо рыть убежища и быстрее заканчивать строительство дороги. Однако, хотя в проходящих по железной дороге товарных составах открытые платформы нагружены артиллерийскими орудиями, танками и другой боевой техникой, большинство закрытых вагонов – совершенно пустые.

Были интересны и разведданные, полученные небольшой группой Чвэ Гвана, действовавшей в районе Муданьцзяна. С горы, находящейся недалеко от железнодорожной станции, его бойцы в бинокль вели наблюдение и подсчет – сколько каждый день прибывает вражеских солдат в приграничную местность.

Каждый раз, когда на станцию прибывал и останавливался состав, Чвэ Гван в бинокль наблюдал, сколько военных спускается с подножки вагона. Однажды он увидел спускавшегося на перрон офицера с сигаретой во рту. От того ли, что у того был слишком заносчивый вид или он с сигаретой во рту очень выделялся своей такой надменностью, Чвэ Гван, говорят, запомнил его лицо. И вдруг на следующий день он снова увидел этого офицера на подножке вагона. Сначала он не поверил своим глазам, думая, как же может спускаться тот, кто слез вчера, но это действительно был тот же самый офицер. И сигарета во рту была та же самая. И тогда Чвэ Гван догадался, что хотя враги каждый день в крытых вагонах перевозят войска, но это была всего-навсего их уловка. Эти сведения оказались очень ценными.

После того, как Чвэ Гван вернулся на базу, наши товарищи стали шутить, что такие сведения он собрал, поскольку сам он – заядлый курильщик, иначе такого быть не может. Чвэ Гван обращал внимание на сигарету у японского офицера, из-за чего стал внимательно разглядывать его и таким образом признал в нем того, которого видел предыдущим днем.

Благодаря большой привязанности к табаку Чвэ Гван на этот раз собрал хорошие сведения, но однажды он получил взыскание, и причиной тому явилось курение.

В 16-летнем возрасте Чвэ Гван стал командиром взвода Молодежной добровольческой армии. Комвзвода был совсем молоденьким, и все бойцы относились к нему снисходительно, как к подростку. Чтобы казаться не таким, а вполне взрослым человеком, Чвэ Гван начал курить. Начав таким образом, он за несколько лет пристрастился к курению и, наконец, дошел до того, что без табака буквально болел.

Однажды после боя он вернулся в отряд, таща на плечах в качестве трофеев мешок муки и коробку табака. В отряде собрали партийное собрание и вынесли ему взыскание. Ему вменили в вину то, что при трудном положении с продовольствием в отряде он принес, вопреки ожиданию, не два мешка муки, а табак, не имеющий никакого отношения к пище.

Обобщив собранные нами в те дни разведывательные сведения, можно было сделать вывод, что Япония фактически не готова к нападению на СССР, что ее стремление показать в районах советско-маньчжурской границы концентрацию своих сил является отвлекающим маневром, чтобы скрыть свои планы выступления на юг. Такие сведения позволяли предположить, что Япония готовится к выступлению не на север, а на юг. Это оказало большую помощь Советскому Союзу при разработке военно-стратегического плана действий против Японии.

Мы вернулись на базу почти в середине ноября. По пути завернули в Енбон уезда Сэпер.

После того, как я с малым отрядом сходил внутрь Кореи и в Маньчжурию, туда же направились многие другие отряды.

В конце 1941 года малый отряд Кан Гона вблизи Синьцзядяня устроил большую засаду на железнодорожной линии Муданьцзян – Цзямусы и напал на вражеский военный эшелон, подорвав несколько пассажирских вагонов, наполненных японскими офицерами, и товарных платформ, нагруженных броневиками и бочками с бензином.

Ранней весной 1942 года бойцы Пак Сон Чхора вышли в уезды Дуннин, Нинань и Цзяохэ. Встретившись с соратниками, действовавшими в районах Лаосунлина (уезд Нинань), Цингоуцзы (уезд Цзяохэ) и уезда Вушан, они пополнили свои ряды и, беспрерывно ведя встречные бои с врагом, до конца

сентября вели операции малыми отрядами, а потом вернулись на базу.

Малый отряд Чай Шижуна из ОСВАА действовал в уездах Нинань и Мулин и в районе Муданьцзяна. Он тоже вернулся, добившись немалых успехов.

Подводя итоги походов небольших отрядов, предпринятых на первом этапе, я подумал, что решение снова выступить с временной дальневосточной базы в Корею и в районы Восточной Маньчжурии было правильным.

Прежде всего мы сами испытали, что в новой ситуации переход от действий большими отрядами к действиям малыми был своевременным, что при действиях небольшими отрядами можно не хуже, чем действуя большими, наносить врагу серьезный военно-политический урон и поднимать и вдохновлять народ на сопротивление японским захватчикам.

Успехи, достигнутые на этом этапе, придали всем нашим командирам и бойцам твердую уверенность в окончательной победе.

Наши действия малыми отрядами наглядно показали народу внутри Кореи и за ее пределами, что революционная армия, как и прежде, живет и громит врага, добиваясь лишь побед, и что если весь народ сплотится вокруг революционной армии и развернет общенациональное сопротивление, то сумеет разгромить японских империалистов и приблизить новый день, день освобождения Родины.

Японские и маньчжоугоские военные и полицейские уверяли, будто «специальными мерами по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе» и крупномасштабными карательными операциями полностью ликвидированы все партизанские отряды. Однако смелые тактические действия наших небольших отрядов поставили их в тупик, окончательно сбив с толку.

Действия малых отрядов КНРА стали еще активнее до и после сформирования Объединенных интернациональных войск.

Предвидя приближение окончательной завершающей операции против Японии и делая упор на военную разведку, кото-

рая могла помочь проведению этой операции, и на подготовку ко всенародному сопротивлению, мы вели действия малых отрядов еще шире и еще глубже.

Наши операции малыми отрядами проходили в те дни по такой схеме. Придавая главное значение действиям небольших отрядов, сформированных из бойцов главных сил КНРА, мы сочетали с ними военно-разведывательную деятельность бойцов КНРА, состоявших в отряде особого назначения ОИВ. Исходя из создавшихся тогда условий нашей деятельности и требований военно-политической ситуации, каждый из небольших отрядов действовал самостоятельно и при необходимости они дополняли друг друга и объединяли силы. Такой метод деятельности позволял нам закрепить и увеличить военно-политические успехи в их деятельности.

После создания ОИВ в организации действий небольших отрядов мы соблюдали такой принцип – главным образом вели действия мелкими группами, сочетая с ними операции небольших отрядов, но большей численности. Это стало своего рода характерными чертами в деятельности наших отрядов того времени. Следуя такому принципу, в проведении военных операций мы делали главный упор на действия мелких групп и оптимально сочетали с ними налеты и действия из засады небольших отрядов.

Ниже приводятся материалы, свидетельствовавшие об усиливающихся с каждым днем действиях малых отрядов и групп КНРА в Корее и в Маньчжурии.

«...Со стороны снова прибывших в Маньчжурию Ким Ир Сена, Чвэ Хена, Чай Шижуна и других, понявших нерациональность вооруженного сопротивления, проявляются весьма сильные тенденции – перейти к диверсионным действиям, таким, как разрушение важных сооружений, главным образом, в военной, промышленной и экономической областях, а также работа по перетягиванию народа на сторону красных, поднятие восстания и работа по привлечению солдат» (Доклад Фуруя, и. о. консула в Муданьцзяне, 23 июня 16 года сёва (1941).

«В начале 1942 года в Северной Корее в результате ряда боевых действий корейские партизаны уничтожили 22 японских самолета и 2 ангара и потопили 2 танкера и 92 рыболовных судна» (В. Яровой, «Корея, военный плацдарм», стр. 44, сентябрь 1945 г., Военмориздат).

Малые отряды, направленные в пределы Кореи и в Маньчжурию, вели также работу по разложению вражеской армии. В результате их активных действий внутри японской армии стало широко распространяться пораженческое настроение, вызванное страхом перед войной, участились случаи, когда молодые корейцы, насильно мобилизованные в японскую армию, дезертировали с оружием и приходили к бойцам наших небольших групп. Летчики вражеских авиаотрядов взбунтовались и приходили в части Народно-революционной армии.

Самый большой успех, достигнутый действиями малых отрядов, состоял в том, что, сорвав намерения врагов, замышлявших наше полное истребление, сохранив и накапливая наши силы, мы смогли надежно подготовиться к великому событию – освобождению Родины.

Военно-политические успехи, достигнутые КНРА в ходе действий небольшими отрядами, явились прекрасным подспорьем для приближения долгожданного дня освобождения Родины.

5. Убеждения и предательство

Очень хорошо, что в последнее время газеты снова стали публиковать воспоминания участников антияпонской партизанской борьбы.

Все эти воспоминания представляют собой драгоценное сокровище нашей партии и имеют большое воспитательное значение.

Каким впечатляющим является воспоминание «Твердая вера в победу»! Его наш народ взахлеб читал в 60-е годы. Воспоминания участников антияпонской партизанской борьбы оказывали большое воздействие на наших людей, поднявшихся после войны на восстановление экономики и индустриализацию страны.

Чем суровее обстановка и чем труднее борьба, тем больше надо читать воспоминаний антияпонских партизан, таких, как «Твердая вера в победу». Потому, что именно в такой момент появляются колеблющиеся элементы.

Когда революция переживала пору суровых испытаний, как, например, время Трудного похода, среди людей, не обладавших стойкими революционными убеждениями, начали появляться выбывшие из строя, дезертиры и капитулянты.

Когда между Советским Союзом и Японией был заключен пакт о нейтралитете, в наших рядах появлялись колеблющиеся элементы и дезертиры. Одним из таких оказался Чи Габ Рён, о котором и говорится в мемуарах «Твердая вера в победу».

Советско-японский пакт о нейтралитете был заключен в апреле 1941 года. В то время я вел боевые действия с одним из малых отрядов. Японский министр иностранных дел Мацуока проездом из Германии остановился в Москве, где и был подписан пакт о нейтралитете. Отголосок этого события докатился до рядов Народно-революционной армии.

Суть пакта заключалась в том, что обе стороны обязались поддерживать мирные отношения, уважать территориальную

целостность и принцип ненападения друг на друга и соблюдать нейтралитет в случае вступления одной из сторон в военный конфликт с третьей страной.

Как видите, в пакте не было ни одного пункта, касающегося корейского вопроса. И поскольку он не затрагивал корейского вопроса, он не должен был особенно раздражать нервы корейцев. И тем не менее весть о заключении советско-японского пакта о нейтралитете привела многих корейских революционеров в отчаяние. Ведь они видели в Советском Союзе нашего самого надежного союзника. А он стал сближаться с таким враждебным нам государством, как Япония. И они думали, что теперь все кончено. Они просто пали духом, толкуя фразы об уважении территориальной целостности друг друга и поддержании мирных отношений как выражение намерения Советского Союза не воевать с Японией.

Такие рассуждения породили где-то в наших рядах пессимизм, пораженчество и капитулянтство.

Заключение советско-японского пакта японцы широко рекламировали. В газетах была помещена фотография, показывающая встречу Сталина с Мацуокой. Эта фотография серьезно подействовала на психологию колеблющихся.

Однако, не может быть изменения в коренной позиции корейских коммунистов относительно революции в своей стране оттого, что был заключен какой-то договор между соседними странами. Разве мы начинали революцию, возлагая надежду на какую-либо большую страну? Мы начали революцию, исходя из своих убеждений, а не надеясь на чужую помощь. За все годы вооруженной борьбы мы не получили ни одной ручной гранаты от соседних стран в качестве помощи. Веря в силы своего народа и решая все своими силами, мы вели и вооруженную борьбу, и партийное строительство, и движение за создание единого фронта.

В ходе этого мы вели совместную борьбу вместе с китайцами, образовали совместный фронт с советскими людьми. Хорошо иметь союзника, но можно обойтись и без него – такой всегда была наша позиция. Поэтому с первого дня вооруженной борьбы мы воспитывали бойцов и народ в духе са-

мостоятельности, вооружали их революционным духом опоры на собственные силы. Мы постоянно подчеркивали, как говорится, прожужжали всем уши: если отстаиваешь самостоятельность, – живешь достойной жизнью, а если полагаешься на чужие силы, – станешь рабом; если опираешься на собственные силы, – добьешься возрождения и процветания Родины. В противном случае не добьешься ни возрождения Родины, ни успеха в строительстве нового государства.

Однако некоторые командиры не уделяли должного внимания воспитательной работе, направленной на пробуждение у бойцов сознания необходимости освобождения страны своими силами и опоры на собственные силы, а подчеркивали только противоречия между Советским Союзом и Японией и могущество СССР. Вследствие этого в сознание Чи Габ Рёна и подобных ему проник вирус низкопоклонства перед большой страной – мнение, что только война между Советским Союзом и Японией может создать решающий момент для освобождения Кореи и что победить Японию можно только с помощью такой большой страны, как Советский Союз.

То, что министр иностранных дел Японии приехал в Москву и заключил с советской стороной пакт о нейтралитете, явилось своего рода отвлекающим маневром. Ведь японцы и во сне, и наяву искали шанс для похода на север. Иными словами, они планировали нападение на Советский Союз. Между Японией и Германией существовало тайное соглашение о взаимодействии при нападении на Советский Союз, имелся также проект распределения обширной территории Советского Союза – восточная от Урала часть предназначалась Японии, западная от Урала часть – Германии.

Между тем для Японии, не имеющей достаточной мощи, нападение на Советский Союз было бы преждевременным. И в Токио преобладала концепция наступления на юг. Замысел состоял в том, чтобы, захватив Юго-Восточную Азию, создать достаточные запасы стратегических материалов и, выждав, пока гитлеровская Германия нанесет сокрушительный удар по Советскому Союзу, напасть со стороны Дальнего Востока и одним махом захватить территорию до Урала. Иначе говоря,

была разработана выжидательная стратегия: «Подождем, пока хурма не созреет окончательно». Заключение пакта о нейтралитете с Советским Союзом было нечем иным, как обманным трюком, предпринятым согласно этой стратегии. Спустя два месяца после заключения пакта о нейтралитете, немецкие войска вторглись в Советский Союз, а Япония немедленно начала «особые маневры Квантунской армии», что в сущности явилось прелюдией войны против Советского Союза. Говорят, что во время этих маневров численность Квантунской армии, размещенной близ советско-маньчжурской границы, увеличилась в два раза. Не говорит ли это о том, какой замысел вынашивали японцы?

Сам Мацуока, игравший главную роль в заключении пакта о нейтралитете, активнее всех настаивал на немедленном вступлении Японии в войну с Советским Союзом. Одного этого факта достаточно, чтобы понять, насколько коварна и нагла была правящая верхушка Японии.

Спрашивается, не знал ли тогда Советский Союз о такой уловке Японии? О ее кознях СССР знал отлично. Однако в то время он очень остерегался нападения одновременно с востока и запада Японии и Германии, поэтому не мог не приветствовать, когда сами японцы проявили инициативу в установлении мирных отношений и уважении территориальной целостности. Ведь над Советским Союзом висела тогда крайне серьезная угроза вторжения гитлеровской Германии. Крупные силы немецкой армии, сосредоточенные у советской западной границы, могли вторгнуться в СССР в любой момент. В такой обстановке обещание Японии, поджидавшей удобный случай для захвата Сибири, о нейтралитете дало Советскому Союзу возможность отдалить возникновение войны на двух фронтах – на востоке и на западе.

Когда министр иностранных дел Японии Мацуока покинул Москву, говорят, Сталин провожал его на вокзале. По этому одному факту можно догадаться о духовном состоянии советского руководства, ожидавшего неминуемой войны с Германией.

В такой ситуации наивно было бы думать, будто с заключе-

нием пакта о нейтралитете Советский Союз стал дружественной Японии страной.

Чем напряженнее становится положение, тем правильнее должны быть оценка и анализ обстановки. Если видеть только поверхностные явления и не постигать их сущность, то легко допустить непоправимую ошибку. Об этом и говорит пример с Чи Габ Рёном.

Бегство Чи Габ Рёна известно еще как событие Ванбабо-цзы.

Оно произошло весной 1941 года. Я находился тогда с малым отрядом в районе Аньту. Устроив свою базу в Хань-цунгоу, мы руководили деятельностью направленных в разные пункты малых отрядов и групп. В проведении операций малыми отрядами самой большой трудностью для нас было то, что население жило в коллективных поселениях. Нам надо было устанавливать связь с населением, замкнутым в коллективных поселениях, но встречаться с людьми было нелегко.

Единственный выход состоял в установлении связей с жителями с помощью встречающихся в горах охотников, заготовителей древесного угля или сборщиков лекарственных растений.

В те времена на оленей охотились с ранней весны и до осени, используя ловушку «рокчхэ». Для этого рыли глубокую яму, на дне ее ставили копья острием вверх, а сверху на яму клали тонкие ветки, не выдерживающие тяжести зверя, покрывали их травой и насыпали соль. Привлеченный солью олень ступал на эту траву и падал в яму на острые копья.

Установив контакт с такими охотниками, можно было иметь связи с подпольными организациями и получать сведения о положении в стане врага.

Мы разделили малые отряды на несколько групп, которые отправлялись в разные места каждая со своим определенным заданием. Чи Габ Рён и Ким Бон Рок были направлены в Ванбабоцзы, что в уезде Аньту. Их заданием была работа среди местного населения и добыча продовольствия.

Руководитель каждой группы должен был регулярно, раз в пять дней, рапортовать о проделанном. Таков был приказ Командования. Однако почему-то от группы Чи Габ Рёна не было

никаких вестей. Это уже было ЧП. Надо было отправить в Ванбабоцзы какого-нибудь ответственного человека и узнать о положении дел. Однако людей в Ставке Командования было немного и отправить было некого. Как раз в это время туда вернулась группа Рю Ген Су. В ней были Ким Ик Хен и китаец Сюй Баожэнь.

Все трое были крепкими, как дуб, мужчинами. Но они появились настолько измученными, что просто жалко было смотреть на них.

На их долю достались большие трудности: кончилось продовольствие, река Фуэрхэ разлилась и им пришлось возвращаться дальним окольным путем. У одного из них случились спазмы желудка, а когда они проходили Дапучайхэ, точно не помню, где-то столкнулись с вооруженной группой переселенцев с Рюкю, переодетых в крестьянскую одежду, которые преследовали их.

Услышав о вооруженной группе переселенцев с Рюкю, я подумал, насколько коварны и циничны японские империалисты.

Перебивая друг друга, Рю Ген Су и Ким Ик Хен рассказывали, что в этой вооруженной группе было около ста человек. Переодетые крестьянами, они якобы сеяли на полях. Наши товарищи, действительно приняв их за крестьян, решили обратиться к ним с просьбой достать им продовольствие.

И вот к чему это привело – к настоящей беде. Произошло следующее.

Трое партизан, скрывшись в стороне от дороги, подождали, пока один из «крестьян» не вышел на край поля, и окликнули его. Они сказали ему: «Мы – антияпонские партизаны. Помогите нам достать за деньги продовольствие». Но, к их изумлению, «крестьянин» совсем не понимал их. Он не знал ни корейского, ни китайского языка. Посчитав, что он просто глухой, партизаны перешли на язык жестов. Только тогда тот понял, в чем дело.

После этого тот «крестьянин» не спеша зашагал обратно по полю. Но на полпути он вдруг что-то крикнул. И тут те, кто работал в поле, быстро разбежались в разные стороны и,

схватив винтовки, спрятанные за кучами камней и в кустах, открыли стрельбу по Рю Ген Су и его товарищам. Целая ватага этих переодетых бандитов с криками наседала на партизан. Тут открыли огонь и пулеметы. Их у «крестьян» оказалось два. Это была настоящая западня.

Наши товарищи смогли оторваться от преследователей, бегом пробежав более двух километров. Они были настолько обессилены, что еле держались на ногах. К счастью, нашли картофельное поле, хозяина которого не было видно, вырыли из гряд один тазик долек клубней с глазками, посаженные в качестве посевного материала, сварили их и съели. Утолив голод, они завернули в промасленную бумагу 50 *юаней,* привязали пакетик к палке и воткнули ее у края поля так, чтобы хозяин легко нашел деньги.

За один тазик разрезанных клубней картофеля они оставили 50 *юаней,* тогда как по тогдашним ценам рабочий вол стоил примерно столько же.

Тот факт, что наши товарищи наткнулись на вооруженную и пулеметами группу переселенцев с Рюкю, свидетельствует о том, в каких трудных обстоятельствах действовали в то время наши малые отряды.

Пытаясь дезорганизовать наши революционные ряды, враг прибегал к любым средствам и приемам.

Вернувшийся в Ставку Ким Ик Хен совершенно выбился из сил. Но, услышав, что кто-то должен отправиться узнать о положении дел у группы Чи Габ Рёна, он вызвался выполнить это задание.

В следующий день я направил Ким Ик Хена в Ванбабоцзы.

Там он ознакомился с деятельностью группы и пришел к выводу, что ее старший Чи Габ Рён, зараженный вирусом пораженчества, не выполнил ни одного задания, полученного от Командования. Большую часть времени с утра и до вечера он проводил, с вершины горы наблюдая за селом.

Ким Бон Рок лежал в шалаше. Говорил, что кончилось продовольствие и он уже четвертый день ничего не ел. «Задания не выполнены, – говорит он, – к тому же мы до того выбились из сил, что даже не в силах вернуться в Ставку, чтобы доложить

обстановку».

Когда Чи Габ Рён вернулся в шалаш, Ким Ик Хен сказал ему: «Прошло почти десять дней, как вы прибыли сюда с заданиями. Как же можно сидеть сложа руки, даже не докладывая Командованию. Давайте сегодня же вечером встретимся с охотниками и немедленно начнем работу».

Чи Габ Рён начал говорить, что враг настолько усилил охрану, что передвигаться опасно и поэтому надо подождать до удобного времени. Ким Ик Хен всячески уговаривал его, но тот был глух ко всему.

На следующее утро, когда Ким Ик Хен и Ким Бон Рок вышли из шалаша умыться, Чи Габ Рён забрал их винтовки и, когда те двое вернулись, сказал им: «Я почти десять лет служил в вооруженном отряде. За эти годы испытал массу трудностей и лишений. Но я терпел все и верил, что будет достигнута независимость Кореи после преодоления трудностей. Однако теперь все мои мечты рухнули. Как вы знаете, Советский Союз и Япония заключили пакт о нейтралитете. Я верил, что между Советским Союзом и Японией существуют глубокие антагонистические противоречия и в недалеком будущем начнется война. Думал, что тогда мы вместе с советскими войсками сможем разгромить японскую армию и освободить Родину. Теперь этого ожидать бесполезно. Я не могу больше заниматься бесполезным делом. Более того, у меня прогрессирует болезнь. Я просто хочу вернуться домой».

Выслушав его до конца, Ким Ик Хен спросил, серьезно ли он говорит все это. «Совершенно серьезно, – ответил Чи Габ Рён. – Несколько дней я все думал над этим и пришел к такому решению. Если вы не против, пойдемте вместе со мной».

С досады Ким Бон Рок заплакал. «Хочешь убежать – иди один, – сказал он. – Я пойду к товарищу Командующему. Если надо будет умереть, – умру за него. Какой бы мрачной ни казалась перспектива революции, мы не можем уйти с тобой, покинув товарища Командующего. Надо не иметь совести, чтобы даже думать такое».

Чи Габ Рён сказал: «Я уйду, но вы можете уверены, что я не совершу такую подлость, какую совершил Рим Су Сан. Где бы я

ни оказался, я буду жить достойно».

На это Ким Ик Хен возразил: «Если даже у революции не видно светлого будущего, мы не можем уйти с тобой, забыв товарища Командующего. Получается, что когда все хорошо – идешь с ним вместе, а когда нет – удираешь. Разве это не противоречит элементарным нормам человеческой морали? Ты уверяешь, что где бы ни оказался, будешь жить достойной человеческой жизнью. Но как только ты спустишься с горы, ты не сможешь жить такой жизнью, если даже очень захочешь. С того момента, как ты бросишь оружие, твое существование потеряет всякий смысл, ты будешь подобен бесполезно валяющемуся камушку. Вспомни о незавидной судьбе Рим Су Сана, Чвэ Ён Бина и Ким Бэк Сана. Советую тебе – что бы ни произошло, не ходи к врагам». И он потребовал вернуть ему и товарищу винтовки.

Чи Габ Рён сказал, что решение его окончательное, что винтовки он не может отдать, пока благополучно не спустится с горы, и пообещал оставить их под мостом недалеко от шалаша.

Когда Чи Габ Рён исчез из шалаша, Ким Бон Рок пошел к мосту и вернулся с винтовками.

После дезертирства Чи Габ Рёна Ким Ик Хен и Ким Бон Рок отправились на явку в условленное место. Проголодав несколько дней и столкнувшись на пути с врагами, они прибыли на явку с большим опозданием и не застали связного, которого мы послали туда. В те дни у нас, партизан, был такой порядок: отправив малый отряд с заданием куда-либо, командный пункт перемещался в другое место и на прежнее место посылал оттуда связного.

Оба товарища, не найдя связного, не ушли с места явки и, утоляя голод травяным настоем, стали ждать восстановления связи с Командованием. Если сварить траву в тазе, слегка посолив, то получается зеленоватый настой. Наши товарищи, прихлебывая это варево, боролись с голодной смертью.

Однажды они сварили кости коровы, брошенные кем-то несколько месяцев назад, и увидели, что на поверхность «бульона» всплыло что-то белое, похожее на зернышки риса. Но это были не зернышки, а расплодившиеся в костях личинки мух.

Наевшись «бульона с личинками», они опьянели и заснули.

Спустя несколько дней они поняли, что надвигается смерть от голода, и на оголенном стволе дерева углем, взятым из кострища, написали: «Чи Габ Рён сбежал, а Ким Ик Хен и Ким Бон Рок погибли голодной смертью». Затем они легли рядышком в зарослях и стали ждать смерть. И если бы тогда мы не послали на место явки Чон Мун Соба, они наверняка остались бы навечно в глухих зарослях.

Увидев надпись на стволе дерева, Чон Мун Соб обшарил все уголки горы, громко окликая товарищей по именам. Но Ким Ик Хен и Ким Бон Рок были так обессилены, что не могли внятно откликнуться. Чон Мун Соб уловил еле слышный стон и нашел товарищей.

Чон Мун Собу пришлось проделать невероятно трудный путь, чтобы доставить товарищей в Ставку Командования. В конце пути он сам настолько выбился из сил, что еле переставлял ноги.

И вот, напрягая последние силы, Чон Мун Соб привел Ким Ик Хена и Ким Бон Рока в Ставку. А те, только проглотив несколько ложек рисового отвара, вернулись в сознание.

Таким был Ванбабоцзыский инцидент. Из него мы извлекли серьезный урок. В чем он заключался? Во-первых, в том, что надо преодолеть низкопоклонство перед большой страной и воспитывать людей в духе веры в свои силы.

Бегство Чи Габ Рёна произошло как из-за потери твердой веры в победу революции, так и из-за низкопоклонства. В отношении какой страны проявлялось низкопоклонство? В отношении Советского Союза. Некоторые командиры, помогая созданию в сознании бойцов иллюзий в отношении Советского Союза, убеждали их: «Противоречия, существующие между Советским Союзом и Японией, рано или поздно приведут к войне. В этой войне Япония непременно потерпит поражение». Результатом этого и стал тот печальный инцидент.

Честно говоря, некоторые наши бойцы действительно питали иллюзии в отношении Советского Союза. Вокруг большой державы, как правило, всегда находятся люди, слепо следующие за ней или фетишизирующие ее. Такие люди, увидев

фотографию встречи Сталина с Мацуокой, стали считать безнадежной перспективу нашей революции и даже начали думать о дезертирстве.

Чтобы не допустить повторения таких происшествий, как с Чи Габ Рёном, мы выдвинули лозунг «Завершим корейскую революцию своими силами!» и вели наступательную борьбу за ликвидацию низкопоклонства перед большой страной.

Другой важный урок, извлеченный нами из Ванбабоцзыс-кого инцидента, заключался в том, что достоинство революционера состоит в его убеждениях и что когда он лишается убеждений, он перестает быть революционером.

Чи Габ Рён дезертировал потому, что потерял веру в победу революции. Но Ким Ик Хен и Ким Бон Рок не убежали, а вернулись в Ставку Командования потому, что они, даже утоляя голод травяным настоем, сохранили свои убеждения и даже в те минуты, когда лежали в зарослях и ждали смерть, продолжали верить в то, что хотя они и умрут, революция победит.

Убеждения – это жизненно важный атрибут революционера.

Откуда исходит твердая вера в победу революции? Она рождается из уверенности в своих силах. Убеждения революционера прочны только тогда, когда он твердо верит своему руководителю, верит в свою силу, силу своего коллектива, силу своего народа, силу своей партии. Это логика жизни.

Любой человек вступает на путь революции с определенными убеждениями. Вопрос в том, насколько долго отстаиваются эти убеждения, а это зависит от степени закалки. Убеждения, не прошедшие должный процесс закалки, быстро разлагаются и испаряются. Средством их укрепления является идейно-политическая закалка посредством работы в организации, участия в идеологической жизни и путем революционной практики.

Есть люди, которые думают, будто с ростом революционного стажа сами собой крепнут и убеждения. Но их прочность не зависит от стажа. Даже при большом революционном стаже человек становится слабым по убеждениям, если серьезно не занимается самовоспитанием, а при малом стаже он может быть

силен убеждениями, если он усердно работает над собой.

Чи Габ Рёна по революционному стажу вполне можно было считать старшим по сравнению с Ким Ик Хеном и Ким Бок Роком. Он находился в партизанском отряде почти десять лет. К тому времени Ким Ик Хен прослужил в Народно-революционной армии четыре года, а Ким Бон Рок – всего два, то есть был почти новичком.

А кто из них стал изменником? Дезертировал Чи Габ Рён, партизан с большим стажем, когда младшие по стажу Ким Ик Хен и Ким Бон Рок сохранили преданность делу. Это показывает, что и человек, прошедший большой революционный путь, имеющий крупные боевые заслуги, может переродиться, если утратит убеждения.

Чи Габ Рён находился в партизанском отряде с первых дней создания нашей армии, совершил немало ратных подвигов и был выдвинут на должность командира роты. Однако, когда наступило суровое время, он заколебался. Вначале он не проявлял активности в выполнении революционных заданий под предлогом болей в желудке. Партизанки сделали ему согревающий пояс для живота. Сочувствовали ему как хворому и проявляли особую заботу о нем. Но он не выстоял перед трудностями и, в конце концов, сбежал.

Пока этот человек сохранял убеждения, он сражался неплохо. Но, потеряв убеждения, он выбыл из строя и утратил даже чувство морального долга.

Рим Су Сан тоже совершил предательство, но не из-за недостаточного стажа революционной борьбы. Его вполне можно отнести к категории старших революционеров, если иметь в виду стаж борьбы. Когда в 1933 году Пак Сон Чхор, рабочий рудника Бадаогоу, пришел в Чанцзайцунь, чтобы вступить в партизаны, Рим Су Сан там был политруком 2-й роты Яньцзиского партизанского отряда. Он ругался тогда, что Пак Сон Чхор пришел без рекомендации организации, и отказывался принять его в отряд.

До вступления в партизанский отряд Рим Су Сан учился в средней школе, а потом учительствовал. Был он большого роста, даже выше Ким Ира, приятной наружности, образован,

неплохой оратор. В первое время товарищи относились к нему с симпатией.

Однако постепенно стал проявляться его истинный характер. Поползли нелестные толки о нем. Бойцы стали говорить, что Рим Су Сан мастер произносить красивые речи, но он трус.

Весной 1938 года нам в течение одного месяца пришлось дважды вступать в бой в Людаогоу. Почему это произошло?

Первым боем командовал Рим Су Сан. Победа в бою казалась несомненной, но он завершил его неудачей.

Людаогоу был довольно большим густонаселенным, крепостным городом, насчитывавшим больше тысячи домов. Получив информацию о том, что число находящихся в городе врагов незначительно, Рим Су Сан немедленно повел полк на город. Когда начался бой, создалась непредвиденная обстановка: полк натолкнулся на сопротивление неожиданно большого числа врагов. Оказалось, что после того, как из города вернулись наши разведчики, туда прибыл новый вражеский отряд.

Когда полк штурмовал город, в стане врагов был в разгаре пир, и они не были готовы к бою. Их можно было бы без труда уничтожить. Однако Рим Су Сан, узнав о неожиданно создавшемся численном превосходстве противника, струсил и тут же отдал приказ отступать. Так партизаны, потеряв инициативу, попали в пассивное положение.

Растерянные бойцы прекратили бой, а противник, воспользовавшись этим, перешел в контратаку, поддержанную пулеметным огнем. И наш отряд отступил из города ни с чем.

После этого боя враги широко оповестили об отражении партизанского нападения. Эта пропаганда отрицательно подействовала на настроение людей. Ошибка Рим Су Сана в первом бою в Людаогоу скомпрометировала Народно-революционную армию.

Мне пришлось готовить второй налет на Людаогоу. Я повел отряд в этот город-крепость и с ходу овладел им. Вражеская пропаганда об успешном отражении партизанского нападения смолкла.

На совещании командиров мы подвергли критике ошибку Рим Су Сана. Если рассматривать дело с психологической

точки зрения, то главным источником его ошибки была трусость.

Однако и после этого Рим Су Сан не исправился. Во время Трудного похода он не выполнял задание, поставленное Командованием, и бесцельно проводил время в тыловом тайном лагере. За то, что он не старается исправить свои ошибки, его снова критиковали на совещании в Бэйдадинцзы. Некоторые товарищи даже предлагали снять Рим Су Сана с должности начальника штаба.

Однако я еще раз предоставил ему возможность исправиться.

Но на наше доверие Рим Су Сан ответил предательством. Когда стало видно, что вооруженная борьба становилась затяжной, Рим Су Сан впал в апатию. Особенно он был перепуган и растерян появлением карательного отряда Нодзоэ и невиданными масштабами его операций. И, воспользовавшись случаем, когда ему поручили выполнение индивидуального задания в тайном лагере в Дунпайцзы, он ушел к врагу. И не только сам сбежал, но, тайно связавшись с противником, привел карательный отряд и скрытно разместил его вокруг тайного лагеря, что помогло врагу захватить в плен многих наших товарищей. Немало партизан было схвачено врагами из-за предательства Рим Су Сана.

Этот отщепенец дошел до того, что, замышляя взять в плен меня, однажды привел карательный отряд к самой Ставке Командования.

Как ни стараюсь, не могу припомнить, когда бы Рим Су Сан стрелял во время боя. Под предлогом, что занимается политической работой, он всегда искал уголок в укрытии, куда не долетают вражеские пули.

Когда Рим Су Сан перешел в стан врага, там ликовали, как бы поймали живого тигра. Поднялась шумиха: мол, один из крупнейших руководителей партизанского отряда Ким Ир Сена вместе с многочисленными подчиненными перешел на сторону великой японской империи...

Не скрою, измена Рим Су Сана в какой-то мере подействовала на настроение наших бойцов. Все помрачнели и несколько дней почти не слышно было никаких разговоров. В самом деле

предательство Рим Су Сана действительно в немалой степени навредило нашей части.

Однако это не удивило и не расстроило меня.

Рим Су Сан был морально опустившимся типом. Таким является идеологически разложившийся и выродившийся элемент. Оставаясь в наших рядах, такие типы причиняют только вред.

В процессе революции могут появляться предатели. Это обычное для любых периодов и эпох явление. История международного коммунистического движения знает не только таких революционеров, как И. В. Сталин, Чжоу Эньлай, Эрнст Тельман, Эрнесто Че Гевара. Немало было и предателей, изменивших своему вождю и его делу.

И Бернштейн, и Каутский одно время уважали Маркса и Энгельса, но в историю вошли как предатели. Они изменили и марксизму, и своим учителям и революционерам старшего поколения Марксу и Энгельсу. Троцкий, одно время находившийся на важном посту в ВКП(б), стал врагом советского государства. Чжан Готао, изменив Мао Цзэдуну и Компартии Китая, убежал к Чан Кайши. И конец всех изменников был трагическим. Но зададим такой вопрос: оттого, что такие типы изменили революции, потерпела ли она поражение или, может быть, пошла вспять? Нет. Каждый раз, когда очищались ряды революции от изменников, она быстро развивалась и шла в гору с новой силой. Какими стремительными темпами пошло социалистическое строительство в Советском Союзе после высылки Троцкого из СССР! Он-то думал, что без него все дело Сталина провалится и Советский Союз как государство рухнет. Однако советский народ превратил свою страну в первую в мире социалистическую державу. После того, как Чжан Готао изменил Компартии Китая и превратился в нахлебника Гоминьдана, китайская революция не только не ослабла, но, наоборот, стремительно развивалась и добилась победы во всей стране.

Рим Су Сан, сдавшись врагам, передал им секретные сведения нашего Командования, он служил проводником карательного отряда и причинял нам ущерб. Однако КНРА не ослабла, не распалась. После его измены наши ряды еще плотнее сом-

кнулись и наша революция, надежно отстаивая свою чистоту, динамично продвигалась вперед, к окончательной победе.

Изменники революции появились в нашей стране и после войны, когда развернулось социалистическое строительство. Чвэ Чхан Ик, Юн Гон Хым, Ли Пхиль Гю и другие, пытавшиеся задержать поступательное движение нашего народа, когда их фракционные притязания были сорваны, выбрали путь предательства партии и измены родине. Между тем, после их смещения у нас произошел новый подъем революции и наступила эпоха Чхоллима. С тех пор весь мир стал называть Корею «страной Чхоллима».

Предатели были и в рядах национального движения.

В качестве примера можно назвать Чвэ Нам Сона. Широко известно, что во время Первомартовского народного восстания он был соавтором Декларации независимости. Мне довелось читать его произведение – путевые записки на горе Пэк-ту. Она была полна фраз, дышащих патриотизмом.

И этот прославившийся патриотическим пафосом человек вдруг изменил своей совести и убеждениям, стал на путь вероломства и предательства. В начале 40-х годов, когда вооруженная борьба против японских оккупантов переживала самые трудные времена, он написал письмо, адресованное открыто нам, в котором призывал нас сдаться. Это обращение в виде листовки разбрасывалось с самолета.

Ниже приводятся отрывки из того обращения, которое Чвэ Нам Сон написал вместе с некоторыми другими прояпонскими элементами.

«Господа, бесцельно бродящие в безлюдных лесах и живущие под открытым небом! Господа, как жаль, что вы, утонувшие в диких девственных лесах, оторваны от света современной культуры и, став жертвой нелепой слепой веры, обращаетесь со своей дорогой жизнью, как с ни на что непригодной соломинкой! Настал последний час, когда вам предстоит навсегда расстаться с вашей проклятой судьбой. Выбор у вас один: или жизнь, или гибель...

О, какое горе! Господа таежные бродяги!

Прочитав эти строки, немедленно примите окончательное правильное решение и смело встаньте на путь возрождения. Стыдитесь, если у вас еще есть стыд. Раскайтесь, если есть в чем, немедленно расстаньтесь с вашей нынешней беспрецедентной в мире неустойчивой жизнью и вернитесь в мир теплого и нежного чувства любви к соотечественникам. Посвятите свою воинскую доблесть и чувство гражданского долга священному делу стро-

ительства новой Восточной Азии. Пока еще не поздно!..

Штаб-квартира Общества по содействию особым операциям в юго-восточном районе

Советник Чвэ Нам Сон ...

Управляющий делами Пак Сок Юн ...»

(Журнал «Самчхолли», январь 16 года сёва (1941), стр. 206 - 209).

В одной из частей КНРА был врач, ему было лет пятьдесят. Бойцы звали его «врачом из провинции Чхунчхон». Настоящее имя его – Рю Хан Чжон. Несколько месяцев он пробыл с нами, побывал в разных местах, леча раненых. Жизнь показала, что он прекрасной души человек.

У него было только несколько золотых хирургических игл и единственный скальпель. Этим инструментом он лечил всевозможные раны. Лечил он очень хорошо, к тому же его сердечное отношение к раненым было ни с чем не сравнимым. Бойцы очень привязались к нему и уважали его. Я тоже уважал и относился к нему с симпатией. Ему часто приходилось спать под открытым небом, и я как-то дал ему медвежью шкуру. Каждый раз, когда после очередного боя в каком-либо городе бойцы приносили трофеи, я распоряжался собирать все медикаменты и медицинский инструмент и передавать их Рю Хан Чжону.

У него было очень плохо со здоровьем, и в начале января 1940 года мы отправили его домой. В его годы, чтобы жить партизанской жизнью в горах, требовались и необыкновенно твердая воля, и решимость.

Однако спустя три месяца Рю Хан Чжон снова появился у нас.

– Все эти месяцы я каждый день ел рисовую кашу, приготовленную женой, и вообще жил как сыр в масле. Но не испытывал от этого никакого удовольствия и каша застревала в горле. Нет, не мог я оставаться дома. Если без цели стараться лишь продлить свою жизнь дома, то кому и какая от этого польза? – сказал он со слезами в голосе.

Думать так вряд ли способен тот, кто не наделен чистой совестью.

Однако состояние здоровья Рю Хан Чжона не позволяло ему вести воинскую жизнь. Не забуду, как я пытался переубедить его.

Рю Хан Чжон, расстроенный, отправился домой.

Вскоре после освобождения страны он как-то вместе с до-

черью навестил меня. И теперь в моей памяти жива наша радостная встреча. Крепко сжав мои руки, он сказал: «Теперь мне ничего не надо, раз я увидел вас, Полководец, здоровым». В его глазах блестели слезы радости. А я сказал: «Японцы изгнаны. Давайте вместе строить новое государство».

Впоследствии Рю Хан Чжон обосновался в Пхеньяне, занимался оказанием помощи революционерам, работал военврачом в Пхеньянском училище. Его дочь работала машинисткой в секретариате Временного Народного Комитета Северной Кореи. Двое его сыновей служили в Народной Армии, оба погибли в бою.

Как видите, какой это яркий контраст Чвэ Нам Сону, Рим Су Сану и Чи Габ Рёну! В то время, когда Рим Су Сан, расставшись со своими убеждениями, думал о бегстве, Рю Хан Чжон вступил в партизанскую армию. Чвэ Нам Сон разбрасывал в лесах Маньчжурии и в горах Пэкту листовки с так называемой рекомендацией, предлагающей нам сдаться, а Рю Хан Чжон тосковал по партизанской жизни, которую Чвэ Нам Сон называл «неустойчивой жизнью» в «диких девственных лесах», и через несколько месяцев снова пришел к нам и просил принять его обратно в отряд.

Простой врач Рю Хан Чжон резко отличался от Чвэ Нам Сона, Рим Су Сана и Чи Габ Рёна. Он был настоящим человеком, обладавшим кристально чистой совестью. Это она подняла его на такую высоту.

По собственному опыту знаю, что изменниками революции легко становятся те, кто, не имея твердых убеждений, поступает в зависимости от обстановки, брюзги, случайные элементы, карьеристы, слабовольные и те, кто щеголяет своим участием в движении.

Те, кто саботирует дело, кто неряшливо относится к выполнению своих обязанностей, кто делает кислую гримасу, когда получает трудное задание, и пытается отделаться от него под всякими предлогами, кто пускается в краснобайство о революции, но при этом втайне только набивает себе карманы, кто беззастенчиво приписывает себе чужие заслуги, кто поминутно лжет без зазрения совести, – такие типы могут в

любое время, если только создадутся для этого благоприятные обстоятельства, выбросить красное знамя и перебежать на другую сторону баррикады.

У всех таких типов есть одна общность – это отсутствие совести.

Что останется у революционера, если лишить его совести? Ничего. Рухнут и идеал, и идея, и чувство морального долга. Утратишь совесть – лишишься и человеческого достоинства.

«Прежде чем стать революционером, стань человеком». Это означает, что надо стать существом, обладающим совестью, верным моральному долгу. Только совестливый человек знает, что такое мораль, и может соблюдать моральные нормы. У человека, расставшегося с совестью, не может быть ни нравственности, ни чувства морального долга, ни самоотверженности, ни чувства справедливости, ни добросовестности. Товарищ Ким Чен Ир сказал: «Преданность вождю должна стать убеждением, совестью, моралью и повседневной потребностью», – это поистине афоризм.

Человек с чистой совестью может стать революционером. Если его совесть запятнана, запачканы и убеждения. Если трещит по швам совесть, трещат и убеждения, а дальше – парализуется воля к борьбе.

Вот почему с того самого момента, как он забывает о совести, революционер перестает быть им и превращается в никчемное существо.

С теми, кто потерял совесть, нам не по пути, вместе с ними нельзя черпать из одного котла. Такие люди с момента утраты совести преследуют иную цель в общем деле, занимаются двурушничеством. С такими типами надо решительно расставаться, поскольку они могут натворить немало бед.

Чи Габ Рён стал утрачивать достоинство революционера с того момента, когда оказалась поражена недугом его совесть.

Во время боя в Люкэсуне в его поведении я заметил признаки отсутствия совести.

Главным направлением атаки в том бою были вражеские казармы, и туда были направлены 7-й полк и подразделение Хван Чжон Хэ. Как только начался бой, раздалось, как гром,

несколько выстрелов, но через несколько минут они прекратились. Это был сигнал о захвате казарм. Но спустя немного времени со стороны казарм снова послышалась оглушительная пулеметная трескотня. Это было неожиданным, и я сразу послал Чи Габ Рёна узнать, в чем дело. Однако он не добрался до казарм, поспешно вернулся обратно и сидел, приговаривая, что ранен. На самом же деле вражеской пулей была только расколота деревянная кобура его маузера, а сам Чи Габ Рён был цел и невредим. Видимо, когда пуля попала в кобуру, он от удара упал и получил легкую травму.

Поняв, что он просто струсил, я направил туда Чи Бон Сона и Ким Хак Сона с тем же заданием.

Они ринулись к казармам сквозь град вражеских пуль и вскоре вернулись. Сопротивляются, доложили они, остатки разбитого врага, укрывшиеся в потайных подземных ходах, выкопанных под казармами. Я отдал приказ немедленно отвести бойцов от казарм и подавить сопротивление противника поджогом входов в подземелье.

Однако еще не дошел мой приказ, как погиб О Чжун Хыб. Он сам велел поджечь входы в подземелье, но, не отводя своих бойцов, спешил организовать обысковую операцию, что и привело к трагедии.

Если бы Чи Габ Рён не вернулся назад и вовремя добрался до казарм и узнал о создавшемся положении, то мой приказ был бы немедленно передан О Чжун Хыбу и не произошло бы несчастья. В бою при принятии решений в зависимости от ситуации бывают дороги каждая минута и каждая секунда. Пока Ким Хак Сон и Чи Бон Сон выполняли задание вместо Чи Габ Рёна, время шло. Остатки вражеских сил, укрывшиеся в подземных ходах, вели стрельбу вслепую, и одна из пуль угодила в О Чжун Хыба.

Ясно, что уже тогда Чи Габ Рён потерял совесть бойца. Никакой другой партизан, даже тяжело раненый, не вернулся бы назад с полпути.

Вот какую беду принесло нам безответственное и трусливое поведение человека, потерявшего совесть.

Судьба тех, кто утратил совесть и изменил революции,

всегда кончалась печально. Таким предателям история всегда выносила суровый приговор. Даже те, кто совершил не столь тяжкие преступления и был пощажен, до последней минуты своей жизни ходили, не смея взглянуть людям в глаза.

А тех, кто боролся до победного конца, сохраняя революционную совесть и отстаивая свои убеждения, народ приветствовал цветами и лавровыми венками.

Когда горняк Бадагоуского рудника Пак Сон Чхор пришел в партизанский район и попросил принять его в армию, Рим Су Сан отчитал его за то, что тот появился там самовольно, не по организационной линии. А потом Пак Сон Чхор прошел до конца полный трудностей путь борьбы и, вернувшись на Родину, сегодня продолжает революцию на ответственном государственном посту.

Однажды, когда отряд был в походе, Пак Сон Чхор с разрешения командира зашел к себе домой. Как он признался, после его вступления в партизанский отряд, прошло несколько лет и он не знал о судьбе семьи. И вот, когда отряд проходил мимо его села, ему очень захотелось повидать родных.

А потом произошло вот что. Зайдя в свой дом, Пак Сон Чхор попал в непредвиденную затруднительную ситуацию. Жена, взяв ребенка за спину, всерьез собралась пойти вместе с мужем к партизанам. «В своем ли ты уме? – воскликнул Пак Сон Чхор. – Куда ты вздумала идти с ребенком?» А жена не хотела отпускать мужа, крепко ухватив его за пояс.

Казалось, никакими словами нельзя было переубедить ее, и если бы он оттолкнул ее, то наверняка она зарыдала бы. Но если соседи услышат плач, то все село узнает, в чем дело. И слух об этом может дойти до вражеских ушей и тогда на родных Пак Сон Чхора как членов семьи партизана обрушится большая беда.

Пак Сон Чхор растерялся и стоял, не зная, что предпринять. Тут мать стала уговаривать невестку: «Твой неверный поступок может погубить мужа. Если он не сможет догнать свой отряд в назначенное время, то его сочтут дезертиром. А это значит стать предателем. Разве этого ты хочешь?»

Жена не могла вымолвить ни слова, только из глаз ее кати-

лись слезы. Но она так и не отпускала пояс мужа.

Наблюдая это, мать суровым тоном сказала сыну: «Ты – мужчина, и раз ушел из дому на большое дело, выкинь из головы все остальное. Зачем ты в эту ночь вдруг появился и поднял переполох? Больше не переступай порог этого дома! Если снова появишься раньше, чем страна станет свободной, я обломаю тебе ноги!»

Только тогда жена выпустила из рук пояс мужа.

Слова матери так сильно подействовали на Пак Сон Чхора, что он пулей выбежал из дома.

По уровню образования мать и жена Пак Сон Чхора не шли ни в какое сравнение с Рим Су Саном. Но по своим взглядам и подходу к революции эти женщины стояли неизмеримо выше, чем Рим Су Сан. Как красива, благородна душа молодой женщины, которая хотела даже с ребенком участвовать в партизанской войне! Как благородна и несгибаема воля матери, которая грозит наказать сына, если тот снова появится в родном доме до завоевания независимости страны!

В тот день, когда Ким Ик Хену было присвоено воинское звание вице-маршала КНА, я вспомнил и то, что тот в отроческом возрасте пришел на поляну за Диянси и настойчиво уговаривал принять его в партизанский отряд, и то, что он, отвергнув уговоры Чи Габ Рёна и возвращаясь в Ставку Командования, оказался на грани голодной смерти, написал об этом углем на дереве и ждал прихода смерти, лежа в зарослях...

Ким Ик Хен был готов на смерть, он не боялся ее, а потому выжил и стал человеком, имя которого знают потомки.

Ким Ик Хен, конечно, был отличным бойцом. Но какой железной волей и каким высоким чувством товарищеского долга обладал Чон Мун Соб! Он привел Ким Ик Хена и Ким Бон Рока в Ставку Командования, поддерживая обессилевших товарищей. Когда он добрался до Ставки, перенося на спине потерявших сознание товарищей, по его щекам текли ручьи слез. Он не мог сдержать их, глядя на своих боевых друзей, настолько измученных и беспомощных.

Если бы он не обладал твердыми революционными убеждениями и был лишен чувства морального долга и совести, то

он сбежал бы, бросил бы товарищей, чтобы самому спастись от голодной муки. Для этого достаточно было просто спуститься с горы. При желании он мог пойти куда угодно, ничто ему не мешало – не было ни проволочных заграждений, ни оград, ни сторожевых вышек. Стоило только бросить оружие, спуститься с горы и оставить отпечаток пальца на соответствующей бумаге, и после этого можно было досыта есть, наслаждаться отдыхом в теплой, хорошо натопленной комнате.

Однако Чон Мун Соба не соблазнил такой путь, и он вернулся в Ставку Командования, поочередно неся на спине товарищей. И впоследствии он, неизменно идя вместе с нами, всегда был предан делу революции.

Вы, товарищи, должны воспитать целую плеяду сильных убеждениями людей, таких, какими были ветераны антияпонской борьбы, чья жизнь покрыта неувядаемой славой. Одними желаниями продвигать вперед революцию, совершать дело социализма нельзя. Только тот, кто вооружен твердыми убеждениями, может и защитить самого себя, и отстоять социализм.

Победителями всегда становятся только те, кто твердо верит в то, что обязательно выживет, даже голодая сто дней, кто готов принять тысячедневные мучения ради одного дня достойной жизни, кто верит, что его найдет и будет помнить организация, даже если он, оказавшись на далеком заброшенном острове, превратится в комок земли в безымянных лесах, кто готов без колебания подорвать себя гранатой и подняться на виселицу, чтобы сохранить чувство морального долга перед своим руководителем, вырастившим его, и перед товарищами.

Чем сложнее становится положение в стране, тем активнее надо вести воспитание людей в духе веры в победу революции, в торжество дела социализма. Я люблю и уважаю тех, у кого сильные убеждения.

6. Формирование Объединенных интернациональных войск

В последние годы своей жизни Президент Ким Ир Сен с волнением вспоминал о тех днях, когда он действовал на территории Советского Союза. Это было в первой половине 40-х годов. Об этом в документах по истории нашей революции говорилось не так много. Воспоминания Президента Ким Ир Сена имеют поистине большое историческое значение для освещения вопросов, связанных с созданием Объединенных интернациональных войск и их деятельностью.

Когда мы вступали в сороковые годы, наша революционная борьба против японских захватчиков перешла в новую фазу своего развития: блеснула возможность увидеть ясный горизонт в деле достижения возрождения Родины. С лета 1942 года вместе с боевыми друзьями из Китая и Советского Союза мы создали на территории СССР Объединенные интернациональные войска, всемерно усиливая затем их военно-политическую подготовку перед лицом битв за окончательный разгром японских империалистов. Именно в этом заключался один из важных аспектов нашей борьбы того времени.

И то, что КНРА, состоя вместе с вооруженными силами Китая и Советского Союза в ОИВ, вместе с ними развертывала совместную борьбу, можно сказать, означало новый этап развития корейской революции.

Если смотреть на нашу революцию с точки зрения ее содержания, то ее ближайшей задачей было освобождение Родины от господства японских захватчиков. Создание ОИВ позволило нам выполнить как задачу освобождения Родины, так и другую задачу всемирно-исторического значения – окончательно разгромить японский милитаризм.

С формированием ОИВ в нашей вооруженной борьбе произошли большие перемены. С этого момента мы, можно сказать, перешли от этапа совместной борьбы вместе с одним китайским народом к этапу более широкой совместной борьбы,

суть которого – объединение вооруженных сил трех стран – Кореи, Китая и Советского Союза, к новому этапу совместного фронта – присоединению к мощному потоку антиимпериалистической, антифашистской борьбы в мировом масштабе.

Можно считать, что первая половина 40-х годов была для КНРА периодом, когда она, нацеливаясь на последнюю, решительную наступательную операцию, привела в порядок свои отряды, сохранила и вырастила ядро своих сил в благоприятных для себя районах и вела окончательную подготовку к тому, чтобы во всеоружии встретить великое событие – освобождение Родины.

В июле 1942 года мы вместе с советскими и китайскими товарищами создали ОИВ и, всемерно укрепляя собственные силы корейской революции, внесли свой вклад в разгром японских империалистов и победу во второй мировой войне в ходе совместной с международными антиимпериалистическими силами борьбы. Вот почему в дипломатических и военных документах Советского Союза отмечено, что с лета 1942 года, находясь на территории СССР, мы готовили совместную военную операцию для разгрома японских империалистов.

Об исторической необходимости создания на базе некоторых отрядов КНРА, ОСВАА и советской ДВА Объединенных интернациональных войск, а также об их развитии Президент Ким Ир Сен вспоминал следующее.

Время, когда мы, опираясь на временную базу на Дальнем Востоке, активизировали на Северо-Востоке Китая и в Корее деятельность малыми отрядами, характеризуется крутыми изменениями в развитии международной обстановки.

В апреле 1941 года между СССР и Японией был заключен пакт о нейтралитете. Отношения между двумя этими странами характеризовались глубокими противоречиями, проистекающими из истории, то есть еще из времен русско-японской

войны. Эти противоречия вполне могли перерасти в новую войну между двумя странами. Однако Советский Союз и Япония предпринимали политические и военно-дипломатические усилия, чтобы избежать немедленного столкновения.

Германия и Япония были тогда самыми агрессивными государствами мира, и это настораживало Советский Союз. Всячески стараясь предотвратить нападение гитлеровской Германии, выступившей тогда в качестве ударного отряда антикоммунизма, Советский Союз заключил с Германией Договор о ненападении. Цель его заключалась в том, чтобы избежать возможной войны с Германией или по крайней мере отсрочить ее возникновение. С другой стороны, Советский Союз прилагал усилия к тому, чтобы сохранить мирные отношения с Японией и предотвратить ее нападение. Итак, заключение пакта о нейтралитете между СССР и Японией было акцией временного характера, обусловленной именно таким развитием ситуации. Заключив его, обе стороны – Советский Союз и Япония – преследовали одну цель – сдерживание друг друга. Но само заключение пакта не давало никакой гарантии, что не будет развязана война между ними.

В июне 1941 года началась советско-германская война.

Я собрал всех бойцов нашего малого отряда и серьезно сказал им: «Да, Германия дала обещание о ненападении и тем не менее она совершила агрессию против СССР. Здесь, конечно, нет ничего удивительного. Иного от Гитлера нельзя было ожидать. На глазах пожимать тебе руку, а потом неожиданно дать оплеуху – это в самой натуре империалистов. Но Гитлер просчитался. Нападение Германии на СССР равнозначно рытью могилы для Гитлера. Независимо от того, какой оборот примет развитие событий, мы не должны уповать на других, а должны хорошенько готовиться к последней, решительной битве, как того требует уже намеченный курс».

Подвергнувшись внезапному вероломному удару фашистской Германии, вооруженные силы Советского Союза понесли в начале войны огромные потери, Красная Армия была вынуждена временно отступать, не успевая сколь-нибудь существенно поправить неблагоприятную для себя ситуацию. Немецкие войска взяли один за другим города Киев, Харьков, Минск и их колонны подходили все ближе к Москве и Ленинграду.

В связи с новой ситуацией, сложившейся после начала советско-германской войны, я сверился с планом нашей дальнейшей деятельности, а потом поехал в Хабаровск, где с военными руководителями СССР и Китая обсуждал перспективы дальнейшего развития сотрудничества между вооруженными силами наших трех стран.

В декабре 1941 года японцы совершили внезапное нападение на Пёрл-Харбор, военную базу США на Гавайях и подожгли фитиль войны на Тихом океане. Начало войны между США и Японией не могло не взволновать нас – ведь одна из воюющих сторон, Япония, была враждебным государством, захватившим нашу страну.

Не сумев завершить войну против Китая, Япония теперь развязала еще одну, другую войну. Это был абсурд, своего рода картежная игра. Совершенно непонятно было, из какого расчета втянулась в подобную авантюру Япония, эта островная страна, которая не могла жить без разграбления в других странах таких стратегических материалов, как нефть, каучук, сталь.

Было совершенно очевидно, что в войне с США Япония растратит большую часть своей государственной мощи. Япония сама бросилась в омут тихоокеанской войны. Этим она создала для нас, корейских революционеров, благоприятный момент для приближения дня последней, решительной битвы.

Мы предусматривали тогда и то, что рано или поздно нач-

нется война между Советским Союзом и Японией. Если эта война станет реальностью, то Японии, без сомнения, придется одновременно вести большую войну на трех фронтах – против Китая, США и Советского Союза. В этом случае мы могли бы провести последнюю операцию по освобождению Родины в более благоприятных условиях, сражаясь с Кван-тунской армией в Маньчжурии и с японскими оккупационными войсками в Корее.

«Как мы можем хотя бы на один день ускорить разгром японского империализма и приблизить освобождение Родины?» – на этом вопросе было сосредоточено все наше внимание. Разумеется, было необходимо укреплять свои собственные силы, чтобы победоносно провести последний, решительный бой. Нельзя было, сложа руки, ждать, пока другие не подарят нам независимость страны. Помощь дружественных стран может быть эффективной лишь в том случае, когда у себя достаточны собственные силы, иначе она ни к чему.

Мы предпринимали со своей стороны достойные шаги также и для укрепления солидарности с международными антиимпериалистическими, антифашистскими силами. В то время советский Дальний Восток стал важным местом, где были сосредоточены антияпонские силы трех стран – Кореи, Советского Союза и Китая. Как и в какой форме установить свои отношения с вооруженными силами двух стран – Советского Союза и Китая, – этот вопрос не мог не стать важным потому, что основные силы КНРА вместе с соратниками из ОСВАА сражались с врагом, опираясь именно на временную базу на Дальнем Востоке. Налаживание взаимосвязи с вооруженными силами Советского Союза и Китая явилось вопросом стратегического значения, на решение которого непременно нужно было обратить серьезное внимание, создавая благоприятную международную обстановку для укрепления и

развития субъекта нашей революции.

В какой форме, однако, наладить совместные действия с ними – этот вопрос мы должны сами решить с учетом национальных интересов каждой страны и общих интересов революции в трех странах.

В этом отношении мы уже имели определенный полезный опыт: вместе с вооруженными отрядами Китая мы создали ОСВАА и вели совместную борьбу, сохраняя, конечно, самостоятельность КНРА. Совместная борьба вооруженных сил Кореи и Китая против японского империализма, этого общего врага корейского и китайского народов, целиком и полностью отвечала и объективным требованиям антияпонской революции, не говоря уж об интересах революции двух стран. Совместная борьба коммунистов двух стран – Кореи и Китая служила своего рода образцом в установлении двусторонних военных отношений.

Теперь вооруженные силы Кореи и Китая получили на Дальнем Востоке еще одну свою базу, а на нашем фланге стала действовать советская Дальневосточная армия. В этих условиях нам следовало развивать и дальше совместную борьбу против японских империалистов еще глубже и еще шире, поднять ее на более высокую ступень. Этого не только требовали интересы самой корейской революции, это соответствовало и стратегическим установкам Китая и Советского Союза в отношении Японии.

Объединенные интернациональные войска. В них я видел идеальную форму объединения вооруженных сил трех стран – Кореи, Китая и СССР. Мои соображения на этот счет поддерживали и наши товарищи, и прежде всего Ким Чак, Чвэ Ён Гон, Ан Гир, Кан Гон. Их мнения сходились в том, что чем скорее осуществится этот план, тем лучше, и поручили мне обсуждение этого вопроса с советскими и китайскими товарищами.

В свое время немало китайских товарищей негативно отзывалось о предложении Коминтерна и военного ведомства Советского Союза создать новую, единую военную систему путем объединения некоторых частей антияпонских вооруженных формирований в Маньчжурии и советской ДВА и обеспечить их совместные действия. Они считали это преждевременным. Это было связано с тем, что некоторые представители советской стороны выступили с явно односторонним требованием.

Однако позже, когда мы вынесли на обсуждение разработанный нами план создания ОИВ, они, избавившись от прежней точки зрения, единодушно признали назревшее требование объединения вооруженных сил трех стран.

Поддержало наш план и военное ведомство Советского Союза.

По этому вопросу я смог высказаться более конкретно весной 1942 года в Южном лагере на встрече с высокопоставленными военными представителями Советского Союза.

В тот день генерал Соркин, который имел с нами связь как представитель Коминтерна и военного ведомства Советского Союза, поделился с нами живыми впечатлениями о героях, сражавшихся в битве под Москвой, о ратных подвигах сибирских дивизий, отлично проявивших себя в сражении за Москву и в контрнаступлении. Он не без гордости рассказал об истории советской ДВА. Поистине велика была его гордость за ДВА и эти сибирские дивизии.

Я высказал ему мои мысли о формировании ОИВ. Соркин тут же отозвался с одобрением. «Вот это хорошая идея, – говорил он. – Создание ОИВ – наиболее рациональный план, этого требует нынешняя обстановка. Откровенно говоря, я тоже подумал, не придется ли нам рано или поздно принять такие меры. Но не решился высказать свое мнение, потому что не был уверен, как его примут корейские и китайские товарищи –

поймут и поддержат его, или, наоборот, поймут меня превратно, как великодержавного шовиниста».

Я подумал, что в его словах кроется что-то недосказанное. И я сказал ему: «Достижение независимости страны при опоре на собственные силы – наш неизменный принцип. Но мы не отвергаем международное сотрудничество, коалицию с международными революционными силами. Если это интернационализм в его подлинном смысле, приносящий пользу и революции в своей стране, и революции мировой, то зачем нам отказываться от него? В борьбе за уничтожение сильного противника, такого, как японские империалисты, надо объединять силы. И большая страна, такая, как СССР, тоже должна уметь получать помощь других стран, если нужно. Получать помощь других стран в международном масштабе или бороться, объединив силы с революционными силами других стран, – это не проявление низкопоклонства перед другими странами. Низкопоклонство – это идейная тенденция, носители которой, не веря в свои собственные силы, полагаются лишь на чужую помощь или считают подлинными интернационалистами только тех, кто помогает революции другой страны, не думая об интересах своей революции».

Содержание нашей с ним беседы генерал Соркин точно передал в военное ведомство Советского Союза и Коминтерн. И поставил вопрос о создании ОИВ как неотложный.

«Какая сложится ситуация, если японо-американская война не прекращается до тех пор, пока не кончается советско-германская война? Советский Союз будет участвовать и в войне с Японией» – вот к чему сводилось наше общее мнение. Хотя Советский Союз заключил с Японией пакт о нейтралитете, но на всякий случай он должен будет хорошенько подготовиться к войне с ней. Создание коалиции с международными антияпонскими силами явилось одним из важных вопросов, к реше-

нию которых стремился Советский Союз, готовясь к возможной войне с Японией.

Военно-политические интересы Коминтерна и самого Советского Союза совпадали с нашими стратегическими соображениями и создание ОИВ прошло сравнительно гладко.

К середине июля 1942 года мы вместе с советскими и китайскими военными руководителями в последний раз обсудили вопрос объединения вооруженных сил наших трех стран и приняли решение о создании ОИВ при условии сохранения самосто- ятельности КНРА и ОСВАА.

22 июля 1942 года мы с Чжоу Баочжуном и Чжан Шоуцзянем встретились с командующим советскими войсками на Дальнем Востоке генералом армии И. Р. Апанасенко.

Это был опытный военачальник. Коренастый, круглолицый с острым взглядом. Ему было за пятьдесят. Пожав мне руку, он сказал: «Приятно познакомиться с вами, молодой командир корейских партизан».

В его кабинете мы познакомились и с начальником штаба генерал-лейтенантом Ничевым.

И. Апанасенко отметил: «Создание ОИВ путем объединения частей революционных вооруженных сил СССР, Китая и Кореи имеет очень важное значение не только для революционной борьбы в Корее и Китае, но и для безопасности Советского Союза и операции против Японии». Он выразил уверенность в том, что эти войска с честью выполнят возложенную на них историческую миссию. «Формируемые ОИВ, – говорил он, – будут играть важную роль в широкой подготовке военных кадров, необходимых для национальных революционных войн в Корее и Китае. Корейские и китайские части этих войск станут ведущей силой в освобождении Кореи и Маньчжурии».

В тот день И. Апанасенко неоднократно подчеркивал необходимость повышения интенсивности и качества боевой

подготовки бойцов, чтобы они были полностью готовы к войне в любое время.

Он привел нас в комнату, где на стене висела большая оперативная карта.

Выразив желание познакомиться с положением в партизанском движении, которое вели КНРА и ОСВАА за истекшее время, и с планами их предстоящих операций, он попросил нас прокомментировать военно-политическое положение в Маньчжурии и Корее.

Чжоу Баочжун подошел к карте. Он сообщил в общих чертах о деятельности 2-й армии ОСВАА и высказал свое мнение о предстоящей операции по освобождению Северо-Востока Китая.

Я тогда рассказал о деятельности КНРА и 1-й армии ОСВАА и об их действительном положении, заострил внимание собравшихся на военно-политических вопросах, которые должны быть безусловно учтены в борьбе за разгром японских империалистов, за освобождение Кореи.

И. Апанасенко просил меня поделиться сведениями о дислокации частей японской армии в Корее, о состоянии собственных антияпонских сил Кореи и перспективах их развития, о реальной возможности совместной операции с советскими войсками.

Я подробно ответил на все его вопросы.

О положении дел в 3-й армии рассказал Чжан Шоуцзянь.

И. Апанасенко был сравнительно хорошо знаком с военно-оперативной ситуацией в Северной Маньчжурии.

Согласно договоренностям с И. Апанасенко ответственность за снабжение ОИВ вооружением, обмундированием, провиантом и другими интендантскими материалами брала на себя советская сторона. И было решено официально назвать ОИВ отдельной 88-й бригадой советской ДВА, а для внешних

отношений назвать ОИВ 8461-й особой стрелковой бригадой.

ОИВ были созданы в размере бригады, исходя из принципа сокращения их масштабов. При этом была учтена необходимость держать в секрете и строго замаскировать само существование ОИВ и их деятельность.

Мне было поручено командование 1-м отдельным отрядом, в который входили КНРА и 1-я армия ОСВАА. По своему составу это был корейский отряд ОИВ. Тогда в нем воинские звания были установлены ниже нормы, как бы в символическом смысле, и это было сделано для того, чтобы обезопасить военно-политические кадры КНРА от шпионско-диверсионных действий врага.

Как только были созданы ОИВ, мы все собрались в Северном лагере.

В результате сформирования ОИВ военно-политическое положение на Дальнем Востоке изменилось в пользу мировой революции.

Это касалось прежде всего Советского Союза. Он имел военно-политическую мощь, способную активно противостоять агрессивным происками Японии, и новый отряд особого назначения, созданный специально для военных операций на Северо-Востоке Китая и в Корее.

Существование ОИВ создало благоприятные условия и обстоятельства и для корейской и китайской революции.

КНРА, действуя совместно с советской ДВА, обладала в рамках регулярных вооруженных сил способностью провести самую современную операцию, необходимую для освобождения Родины, и располагать соответствующим военным снаряжением для этого. Кроме того, мы получили возможность провести на территории Советского Союза достаточную военно-политическую подготовку и вырастить силы, необходимые для самостоятельного выполнения задачи

по освобождению Родины, ожидая прихода великого события.

После создания ОИВ я опять встретился с И. Апанасенко в их штаб-квартире. Генерал прибыл тогда в Северный лагерь вместе с членом Военного совета, штабистами, политработниками и тыловиками.

В тот день там состоялся и парад ОИВ. Первым шел корейский отдельный отряд. Он показал себя с лучшей стороны. Мероприятия того дня были своего рода торжественной церемонией в честь рождения ОИВ.

А потом мы с И. Апанасенко приняли участие и в обеде.

Именно в тот день он рассказал свою биографию. Он был ветераном революционной борьбы. В первые годы после Октябрьской революции, защищая Советскую власть, он боролся и с белогвардейцами, и с немецкими оккупационными войсками. Уже в годы гражданской войны он командовал кавалерийской дивизией, а потом стал командующим Среднеазиатским военным округом, после чего был переведен на пост командующего войсками на Дальнем Востоке.

Советские власти уже давно придавали Дальневосточной армии исключительное значение. Все ее командующие были известными талантливыми военачальниками. Не случайно, что среди сменявших друг друга министров обороны и высших военных руководителей Советского Союза оказалось немало выходцев из ДВА. В начале 1943 года он был назначен заместителем командующего Воронежским фронтом, этим одним из самых важных фронтов советско-германской войны. Летом того же года он был смертельно ранен.

Получив весть о гибели И. Апанасенко, командиры и бойцы ОИВ собрались вместе и с глубокой скорбью почтили память генерала, который оказывал поддержку и помощь корейским и китайским коммунистам.

Чувство любви коммунистов к своим товарищам по оружию

не знает различия в гражданстве.

В то время мы считали беды Советского государства и советского народа своими собственными. И сейчас я не могу забыть, как многие командиры и бойцы КНРА и ОСВАА просили послать их на западный фронт, где советские войска переживали трудные моменты. Но каждый раз Коминтерн и советские власти отклоняли их просьбу, говоря, что у них другая важная историческая задача – освободить свою Родину.

Так мы страстно защищали и свято оберегали Советский Союз – оплот социализма, его единственную цитадель. «Если погибнет СССР, то не будет и социализма, не будет защищен и мир во всем мире» – такова была общая дума, господствовавшая в то время в сознании коммунистов.

В биографических справочниках многих стран говорится, что я, командуя большой войсковой частью, состоящей из корейцев, принимал участие в битве под Сталинградом и совершил подвиги, за которые награжден орденом Красного Знамени. А в иных источниках говорится, что участвовал я и в Берлинской операции, где воевал в штурмовых частях.

Правда, я действительно награжден правительством Советского Союза орденом Красного Знамени, но я не принимал участия ни в Сталинградской битве, ни в Берлинской операции. Не знаю, откуда получали такую информацию авторы этих справочников. Но они невольно показывают, что наша учебная база горела страстным желанием участвовать в войне.

Создание ОИВ вызвало крайнее беспокойство у японских империалистов, которые так боялись объединения вооруженных сил трех стран – Кореи, СССР и Китая. А нашему народу это, наоборот, придало новое вдохновение.

Материалов вражеских ведомств о том, что Командующий КНРА Ким Ир Сен, организовав на территории Советского Союза учебную базу, вел подготовку к последней операции по разгрому японских империалистов, имеется великое множество. Вот некоторые из них.

«Дело о деятельности Ким Ир Сена.

Ким Ир Сен прибыл в Советский Союз... Летом прошлого года отбыл из Хабаровска (СССР)... Прибыл в Яньань. Там встретился с руководящими лицами Компартии Китая Мао Цзэдуном, Хэ Луном, Кан Шэном и другими, обсудил вопросы дальнейшей деятельности объединенной антияпонской армии, в том числе взаимодействия между ней и армией Компартии Китая, до и после начала японо-советской войны. А потом под Яньанем встретился еще и с корейским коммунистом, обменялся с ним мнениями.

В конце минувшего года Ким Ир Сен оттуда вылетел самолетом опять в Советский Союз и, ... теперь находясь недалеко от Хабаровска, прилагает усилия к организации разведывательной и идеологической работы в Маньчжурии и Корее. Кроме того, он, собрав в лагерном училище под Хабаровском около 300 корейцев и китайцев – коммунистических бандитов, а также не повиновавшихся японцам беженцев, похищенных и других, проводит их боевую подготовку и обучение под руководством и шефством...войск Красной Армии, дислоцирующихся в городе, с тем чтобы они сразу до и после начала японо-советской войны вторглись в Маньчжурию и выполнили задачу по диверсиям в тылу японской армии» (Сведения, направленные начальником Намянского полицейского участка начальнику полицейского управления провинции Северный Хамген, 21 февраля 19 года сёва (1944).

«По полученным сведениям, сейчас Ким Ир Сен находится в Яньане и перебрасывает свои войска в провинцию Жэхэ. И еще: в Николаевске (Приморье) дислоцированы 4 дивизии, созданные из одних корейцев, которые с началом японо-советской войны, как смертники, высадятся в северных районах Кореи с моря или будут сброшены на парашютах внутри Кореи» («Пакет с делом о диверсии и вооруженном восстании неблагонадежных элементов во главе с выходцами из Сеульского университета в тылу во время войны великой Восточной Азии (4)», Ковонский полицейский участок, 20 год сёва (1945).

«По всей вероятности, человек, который проехал через Сибирь, выступая перед людьми, заверял их в том, что он видел где-то в Сибири территорию базы окружностью в 4 километра, над которой развевался флаг Кореи, и стоявшего на посту корейского бойца» («Ежемесячные ведомости особой политической полиции», управление полицейской охраны МВД, за февраль 19 года сёва (1944), стр. 79).

Весть о создании ОИВ оказала положительное влияние и на антияпонские патриотические силы на Северо-Востоке Китая. Бойцы ОСВАА в Маньчжурии группами по 3 – 5 человек переправлялись через реку и присоединялись к ОИВ. Такого случая было не раз, не два. Иногда переходили к ним после бунта бойцы марионеточной армии Маньчжоу-Го. Был случай, точно не помню, до или после создания ОИВ, когда рота этой армии в Дунаньчжэне уезда Жаохэ (тогда там был

дислоцирован полк), расправившись со своим командиром и японским офицером, переправилась на деревянных лодках через реку Уссури, взяв с собой большое количество винтовок, пулеметов, гранатометов.

Их горячо приветствовали и приняли в отряд.

После создания ОИВ мы усилили боевую и политическую подготовку бойцов, полным ходом стали готовиться к решающей операции по разгрому японских захватчиков.

Самой важной задачей, возникшей тогда перед нами, явилось дальнейшее укрепление отрядов КНРА в военном и политическом отношении.

Основной принцип военных операций, можно сказать, был неизменным и в древней, и в средневековой, и в современной войне. Дело за тем, как обращаться со средствами ведения войны по мере их развития, как организовать взаимодействие и совместные операции различных видов вооруженных сил и родов войск.

Мы усердно работали над методами ведения современной войны. Наши усилия в этом направлении удвоились после создания ОИВ. Выучка и занятия на учебной базе значительно повысили умение бойцов КНРА применять методы ведения современной войны. Они еще более усовершенствовали методы ведения партизанской войны, отшлифованные ими на обширных лесных массивах гор Пэкту, и вместе с тем усваивали методы ведения современной войны в соответствии с требованиями регулярной армии. Таким образом, они стали приобретать достойный военно-политический облик как главных сил, ответственных за корейскую революцию.

Для быстрого повышения боеспособности ОИВ большие усилия прилагала советская ДВА.

К середине ноября 1942 года И. Апанасенко организовал общие военные учения бригады южных войск советской ДВА.

На эти учения он пригласил ведущих командиров ОИВ.

В тот день мы бронепоездом отправились из Хабаровска в бригаду. На следующий день там прошли общие учения в зимних условиях. В них приняли участие четыре стрелковых батальона, танковый, артиллерийский, минометный, противотанковый батальоны, подразделения связи и многие другие. Поскольку для нас это было невиданным пока крупным военным учением, мы с большим любопытством и интересом наблюдали его.

Боевой задачей бригады было атаковать и уничтожить противника на высоте, занять ее. Наступление началось в 12 часов дня, а закончилось в 4 часа пополудни.

Впоследствии нам довелось наблюдать еще одно военное учение в масштабе бригады. Она дислоцировалась у реки Амур под Хабаровском. Задачей бригады в маневрах того дня были сбор всех воинов части вокруг села Белизовки и завершение подготовки к бою. И это учение произвело на нас большое впечатление.

В Хабаровске мы также присутствовали на военном параде частей ДВА. Ох, как мы завидовали, видя различное современное военное снаряжение и боевую технику, участвовавшие в военных учениях и параде! «Когда же и мы сможем иметь такие современные войска?» – вот о чем я больше всего думал, наблюдая эти военные учения и парад. «После освобождения страны первым делом возьмусь за строительство регулярной армии» – такая решимость моя еще более укрепилась в результате пребывания на учебной базе на Дальнем Востоке.

Благодаря большим усилиям и взаимному сотрудничеству командиров Кореи, Советского Союза и Китая ОИВ быстро развивались, превращаясь в короткие сроки в вооруженные силы, соответствующие требованиям современной войны.

Тогда на советско-германском фронте сложилось очень тя-

желое для Советского Союза положение. Были случаи, когда где-то не хватало хотя бы одного полка или батальона. Но советское командование никогда не трогало ОИВ, а, наоборот, помогало им, делало все, чтобы они только содержательно вели подготовку к последним, решительным битвам против японских империалистов.

Советские военные руководители часто говорили нам, как оберегает И. В. Сталин командиров и бойцов Корейской Народно-революционной армии и Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии. «Товарищ Сталин сказал, что каждый боец КНРА и ОСВАА – ценный капитал, который должен сыграть важную роль в освобождении своей страны и в дальнейшем строительстве своей обновленной Родины. Поэтому их надо беречь, чтобы среди них не было ни одной жертвы», – говорили они.

Создание и развитие ОИВ на советском Дальнем Востоке служили хорошим примером в сплочении сил сопротивления в Европе – в Чехословакии и Польше.

Когда в 1943 году между СССР и Чехословакией был заключен договор о дружбе и взаимном сотрудничестве, на территории Советского Союза создавалась чехословацкая часть, чтобы вместе с Красной Армией участвовать в совместной борьбе против гитлеровской Германии. Чехословацкая бригада приняла участие во многих боевых операциях, в том числе в боях за освобождение Киева, Белой Церкви, и добилась больших боевых успехов.

На территории Советского Союза было создано и Войско Польское с задачей бороться против фашистской Германии. Начиная с боев за освобождение Люблина, польская армейская группа участвовала во многих боевых операциях за освобождение земли Польши от немецко-фашистских захватчиков.

В мае 1943 года, когда мы, организовав ОИВ, вели свою

деятельность на территории Советского Союза, к нам на учебную базу пришла весть о роспуске Коминтерна. Вокруг этого события у нас много говорилось. Задавался вопрос – почему Коминтерн, существовавший более двадцати лет как руководящий орган мировой революции, распущен именно в ходе второй мировой войны, когда возникла острая необходимость международной сплоченности и сотрудничества для победы над фашизмом?

В. И. Ленин создал Коминтерн в 1919 году.

У роспуска Коминтерна я вижу две причины. Одна из них в том, что за годы руководства Коминтерна мировой революцией в различных странах мира настолько выросли и укрепились коммунистические партии и революционные силы, что они были в состоянии самостоятельно вести свою революцию на основе собственной линии и при опоре на свои собственные силы, даже без централизованного руководства и вмешательства со стороны Коминтерна.

Другая причина состоит в том, что само существование Коминтерна стало камнем преткновения в создании мировой широкомасштабной антифашистской коалиции. Антифашистская коалиция во время второй мировой войны была новой, своеобразной коалицией, вышедшей за рамки определенных идеалов и общественных систем. Состоявшие в ней страны, занимая выходящую за рамки определенных идеалов и политических систем позицию в противоборстве с фашизмом, сделали возможными коалицию социалистического государства – Советского Союза и таких капиталистических стран, как США, Англия и Франция, и сотрудничество между коммунистами и правыми буржуазными политиканами. Это обстоятельство заставило людей глубоко задуматься о целесообразности существования Коминтерна, идеалом которого была борьба против империализма и цель которого заключалась в

превращении всех стран мира в коммунистические.

Мы считали, что роспуск Коминтерна – это своевременная мера, целиком и полностью отвечающая уровню развития международного коммунистического движения и современной ситуации.

Мы уже давно не опирались на чужие силы и не руководствовались чужой линией в революционной борьбе, а на каждом ее этапе самостоятельно разрабатывали свою стратегию и тактику. Мы своими руками вырастили собственные революционные силы и все вопросы решали, все дела вели самостоятельно. И в этой связи мы испытывали законную гордость.

Однако роспуск Коминтерна вообще не означал отрицание необходимости международной сплоченности и сотрудничества коммунистов.

В рамках ОИВ мы продолжали укреплять сплоченность и сотрудничество с друзьями из других стран, придерживаясь одновременно самостоятельности в своей деятельности.

Военно-политическая деятельность Полководца Ким Ир Сена на территории СССР привлекла большое внимание мира. Было известно о настойчивых усилиях японского военного ведомства, полиции, спецслужб, направленных на то, чтобы разузнать намерения КНРА, получить сведения о ее организационной структуре и деятельности.

В связи с роспуском Коминтерна японские империалисты особенно нервничали и строили разные догадки и суждения насчет направлений дальнейшей деятельности коммунистов в Корее и, в частности, деятельности Полководца Ким Ир Сена.

Ниже следует цитата из опубликованной в Японии статьи «Роспуск Коминтерна и дальнейшие перспективы».

«...Корея – колония Японии. Следовательно, в этой войне прежде всего для достижения своего национального освобождения и национальной независимости она приведет Японию к поражению. Это станет ее актуальной стратегической целью... Что касается задач вооруженной борьбы, то ... деятельность корейской добровольческой армии под руководством коммунистической банды – группы Ким Ир Сена в Маньчжурии или Компартии Китая представляет собой отражение этого курса... Нынешнее движение в Корее будет зависеть от развития отношений между Японией и СССР. Ситуация будет резко изменяться и при сохранении нынешних формальных японо-советских отношений, и в случае прямого столкновения. В случае

последнего движение быстро превратится в террор или вооруженную борьбу. Это хорошо показывают примеры тех стран, которые захвачены нашей союзницей Германией» («Идеологические ведомости» (приложение), стр. 131, октябрь 18 года сёва (1943), идеологический отдел уголовного управления Высшего суда).

Японские империалисты не могли не признать, что коммунистическое и национально-освободительное движение в Корее приобретет самостоятельный характер как борьба самого корейского народа, независимо от того, существует ли Коминтерн или он распущен, и что вооруженная борьба под руководством товарища Ким Ир Сена станет борьбой, охватывающей исключительно большие силы в том случае, когда она сольется с борьбой международных антиимпериалистических сил.

Огромные усилия корейских коммунистов, направленные на создание ОИВ и их укрепление и развитие, служат примером того, как правильно сочетать два принципа – принцип самостоятельности и независимости каждой страны и принцип международной сплоченности и сотрудничества в революционной борьбе.

Наши успехи и опыт в создании ОИВ, в их укреплении и развитии послужили ценным капиталом в дни нашей последней, решительной битвы за разгром японского империализма и особенно в послевоенное время – в отстаивании своей собственной позиции и сохранении и расширении объединенного фронта с социалистическими странами и всеми другими международными революционными силами в сложной политической обстановке.

7. Плечом к плечу с боевыми друзьями из ОСВАА

В ОИВ у меня были тесные связи со многими боевыми друзьями из ОСВАА, в числе которых Чжоу Баочжун, Чжан Шоуцзянь, Чай Шижун, Фэн Чжунюунь и другие, которые стояли с нами в одном строю. Много воды утекло, но в памяти моей живет то, что происходило в те дни.

Теснейшие связи со мной среди командиров ОСВАА поддерживал Чжоу Баочжун. Начало нашей дружбы относится к первой половине 30-х годов, когда в Цзяньдао шла работа по формированию единого фронта с Армией спасения отечества. Мы с ним принимали участие и в заседании Антияпонского солдатского комитета, и в бою в Лоцзыгоу. Базируясь на Ванцине, мы дважды совершали поход в Северную Маньчжурию. Каждый раз мы встречались с его отрядом и проводили совместные боевые операции. Однако во второй половине 30-х годов, когда театр наших действий переместился в район гор Пэкту и в Западное Цзяньдао, мне ни разу не довелось увидеться с ним.

«Пути – в разные стороны, а дверь одна!» – так говорил он при каждом расставании со мной, словно поговорку. Смысл ее в том, что хотя у нас поле деятельности и боевые пути различны, но мы непременно встретимся снова друг с другом, поскольку мы участвуем в одном деле – сопротивлении империалистической Японии.

Перед самым открытием Хабаровского совещания на встрече со мной он говорил то же: «Вот видите, командующий Ким! Помните, что я говорил: пути – в разные стороны, а дверь одна!» – и расхохотался.

Да, мы несколько лет не виделись, и наша встреча была

волнующей.

– Я слышал, что погиб командующий Ян Цзинюй. С той поры меня не покидала тревога о южноманьчжурских товарищах. Слыхал и о том, что за вас, командующий Ким, японцы обещали большие деньги. А вы сумели вынести все трудности. Какое это опасное поле боя – Восточная и Южная Маньчжурия! Это я прекрасно знаю. Очень рад видеть вас здесь, в Хабаровске, здоровым. Я, собственно, с нетерпением ждал вашего приезда, – в его словах звучали нотки искренней радости.

Я заметил, что собеседник мой заметно постарел по сравнению с прошедшими годами. На его лице я видел следы невзгод и лишений человека, скитавшегося долгое время в дремучих лесах и по заснеженным просторам.

Я ему говорю: «Какие же вы протерпели мытарства!» А он в ответ: «Какие там мытарства? Так, пустяки! Их не сравнить с тем, что пережили южноманьчжурские товарищи. Просто удивительно, что вы, превозмогая такие трудности, не колебались и одерживали победу за победой. Этим мы просто восхищены. Вас очень ценят работники Коминтерна, командиры советских войск!»

Наша встреча с ним в Хабаровске состоялась в то самое время, когда Коминтерн спешил провести совещание партизанских командиров Северо-Востока Китая и представителей советских дальневосточных войск. И потому наши разговоры шли в основном о делах, связанных с предстоящим совещанием.

Моего собеседника мучили вопросы: как сочетать в процессе революции национальные и интернациональные задачи, как связать в революционной борьбе самостоятельность с международной солидарностью. Его беспокоило то, что не были установлены связи с ЦК КПК, которых он так жаждал. Вполне естественно было, что он как член КПК многие годы старался оказывать содействие развитию революции на Северо-Востоке

Китая под руководством ЦК.

Он неизменно ставил на первый план связи с ЦК КПК и вместе с тем прилагал усилия к осуществлению солидарности с Советским Союзом. Такой подход к делу был характерен для китайских товарищей, боровшихся на Северо-Востоке.

Одно время Коминтерн и советские военные ведомства пытались включить ОСВАА в сферу советского командования. И была понятна озабоченность моего друга: не произойдет ли рецидив такой попытки?

В тот день мы пришли к единству мнений: создавшаяся ситуация настоятельно требует военно-политического взаимодействия и сотрудничества с Советским Союзом; однако их конкретные формы и методы должны быть разработаны в духе правильного сочетания интересов национальной революции каждой страны с интересами международной революции; иначе говоря, они должны быть определены при условии сохранения самостоятельности ОСВАА и КНРА.

Когда наша беседа подходила к концу, он тепло обратился ко мне:

– На предстоящих переговорах важное значение будут иметь выступления представителей Южной Маньчжурии. Я целиком и полностью доверяю вам, товарищ Ким Ир Сен. Помню ваши выступления в дни работы в Антияпонском солдатском комитете. Командующий Ким, вы всегда вели наши разговоры по правильному руслу. И впредь в новой ситуации, как и раньше, давайте трудиться рука об руку.

Его доверие ко мне было искренним. Он, конечно, стоял на стороне Советского Союза, всегда поддерживал его социалистический строй. Однако был очень недоволен, если в словах и поведении советских людей, в решении тех или иных проблем наблюдались симптомы великодержавного шовинизма.

Я сказал ему: «Дело в том, что мы должны твердо стоять на

принципиальных позициях и в то же время, проявляя великодушие, убедительно демонстрировать дух товарищеского сотрудничества. Это поможет партнерам по диалогу исправить ошибочный подход к делу, позволит рано или поздно распутать узел».

Чжоу кивает головой и говорит: «Все-таки вы, командующий Ким, – искушенный, зрелый работник». А я ему отвечаю: «Дело не в моей зрелости и искушенности, а в том, что у вас, командующий Чжоу, не хватает одного. Ведь за вашими плечами нет такого опыта, когда приходилось скитаться по чужим углам, как нам». «Действительно, – говорил он, – в Восточной Маньчжурии корейские товарищи испытали немало лишений из-за вопроса о «Минсэндане».

Чжоу Баочжун в восточногиринском районе разоблачил левацкий характер борьбы против «Минсэндана» и выступил с критическими замечаниями, посчитав, что все дело – в ошибках Восточноманьчжурского Особого окружного комитета в его работе. Уже в Цзяньдао он занимал сравнительно беспристрастные позиции в отношении борьбы корейских революционеров.

Когда мы организовали Лигу возрождения Родины, как об этом я уже говорил раньше, он активно поддержал деятельность филиала ЛВР, созданного в руководимой им части ОСВАА. Это, как помню, было в декабре 1936 года.

Подобный подход Чжоу Баочжуна к делу был выражением интернациональной поддержки и солидарности с корейской революцией.

Такое доброжелательное отношение к корейской революции, думаю, связано и с тем, что мы с самого начала партизанского движения искренне помогали ему и, проводя неоднократные совместные операции, оказывали на него плодотворное влияние.

Так, во время Первого похода в Северную Маньчжурию мы более половины личного состава своего экспедиционного отряда передали его части. В то время было проведено немало боевых операций во взаимодействии с североманьчжурскими друзьями.

А во время Второго похода в Северную Маньчжурию мы, сформировав объединенное главное командование 2-го и 5-го корпусов, проводили крупные совместные операции. Командиром соединения был Чжоу Баочжун, комиссаром был я, а заместителем командира – Пин Наньян (Ли Цзинпу). Для шести частей, подчиненных главному командованию, были определены районы действий. Зону Аньтуского отряда западного направления взял на себя Чжоу Баочжун, а Вэйхэского отряда – я.

Мы создали командование по районам – скажем, командование западного фронта, командование центрального фронта.

Каждое из них располагало несколькими отрядами. С ними мы проводили совместные операции во многих районах, двигаясь от Фусуна до Мулина.

Как видите, наши связи с Чжоу Баочжуном имели глубокие корни.

Может быть, поэтому, но он в ОИВ советовался со мной по всем вопросам – и большим, и малым. И даже по тем вопросам, которые следовало бы обсуждать с советскими товарищами, он заранее узнавал мое мнение. Я спрашивал его, почему это так. Он отвечал: «Потому что давно уже, в Цзяньдао, я привык к вашим советам, командующий Ким».

В ОИВ, независимо от какой-то официальной должности, он признавал и всегда уважал меня как Командующего КНРА, руководителя корейской революции, представителя корейской стороны в ОИВ. Как сопредседатели организации, каких можно часто видеть, мы взаимно поддерживали друг друга и

сотрудничали в общем деле. Это стало возможным благодаря тому, что обе стороны уважали друг друга. Наши отношения с ним были товарищескими, братскими, основанными на глубоком уважении и доверии.

Одной из главных причин хорошего впечатления, которое он произвел на меня, было то, что он, как никто другой, высоко ценил деяния корейских коммунистов, корейского народа, которые сыграли роль открывателя в развитии революции на Северо-Востоке Китая.

Как-то Чжоу Баочжун сказал, что он помнит два незабываемых факта, одним из которых является то, что в антияпонской партизанской борьбе корейцы выполняли авангардную роль.

Его позиция в отношении корейской революции была ясна.

Он ценил борьбу корейских людей за корейскую революцию как закономерное явление и всегда настаивал на том, что революция на Северо-Востоке Китая немыслима в отрыве от корейцев.

Отмечая, что 2-й корпус ОСВАА являлся одновременно Корейской Народно-революционной армией, Чжоу Баочжун всегда с одобрением отзывался об объединении антияпонских вооруженных сил Кореи и Китая, существовавшем во всем историческом процессе совместной борьбы.

Подчеркивая авангардную роль корейских коммунистов в революции на Северо-Востоке Китая, он говорил: «В 1932 году был создан сильный Восточноманьчжурский партизанский отряд, в 1933 году – Паныпиский, Чжухэский, Мишаньский, Таньюаньский и Жаохэский отряды. Все они были организованы корейскими товарищами, революционно настроенными корейцами. Впоследствии они превратились в 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 6-й, 7-й корпуса объединенных антияпонских войск. В 5-м корпусе было немало верных корейских товарищей. Все военно-политические руководители в объединенных антияпон-

ских войсках, от командира и начальника политотдела корпуса до комвзвода и политрука, были корейцами».

Насколько глубоко уважал, как высоко ценил он товарища Ким Ир Сена, убедительно показывают строки его писем к Ван Синлиню.

«Ким Ир Сен является самым лучшим военным командиром... самым достойным работником среди корейских товарищей. Он может вести исключительно важную деятельность в южной части Маньчжурии, в районе восточнее реки Амнок и в северном районе Кореи» (Письмо Чжоу Бао-чжуна к Ван Синлиню от 1 июля 1941 года).

«В настоящее время Ким Ир Сен является единственным главным руководителем в южноманьчжурской 1-й армии. После гибели двух товарищей – Ян Цзинюя и Вэй Чжэнминя, только Ким Ир Сен остается ответственным за руководство партизанским движением в Южной Маньчжурии и за все дела в этом регионе» (Письмо Чжоу Баочжуна к Ван Синлиню от 15 сентября 1941 года).

Чжоу Баочжун неизменно стоял на принципиальных позициях в революционной борьбе и жил думами о надежной защите революции в своей стране. В этом я видел еще одну черту его человеческого обаяния. Он был непримирим к тенденции подчинения китайской революции революционному процессу в Советском Союзе, к превращению ее в придаток советской революции. Он выступал за солидарность с революционным движением в Советском Союзе, за защиту Советского Союза на основе пролетарского интернационализма и в то же время неизменно придерживался принципа самостоятельности, независимого развития китайской революции.

Эти его принципиальные позиции в вопросе революции совпали с нашими взглядами. Достоинство революционера, образно говоря, прямо пропорционально прочности его самостоятельной позиции в вопросе революции – таково мое мнение. Чем прочнее самостоятельная позиция революционера, тем выше его авторитет; чем последовательнее самостоятельность в революции, тем увереннее ее успех – таков закон.

В кругах ОИВ он обычно назвал меня «командующим Кимом».

Однако после освобождения Кореи, когда он бывал в Пхеньяне, ни разу меня так не назвал. Он просил меня обращаться к нему как к «командующему Чжоу», как и раньше, но сам обязательно называл меня «товарищем Председателем Кабинета Министров».

Это обращение почему-то резало мне слух, и мне казалось, что оно создает какую-то ненужную дистанцию между нами.

И я просил его назвать меня так, как и в прошлом, – «командующим Кимом», но всякий раз он, явно посерьезнев, отвечал: «Нельзя».

Между нами порой случались и споры. Если он настаивал на чем-то – нелегко было добиться уступок от этого упрямца. Я тоже не так просто шел на уступки. Однако, в конце концов, мнения обеих сторон утрясались, взаимно дополнялись – и мы находили точку соприкосновения. Процесс такого общения еще более укреплял нашу дружбу, углублял взаимопонимание.

Нередко у нас заходили разговоры о житейских делах. Основной темой для него были семья и товарищи. У него была маленькая дочь, звали ее Чжоу Вэй. Родилась она, когда отцу было уже под сорок, и он просто не чаял в дочери души. Когда замечал что-то новое, забавное в поведении ребенка, то всякий раз с радостью и гордостью рассказывал мне об этом. И лицо счастливого отца сияло улыбкой.

Чжоу Баочжун и его жена Ван Ичжы долгое время находились в одном отряде. Поженились они в североманьчжурском лесу.

Когда он начинал рассказывать о жене и дочке, у него глаза сияли блеском. Он был любителем разговоров на житейские темы. То вдруг высказывал свой взгляд на своеобразный быт нанайцев, обитавших в районе расположения его отряда, то рассказывал эпизоды из жизни супружеской русской четы в Хабаровске, у которой он жил на квартире. Удивительны были

его наблюдательность и манера описания увиденного.

Как-то раз Чжоу рассказывал мне о празднике бойцовых петухов, который, по его словам, отмечается в его родном краю – в провинции Юньнань. 8 февраля по лунному календарю местные жители выходят на улицу в новых нарядах и ведут на бой своих петухов, на шее у каждого из которых – красная лента. Куры у них вообще были объектом культа. По преданию, предки жителей той местности процветали, разводя кур. Там даже передавалось из уст в уста изречение – «Полагаясь на кур, ставь на ноги семейное хозяйство».

В шутку он говорил: «Трудностей страны, конечно, полагаясь на кур, не преодолеешь, но я бью противника с таким же бойцовским накалом, что и у петухов».

На вид он казался молчаливым, даже невежливым, но на самом-то деле был человеком с добрым сердцем, верным чувству долга. Он умел отвечать на добро добром, на любовь – любовью. Яркое свидетельство тому – вторая половина его жизни.

Много лет он служил в ОИВ. Самоотверженно боролся за развитие китайской революции и в то же время всегда оставался верным выполнению интернационального долга. Если он, выступая только за свое собственное, национальное, отвернулся бы от выполнения революционных задач международного характера или, наоборот, не интересовался бы революцией в своей стране, провозглашая только лозунг: «Да здравствует мировая революция!», то не стал бы таким человеком, о котором я воспоминал так долго.

Чжоу Баочжун настойчиво направлял малые отряды в районы Северо-Востока Китая, чтобы беспрерывно продолжать и развивать там партизанское движение. Видя это, я понимал, что он – верный сын китайского народа. И в то же время он делал многое для укрепления дружбы и сплоченности всех национальных отрядов ОИВ и для защиты Советского Союза. Я

всегда видел в нем настоящего воина-интернационалиста.

Он прекрасно управлял отрядами и хозяйством в ОИВ. Жизнь и быт в этой войсковой части, объединявшей различные национальные отряды, ставили немало сложных вопросов. Почти не было таких дел, которых не касалась бы его рука, – начиная от составления учебной программы, руководства учебными занятиями, кадровых вопросов и кончая строительством клуба и другими хозяйственными хлопотами.

Был случай дезертирства, он терзал его душу. Были дни, когда ему приходилось, обливаясь потом, бегать туда-сюда из-за автомобильной катастрофы.

В первые дни после создания ОИВ он не всегда был в ладах с отдельными советскими офицерами, и это отчасти расстраивало его. Но строгие требования советского военного ведомства в корне изменили атмосферу жизни советских офицеров.

Чжоу Баочжун всегда старался вести за собой бойцов своим практическим примером, а не словами.

Это было в Северном лагере. Шла парашютная подготовка. С первого же занятия он участвовал в ней вместе с бойцами. Однажды он чуть не погиб: спрыгнул с самолета, а парашют не раскрылся. От верной смерти его спас запасной парашют. Он повредил тогда плечо.

Как-то китайские товарищи просили меня посоветовать Чжоу больше не прыгать с парашютом. Но я не мог это сделать. Я хорошо знал, что такого совета он не послушается.

Весной 1951 года в Пхеньян приехала Ван Ичжы. Она была в составе китайской делегации, которая прибыла к нам, чтобы поддержать корейский народ в войне. Она работала тогда председателем Юньаньской провинциальной организации Союза женщин. Мы встретились с ней в Ставке Верховного Главнокомандования. Со слезами на глазах она говорила: «Рада видеть вас здоровым, хотя на ваших плечах вся тяжесть войны.

Баочжун просит – ни в коем случае не разъезжайте по опасным фронтовым дорогам, обратите больше внимания на свою безопасность».

Я был благодарен ее мужу за совет и сказал ей: «Вернетесь домой – передайте командующему Чжоу мой привет». «Просьбу Баочжуна я вам передала, – сказала она. – Но это и моя просьба. Мы, китайцы, сейчас очень беспокоимся о вашей безопасности, товарищ Председатель Кабинета Министров».

По ее словам, еще в дни службы в ОИВ Чжоу Баочжун постоянно тревожился за меня, если я с небольшим отрядом не возвращался в назначенный день с операции, всю ночь он не ложился спать, то и дело выходя за дверь на улицу.

Да, эта дружба не зависела от государственных границ и гражданства.

Товарищ Ким Ир Сен простился с Чжоу Баочжуном в период нового исторического перелома, когда победила антияпонская революция и был ликвидирован японский империалистический колониальный режим. Но и после этого между ними продолжались общение и взаимные встречи, полные чувства боевой дружбы.

О том, какое продолжение получили дружеские связи с ним после освобождения страны, товарищ Ким Ир Сен вспоминал так.

После освобождения Кореи мы с ним встречались – два раза у нас, а последний раз – в Пекине.

Впервые он приехал в Корею ранней весной 1946 года. Встретились мы в Намяне. Будучи заместителем главнокомандующего Объединенной Северо-Восточной демократической армии (ОСВДА) и командующим Гиринско-ляонинским военным округом, он сражался тогда с гоминьдановскими реакционерами.

Чан Кайши, став на антикоммунистический путь, бросил все гоминьдановские войска против освобожденных районов Китая. И весь материковый Китай опять втянулся в водоворот гражданской войны. Рассказав мне о крайне опасной ситуации

на Северо-Востоке Китая, Чжоу Баочжун изложил мне соотношение сил, дал оценку военно-политического положения у противника и в своих частях.

После изгнания японских империалистов из Маньчжурии она некоторое время оставалась как бы в политическом вакууме. Какая из сторон займет этот регион? Вокруг этого вопроса шли острые схватки между чанкайшистским Гоминьданом и КПК. Обе стороны видели в овладении Маньчжурией важнейший ключ к господству на всей территории Китая.

При активной поддержке США Гоминьдан бросил в регион сотни тысяч солдат – на кораблях, самолетами и по суше. И только что созданной ОСВДА пришлось вести изнурительные бои с численно превосходящим противником.

Чжоу Баочжун хотел встретиться со мной, чтобы в этой ситуации обратиться ко мне за срочной помощью. К тому времени Мао Цзэдун направил к нам за помощью Чэнь Юуня, который одно время был заведующим орготделом ЦК КПК, а затем был назначен заместителем секретаря северо-восточного бюро ЦК КПК.

Я с удовольствием обещал Чжоу Баочжуну решить все вопросы, поставленные китайскими боевыми друзьями в связи с предстоящими боевыми операциями на Северо-Востоке Китая, и оказать им максимально возможную помощь. В то время, прямо скажу, положение у нас в стране было не таким блестящим, чтобы помогать другим. Но мы совсем не думали о собственных условиях. Рассматривая дело с точки зрения нашей революции, нельзя было допустить, чтобы Северо-Восток Китая оказался в руках Чан Кайши.

В то время в боях за освобождение Северо-Востока Китая непосредственно участвовали около 250 тысяч молодых корейцев, в том числе лучшие военно-политические руководители – Кан Гон, Пак Рак Гвон, Чвэ Гван и другие, закаленные в

рядах антияпонских партизанских отрядов.

Ван Ичжы не раз приезжала к нам с просьбами мужа, связанными с операциями по освобождению Северо-Востока Китая. Первый раз это произошло, точно не помню, летом или осенью 1946 года. В то время войска Ляодунского военного округа под командованием Сяо Хуа наступали на Аньшань и Хайчэн. Одновременно с этим наступлением взбунтовалась одна из частей дислоцированных там гоминьдановских войск.

Чан Кайши, ошеломленный вестью о мятеже, заявил, что если бунтовщики не прекратят свои действия, то все они будут уничтожены, и погнал свои войска в яростную атаку. Мятежные войска были притиснуты к корейско-китайской границе. Им дальше было некуда отступать – перед ними была водная преграда – река Амнок.

Нужно было спасать мятежную часть. Чтобы посоветоваться о необходимых мерах, Чжоу Баочжун посылал к нам одного за другим своих представителей. Среди них была и Ван Ичжы, которая побывала в Ранаме. После этого мы дали дорогу той взбунтовавшейся части, чтобы она прошла в Восточную Маньчжурию через территорию Кореи.

Я встретился с Ван Ичжы в Пхеньяне в начале 1947 года.

Первым долгом она от имени мужа поблагодарила меня за разностороннюю помощь, оказанную им в операциях по освобождению Северо-Восточного Китая. Затем она сказала: «Сейчас нам надо перевезти в безопасную зону более 20 тысяч раненых бойцов, членов семей фронтовиков, тыловиков, а также 20 с лишним тысяч тонн стратегических материалов. И думаю, что нам опять придется временно «одолжить» корейскую землю. Прошу вас помочь, Полководец Ким».

Я тут же удовлетворил ее просьбу. И велел немедленно принять соответствующие меры. Ван еще и еще выражала признательность: «Весь народ Северо-Восточного Китая, –

говорила она, – не забудет вашу заботу».

Я спросил в тот день собеседницу: «Интересно – теперь вы по-прежнему носите те часы, что подарил вам Рим Чхун Чху на память на прощание на Дальнем Востоке?» « Нет, я отдала их там советскому гражданину», – ответила она, улыбаясь.

Мне было непонятно, что побудило ее отдать те часы, которые сама она собиралась носить до седых волос как символ корейско-китайской дружбы. Что греха таить, это были те часы, которые очень-очень любил Рим Чхун Чху. В тот день, когда мы собирались уходить с учебной базы, Чжоу Баочжун и его супруга не хотели сразу отпустить нас, не сдерживая своей горечи по поводу нашего ухода.

И вот Рим Чхун Чху снял с руки часы и подарил их Ван Ичжы. Вначале она отказывалась взять их. Понятное дело – по тем временам часы были на редкость ценной вещью. Я сказал ей: «Берите, дорогая моя! Придет время – они вам пригодятся», – и она, наконец, взяла подарок.

По словам Ван Ичжы, после освобождения Чанчуня она, работая на радиостанции, ведала делами, связанными с радиовещанием, и порой занималась перевозками оружия. В те дни часы очень помогли ей. В перевозке вооружений ей немало помогал автотранспортный отряд советских войск. Так вот часы она и подарила на память командиру того отряда. Она сказала, что те часы стали в конечном итоге символом боевой дружбы народов трех стран – Китая, Кореи и Советского Союза.

Мы не сразу отпускали ее на Северо-Восток Китая. Предложили отдохнуть: здоровье у нее было не слишком крепкое. Находясь в Корее, она побывала и на сопке Моран, и в других живописных местах Пхеньяна.

После этого она снова приезжала в Пхеньян для решения проблем, связанных с перевозками стратегических материалов. К тому времени в Пхеньяне находились также Ван Сяомин и

Пэн Шилу. Трое имели волнующую встречу с боевыми друзьями времен ОИВ.

В следующий раз Чжоу Баочжун направил ее ко мне, помню, летом 1947 года. В 50-дневных боях ОСВДА добилась немалых боевых успехов – было убито и ранено более 80 тысяч солдат противника, освобождены 42 города и других крупных населенных пункта. Но положение на фронте по-прежнему оставалось напряженным. Командиры и бойцы ОСВДА испытывали острую нехватку обуви. Многие из них, как мне докладывали, босыми ходили по заболоченным и каменистым местам. Ван Ичжы приехала ко мне решить именно эту проблему – обуви.

Я отдал всем нашим обувным фабрикам экстренное задание: прекратить производство любой другой обуви и перейти на выпуск только посылаемой китайским боевым друзьям.

Китайские документы об операциях по освобождению Северо-Восточного Китая говорят, что в первые семь месяцев 36 года чучхе (1947) Корея, помогая ОСВДА, обеспечила перевозку 210 тысяч тонн материалов, а в следующем году – 300,9 тысячи тонн.

Во второй половине 35 года чучхе (1946) через Корею передвигались 18 воинских частей, а за 9 месяцев 36 года чучхе (1947) свыше 10 тысяч человек вошли в Корею и затем вернулись на опорные базы на Северо-Востоке Китая. В 37 году чучхе (1948) около 9 тысяч человек прошли через мост Намян на реке Туман, немало делегатов от демократических партий, беспартийных групп и зарубежных соотечественников-китайцев через Корею направились в Харбин для участия в Новом политическом консультативном совещании. А руководящих работников КПК, проследовавших через Корею по служебным делам, просто не перечесть.

Осенью 1948 года, в первые дни после победоносного завершения операций по освобождению Северо-Востока Китая, Чжоу Баочжун со своей женой и дочерью опять посетил нашу страну – теперь в качестве председателя Гиринского провинциального правительства и заместителя командующего Северо-Восточным военным округом. Визит был предпринят с целью выражения благодарности за оказанную нами матери-

альную и духовную помощь упомянутым операциям. Чжоу Баочжун привез лично поездом большое количество пшеничной муки. Это было выражением его признательности.

Я предложил ему отдохнуть с супругой в горах Кымган. Их сопровождал Ким Чак – был и гидом, и сопровождающим. Они несколько дней провели там в доме отдыха у горячего источника. Вернувшись в Пхеньян, они рассказывали, что были восхищены горными пейзажами с многоцветьем осенних кленов.

В Пхеньяне они вместе с Ким Чаком побывали в Мангендэ, посетили могилы моих родителей. После этого я и Ким Чен Сук вместе с ними побывали на могиле Ан Гира, сфотографировались на память.

Когда я вспоминаю о Чжоу Баочжуне, у меня в памяти часто всплывает случай, происшедший в дни второго этапа Отечественной освободительной войны.

Это было, когда мы начали временное отступление. Однажды ко мне явились двое незнакомых молодых людей и показали письмо от Чжоу Баочжуна. Это были корейцы Хен Чжу Ен и Ким Гиль Рён, адъютант и водитель Чжоу Баочжуна еще с той поры, когда он командовал операциями по освобождению Северо-Востока Китая. По их словам, когда его назначили заместителем председателя Юньнаньской провинциальной управы, он взял их с собой. Узнав, что Народная Армия отступает, Чжоу Баочжун предложил им немедленно отправиться в Корею.

В своем письме он писал: «...Хотя я нахожусь далеко от вас, душа у меня всегда с вами, в окопах корейского фронта. Вверяю вам двух умных и ответственнейших парней».

Какую огромную силу придало мне то письмо, полученное в дни, когда Родина моя переживала суровые испытания!

Вот она, дружба между товарищами по революции! Сколько

бы ни утекло воды, не ослабли чувства боевой дружбы, братства, которыми мы, люди с чистейшими, как свежий белый снег, сердцем и совестью делились в Цзяньдао, в Северной Маньчжурии и на учебной базе на Дальнем Востоке.

Боевое братство сильно своей жизненностью. Это потому, что оно куется в пороховом дыме, делает человека готовым вместо товарища и броситься в огонь, и пойти на смерть.

Как прекрасно, когда человек свято хранит в себе чувство долга! Оно облагораживает его, делает его жизнь прекрасной, подобной цветущему саду.

В последний раз я видел Чжоу Баочжуна в декабре 1954 года, когда находился с визитом в Китае.

Он был в те дни на лечении в Цзешоутане, что в парке Ихуаюань. У него обострилась болезнь сердца, которой он давно страдал. Говорили, что лечиться в Пекине ему предложил премьер Чжоу Эньлай.

Увидев меня, он со слезами обнял. Крепкий, как железо, мужчина в тот день не раз прослезился. Оттого, что больной был прикован к постели, у него и душа, казалось мне, заметно ослабела. Однако он первым делом справился о моем здоровье и сказал: «Чего вы только не пережили за три года войны!»

И на больничной койке он не знал отдыха: взял перо и написал большую книгу – «Антияпонская партизанская война на Северо-Востоке и объединенные антияпонские войска». В феврале 1964 года, через десять лет после нашей встречи в парке Ихуаюань, Чжоу Баочжун после долгой болезни скончался.

Я послал телеграмму соболезнования. В тот день мне совершенно не работалось. Я не мог ни за что взяться и, прохаживаясь по рабочему кабинету, вспоминал о покойном...

В ОИВ я снова встретился и с Чай Шижуном.

И теперь перед моими глазами проходят те картины, когда

он, крепко прижимая меня к себе и прижавшись своей шершавой щекой к моей щеке, повторял только одно слово «Лао- цзин» (в переводе с китайского: уважаемый Ким – ред.). Чай Шижун был старше меня лет на двадцать, но называл мое имя с приставкой «Лао», как при обращении к старшим. И тут я залился смехом: «А неужели вы хотите сделать меня, Ким Ир Сена, старичком?» В ответ он говорит: «Вы, командующий Ким, мой учитель. Вы сделали из меня коммуниста. Возраст тут не при чем».

Его настоящее имя – Чай Чжаошэн. До захвата маньчжурской земли японцами он был, как мне говорили, начальником полицейского участка где-то в уезде Хэлун. А когда вспыхнули события 18 сентября, он, создав из полицейских небольшой вооруженный отряд, встал на путь борьбы против Маньчжоу-Го и Японии.

Мое знакомство с ним относится к 1933 году. В то время в районе Ванцина он командовал одной из частей Армии спасения отечества. Наладив сотрудничество с частью У Ичэна, я отправился к Чай Шижуну, но наши переговоры закончились неудачей. Затем он, однако, встал на путь объединения с коммунистами и, наконец, сам стал коммунистом и завязал тесные связи со мной. С ним мы провели рейд на уездный центр Дуннин и бой в Лоцзыгоу.

Позже он, перенеся свои действия в Северную Маньчжурию, стал командовать 5-м корпусом ОСВАА. Во время нашего второго по счету похода в Северную Маньчжурию мы не раз проводили там совместные боевые операции вместе с его частью. В те дни он командовал центральным фронтом. Наши совместные боевые действия велись в районах Эму и Нинаня.

Чай Шижун, уважительно относясь ко мне как к представителю старого поколения революционеров, всегда держался со мной довольно скромно. В этом я каждый раз ощущал его благородство.

После формирования ОИВ я командовал 1-м отдельным отрядом, а он – 4-м.

Теперь и он ушел в мир иной. В каком году он умер, точно не помню. На учебной базе на Дальнем Востоке я и Чай Шижун сфотографировались. Каждый раз, когда смотрю на эту фотографию, с волнением вспоминаю те дни. Эта живая картина показывает, как идеи коммунизма сделали из него нового человека.

Позже Ху Чжэньи, жена покойного Чая, посетила с сыном Пхеньян. Раньше она служила в 5-м корпусе ОСВАА, затем прибыла на учебную базу.

Когда пожилая седая женщина вошла вместе с сыном в зал Кымсусанского дворца съездов, я за сединой ее волос будто увидел образ Чай Шижуна...

В плеяде моих китайских соратников, служивших в ОИВ, был и Фэн Чжунюунь, комиссар 3-й армии ОСВАА. Раньше он работал секретарем партячейки университета Цинхуа, преподавал одно время в Харбине. Встав на путь революции, вел партийную работу в Североманьчжурском провинциальном комитете и в подведомственных ему уездных организациях. Дважды сидел в тюрьме. Как-то раз получил и взыскание за ошибки в партработе, два раза получил огнестрельные ранения.

С осени 1939-го по февраль 1940-го он находился в СССР, решая проблему военно-политической солидарности антияпонского партизанского движения на Северо-Востоке Китая с Советским Союзом. Он прилагал большие усилия для созыва совместного совещания Североманьчжурского и Восточногиринского провинциальных комитетов партии в начале 40-х годов, а затем для проведения совещания при участии представителей советских ведомств.

В ОИВ он, будучи заведующим информационным подотделом политотдела войск, работал и преподавателем политиче-

ских дисциплин для офицеров.

Находясь на дальневосточной учебной базе, Фэн Чжун-юунь очень беспокоился о судьбе жены и детей, с которыми он давно расстался. Тоскуя по родным, он порой впадал в уныние, ему часто не спалось. Некоторые из друзей предлагали: «Живы они или нет – неизвестно. По всей вероятности, их уже нет на свете. Пока не поздно, обзаведись новой семьей. И живи спокойно». Но он каждый раз решительно говорил: «Всю оставшуюся жизнь проживу вдовцом, но другую женщину не возьму». Почти не было надежды на новую встречу, но он неизменно продолжал любить и ждать жену – избранницу сердца. И в этом тоже частица благородного, стойкого характера его как революционера, как человека.

И ныне неизгладим из моей памяти облик Фэн Чжунюуня, который в свободные вечера прогуливался, мурлыкая китайскую песню о тоске по любимой. Позже я узнал, что после освобождения страны он все-таки увиделся с женой, встречи с которой ждал много лет, и они стали жить душа в душу.

Как Чжоу Баочжун, он с чувством глубокого уважения и благодарности всегда высоко ценил героическую борьбу корейского народа, и прежде всего КНРА.

Когда Фэн Чжунюунь был председателем народного правительства провинции Сунцзян, он написал книгу «Краткий очерк: 14-летняя трудная борьба ОСВАА». Ниже следуют некоторые цитаты из нее.

«Предшественником 2-го корпуса ОСВАА является Восточноманьчжурский партизанский отряд... Вначале в его составе были четыре антияпонских партизанских батальона – Яньцзиский, Ванцинский, Хэлунский и Хуньчуньский. Большинство населения района Цзяньдао составляли корейцы. Стало быть, костяком Восточноманьчжурского партизанского отряда явились корейцы.

...Под руководством знаменитого национального героя Кореи Полководца Ким Ир Сена выступил в Аньту, Линьцзян, Чанбай и в бассейн реки Амнок... встречался с Ян Цзинюем – командиром 1-го корпуса братской ОСВАА.

...Кроме того, под руководством Полководца Ким Ир Сена была организована Корейская армия возрождения Родины. Отряд, переправляясь через реку Амнок, неоднократно продвигался вглубь северных районов Кореи и вел

там свои действия. Не раз проводил там кровопролитные бои с захватчиками – японскими империалистами, а также тайно создал подпольные организации Лиги возрождения Родины, объединившей корейский народ.

...После освобождения Кореи там все, от мала до велика, единодушно приветствовали Полководца Ким Ир Сена и восторженно восклицали: «Да здравствует национальный герой Полководец Ким Ир Сен!»

Фэн Чжунюунь, бывший одно время председателем народного правительства провинции Сунцзян, работал затем директором Пекинской библиотеки, заместителем министра водного хозяйства и электроэнергетической промышленности и так далее. В бытность замминистра он часто приезжал к нам для решения вопроса о совместном использовании электростанции Кореей и Китаем.

В сентябре 1958 года он находился у нас с визитом в качестве главы делегации Министерства водного хозяйства и электроэнергетической промышленности Китая. Я встретился с ним на Супхунской ГЭС. Мы вместе осматривали агрегаты станции и, поднявшись на плотину, любовались изумительной панорамой Супхунского водохранилища, советовались о совместном строительстве на реке Амнок новой ГЭС и дальнейшем укреплении сотрудничества между нашими странами в области выработки гидроэлектроэнергии. Это оставило в моей памяти неизгладимый след.

Позднее, во время культурной революции, он, насколько мне известно, был репрессирован как сторонник правого крыла и весной 1968 года умер в тюрьме.

По случаю моего 80-летия его жена Сюэ Вэнь вместе с сыном и дочерью посетила Корею. Это была та самая женщина, по которой он так скучал на дальневосточной учебной базе. В годы антияпонской войны она работала в Маньчжурском провинциальном комитете партии. Была она невысокого роста, имела интеллигентную внешность.

По ее словам, ее муж был реабилитирован в конце 1977 года,

почти через десять лет после его смерти в тюрьме, и похоронен на мемориальном кладбище на горе Бабаошань под Пекином.

Когда его родные со слезами на глазах бросились в мои объятия, к горлу у меня подступил горячий комок и я разом вспомнил то далекое прошлое.

После этого его семья еще не раз бывала в нашей стране. В один из таких приездов Фэн Ило, его старшая дочь, отметила свое 60-летие в Пхеньяне. К юбилейному праздничному столу ее пригласил товарищ Ким Чен Ир.

Эстафету боевого братства, дружественных отношений между мной и Фэн Чжунюунем несут в своих твердых руках наши потомки...

Чжан Шоуцзянь, политработник ОИВ, тоже был одним из моих близких китайских соратников. В Северной Маньчжурии он был командиром 3-й армии. У него было и другое имя – Ли Чжаолинь. Он был близок с Фэн Чжунюунем. Ким Чак дружил с ним, и они открывали душу друг другу.

Для Чжан Шоуцзяня были характерны скромность и самоотверженность. Не оттого ли уже первое знакомство сделало нас друзьями? Мне он был по душе, так как жил и работал по принципу: хорошее – друзьям, трудное – на свои плечи.

В характеристике комсостава партизанских отрядов, данной Коминтерном, о нем говорится: Чжан Шоуцзянь – отличный организатор, смелый, энергичный, инициативный партизанский руководитель.

Говорят, что в годы антияпонской войны «Песню о походном лагере», сочиненную им, часто пели североманьчжурские партизаны.

После победы в антияпонской войне Чжан Шоуцзянь с огоньком работал на ответственных должностях секретаря Сунцзянского регионального комитета КПК, заместителя председателя Сунцзянской провинциальной управы и других.

Он был предательски убит в Харбине из-за угла агентами гоминьдановской спецслужбы.

Теперь от нас ушли все – и Чжоу Баочжун, и Чжан Шоуцзянь, и Фэн Чжунюунь.

По случаю моего 80-летия в апреле 1992 года ко мне приехали мои старые боевые друзья, служившие в ОИВ. В их числе были Чэнь Лэй и его жена Ли Мин, Ли Чжэ Док и другие. Все они были дорогими для меня гостями.

Чэнь Лэй раньше был заведующим отделом пропаганды 6-го корпуса ОСВАА и начальником политотдела 3-го полка. В ОИВ был командиром взвода, а после освобождения Китая работал секретарем Хэйлунцзянского провинциального комитета КПК и председателем Хэйлунцзянской провинциальной управы. Он приехал в нашу страну как глава дружественной делегации провинции Хэйлунцзян. В то время он был председателем комиссии советников Хэйлунцзянского провинциального комитета партии.

В честь моего 80-летия гость вручил мне грамоту с надписью: «Поздравляю Вас, товарищ Ким Ир Сен, с 80-летием! Желаю Вам счастья, доброго здоровья и долгих лет жизни». Написал он, что я привел к победе трудную борьбу против империалистов Японии и США и построил счастливый край для народа на своей родной земле, раскинувшейся на три тысячи *ли,* и что он желает мне долго и долго жить вместе с Корёским государством. Чэнь Лэй был большим мастером каллиграфии.

Ли Мин подарила мне сборник 100 революционных песен, которые пелись в годы антияпонской войны. В ОИВ она работала на радиостанции диктором.

Корея и Китай как близкие соседи граничат друг с другом по рекам Туман и Амнок. Со времени великой войны против империалистической Японии революционеры, народы обеих стран долгие годы, более полувека, в одном окопе делили горе и

радость. Цветы этих славных боевых традиций и братской дружбы будут и впредь из поколения в поколение расцветать во всей красе.

В июле 83 года чучхе (1994) по всей вселенной радиоэфир разнес весть о том, что скоропостижно скончался великий вождь товарищ Ким Ир Сен. Потрясающее известие стало буквально громом среди ясного неба, людям казалось, будто это небо обвалилось. Весь мир, обливаясь слезами, скорбел о его кончине.

Чэнь Лэй и Ли Мин на легковой машине отправились из Харбина проводить покойного в последний путь.

Генконсульство КНДР в Шэньяне доложило великому руководителю товарищу Ким Чен Иру, что Чэнь Лэй и его супруга направляются в Корею по автодороге. Он лично принял меры для того, чтобы встретить их у моста через реку Амнок и оттуда сопровождать гостей в Пхеньян. Миновав мост через Амнок, они дальше ехали на машине, предоставленной им Северопхеньянским провинциальным комитетом партии. Когда гости доехали до Синанчжу, там их ждала машина, посланная лично товарищем Ким Чен Иром.

От Харбина они за два дня преодолели путь в 2500 *ли.* Что не давало им смыкать эти два дня глаз? Незабываемый, дорогой им образ товарища Ким Ир Сена, запечатлевшийся глубоко в их памяти еще с дней антияпонской войны. Когда китайские гости прибыли ко гробу с телом покойного, часы показывали полночь. Даже не успев разгладить одежду, помятую в долгой дороге, они поспешили к нему. С горячими слезами на глазах они говорили: «Уважаемый товарищ Президент, к вам приехали ваши соратники Чэнь Лэй и Ли Мин!»

Их принял товарищ Ким Чен Ир на трибуне траурного митинга.

Чжоу Вэй, дочь Чжоу Баочжуна, так и не смогла снова увидеться с Президентом Ким Ир Сеном. Она считала это величайшим несчастьем за всю жизнь. В октябре 84 года чучхе (1995) она вручала товарищу Ким Чен Иру свое письмо и книгу с фотоиллюстрациями, составленную под ее редакцией. В ней было много снимков, показывающих жизненный путь Чжоу Баочжуна. Было в книге немало и фотографий с изображением великого вождя товарища Ким Ир Сена и героини антияпонской войны товарища Ким Чен Сук.

Мечта Чжоу Вэй о посещении Кореи сбылась летом 85 года чучхе (1996). Со светлой памятью о нашем вожде, которую она хранила еще с детских лет на дальневосточной учебной базе, она спешно прибыла в Пхеньян. По прибытии она первым долгом посетила Кымсусанский мемориальный дворец. «Президент Ким Ир Сен!.. К вам приехала я, Чжоу Вэй. Хоть один раз откройте глаза и взгляните на меня, Чжоу Вэй! Президент...». Это она говорила как бы про себя, вся в слезах. А в душе она поклялась: останусь подобно моим родителям неувядаемым цветком, украшающим клумбу корейско-китайской дружбы.

8. Борцы из Северной Маньчжурии

Это было, точно не помню, на второй или третий день после моего прибытия в Хабаровск. Ан Гир мне говорит: «Чвэ Ён Гон недалеко от нас. Ему очень хочется увидеться с вами. Пока ему неизвестно о вашем прибытии. Знал бы – бегом прибежал». И мне тоже очень хотелось увидеть его. Он был одним из таких боевых друзей, как Ким Чак, Кан Гон, Хо Хен Сик и Пак Киль Сон, с которыми мне давно хотелось встретиться.

Когда мы базировались на Цзяньдао, совершили Второй поход в Северную Маньчжурию. Одна из его главных целей состояла именно в том, чтобы встретиться с Ким Чаком, Чвэ Ён Гоном и другими боевыми друзьями – корейцами, действующими в Северной Маньчжурии, и оказать им помощь в борьбе. Однако объективные обстоятельства того времени, к сожалению, не позволили нам это сделать.

Чвэ Ён Гон, в свою очередь, как мне сказали, четыре раза отправлял к нам своих вестовых. Один из них добрался даже до Дуньхуа и вернулся обратно.

Корейские коммунисты, действовавшие разрозненно во многих районах Восточной, Южной и Северной Маньчжурии, хотели наладить взаимный обмен, сотрудничество и взаимодействия, укрепить солидарность между собой. Таково было общее желание, стремление каждого из нас.

Чвэ Ён Гон был одним из заслуженных работников, сыгравших ведущую роль в создании в Северной Маньчжурии объединенных антияпонских войск. Он был инициатором организации 4-го и 7-го корпусов этих войск. До приезда на Дальний Восток был начальником штаба корпуса.

О нем я впервые услышал от Пак Хуна, выпускника офи-

церской школы Хуанпу. То было время, когда мы в Аньту, создав АНПА, активно вели боевую подготовку. Самой большой трудностью для нас в то время была нехватка военных инструкторов. Была создана партизанская армия, но у нас был лишь один военный специалист, который мог руководить боевой подготовкой отряда. Собираемся мы вместе – я, Чха Гван Су и Пак Хун – и тут же начинаются разговоры о том, откуда взять военного эксперта. И, естественно, в наших разговорах фигурировал Чвэ Ён Гон.

Пак Хун обратился ко мне: «После смерти Сунь Ятсена рухнуло сотрудничество Гоминьдана и Компартии в Китае. И все молодые корейцы из офицерской школы Хуанпу ушли кто куда. Среди них заслуживает внимания Чвэ Чху Хэ. В той военной школе он был офицером-преподавателем боевой подготовки. Было бы у нас таких хотя бы один-два, это стало бы большой подмогой. Жаль, что не знаю, где он и чем занимается».

Позже я узнал, что Чвэ Чху Хэ – это псевдоним Чвэ Ён Гона. У него были еще и другие имена: Ким Чжи Ган и Чвэ Сок Чхон.

Услышав, что он сейчас в Хабаровске, я говорю: «Раз так, то нам незачем ждать его. Давайте сами пойдем к нему».

И вот мы с Ан Гиром идем туда, где он остановился. Чвэ Ён Гон, вскочив с места, долго-долго смотрит на меня. Человек он широкоплечий, с воинской выправкой. Он берет мою руку и, приветствуя, говорит:

– Не видел вас в Маньчжурии, а вот здесь, в Советском Союзе, вижу, Командующий Ким!

И тут у него на глаза навернулись слезы.

– Я слышал, что вы, Командующий Ким, прибудете в Хабаровск, но не знал, что вы уже здесь. Извините, что не успел сам пойти к вам и встречаюсь с вами у себя.

Еще раз извинившись, он продолжал:

– Знаете, я всю жизнь мечтал воевать вместе с вами. Какая это радость! Наконец-то мы встретились! Теперь больше не будем расставаться!

После того, как встал на путь революции, он пережил немало перипетий. По его словам, его, как и нас, привело в революцию ученическое движение.

Когда он учился в средней школе, произошла забастовка школьников в знак протеста против директора-американца. Главным зачинщиком волнений оказался Чвэ Ён Гон. Напуганный американский директор удрал, но Чвэ Ён Гон и все другие организаторы выступления были исключены из школы. В это дело вмешивали японские ведомства.

Затем он принимал участие в Первомартовском народном восстании. Был причастен к изданию печати антияпонской направленности, за что попал в тюрьму.

Позже он некоторое время находился в Сеуле. Там случайно познакомился с подпольщиком от Шанхайского временного правительства и следовал за ним. Подпольщик сагитировал его покинуть Родину и обратиться к тому временному правительству.

Вот так Чвэ Ён Гону удалось добраться до Шанхая, но там он, как сам признался, был весьма разочарован временным правительством. Впоследствии он вступил на стезю коммунистического движения, накопил определенный военный опыт в вихрях борьбы. Однако, вопреки первоначальной надежде на восстановление государственности, которую он лелеял, прощаясь с родной землей, он все глубже и глубже втягивался в китайскую революцию. Кстати, в те годы корейская молодежь, которая действовала во Внутреннем Китае, возлагала немало надежд на китайскую революцию.

При каждом воспоминании о тех временах Чвэ Ён Гон говорил: «Я участвовал в революции другой страны. Конечно,

понимал ее смысл. Однако не мог избавиться от чувства горести, отчего-то думалось, будто иду не прямо к цели, а хожу вокруг да около. Порой ставил знак равенства между китайской революцией и корейской революцией, то есть «корейская революция равна китайской». Пытался самостоятельно оправдать свою концепцию. Но все время было ощущение, будто сам удаляюсь все больше, оставляя за спиной жизнь на родной земле, и не мог побороть в себе чувство вины».

Он был активным участником борьбы за свержение пекинского правительства и образование национально-революционного правительства, когда Сунь Ятсен намеревался добиться этой цели путем сотрудничества Гоминьдана и Компартии, выдвинув тезисы о союзе с СССР, союзе с Компартией, об опоре на рабоче-крестьянские массы. По его словам, он рассуждал так: если национально-революционные силы, успешно завершив Северный поход, будут держать под своим контролем весь Северо-Восток Китая, то это создаст благоприятные условия для достижения независимости Кореи.

Однако ситуация развивалась не так, как ему хотелось. Как только скончался Сунь Ятсен, Чан Кайши, порвав сотрудничество Гоминьдана с Компартией, пошел на массовую расправу с коммунистами. В репрессиях против коммунистов ему не мешало даже гражданство жертв. В дни этих массовых убийств во Внутреннем Китае немало корейцев было убито агентами Чан Кайши.

Не раз смертельная опасность угрожала и Чвэ Ён Гону. Чтобы избежать волны кровавых массовых погромов, ему пришлось покинуть Внутренний Китай. И его нога ступила на землю Северной Маньчжурии. Он признал, что его переезд в Северную Маньчжурию, а не в Цзяньдао, был такой же ошибкой, как и заблуждения насчет курса.

– Если бы в то время я попал в Цзяньдао, то встретился бы с

вами, Командующий Ким, гораздо раньше, – сказал он. – И мог бы чем-то помочь и корейской революции. Очень сожалею. Всю жизнь буду раскаиваться в этом.

Я ему говорю: «И мне жаль, что не удалось пораньше пожать руку такому военному специалисту, как Чвэ Ён Гон. Если бы в Восточной Маньчжурии были такие, как Ким Чак и Чвэ Ён Гон, то мы сделали бы больше для корейской революции. Ну что ж, дело это прошлое. Ведь такие ведущие активисты, как вы, зажгли в Северной Маньчжурии пламя антияпонской борьбы. И это содействовало там и повышению революционного сознания корейцев, и развитию движения объединенных антияпонских войск. Революционное воспитание масс, я бы сказал, станет подготовкой к корейской революции, ее подспорьем, оно будет полезно и для китайской революции. Не будем рассматривать корейскую и китайскую революции оторванно друг от друга. Поскольку мы революцию делаем на китайской земле, то не можем не обратить серьезное внимание на совместную борьбу с китайскими коммунистами, на единый фронт с антияпонскими силами Китая. Все, что вы сделали до этого в Северной Маньчжурии, послужит интересам освобождения как Китая, так и Кореи».

Мой собеседник сказал, что раньше больше всего его душу терзало чувство одиночества. Я спрашиваю: «Это почему?» «Казалось мне, что враг слишком силен, а перспектива революции слишком отдаленна. И еще: пришлось жить среди китайцев. И, естественно, чувствовал себя одиноким. И когда мною овладевало это чувство одиночества, погружался в думы о корейских коммунистах, которые сражаются в горах Пэкту», – ответил Чвэ Ён Гон.

Выслушав его, я смог понять, что побудило его четыре раза посылать ко мне своих вестовых.

Он сказал, что Программа ЛВР из десяти пунктов дала ему

сильный душевный толчок. По его словам, после прочтения этой Программы он решил выйти в район гор Пэкту и воевать вместе с нами, чтобы лучше служить делу корейской революции, и, если такое будет невозможно, хотя бы установить тесные связи с нашей частью.

Я же в свою очередь рассказал ему, как в 1935 году мы организовали Второй поход в Северную Маньчжурию с целью встречи с соратниками-корейцами, воевавшими там.

В тот день между нами шли разговоры о событиях начала 30-х годов, когда оба мы были загружены делами, связанными с созданием вооруженных отрядов в Восточной и Северной Маньчжурии.

Чвэ Ён Гон сказал, что он организовал военно-учебный пункт для крестьян Северной Маньчжурии и вооруженный отряд, но наращивание сил шло не так, как хотелось бы, и поэтому он здорово переживал. «Я давно слышал, – продолжал он, – что вы выступаете за всенародное сопротивление. Интересно, каким образом вы поднимете весь народ на это?»

Я говорю ему: «Большинство корейцев, находясь в крайне трудном положении, жаждет возрождения своей нации. Таков пульс жизни на Родине. Вооружим их – появится большая армия, численностью в сотни тысяч человек. Каким образом вооружим? Предполагается повсюду создавать полувоенные организации, которые могли бы вести боевые действия без отрыва от своих дел. Скажем, в заводских районах появятся рабочие отряды, в селах – крестьянские, в городах – студенческо-ученические. Уже со второй половины 30-х годов в северных районах Кореи организованы и начали свою деятельность производственные партизанские отряды и рабочие ударные отряды. Впредь подобные организации создадим во всех районах страны. Кто именно организует их? Во все районы будут направлены активисты, закаленные в антияпонской

вооруженной борьбе». «Это, – продолжал я, – отнюдь не дело далекого будущего. Сейчас общемировая ситуация говорит о приближающемся крушении японского империализма. Сегодня Япония воюет только с Китаем, но рано или поздно она может зажечь фитиль более крупной войны. Японию не радует и положение на фронтах войны с Китаем, а это означает, что если она начнет еще другую войну, то это наверняка приведет к ее краху. В ближайшие несколько лет, уверен, наступит час последней, решительной битвы. Настанет такой момент – и мы откликнемся всенародным сопротивлением, то есть поднимем на последний, решительный бой все организации сопротивления страны во взаимодействии с генеральной наступательной операцией КНРА, этого главного отряда корейской революции. Таков мой замысел о боевых операциях по освобождению Родины, такова линия на достижение независимости собственными силами».

Выслушав меня, Чвэ Ён Гон сказал, что проблема кроется, по его мнению, в его взгляде на народные массы. «До сих пор я видел в народе Родины только объект спасения. Не видел в нем участника освободительной операции, – признался мой собеседник. – Моя точка зрения на народные массы была такова: революцию делают не все, ведут ее только предтечи; факт, что рабочие и крестьяне являются движущей силой революции, но не все они будут участвовать в революции; передовые люди должны своей кровопролитной борьбой принести народу свободную Родину. И потому предпочел военное дело политической работе, нацеленной на воспитание масс в революционном духе».

По мере развития наших разговоров Чвэ Ён Гон, казавшийся вначале мрачноватым, порой расплывался в улыбке. По его словам, даже направляясь в Хабаровск, он интересовался лишь одним военным сотрудничеством с Советским Союзом и почти

не думал о таких вещах, как вооружение всего народа в самой Корее и операция по освобождению Родины. Он добавил, что теперь, встретившись со мной, он ясно видит перед собой путь вперед.

– Командующий Ким! Мне, честное слово, очень хотелось воевать в горах Пэкту! – дрогнувшим голосом говорил Чвэ Ён Гон. – Только там, пожалуй, я смогу выполнить свой долг как корейца. Буду служить рядовым, любым делом займусь, но хочу воевать в горах Пэкту как ваш солдат и готов оставить там свой прах. Вот чего я желаю!

Уходя от него, я говорил:

– Здесь собрались корейские революционеры, которые сражались разрозненно в Южной, Восточной и Северной Маньчжурии. Теперь не будем разбегаться, крепче возьмемся за руки, будем вместе бороться за Корею!

Встреча с Чвэ Ён Гоном произвела на меня большое впечатление. В словах, которые он произносил со слезами, проступало его давнее сокровенное чаяние. Это было его самым большим желанием: «И в случае, когда мне приходится, как говорится, скитаться по чужим углам, сделаю прямой вклад в дело революции в своей стране». Это было твердым стремлением вести революцию, стоя на собственных позициях, сплотившись вокруг образованного единственного центра.

Таким стремлением, таким желанием горели не только он, но и все другие коммунисты Кореи, где бы они ни находились – в Южной, Восточной или Северной Маньчжурии.

То, что он с жаром сердца говорил о своей готовности сражаться в горах Пэкту, было выражением его доверия к нам, ожиданий и надежд в отношении нас. Это было выражением его патриотического духа – пусть буду участвовать в революции, – но ради Кореи, пусть умру, – но ради Кореи.

Большая часть его желания сама собой сбылась попозже с

созданием ОИВ. После нашей первой встречи в Хабаровске он остался с нами. Вот так сбылась его мечта вместе сражаться в горах Пэкту.

Среди моих боевых друзей из Северной Маньчжурии, с которыми я встретился на Дальнем Востоке, был и Кан Гон.

С ним увиделся в Северном лагере еще до создания ОИВ. Как обрадовался он, увидев меня! Нашей встрече удивились все командиры и политработники 2-й и 3-й армий, которые присутствовали при этом.

Из командиров и политработников, воевавших в Северной Маньчжурии, о моем знакомстве с Кан Гоном знали лишь Чжоу Баочжун и некоторые командиры 5-го корпуса.

Да, мы с Кан Гоном действительно были давно знакомы. С ним я встречался в Маньчжурии: первый раз – во время нашего Первого похода в Северную Маньчжурию, а потом в дни Второго.

С 1938 года он был комиссаром 9-го полка 3-й дивизии 5-го корпуса. Вскоре после своего вступления в армию стал политработником полкового ранга. Можно было догадаться, каким глубоким доверием он пользовался.

После того, как мы наметили на Сяохаэрбалинском совещании курс на переход к действиям малыми отрядами, в 5-м корпусе тоже были переформированы отряды. При этом Кан Гон был назначен комиссаром комендантского отряда, непосредственно подчиненного главному командованию 2-й армии. А командиром отряда был Пак Рак Гвон.

На каждой встрече с вестовыми североманьчжурского направления я спрашивал о нем и слыхал, что он сражается на славу. В 5-м корпусе он слыл талантливым и перспективным командиром, которого ждет продвижение по службе.

Не прошло и двух-трех лет после его прихода в армию, как он уже зарекомендовал себя с лучшей стороны. Дело было не

только в том, что сам отлично воевал, но и в его искренней любви к народу.

Говорят, жители очень любили Кан Гона, видя в нем человека простого, прямодушного. Когда он входил со своим отрядом в населенный пункт, жители горячо приветствовали его и говорили: «Видите – к нам пришел комиссар Кан!» А затем, как бы соревнуясь между собой, обращались к нему с просьбой: «Примите, пожалуйста, в отряд наших детей». Вот такой доброй репутацией пользовался Кан Гон и его отряд. Как я слышал, его бойцы были сильны организованностью и дисциплиной, которую установил в отряде комиссар.

Кан Гон и воевал по-настоящему, по-боевому. Он ярко проявил свой талант и искусство военного командира.

Его военное дарование было особенно заметно в дни действий малыми отрядами. Особо отличался он при налетах из засады и в операциях на железных дорогах. Однажды он с бойцами пустил под откос поезд с вагонами, наполненными японскими офицерами. В период действий малыми отрядами он не раз искусно руководил боевыми операциями – его бойцы пускали под откос поезда, подрывали железнодорожные мосты, разрушали дороги и военные склады, что нанесло противнику ощутимый урон.

В день нашей новой встречи на берегу Амура мы с Кан Гоном много часов делились сокровенными думами.

После создания ОИВ он жил вместе с нами. Дом, где мы жили с Кан Гоном, называли тогда коммуналкой. Там жили старшие командиры ОИВ. Такие коммуналки, дома, напоминавшие цилиндр, в то время можно было нередко встретить в Сибири. К коридору примыкали комнаты.

И после этого мы с ним часто разговаривали. Человек, логичный в мышлении и безупречный в практическом деле, он был мастером рассказа. Находились такие, кто считал его сухим

и жестким командиром. Так говорили они, не зная Кан Гона как человека. А был он хладнокровным и прямодушным и в то же время эмоциональным и человечным.

Он не умел скрывать свои мнения и взгляды. Все, что было на уме, тут же выкладывал прямо, без утайки, без всякого приукрашивания, так, как было на самом деле.

Кан Гон много рассказывал о родном крае. Родился он в Санчжу. Это в провинции Северный Кенсан. По его словам, он покинул родные места десятилетним мальчишкой. Простился с родным краем в детском возрасте, но представление о нем у него было довольно конкретным, тоска по родным местам была неуемной.

От него я не раз слышал тогда, что Санчжу славится своим вином и шелком. По его словам, там много и хурмы.

Говорит он о вине, хурме и шелке местечка Санчжу, о реке Рактон и горе Сокри, а глаза у него, вижу, увлажняются. Внешне он сух и хладнокровен, но когда заходит речь о родном крае, не сдерживает волнение, как поэт, и становится более многословным и взволнованным, чем обычно. С болью в душе воспоминал он и о своей старшей сестре, которая в родном краю отдана в дом будущего мужа.

Тот, кто так горячо, как Кан Гон, любит родную землю, места, где родился и вырос, так же горяч и в революции. Тот, кто горячо любит свой родной край, – любит пламенно и свою Отчизну, тот, кто силен любовью к Родине, – горит страстью и в революции.

В ОИВ наша дружба с Кан Гоном переросла в большую товарищескую любовь.

В человеческом обаянии Кан Гона меня особо восхищали его незаурядный военный кругозор и высокая ответственность за порученное дело. Он располагал богатым багажом военных знаний. Когда шли дискуссии о какой-либо военной операции,

он аргументированно излагал свое мнение, которое всегда отличалось самобытностью и глубиной.

Он хорошо знал и китайский, и русский. Учиться русскому языку начал после прибытия в Северный лагерь. Через некоторое время он уже был в состоянии вести простой разговор с советскими офицерами, умел читать военные уставы советских войск в русском издании.

Его светлым умом восхищались все – и советские люди, и китайцы. Сокращенное письмо иероглифами, так называемую скоропись, он сочинял на свой лад и для себя применял.

Прогрессу Кан Гона больше всех радовался Ким Чак. Их отношения были отношениями между наставником и учеником. Одно время Ким Чак в Нинане учительствовал в частной школе, где, как говорят, учился и Кан Гон.

«Еще на школьной скамье Син Тхэ слыл одаренным. В том возрасте книжку «Троецарствие» он выучил назубок».

Это не без гордости часто говорил Ким Чак. Син Тхэ – настоящее имя Кан Гона.

Эти двое находились в отношениях учителя и ученика, но по личным качествам они были близнецами. При жизни Ким Чак был известен своими твердыми убеждениями и прямодушием. В этом ему не уступал и Кан Гон. И по принципиальности и по широте в деятельности оба были отливками из одной и той же изложницы.

После освобождения страны Кан Гон был начальником генерального штаба. Среди его подчиненных немало было людей старше его по возрасту, не один и не два были старше и по революционной биографии. Однако все они относились к Кан Гону с уважением. Они отлично знали, что Кан Гон силен революционной принципиальностью.

Он ни на йоту не поступался принципами, с кем бы ни имел дело. Пусть это были близкие ему, родственники, – пощады не

было никому, если они отступали от принципов.

Прав товарищ Ким Чен Ир, когда он серьезно требует от наших работников учиться у Кан Гона преданности партии и вождю, революционной принципиальности. Кан Гон – это талантливый работник, я бы сказал, обаятельный военный командир, у которого стоило бы учиться представителям подрастающего поколения. Погиб он слишком рано, в молодом возрасте. Был бы он жив – очень многое сделал бы в строительстве вооруженных сил.

Кан Гон отдал революции всю свою кровь, до последней капли. Всю жизнь он не знал отдыха. После поражения Японии не мог возвратиться на Родину – отправился помочь китайской революции. Как командующий войсками восточногиринского участка он принял участие в боевых операциях по освобождению Северо-Востока Китая. Там он создал много частей из корейцев. По имеющимся данным, в упомянутых операциях приняло участие без малого 250 тысяч корейцев. От перегрузки делами он начал страдать болезнью желудка. По возвращении на Родину Кан Гон был начальником учебного пункта № 2 по подготовке кадров органов безопасности. И в те дни он очень страдал от язвы желудка. Ему ни разу не удалось вовремя сесть за обеденный стол. Беспокоясь о его здоровье, я как-то советовал ему не пить на банкетах даже газированных напитков, не говоря уже о водке.

Его заслуги в строительстве народных вооруженных сил огромны.

В боевых успехах нашей Народной Армии, достигнутых на первом этапе войны, в том числе в боях за освобождение Сеула и Тэчжона, – и его личный подвиг.

Когда народноармейцы вышли на рубеж реки Рактон, он доложил мне о положении на фронте. И, между прочим, не забыл добавить, что через несколько дней он, как ему кажется, сможет

встретиться со своей сестрой в родном краю – в Санчжу.

Однако это так и осталось его заветом. В сентябре 1950 года он, к нашему большому несчастью, погиб неподалеку от родного дома.

Кан Гон был талантлив. Он был сведущ как в политике, так и в военном деле. Он погиб, когда ему было всего 32 года. Тому, что у нас был такой молодой и талантливый начальник генштаба, завидовали даже советские люди. Очень жаль, что он ушел от нас в столь молодом возрасте.

Мы присвоили ему звание Героя КНДР, переименовали Центральное военное училище № 1 в военное училище имени Кан Гона, чтобы увековечить его подвиги. А по случаю 20-летия КНДР в городе Саривоне была воздвигнута его бронзовая статуя.

Да, крайне жаль, что мы лишились Кан Гона. И теперь я часто вспоминаю о нем.

Отправляясь из Восточной Маньчжурии на дальневосточную учебную базу, все борцы против японских империалистов жаждали встречи с корейцами, боровшимися в Северной Маньчжурии. Говорили, что так же думали и корейцы в Северной Маньчжурии.

Когда я впервые прибыл в Северный лагерь, корейские бойцы из Северной Маньчжурии высыпали из казарм, чтобы встретиться со мной. Большинство из них я не знал. А когда я собирался в обратную дорогу, они не хотели отпускать меня. Это так свежо в моей памяти, как будто было только вчера.

«Североманьчжурцы» относились к корейцам из Восточной Маньчжурии как к соотечественникам из родной Кореи. Спрашивается, есть ли разница между Северной и Восточной Маньчжурией? Нет. Ведь и та, и другая – одна и та же маньчжурская земля. Но все-таки к Корее более близка Восточная, чем Северная. Кроме того, восточноманьчжурская земля

освоена корейцами, и путь к революции на ней первыми открыли тоже корейцы. Значит, не было большим преувеличением то, что все они полагали, будто край тот есть часть их Отчизны.

Те, кто поднялся в Восточной Маньчжурии на борьбу против империалистической Японии, не раз со мной совершали рейды на территорию Родины. И было вполне естественно, что корейцы из Северной Маньчжурии обращались к нам, как к соотечественникам с Родины.

Там, в Северном лагере, где я был тогда впервые, особо заметным показался мне Ким Рён Хва благодаря своим довольно впечатляющим усам.

Затем в глаза бросился известный шутник Чвэ Ён Чжин. Он тоже отрастил усы. Вот он делает шаг вперед и знакомит меня со своими коллегами. Представляет их без всякой церемонности, весело и с шутками. И это совсем развеяло у меня настороженность при первом знакомстве.

Он характеризовал каждого человека крайне лаконично, примерно так: «Перед вами – Кан Сан Хо, у него редкая память, это Ким Рён Хва и Ким Дэ Хон – меткие стрелки, а это Чан Сан Рён, Ким Чжи Мен, Чон Бон Со – все легки на подъем, прилежны, вертятся как белка в колесе, Ким Чжын Дон – сметлив, Рю Ын Сам – настоящий мужик-хлебороб».

Последующие дни доказали всю правоту данных им в то время характеристик.

Действительно, у Кан Сан Хо была светлая голова, Ким Рён Хва и Ким Дэ Хон оказались лучшими мастерами стрельбы, Чан Сан Рён, Ким Чжи Мен, Чон Бон Со, Пак У Соб и Ким Ян Чхун – прилежными, добросовестными тружениками: дай им любое дело – быстро, без промедления, справляются с ним. Чан Сан Рён все время был на побегушках, став «мостом» между мной и Ким Чаком, когда мы находились на дальневосточной учебной базе.

Рю Ын Сам был знатоком земледелия. Еще в Северной Маньчжурии он был главным лицом в этой области в партизанском районе. В Северном лагере он «совал нос» во все дела, когда это касалось подсобного хозяйства. Одно время он работал начальником отдела подсобных хозяйств в Министерстве народных вооруженных сил.

В те дни мне довелось встретиться с Чвэ Мин Чхором и Ли Чжон Саном. Ли был самым младшим по возрасту среди бойцов из Северной Маньчжурии. Когда Чвэ Ён Чжин упомянул, как этот боец свалился с кровати, когда грянуло: «Тревога!», все мы от смеху держались за животы.

Что касается партизанок из Северной Маньчжурии, то по характеру большинство из них были открытыми. Там бескрайние просторы. А когда живешь на просторе – и душа, как мне кажется, бывает распахнута. Они мастерски ездили верхом.

Лучшими радистками среди них были Пак Ген Сук и Пак Ген Ок. Самым высоким мастерством верховой езды овладела Ван Ок Хван. Мне сказали, что и Ли Сук Чжон была отменной наездницей. Хо Чхан Сук, Чон Сун Хи, Чан Хи Сук были одно время прославленными партизанками-швеями. А Ли Ге Хян слыла мастером стрельбы.

Знакомя меня с каждым из своих коллег, Чвэ Ён Чжин весело балагурил с уморительным выражением на лице, что очень смешило людей. О том, что он интересный человек, я слыхал и в Западном Цзяньдао. А когда оказался с ним с глазу на глаз, он оказался куда более интересным, чем я слышал о нем.

Бойцам главного отряда он был хорошо известен как лихой боец, как человек твердой воли. Имя его как бесстрашного бойца стало греметь с той поры, когда он показал себя смельчаком в бою, целью которого была ликвидация высокопоставленного японского офицера карательного отряда и всех сопровождавших его японцев, которые совершали инспекци-

онную поездку на моторном катере.

Чвэ Ён Чжин был силен революционной принципиальностью.

Случай, о котором пойдет речь, произошел в Северной Маньчжурии, где он служил командиром, точно не помню, полка или роты. Однажды он пошел к отцу, служащему в отряде самообороны противника. Сын пришел за провиантом для своего партизанского отряда.

Отец его, настроенный антияпонски, был участником движения за независимость Кореи. Одно время он с оружием в руках воевал в Армии независимости. После того, как деятельность этой армии пошла к закату, бывший боец бросил оружие и вернулся домой, чтобы провести остаток жизни в покое. Враги пытались воспользоваться этим случаем для того, чтобы посеять раскол и раздор среди корейцев. И они силком зачислили его в отряд самообороны.

Сын обратился к отцу: «Отряду сейчас трудно. Нехватает продовольствия. Дай хоть сколько-нибудь зерна». А отец наотрез отказался: «Откуда у меня, сынок, зерно?»

Семья же его была состоятельная – владела землей, и зерна имела в достатке. Не причислишь ее, конечно, к богатейшим, но в семье обходились без жидкой похлебки. Почему же отец не хотел дать сыну зерна? Может быть, чтобы показать другим охранникам, что он не имеет связи с партизанами? Этого я точно не знаю.

Выслушав отца, вспыльчивый сын разгорячился: «Как ты можешь? Ведь ты был раньше в Армии независимости. Именно ты, отец, должен, как никто другой, от души помочь нам. Антияпонские партизаны, знаешь, постоянно недоедают, плохо одеваются, недосыпают, живут под открытым небом, но борются. Ради чего? Ради того, чтобы уничтожить разбойников, империалистов Японии, чтобы вернуть себе отнятую Родину!

Партизаны проливают кровь в борьбе за возрождение Родины. Кто не помогает им, тот предатель, которому нет дела до Родины и нации! Не дашь зерна – пожалеешь!»

Оттого ли, что сыновняя горячность сильно подействовала на отца, но все-таки он дал сыну зерна на пятнадцать повозок. И после этого отец доставал большое количество продовольствия и оружия для партизан. Хотя и состоял во вражеском отряде самообороны, но не утратил патриотический дух, чувство верности Отчизне, которыми жил в прошлые времена, когда встал под ружье в Армии независимости. Он упорно организовывал движение за оказание помощи партизанам. Позже японцы расправились с ним.

Чвэ Ён Чжин был командиром роты в нашем отдельном отряде ОИВ. Его ротой восхищались и советские люди: 1-я рота, которой он командовал, во всех делах была первой. Он был широко известен как командир требовательный, не терпящий ни в чем поражений и работящий.

После освобождения Кореи он на ответственном посту в органе по обеспечению безопасности Пхеньяна отличался в борьбе со шпионами и диверсантами, добросовестно выполнял задания по воспитанию костяка регулярных вооруженных сил в Пхеньянском училище и Центральном училище по подготовке кадров безопасности. В его бытность министром рыбной промышленности возросли уловы рыбы. Одно время он работал и заместителем Председателя Кабинета Министров.

На учебной базе у нас произошла волнующая встреча с бойцами, посланными нами в Северную Маньчжурию. В их числе были Чвэ Гван, Ким Ген Сок, Чон Чхан Чхор, Пак Рак Гвон, Ким Ок Сун, Ан Чжон Сук и другие. Эти борцы революции были направлены в Северную Маньчжурию, когда мы действовали в Восточной.

На встрече со мной Чвэ Гван со слезами на глазах говорил:

«Сколько лет, сколько зим!» Справившись с волнением, он продолжал: «Товарищ Командующий! Находясь в Северной Маньчжурии, я все время мысленно обращал взор в сторону гор Пэкту, где вы находились. Теперь не пойду в другую часть, даже если вы будете выталкивать и просто прогоните меня. Ни за что!»

После сформирования ОИВ Чвэ Гван служил у нас командиром взвода.

А первая встреча с ним произошла, когда он работал начальником детского управления. В то время он находился у нас вместе с художественным коллективом Детского отряда, который приехал выступить у нас.

Когда мы собирались в Первый поход в Северную Маньчжурию, он, освобожденный от обязанностей начальника детского управления, вступил в молодежную добровольческую армию. К тому времени Чвэ Гван, как он сам признался, еще даже не имел представления о стрельбе. Он думал, что из дула винтовки пуля вылетает вместе с патроном, то есть с гильзой. В армии же он сразу стал командиром взвода.

Во время боя под Дяомяотаем, помнится, он со своим взводом занял гору, что на западе от Яоингоу, и там провел бессонную ночь, охраняя меня. Позже он принял участие и в бою на Лаохэйшане. До приезда на Дальний Восток он был комвзводом комендантского отряда, подчиненного командованию 5-го корпуса Чжоу Баочжуна. Чжоу, как мне известно, очень любил его.

Поэтому при подборе личного состава, необходимого для проведения боевых операций против японских войск на Северо-Востоке Китая, Чжоу Баочжун обратился к нам с просьбой направить к нему в первую очередь Кан Гона, Чвэ Гвана и Пак Рак Гвона.

На Северо-Востоке Китая Кан Гон служил командующим

войсками участка, а остальные двое и Нам Чхан Су – командирами полков.

Полк Чвэ Гвана действовал в уезде Ванцин. Бойцы питались гаоляном, которым японцы запаслись в годы существования Маньчжоу-Го. Укомплектовав свои ряды, они активно вели боевые действия. В то время некоторые все жаловались, что Чвэ Гван создает слишком многочисленное войско. По их мнению, в уездном центре положено иметь не больше двухсот бойцов. И ему пришлось продолжать набор на военную службу не в уездном центре, а в селах. Вооруженные отряды, созданные в те дни нашими товарищами, впоследствии внесли большой вклад не только в проведение боевых операций по освобождению Северо-Востока Китая, но и в строительство вооруженных сил в нашей стране.

Его часть добилась больших боевых успехов и на дуньхуаском направлении. Его бойцы, с одной стороны, вели бой за боем, а с другой – создавали партийные организации, укрепляли массовые общественные организации.

Мы отозвали его на Родину ранней осенью 1946 года, попросив вернуться с группой подобранных товарищей, у которых, как говорится, светлые головы. Он, передав часть, вернулся в Корею с отборными людьми, которых было около двух сотен. Когда они прибыли в Пхеньян, их на вокзале встретили Ким Чак и Му Чжон. В тот день Ким Чен Сук, получив весть о возвращении Чвэ Гвана, с радушием накрыла для гостя обеденный стол.

На Родине он был назначен начальником штаба учебного пункта №1 по подготовке кадров органов безопасности. Затем как командир 1-й дивизии КНА он принял участие в Отечественной освободительной войне. Ему принадлежат большие заслуги в строительстве наших вооруженных сил.

Он был честным человеком, верным своему долгу военным

работником. Когда возник инцидент с кораблем «Пуэбло», он, обеспокоенный напряженностью ситуации, целый год не возвращался домой – буквально ел и спал в рабочем кабинете. Всю жизнь он поддерживал партию и вождя, храня кристально чистую совесть. В ходе революционной работы приходилось переживать различные перипетии и страдать душой, но он никогда не изменял своим убеждениям.

Чвэ Гван – один из военачальников, которых я больше других берег и любил.

И товарищ Ким Чен Ир глубоко доверяет ему, любит его и уважает. В этом можно убедиться, судя хотя бы по тому факту, что после своего выдвижения на пост Верховного Главнокомандующего КНА он назначил Чвэ Гвана, 70-летнего человека, начальником генерального штаба КНА.

Отправляясь на дальневосточную учебную базу, я надеялся встретиться также с Пак Киль Соном и Хо Хен Сиком. Однако, к большому сожалению, встреча с ними не состоялась – оба они погибли в боях в Северной Маньчжурии.

Хо Хен Сик был одним из основателей партизанского отряда в Чжухэ.

О нем много рассказывал Ким Чак. О нем положительно отозвались все партизаны из Северной Маньчжурии.

И теперь в моей памяти не забыт один из рассказов Ким Чака – о том, что Хо Хен Сик в дни зимнего похода в Цзяннань сам стоял в карауле, наложив на себя взыскание.

Поход, говорят, был необычайно тяжелым. Чтобы хоть немного снять усталость у бойцов, он приказал командирам тоже нести караульную службу, не исключил и самого себя. В то время ни у кого не имелось часов, и им пришлось зажечь благовонную палочку и по мере ее сгорания контролировать течение времени. Сгорела палочка до конца – значит, пора менять часового.

Однажды в ночное время Хо Хен Сик стоял на часах у дверей и из-за собственной оплошности нарушил время смены часовых. На следующее утро, как мне сказали, он выступил перед бойцами с самокритикой и, когда наступила ночь, сам заступал в караул как провинившийся.

Одному из бойцов было совсем неловко смотреть, как начальник штаба несет штрафную службу, и он осмелился отломить половину палочки-часов.

Узнав об этом, Хо Хен Сик сказал тому бойцу: «Я, конечно, понимаю тебя, дружище. Спасибо за внимание к своему командиру. Но ты забыл главное: в рядах революционеров двух дисциплин быть не может. Установленный порядок обязателен для всех и каждого. Лишь тогда наши ряды станут дисциплинированными. И ты и я сегодня ночью опять будем стоять на часах. Это взыскание. Пусть каждый раскаивается в своих поступках», – и он сам снова нес караульную службу как наказание самому себе.

Ким Чак послал ему приказ поскорее вернуться на учебную базу. Но Хо, чтобы завершить запланированную боевую операцию, все откладывал дату возвращения день за днем и, не успев вернуться, погиб в бою.

Никакая удача военной операции не могла возместить потерю такого крупного командира, как Хо Хен Сик.

Его гибель стала огромной утратой для нас в подготовке к операциям по освобождению Родины.

Теперь о Пак Киль Соне. Он вначале действовал в Ванцине, а затем прибыл в Северную Маньчжурию и был там командиром отдельного отряда. Под влиянием О Чжун Хва еще с юных лет участвовал в выступлениях за «осенний урожай» и в борьбе периода весеннего голода.

Пак Док Сим, отец его, был и крестьянином-арендатором, и лодочником. Я хорошо знал этого старого человека. Он не раз

перевозил на своей лодке материалы, которые местные жители посылали в наш отряд.

Пак Киль Сон часто заходил ко мне, когда работал начальником детского управления. И он сразу стал мне хорошо знаком. Это был не на шутку работящий юноша – он никогда не был доволен выполнением своих обязанностей. Постоянно искал шанса вступить в партизанский отряд. И когда мы собирались на второй по счету поход в Северную Маньчжурию, он просто умолял нас взять его с собой.

Я, отказав ему в просьбе, направил его в Лоцзыгоу на подпольную работу. Там проживало немало революционно настроенных людей, которые раньше жили в партизанских районах Ванцина и Хуньчуня. Надежной кандидатурой в их защитники и явился Пак Киль Сон. Он был мастером работы с массами.

После этого я несколько раз слышал о нем от вестовых. Ему пришлось перебраться в Северную Маньчжурию, потому что в районе Лоцзыгоу стало известно его истинное лицо. Он был брошен в тюрьму и избит. Из-за болезни его отпустили на поруки. Улучив шанс, он совершил побег из Лоцзыгоу, надеясь вступить в наш отряд. Он, еще будучи юношей, на славу боролся и в тюрьме.

И вот он переходил горный перевал Лаоелин. Ему немало доставалось, пока он искал признаки нашего местонахождения. И тут ему, как стало известно позже, удалось вступить в отряд, действовавший под Сяолайдипанем в уезде Нинань.

Он, человек лет двадцати, уже был на ответственном посту – стал командиром отдельного отряда. И в комсомольской жизни он был ярким примером для других. Его связным был Ли Чжон Сан.

Боевая слава его отряда была громкой. У него в отряде была кавалерия. Ее противник боялся пуще всего. Пак Киль Сон хотел завершить запланированное дело, затем тронуться в путь

на советский Дальний Восток, но тут, схваченный противником, к большому сожалению, погиб.

Эту весть получил по рации Ли Чжон Сан и прибежал с ней ко мне. В походе Пак Киль Сон вел жаркий бой с противником и был тяжело ранен. Упавшего без сознания, как сказали мне, враги схватили и приволокли к себе. Это было ужасно. Ведь подобного несчастья не случилось бы, если он своевременно отправился на советский Дальний Восток сразу после получения нашего указания.

Мы посоветовали его отцу переселиться из Лоцзыгоу в Пхеньян. В то время Чвэ Гван и Ким Ок Сун намеревались взять его, старого Пак Док Сима, к себе в дом. И уже началось необходимое оформление перемены жительства. Узнав об этом, Ким Ир стал настаивать: «Старый Пак Док Сим должен жить у меня. Ведь у меня с ним были тесные связи, когда мы действовали малыми отрядами».

Так нашлись сразу два человека, каждый из которых хотел взять на себя заботу о старом человеке. Это дошло до моих ушей. Ким Ир обратился ко мне: «Прошу рассудить нас». Я, довольный высокой человечностью наших представителей первого поколения революции, ответил Ким Иру: «Как же отец погибшего Пак Киль Сона может стать отцом только Ким Ира или только Чвэ Гвана, или только Ким Ок Сун? Этот пожилой человек – отец всех нас. Все мы – его сыновья и дочери. Значит, все вместе и будем помогать старику, став его сыном Киль Соном».

Мы предоставили Пак Док Симу благоустроенный дом на берегу реки Потхон, такой, в каких в то время жили министры и их заместители.

Рассказам о моих североманьчжурских боевых друзьях просто нет конца...

На дальневосточной учебной базе мне довелось встретиться

и с теми бывшими бойцами североманьчжурских отрядов, которые в составе отряда особого назначения ОИВ были мобилизованы на совместную боевую разведку вместе с советскими бойцами.

В то время я увиделся и с Хон Чхун Су, выходцем из Армии независимости. Служа в этой армии, он часто ездил в Пхеньян, Кансо, Анак, Саривон и другие районы страны с заданиями по сбору денежных средств. Был отменным стрелком, отлично выполнял разведывательные задания. Во время операции по освобождению Родины воевал на передовой линии.

Корейские коммунисты, состоявшие в ОИВ, хотя раньше сражались разрозненно в Южной, Восточной и Северной Маньчжурии, но, тесно сплоченные единством идей и воли, изо всех сил старались приблизить день окончательной победы корейской революции. Горный перевал Лаоелин был границей, делящей Маньчжурию на Восточную, Южную и Северную, но он не мог провести разграничительную линию в сердцах коммунистов Кореи. Каждый из них был полон решимости отправиться в горы Пэкту и там сражаться вместе с нами до последних минут своей жизни.

Единодушное желание бороться в горах Пэкту стало фактором гарантии единства идей и воли в наших рядах, значительно способствовало укреплению собственных сил корейской революции.

9. Оберегая корни революции

Революция означает не только борьбу. В ней есть и борьба и жизнь. Смысл революции, к которой стремятся коммунисты, в том, чтобы вести и борьбу, и жизнь в едином процессе и создавать в боевые будни прекрасную жизнь, добиваясь одновременно социального прогресса и процветания.

Несмотря на огромные трудности и лишения, не поддающиеся человеческому воображению, ветераны антияпонской революции умели создавать свойственную только коммунистам благородную, прекрасную жизнь, везде и всюду строили идеальный мир морали и долга. Борясь, они влюбились друг в друга, обзаводились семьями. В их жизни были и стихи и песни, были слезы и смех.

Переступая порог 40-х годов, наша революция пережила глубокий процесс развития, обогащаясь новым смыслом и содержанием. В 40-е годы, когда антияпонская революция устремилась к своей окончательной победе, в нас вселял новую надежду и радость факт – рождение второго поколения нашей революции.

Ким Чен Ир родился на рассвете 16 февраля 1942 года в Пэктусанском тайном лагере.

Его рождение было для нашей семьи ни с чем не сравнимым большим праздником. Я и Чен Сук от всего сердца пожелали счастливого будущего новорожденному – тому, кто родился сыном Кореи и на поле боя под свист пуль и грохот разрывающихся снарядов.

Когда родился Чен Ир, я подумал, как обрадовались бы его рождению мои отец и мать, если бы они были живы. В нем они не чаяли бы души, как во мне мои дедушка и бабушка, которые

часто называли меня «Чансоном» (Старший внук – ред.). Думаю, правильно сказано, что дедушкам и бабушкам куда милее «вторые» дети, чем свои собственные, «первые». Но у Чен Ира не было дедушек и бабушек.

Были прадед и прабабушка, но они жили очень далеко – в родном краю, и у нас даже не было возможности известить их о рождении правнука.

В детстве я был общим любимцем нашей семьи, насчитывавшей больше десяти человек. Каждый из них проявлял обо мне теплую заботу, величая меня «опорой нашего рода». Просто исключительными были и симпатии односельчан ко мне. В этом, думаю, сказывалось их необыкновенное чувство к молодому поколению семьи, все члены которой с головой ушли в движение за независимость Кореи.

Однако Чен Иру не пришлось испытать такой любви. Большую часть своего детства он провел в Пэктусанском тайном лагере и на учебной базе на Дальнем Востоке, где не было жилища. Ведь наша молодость прошла там, где не было ни адреса, ни номера дома, – в партизанских срубах, палатках, а иногда и просто на пустырях, покрытых льдом и снегом.

Чен Ир провел детство среди людей, одетых в военную форму. Мои боевые друзья окружили его ласками, которых он не мог уж ожидать от взрослых в своей семье. Он пользовался любовью партизан в большей мере, чем моей.

Мои товарищи говорили тогда, что на горе Пэкту появился будущий полководец и что они этому очень рады. А Ким Чак звал его в детстве «маленьким полководцем». Видя, как в огне антияпонской революции рождалось новое поколение нашей революции и как оно быстро подрастало, подобно лиственнице в горах Пэкту, бойцы КНРА, все без исключения, были твердо уверены в ярких перспективах корейской революции, набирались силы, мужества в тысячу раз больше, чем прежде,

крепили свою волю к борьбе и с еще большей стойкостью сражались, приближая день освобождения Родины.

Видя непритворную заботу моих боевых друзей, которые относились к рождению Ким Чен Ира как к нашему общему празднику, я всякий раз с теплотой в душе думал, что проявляемая ими искренняя любовь к членам нашей семьи имеет значение и для следующего поколения.

Как я уже говорил раньше, всю жизнь я жил и живу, окруженный любовью товарищей. Я остался невредим, чувствую себя здоровым, возглавляю до сих пор революцию и строительство социализма. Всем этим я обязан моим товарищам, моему народу.

Простившись с матерью в 14 лет, я все это время жил среди народа, среди товарищей. Они всегда и везде оказывали мне искреннюю помощь, заботились о моей безопасности. Так бывало и в дни антияпонской революции, и в годы строительства возрожденной Родины, и в огненные дни Отечественной освободительной войны. Кто-то всегда, словно щит, своим телом прикрывал меня от пуль, кто-то защищал от дождя и снега, кто-то оберегал от болезни. А каждый раз, когда я испытывал душевные переживания, мои товарищи, народ придавали мне вдохновенную силу.

И я, со своей стороны, в трудную и суровую минуту всегда обращался к товарищам, к народу. С ними я всегда испытывал прилив новых сил, видел во тьме светлый путь, обретал уверенность в себе и сознание, что смогу выполнить задачу любой трудности.

Хотел бы рассказать вам об одном случае в мою бытность на учебной базе на Дальнем Востоке.

В том году, когда мы собрались в Северном лагере после сформирования Объединенных интернациональных войск, в Маньчжурии и на советском Дальнем Востоке зимой выпало

много снега. Его навалило столько, что даже голодные звери забредали в дома в поисках пищи. Вокруг лежали сугробы высотой по колено, а на улицах на время даже прекратилось движение автомобилей.

В один из дней той зимы со своим малым отрядом вернулся в лагерь Ким Ир. Вернулся не с пустыми руками – с большим мешком очищенного риса. Он навестил Ким Чен Сук и сказал: «Подумал, что здесь люди живут в основном на хлебе. Вот я и достал немного риса. Хорошо, если вы используете его только для того, чтобы кормить нашего Командующего рисовой кашей».

Ким Ир привозил рис не впервые – и исключительно из-за заботы обо мне. Сам он постоянно питался одной кукурузой, но старался, чтобы у меня, насколько это возможно, всегда был на столе белый рис.

Так поступал и Рю Ген Су. Когда интенданты риса давали понемногу, он оставлял у Ким Чен Сук свой паек. Просил сварить мне рисовую кашу, при этом каждый раз предупреждая, чтобы она молчала об этом.

Чувства революционного товарищества и коммунистического морального долга, связывавшие нас с соратниками, после рождения Ким Чен Ира проявились и в том, что наши товарищи выполняли свой долг перед Ким Чен Сук и Ким Чен Иром.

Ким Чен Сук сшила новорожденному одежонку, пустив на это мою и свою военную форму.

Наша жизнь на учебной базе была не райской.

Шла война, и советские люди тоже не ели досыта. Меньше есть, меньше спать и скромнее одеваться – таков был лозунг того времени. В этих условиях нельзя было приобрести для грудного ребенка ни пеленки, ни одеяла, ни шапочки. И вот партизанки, собрав обрезки тканей, сшили из них детское одеяло, которым Чен Ир и укрывался до самого дня освобо-

ждения Родины.

У боевых друзей душа была не на месте при виде того, что сын Командующего спит под одеялом, сшитым из лоскутков тканей. И это лежало у них на душе тяжелым камнем. После освобождения страны Рим Чхун Чху, находившийся по делам на Северо-Востоке Китая, приехал на Родину в отпуск – он купил там 500 шерстяных одеял и привез их в подарок мне и Ким Чен Сук. Их мы послали тогда в революционное училище в Мангендэ.

Всем жилось нелегко. Но это не мешало бойцам КНРА от всей души заботиться о Ким Чен Сук и Ким Чен Ире.

Особенно много хлопот брали на себя партизанки. Они с удовольствием оказывали Ким Чен Сук различные услуги.

В детстве Чен Ир обожал военных, его всегда тянуло в этот мир. Оттого при каждой встрече с ним мои боевые друзья надевали ему на голову военную фуражку. А один из них, находясь на задании в тылу врага, умудрился даже сделать деревянный игрушечный пистолет в подарок Чен Иру.

В отличие от Пэктусанского тайного лагеря, на Дальнем Востоке наш дом и отряд находились рядом. В перерывах между боевой учебой или в выходные дни многие бойцы буквально врывались в наш дом и резвились с маленьким Чен Иром – кружились, подняв его на руки, учили его ходить, сажали себе на плечи, разучивали с ним песни. Иногда они вместе выходили на берег Амура, любовались там плывущими катерами и стаями перелетных птиц.

Необыкновенным было начало жизни этого человека, родившегося сыном партизана. Он рос, одетый в пахнущую пороховым дымом одежду, питался из партизанского котла и слушал команды, поднимавшие бойцов в атаку. С детства Чен Ир отличался правдивой, честной душой и настойчивостью, все эти качества, разумеется, можно так или иначе считать

врожденными, но они в то же время являются – и это самое главное – результатом того, что он рос в среде самых справедливых в мире борцов, обладавших стальным убеждением, учась у них истинной правде борьбы и жизни, без тени сомнений в душе, всегда испытал прилив сил.

Несмотря на свои детские годы, Чен Ир был не по возрасту зрелым в психологическом отношении, и это, думаю, только благодаря тому, что он рос, питаясь «партизанскими соками». Благородные чувства, эмоции, свойственные партизанам, проникали глубоко в его сознание, словно щедрые питательные вещества, а стойкий партизанский характер, подобный стоящим вечно гордым пикам гор Пэкту, стал как бы питательной средой для развития мужественного характера мальчика.

И ребята помогали Ким Чен Сук и Ким Чен Иру не хуже девушек. Многие из них часто приходили в наш дом, старались помочь молодой матери в домашних хлопотах. Место, где мы находились, называлось дальневосточной учебной базой, но и здесь, как и в Пэктусанском тайном лагере, не было ничего такого, что поднимало бы жизненный тонус. Было время, когда многие тысячи людей, туго затянув пояса, терпели нужду. Так что как ни желай оказать помощь другим, осуществить это желание фактически не было возможности.

И вот в такое-то время Рим Чхун Чху и многие другие товарищи понемногу экономили что-то из своего пайка и сэкономленное приносили Ким Чен Сук. Отправляя продукты прежде всего на фронт войны с немцами, люди в те времена жили на голодном пайке, но почти каждый день мои боевые друзья приносили Ким Чен Сук таким вот образом собранные продукты. Из них Ким Чен Сук тратила очень немногое и большую часть продуктов отдавала обратно.

Как-то Рим Чхун Чху, взвалив на плечи рацию, ушел с малым отрядом в Маньчжурию. Поддерживая радиосвязь со

штабом, он несколько месяцев проводил там политработу. Свою задачу он тогда выполнил отлично. Возвращаясь из вражеского тыла на базу, он даже привез с собой несколько десятков куриных яиц. Подумайте: оттуда до нашей учебной базы было далеко, да и какой это был путь – не мощеный, не гладкий, а ощетинившийся лесом штыков, ежеминутно грозящий смертью. Ведь даже без груза человеку нелегко было пройти такой крайне рискованный путь. Тем более, что он нес на спине радиоаппарат, а в руке держал еще и сверток с яйцами. Нетрудно представить, каких огромных усилий стоило ему тогда добраться до базы.

Увидев его, появившегося перед нами с этим свертком в руках, я был просто восхищен его отношением к Ким Чен Сук и Ким Чен Иру, его бескорыстной и чистосердечной заботой о них.

Собственно, Рим Чхун Чху и Ким Чен Сук находились в дружеских отношениях уже давно. Когда Ким Чен Сук училась в вечерней школе в Фуяньдуне (уезд Яньцзи), Рим Чхун Чху и Квак Чжи Сан там преподавали.

Многим людям, страдавшим из-за разных недугов, Рим Чхун Чху оказывал медицинскую помощь. Лечил он и членов семьи Ким Чен Сук. Был случай, когда и ей, однажды заболевшей, он помог выздороветь.

Не говоря уже о периоде ОИВ, всю свою жизнь он старался сделать что-то доброе для меня, для Ким Чен Сук и Ким Чен Ира.

А на освобожденной Родине он приложил большие усилия, чтобы разыскать ее родных и близких.

Считая своей обязанностью рассказать людям о жизни и боевых заслугах Ким Чен Сук, Ким Чхоль Чжу и Ким Ги Сона, он взялся за сбор материалов и после многолетней работы над ними выпустил в свет немало книг на эту тему.

Это был типичный интеллигент, который, борясь с оружием в руках, своими знаниями помогал нашему делу. Уже с

начального периода антияпонской вооруженной борьбы он, обладая богатыми знаниями, вел ее летопись, занимался литературным трудом. Можно сказать, что как историк Рим Чхун Чху начал свою работу, впервые записав мою беседу с руководителями партии и комсомола в Чаоянчуане уезда Яньцзи. С тех пор он стал как бы военным историком КНРА, присутствовал на всех важных совещаниях, в том числе в Наньхутоу, Наньпайцзы, на Сяохаэрбалине, и старательно записывал их содержание.

Рим Чхун Чху писал статьи и в печатные органы, имевшие связь с Коминтерном.

Не помню, в каком году журнал «Тихий океан» напечатал интервью, взятое у Рим Чхун Чху спецкорреспондентом журнала. Прочитав его, я увидел, как расхваливал Рим Чхун Чху наш отряд корреспонденту. Он говорил, что КНРА благодаря своим детальным планам операций, разработанным до боя, непревзойденной гибкой тактике, удивительной быстроте, точности и смелости вообще не знает в боях неудач и что наш отряд отличается силой духа самостоятельности, культурой и оптимизмом. В заметке спецкорреспондент упомянул и о том, что Рим Чхун Чху написал в редакцию о ратных подвигах КНРА и о героической смерти девочки – члена Детского отряда Ким Гым Сун.

Рим Чхун Чху часто говорил своим боевым друзьям: «Издание печатных органов для внутреннего пользования, конечно, важно. И составление документов и докладов Коминтерну, и обобщение материалов о боевых успехах революционной армии – тоже нужное нам дело. Но важнее всего – систематически записывать историю жизни и деятельности Командующего Кима в коммунистическом движении в Корее и в национально-освободительной борьбе в нашей стране. Хотя я не очень хорошо владею пером и интеллект мой невелик, я обя-

зательно напишу биографию товарища Ким Ир Сена. Пусть ее передают потомкам из поколения в поколение».

Среди бойцов, партизанивших вместе с нами, было много тех, кто оружием внес свою лепту в дело революции, но почти не было таких, кто с твердой верой в правоту нашего дела вел бы, притом по своей воле, летопись партизанского движения и оставил ее потомкам, как это сделал Рим Чхун Чху.

Он был умелым политическим работником, за его плечами был большой опыт партийной работы. Тем не менее, как литератора-историка мы ценим его больше, чем как политического работника, именно за то, что ему принадлежит ни с чем не сравнимая, огромная заслуга в деле изложения истории нашей революционной деятельности. На основе богатых исторических материалов он обобщил и систематизировал эту историю, богато проиллюстрировал ее фактами. Он смог изложить историю антияпонской вооруженной борьбы, основываясь на фактах, благодаря тому, что в те дни систематически вел дневник. Если бы у нас не был такого, как Рим Чхун Чху, литератора-историка, который аккуратно записывал события дней антияпонской вооруженной борьбы, то многое из истории нашей деятельности осталось неизвестным, было бы предано забвению.

В изложении настоящей истории нашей революционной деятельности он сыграл большую роль. Более того, он широко пропагандировал ее среди народа. В первые дни после освобождения страны он работал в Южнопхеньанском провинциальном комитете партии. Он много рассказывал Чо Ги Чхону[10], Чон Гван Чхору[11] и другим работникам культуры о нашей антияпонской партизанской борьбе, в частности, о бое в Почхонбо.

Из-под его пера вышло немало книг в основном о революционных традициях, в частности, целая серия воспоминаний.

Это обогатило архивный фонд нашей партии.

Он не останавливался ни перед чем, если дело касалось отстаивания и прославления революционных идей вождя, истории его революционной деятельности, революционных традиций нашей партии.

...Это было в ОИВ. Однажды Рим Чхун Чху выступал перед слушателями с политической лекцией. Темой ее стала моя статья «Задачи корейских коммунистов». Некоторые командиры из войск другой страны с сомнением качали головой: надо ли, мол, включать ее в конспект лекции? Стоит об этом подумать.

Он обратился к ним со словами: «В лице Командующего Ким Ир Сена мы давно имеем руководителя и вождя корейской нации. Я читаю лекцию, посвященному сочинению своего вождя. О чем тут еще разговаривать?» И он продолжал читать свою лекцию на заданную тему.

Он очень заботился о моем здоровье.

Случай, о котором расскажу, произошел, когда он работал парторгом полка. Однажды он поставил меня в известность, что, по его словам, на собрании рассмотрели вопрос о том, что я ни в коем случае не должен носить на спине вещевой мешок.

Я упрекнул его: «У тебя, говорю, немалый стаж революционной работы. Как же ты додумался внести такой пустяк на обсуждение целого собрания?» А в ответ услышал: «Это требование не мое, это была воля партийцев. Люди видят у Командующего за спиной ранец и указывают пальцем на нас. Это воля массы людей, и вам следует принять это всерьез».

Как руководителю он был верен и товарищу Ким Чен Иру, как это делал все раньше для меня.

Спрашивается: что сделало из него такого революционера, который так горячо любит и почитает своего вождя и руководителя, столь глубоко верен их руководству? Я бы сказал, то,

что подобно Ким Хеку, Чха Гван Су и Ким Чаку он глубоко осознал весь вред фракционных действий и на собственном жизненном опыте всеми фибрами души ощутил, как ему дорог вождь.

Ким Чен Ир с уважением относился к нему как к одному из представителей первого поколения революционеров. Любовь к нему, забота о нем были поистине беспредельны.

Одно время он работал послом в одной из зарубежных стран. Отстаивая наши принципы, он вел жаркий словесный бой с властями той страны и вернулся обратно на Родину. Фракционеры-низкопоклонники, затаившиеся в рядах нашей партии, шумели: «Ах, что же он наделал! Видано ли такое в дипломатической практике! Немедленно поставить организационный вопрос!»

Однако Ким Чен Ир держался иного мнения: «Он крепко проучил современных ревизионистов, показал, на что способна Корея». Он послал ему в подарок персики, собранные к концу сезона в саду перед моим домом. Рим Чхун Чху сам подтвердил факты о деятельности давно ушедших от нас многих революционеров, которые с первого дня борьбы шли в одном строю вместе с нами. Все эти свидетельства вошли в историческое достояние нашей партии. Более того: в бытность дипломатическим представителем за рубежом ему удалось закончить книгу «Воспоминая о периоде антияпонской вооруженной борьбы», которая вошла в сокровищницу нашего государства. В книге летопись этой борьбы подтверждена, обобщена и систематизирована как история нашей борьбы, как история борьбы и деятельности КНРА. Ким Чен Ир высоко оценил его работу, отдавая должное его неустанному труду.

Он немало помог автору, дал ему немало полезных советов. Автор восхищался человеческим обаянием Ким Чен Ира, глубоко уважал его как своего учителя и руководителя. С той

поры Рим Чхун Чху докладывал ему обо всех своих проблемах, возникающих в жизни и работе, во всем следуя его заключениям. Где бы он ни находился, он и выступал с лекциями, и писал книги о величии Ким Чен Ира.

Во второй половине 60-х годов он по-настоящему взялся за перо. То было время, когда в международном коммунистическом движении в фокусе развернувшихся дискуссий оказалась проблема продолжения дела революции, в частности, вопрос о преемнике вождя. Решение ее стало настоятельным велением времени.

Иметь верного преемника – это ключевой вопрос, от решения которого зависят судьбы революции и строительства нового общества, страны и народа. Неудачный выбор преемника губит революцию, ведет к гибели страну. Сколько было подобных примеров!

После Октябрьской революции народ Советской страны за кратчайший срок смог превратить ее в мировую державу. Основной фактор успеха в том, что Ленин удачно подобрал своего преемника. Сталин, его верный соратник и ученик, всю жизнь был предан делу своего вождя.

После смерти Ленина Сталин перед гробом покойного дал клятву из шести заповедей. Стоя у руля революции и строительства социализма, он на практике до конца держал данное слово.

И когда немецкие орды подступили к стенам Москвы, Сталин эвакуировал остальных членов Политбюро ЦК партии и других руководителей в другие места, а сам по-прежнему оставался в Кремле и не прекращал командования войсками на фронтах.

При его жизни все дела в Советском Союзе шли на лад.

Однако после прихода к власти Хрущева они пошли насмарку. С той поры в рядах КПСС поднял голову современный ревизионизм, и советские люди стали, как

говорится, идеологически хворать.

Хрущев, предав забвению дело вождя, воспитавшего его самого, стал под вывеской «разоблачения культа личности» лить грязь на Сталина, изгнал всех верных Сталину старых революционеров из состава Политбюро ЦК, даже исключил их из рядов партии.

Однажды после этого Рим Чхун Чху довелось посетить мавзолей Ленина на Красной площади в Москве. Там он случайно встретился с Молотовым, который тогда уже был снят с прежней должности. В то время Молотов, как мне известно, ему говорил: «Вам стоит обратить внимание на то, что произошло с КПСС. Вам ни в коем случае не следует идти курсом ревизионизма. Прошу вас достойно наследовать идеи и дело своего вождя». Рим Чхун Чху, как он сам говорил, дал тогда себе ясный отчет в том, что неудачное решение вопроса о преемнике губит и партию, и революцию.

Как учат горькие уроки истории, главнейшим признаком качеств преемника является верность вождю и его делу, чувство морального долга перед ним. Преданность вождю немыслима без чувства морального долга перед ним.

Верность вождю, моральный долг перед ним – первейший признак обязательных для преемника качеств.

И еще: только наделенный реальной силой, обладающий высокими деловыми качествами и искусством руководства, достоин прославить начатое вождем революционное дело согласно его идеям и планам.

В утверждении системы идей вождя и системы его руководства Ким Чен Ир проявлял незаурядное умение и революционную принципиальность. Отстаивая и претворяя в жизнь намеченные вождем линию и планы, он демонстрировал несгибаемую волю, неисчерпаемую энергию, беззаветную верность ему и сыновнюю почтительность. Восхищенный

такими его качествами, наш народ глубоко понял, что именно товарищ Ким Чен Ир является руководителем, который способен продолжать из поколения в поколение наше революционное дело и довести его до победного конца, руководствуясь идеями и планами вождя.

Наш народ с давних времен уважает и поддерживает его. В этом деле и сегодня, как и раньше, первофланговыми неизменно выступают ветераны антияпонской революции. Они видели в нем единственного преемника вождя. Они исходили из своих твердых убеждений: только он, стоя у руля партии, государства и армии, будет гарантировать светлое будущее нации и сможет достойно, без малейшего колебания продолжать из поколения в поколение и развивать наше революционное дело, начатое в горах Пэкту. То, что они провозгласили его преемником вождя, значит: армия выдвинула его лидером нации.

Рим Чхун Чху вместе с Ким Иром, Чвэ Хеном и О Чжин У был инициатором выдвижения Ким Чен Ира в качестве руководителя нашей партии и государства.

Ветераны антияпонской революции без колебаний выдвинули его моим преемником прежде всего потому, что были очарованы его человеческим обаянием.

Ким Ир часто говорил: «На свете не найдешь такого, как товарищ Ким Чен Ир, человека, который отличается беззаветной верностью вождю и сыновней почтительностью».

Рим Чхун Чху – «Нет другого такого человека, как товарищ Ким Чен Ир, который столь глубоко уважает старое поколение революционеров и выступает решительным защитником революционных традиций. Нигде не найдется такого величайшего мыслителя, такого большого мастера руководства, как товарищ Ким Чен Ир». О Чжин У – «Не увидишь другого такого полководца, как товарищ Ким Чен Ир, который обладает беспримерной дерзостью, мужеством, выдающимся стра-

тегическим талантом». Чвэ Хен и Ли Чжон Сан – «Нет равных товарищу Ким Чен Иру, наделенному высочайшей человечностью».

Другим человеком, который тоже немало помогал мне, Ким Чен Сук и Ким Чен Иру, был Ли Ыль Сор. В этом плане у него за плечами – долгая и богатая история.

После освобождения страны он был моим адъютантом. Вспоминаю, как он, рано утром проснувшись, обходит охрану, как он на кухне моего дома сидит за завтраком вместе с маленьким Чен Ирoм. Они так дружили.

Когда я выезжал на места руководить делами, Ли Ыль Сор обязательно сажал рядом с собой Чен Ира. Он всегда хорошо понимал его и заботливо ухаживал за ним.

И сейчас я не забываю, как во время войны мы встретились с Чен Ирoм в Синичжу. После долгой разлуки сын вернулся ко мне из эвакуации. Со мной туда поехал и Ли Ыль Сор, который стал к тому времени главным адъютантом. И сейчас в моих ушах звучит просьба сына к Ли Ыль Сору: «Прошу вас заботиться о Полководце так, как это делала мама».

Почему и теперь Ким Чен Ир так доверяет Ли Ыль Сору и благодарен ему? Потому что Ли Ыль Сор как мой главный адъютант тепло заботился о нем после того, как умерла мать.

Чен Ир лишился матери в том самом возрасте, когда материнская ласка ему была нужна, как воздух. Как гласит поговорка, «пришла беда, отворяй ворота». Нам пришлось перенести войну. И они с младшей сестренкой были вынуждены какое-то время жить вдали от меня. Отгремела канонада войны. Но я должен был исколесить всю страну – надо было поднимать из руин экономику. И я просто не мог постоянно заботиться о них. В то самое время, когда Чен Ир, тоскуя по покойной матери, в грусти проводил свои детские годы, именно мои боевые друзья, такие, как Ли Ыль Сор, заменили ему родителей и других

родственников, окружив его родительской заботой и вниманием.

О том, как Ли Ыль Сор любил юного Чен Ира и заботился о нем, говорит такой пример.

Летом 1953 года, я посетил Советский Союз во главе партийно-правительственной делегации КНДР. В связи с завершением программы визита советская сторона перед нашим отъездом устроила прощальный прием. На банкетном столе, помню, были арбузы своеобразного вкуса.

После приема возвращаюсь я в дом для гостей и вижу – Ли Ыль Сор что-то упаковывает в картонную коробку. Увидев меня, он растерялся. Я спрашиваю, что у него за коробка. После некоторого колебания он, наконец, говорит: «Я подумал о Чен Ире и его сестренке. Вот достал одну штуку». Заглянул я в коробку, а там – огромный арбуз! Величиной с кувшин для воды!

Как же обрадовался дома Чен Ир этому арбузу! «Как хорошо будет, – говорил он, – когда такие арбузы будут есть наши люди! Они пережили многое на войне. Давайте соберем семена и будем выращивать такие арбузы!»

Вместе с Ли Ыль Сором они тогда собрали семечки от того арбуза. И уже со следующего года в саду моего дома появилась бахча. Так и пошло от того арбуза – другой арбуз, и арбузы у нас стали выращивать во многих местах.

Ли Ыль Сор в раннем возрасте лишился родительской теплоты и заботы и всю жизнь живет рядом со мной. Вот уже несколько десятков лет он служит моим охранником. Он воевал с империалистами, боролся с великодержавными шовинистами, реакционерами и фракционерами и, как человек бывалый, повидал всякое. В пекле жизни научился всегда бесстрашно стоять на своем.

Сразу после Хабаровского совещания я послал Пак Ен Суна и Ли Ыль Сора в Ворошилов на курсы радистов, сказав им,

чтобы после обучения возвращались прямо в наш отряд.

Когда мы с небольшим отрядом действовали на Северо-Востоке от гор Пэкту и в Корее, Ли Ыль Сор, окончив курсы, собирался в дорогу – обратно в отряд. При подведении итогов радиоподготовки его мастерство высоко оценили.

И вот в тот же день к нему подходит высокопоставленный советский командир и говорит: «Собирайтесь в дорогу – в Корею. Было распоряжение Коминтерна». Слова «в Корею» повергли его в растерянность. Советский военный работник убеждает его: «Знаете почему? Мы думаем, что вы – надежный человек. Сончжин – ваш родной край. Кстати, это стратегически важный пункт с нашей точки зрения. Будете находиться там и по рации докладывать нам о действиях противника».

Ли Ыль Сору, конечно, хотелось работать в родных местах, но он отказался: «Товарищ Командующий приказал мне после обучения вернуться в отряд и работать инструктором по радиосвязи. Вы должны понять меня».

На следующий день тот же советский командир продолжал уговаривать его: «Разрешение от товарища Ким Ир Сена мы получим потом. А сейчас вам надо быть в Корее». Он, по-видимому, хотел заставить Ли Ыль Сора принять свои требования, используя авторитет Коминтерна.

Но Ли Ыль Сор категорически заявил: «Я никуда не пойду, пока не выполню приказ Командующего. Такой я человек. Вы, наверное, не знаете, сколько пролили мы крови, – ведь раньше у нас не было связистов, владевших радиотехникой. И для того, чтобы такое больше не повторилось, я должен скорее вернуться в отряд, как приказал товарищ Командующий».

Должен сказать, что то было время, когда мы базировались на Дальнем Востоке временно, и там пока еще не были созданы Объединенные интернациональные войска. Не было и единой системы командования. Стало быть, КНРА и ОСВАА

действовали самостоятельно, согласно своей собственной системе командования, по установленному ими самими порядку.

И вот советский военный работник без предварительного обсуждения с нами, ссылаясь на Коминтерн, хотел по своему усмотрению направить Ли ЫЛь Сора, которому было положено возвратиться в свой отряд после окончания радиокурсов, на другое дело. Видно, он хватил через край.

Ли ЫЛь Сор решил: пока не выполнит приказ Командующего, не станет выполнять никаких других заданий. Это было выражением его абсолютной преданности мне.

Всю жизнь – еще со службы в детской роте и по сей день – он посвятил делу моей охраны. Однако ни разу не случилось так, чтобы он действовал вопреки моей воле или пренебрег выполнением порученного задания. Все его помыслы были обращены всегда к своему вождю, он делал все для обеспечения его здоровья и безопасности.

Однажды – было это в 1939 году – я удил рыбу на реке Оэрцзицзян. Охранял меня партизан, поставив рядом с собой пулемет. Это был именно боец комендантского подразделения Ли ЫЛь Сор.

И после освобождения страны он надежно охранял меня.

Во время войны возле Ставки Верховного Главнокомандования паслось немало контрреволюционеров. Совершенно секретные материалы, прямо связанные с судьбой Родины, через Пак Хон Ена и Ли Сын Оба утекали в руки американцев.

Летом 1952 года Ли Сын Об приказал своим подручным наладить радиосвязь с противником, чтобы десятки американских воздушных стервятников набросились на ущелье у села Кончжи, где была расположена Ставка Верховного Главнокомандования. Американские бомбардировщики буквально перевернули все вверх дном вокруг Ставки.

Они улетели, сбросив мощную бомбу замедленного действия близ помещения Ставки. От домика, в котором я находился, до зарывшейся в землю бомбы было рукой подать.

Тогда Ли Ыль Сор, созвав чрезвычайное собрание адъютантов и охранников, призвал их к решительным действиям. Он сам, отдав партбилет на хранение, со своими товарищами перенес на палках бомбу в ущелье.

После этого события он выловил всех диверсантов и других реакционеров, прятавшихся возле Ставки.

Он отлично вел и борьбу с антипартийными элементами и контрреволюционными фракционерами.

Это было в 1956 году. Я вернулся на Родину после визита в Советский Союз и другие социалистические страны Европы. Однажды Ли Ыль Сор, работавший тогда главным адъютантом, говорил мне: «Есть подозрение, что сейчас Чвэ Чхан Ик и Пак Чхан Ок занимаются за глаза темными делишками. Надо быть начеку», – и вывел их на чистую воду, разоблачив все их замыслы. Об их подозрительной подоплеке затем сказал по телефону мне Нам Ир.

Ли Ыль Сор не давал спуску и Ким Чхан Бону, этому бюрократу от военщины.

Он беззаветно верен Ким Чен Иру, как всю свою жизнь был предан мне...

После возвращения в Южный лагерь он вместе с Пак Ен Суном подготовил большое число радистов.

Не раз он отправлялся с небольшим отрядом на операции в важнейших районах будущих боевых действий, где ожидались последние, решительные бои за освобождение Родины, а также в стратегически важных пунктах, где были сосредоточены основные силы японской армии.

Однажды он в качестве радиста был зачислен в состав небольшого отряда, задачей которого было вести разведку в

районе Лаохэйшаня уезда Ванцин.

Мы к тому времени имели информацию, что противник, построив в том месте большой аэродром, размещает на нем сотни самолетов, сотни артиллерийских орудий, автомашин. Но мы не могли проверить достоверность полученных сведений. Это создало немало трудностей в подготовке к боевым операциям. И советские люди просто не находили себе места, не зная, как подтвердить достоверность информации. В результате на Лаохэйшань был направлен небольшой отряд бойцов. Им удалось даже проникнуть на аэродром. И они увидели, что все эти новые «боевые» самолеты, машины и орудия вокруг них были простыми макетами – все они были сделаны из фанеры. Ли Ыль Сор сразу же после разведки доложил мне по рации о результатах, полученных отрядом.

Сейчас многие люди говорят, что мы успешно решили вопрос преемственности руководства. Хотелось бы сказать, что при этом большую роль сыграли ветераны антияпонской революции. Они приносили юному Чен Иру и одежду и пищу, образно говоря, помогали ему делать каждый шаг. С той поры у него зарождались ростки доверия и уважения к ним, а у них – чувство доверия и любви к нему. На его идейно-духовный рост и чувственно-эмоциональное развитие самое активное, мощное воздействие оказали именно они, ветераны антияпонской революции.

Вера в неизбежность победы, стальная воля, революционный оптимизм – все эти его качества, можно сказать, щедро вырабатывались и становились еще тверже в результате тесного общения с ветеранами революции, борцами против японских империалистов.

Они же, в свою очередь, общаясь с Ким Чен Иром, учились у него беззаветной верности вождю, чувству морального долга перед ним, любви к народу, духу самоотверженного служения

интересам народа, незыблемым убеждениям и непреклонной воле продолжать из поколения в поколение и довести до конца революционное дело, начатое предшественниками, руководствуясь идеями и планами вождя. Каждый из них был твердо уверен в том, что именно Ким Чен Ир представляет собой такого руководителя, который способен со всей ответственностью уверенно проложить путь к решению судьбы Родины и нации.

Ким Чен Ира называют сыном горы Пэкту. Смысл здесь в том, что он рожден антияпонской революцией, он сын нашей нации. Ким Чен Ир – сын Кореи. Окруженный заботой ветеранов антияпонской революции, он сделал первые шаги на своем жизненном пути при их поддержке. При их поддержке он стал и путеводной звездой нашей революции.

Они стали инициаторами не только выдвижения Ким Чен Ира продолжателем нашего дела, но и утверждения системы его руководства. Иметь преемника еще не значит, что все дела пойдут сами собой.

Поэтому и теперь я всегда обращаюсь к ним: живем дольше, чтобы хорошенько помогать Ким Чен Иру.

Еще одно важнейшее условие продолжения и окончательного завершения дела вождя – это подготовка ядра, резерва, которые своей верностью поддерживали бы руководящую роль преемника. Без крепкого ядра, без надежного резерва не жди стройной системы его руководства, претворения в жизнь намеченных им линии и курса.

После освобождения страны мы развивали революцию, опираясь в качестве ядра на тех, кто сражался в горах Пэкту. Сейчас мы имеем ведущий отряд численностью в сотни тысяч, миллионы партийцев, военнослужащих и молодых людей. Если есть руководитель, есть ядро, – нечего бояться. Будущее корейской революции, ведомой Ким Чен Иром, светло и ясно,

как синее небо над нашей головой.

Ущелье, где стоит родной дом Ким Чен Ира, называется ущельем Собэксу. Там – изумительная панорама. Такое сказочное зрелище может быть только в высокогорной местности Кореи. Этот тайный лагерь мы обнаружили в 80-е годы.

До этого в ущелье Собэксу стоял девственный лес, куда почти не ступает нога человека.

И тем, кто не сведущ в военном деле, эти места кажутся неприступной крепостью, окруженной рвом и водой. Для Ставки Командования КНРА это было самое подходящее место.

Пик Чен Ира раньше называли пиком Чансу (Богатырский – ред.). Новое название дано для того, чтобы во веки веков прославлять свершения Ким Чен Ира. Сейчас наш народ поет песню о пике Чен Ира, исполненный гордости за него перед миром.

Лавровый венок руководителя нации Ким Чен Иру принесла гора Пэкту. Ветераны революции, сражавшиеся в ее лесах, сделали его имя путеводной звездой. Красота его души – из величавости горы Пэкту.

Эстафета нашей революции – в надежных руках, ибо во главе нашей нации стоит Ким Чен Ир, родившийся и выросший в горниле антияпонской революции. Он – народный руководитель, пользующийся всеобщей поддержкой и любовью.

Дело Ким Чен Ира, сына партизана, который при абсолютной поддержке и доверии армии и народа стал преемником вождя и руководителем нашей нации, – восторжествует!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Рост общенационального сопротивления Японии

Приближая день освобождения ...304

Пламя общенародного сопротивления – над всей страной ...329

Первопроходцы в военных операциях против Японии ...352

Дух нации ...374

За сплочение антияпонских патриотических сил ...396

За Корейским проливом ...417

День последнего и решительного боя ...438

Триумфальное возвращение ...465

Август 31 года чучхе (1942) — август 34 года чучхе (1945)

1. Приближая день освобождения

После освобождения Кореи многие ветераны революции, участники антияпонской борьбы, заполняя графу «образование» в личном листке по учету кадров, писали: «88-е военное училище» или «88-е полевое училище». В то время кадровики не скрывали удивления по поводу того, что все эти люди, прошедшие путь суровой партизанской борьбы, окончили военное училище. Что это за «88-е военное училище», которым гордились при заполнении анкеты представители первого поколения нашей революции?

Узнать об этом кадровикам впоследствии помогли рассказы товарища Ким Ир Сена о военно-политической подготовке в Объединенных интернациональных войсках.

После формирования ОИВ мы, с одной стороны, активно вели боевые операции небольших отрядов и разведку, а с другой – в широком масштабе организовали военно-политическую и боевую подготовку.

В те дни у нас учебные материалы по своему содержанию были шире и глубже, чем учебный курс в регулярных военных учебных заведениях, были более многогранными. Натренированность бойцов тоже была в несколько раз выше, чем в них.

Сама программа обучения была нацелена на подготовку командного состава, ее по праву можно было сравнить с программой военного училища, которую они, говорят, окончили. Надо полагать, именно поэтому ветераны антияпонской революции, имея в виду службу в ОИВ, заполняя строчку «образование» в личном листке по учету кадров писали: «88-е военное училище» или «88-е полевое училище».

Конечно, такого официального названия не существовало, как не было и соответствующего документа наподобие диплома. Но после курса обучения, длившегося несколько лет, все бойцы думали: «Мы окончили военно-политическую академию современного уровня».

В те дни мои товарищи учились многому – и военной теории,

и тактике, и методам ведения боя современными регулярными войсками.

Обучение в ОИВ не было только военным. Это был комплексный, военно-политический учебный курс, подготовка как к боевым операциям по освобождению Родины, так и к партийному, государственному и военному строительству на земле свободной Родины в будущем.

И мы придавали важнейшее значение двум аспектам обучения: политическому и военному. Так, изучали и политэкономию, и философию, и теорию партийного строительства, знакомились с пособиями по управлению экономикой.

Однако, признаться, с самого начала не все шло гладко, как по маслу.

На рубеже 1942 и 1943 годов ситуация в ходе второй мировой войны начала складываться в пользу антифашистских сил. Крупная победа советских войск в Сталинграде сбила спесь с фашистской Германии, изменила ход событий не только на советско-германском фронте, но и во второй мировой войне в целом.

Все ближе и ближе был долгожданный день освобождения Родины, и у меня накопились кучи разных дел. Одной из проблем, над которыми я больше всего ломал голову в то время, был вопрос: как строить новое государство на земле будущей свободной Родины?

Нам предстояло создать партию и государство, вооруженные силы, построить экономику, развивать культуру. Самой большой трудностью становилась нехватка кадров – командного состава революции, ее ведущих сил.

И мы тогда задались целью – воспитать из тех, кто прошел школу закалки и был проверен в суровой вооруженной борьбе против японских империалистов, специалистов, как говорится, на все руки, которые сумели бы справиться с задачами во всех

сферах – не только в военном деле, но и в партийной работе, в управлении государством, в экономике, просвещении и культуре и так далее. Я решил добиться всего этого, используя практику политической и боевой подготовки в ОИВ. Однако в учебных программах первых дней удельный вес политической подготовки был меньше, чем боевой.

Я считал, что это неправильно, и сказал об этом на встрече с генералом армии И. Р. Апанасенко. А он говорит: «Первоочередная задача ОИВ – воспитать национальные революционные военные кадры для Кореи и Северо-Востока Китая. Надо форсировать боевую подготовку личного состава, освоить стратегию и тактику современной войны, в совершенстве овладеть боевой техникой и оружием. Надо сделать так, чтобы они могли воевать во взаимодействии с Красной Армией, когда создастся новая ситуация в Корее и Маньчжурии».

Я настаивал: «Делать упор только на одну боевую подготовку и воспитание военных кадров нельзя. После освобождения Кореи нам надо будет строить обновленную Родину. А для этого нужно подготовить кадры для всех сфер – нашу будущую опору в строительстве суверенного, независимого государства. Это требует повысить в учебной программе удельный вес политзанятий. Но это не значит, что следует урезать время боевой подготовки на политучебу. Боевую подготовку надо вести по намеченному плану, но столько же времени отводить и на политзанятия».

В итоге И. Р. Апанасенко одобрил мое предложение, говоря, что оно конструктивное.

После этого в программе военно-политической подготовки ОИВ заметно возрос удельный вес политзанятий.

С началом военно-политической подготовки личного состава мы интенсивно вели работу в идейно-воспитательном плане. Партийные группы и комсомольские организации проводили

собрания. Печатные и стенные газеты знакомили читателей с решимостью бойцов, этой же теме были посвящены и передачи нашего внутреннего радио.

В каждом отдельном отряде лекторами и преподавателями политических дисциплин назначили опытных в военно-политическом отношении командиров.

После формирования ОИВ командование советских войск на Дальнем Востоке организовало для этих преподавателей краткосрочные семинары.

Однако их реакция на это была отнюдь не восторженной. Звучали недовольные голоса – дескать, лектор читает на ломаном китайском языке, да так неграмотно, что не поймешь, о чем идет речь. Позже с учетом этих настроений слушателей к каждому советскому лектору приставили переводчика, который переводил лекцию на китайский язык. Но и этот метод оказался неудобен для наших товарищей – ведь половина времени, отведенного на лекцию, уходила теперь на перевод, что снижало ее эффективность. И нам пришлось организовать перевод учебных пособий с русского языка на корейский. План лекций тоже составили заново, с учетом наших условий, а затем разослали его преподавателям политзанятий.

В самом начале в ходе политических занятий бойцов учили философии, политэкономии и другим предметам общего теоретического характера, а также истории ВКП (б), истории и географии СССР и Китая. Были и пособия к «Манифесту Коммунистической партии», «Вопросам ленинизма» и так далее. Все это, конечно, помогало нашим бойцам в расширении их политического кругозора.

Однако, не могло быть и речи о том, чтобы знакомить бойцов КНРА только с историей СССР и Китая и не учить их при этом истории Кореи и Программе ЛВР из десяти пунктов.

Мы организовали занятия в соответствии с нашими услови-

ями: включили в учебные пособия Программу ЛВР из десяти пунктов и ее Учредительную декларацию, «Задачи корейских коммунистов» и некоторые другие работы, которые раньше были определены как обязательные для чтения, стали обучать бойцов истории и географии Кореи.

Преподавателям, руководившим политзанятиями, немало пришлось тогда потрудиться над составлением конспектов лекций. Их труд всегда был напряженнее, чем у других бойцов, – ведь они, не пропуская боевую подготовку, составляли конспекты лекций, выступали с этими лекциями перед слушателями.

Надо сказать, что наши преподаватели работали неплохо. Лекции, как правило, были увлекательными. Ведь за плечами лекторов был богатый боевой опыт.

Не раз слушал я, например, лекции Ан Гира. Ничего не скажешь – они были очень интересными. Опытный политработник Ан Гир читал лекции по политическим дисциплинам в оригинальной манере – с юмором и аллегорическими примерами, и слушатели легко и с интересом познавали истины революции. В ходе лекции он порой читал стихи и даже пел песню, если это было к месту. Иногда лектор цитировал ленинские положения, – для чего порой целые страницы выучивал наизусть.

В его лекциях точно отражались присущие Ан Гиру качества. Так, когда на походе бойцы выбивались из сил и еле-еле переставляли ноги, он тут же дает команду «Привал!» В минуту отдыха сам играет на барабане, губной гармошке, увлекает бойцов в танцы и песни.

Отменно читал лекции и Рим Чхун Чху. А главное – он лучше помогал каждому слушателю в учебе в индивидуальном порядке. Он устраивал семинары или дискуссии, на них досконально определял, какова степень подготовленности у

каждого слушателя, как он понимает прочитанное. Затем, если необходимо, он организовывал индивидуальные внеурочные занятия. Если же и после этого кто-то из слушателей не все понимал, то после отбоя он, бывало, ляжет рядышком с ним в постель и растолковывает ему непонятное. Так он «кочевал», помогая бойцам, от одного к другому.

Ким Ген Сок тоже был популярным среди бойцов лектором. Он не был красноречивым оратором, зато тщательно готовился к лекциям и умел расположить к себе слушателей. Он проводил ночи напролет за подготовкой конспекта для лекций. Когда конспект был готов, не забывал показать его мне и выслушать мои замечания. Человеком был очень серьезным и упорным. Весь конспект от начала до конца писал без каких-либо сокращений или упрощений.

Привыкший так работать в те дни Ким Ген Сок и после освобождения страны каждую свою речь перед массами заранее писал собственноручно. И тексты его докладов не были исключением.

Усердие преподавателей положительно сказывалось на успеваемости личного состава.

Добрым словом отзывались слушатели и о лекциях Ан Ена, Чон Чхан Чхора и Ли Бон Су.

Отличным лектором был и Лю Ялоу – выпускник Военной академии имени М. В. Фрунзе. Помнится, с каким блеском он читал лекцию о новых боевых машинах советской реактивной артиллерии «Катюшах».

Я тоже часто выступал перед слушателями с лекциями на политические темы.

При подведении итогов военно-политической подготовки бойцы корейского отдельного отряда всегда получали в части самую высокую оценку.

Фэн Чжунюнь, работник политотдела части, не скрывал

восхищения успеваемостью личного состава корейского отдельного отряда. Он даже как-то спросил меня: «Скажите, пожалуйста, в чем секрет высокой успеваемости корейских товарищей?» «Какие тут секреты? – пошутил я. – Обвяжи голову полотенцем, умойся ледяной водой и занимайся усердно. Вот и будет результат». «Да, пожалуй, некому тягаться с корейцами по части упорства», – махнул рукой Фэн.

В то время наши товарищи и, правда, отличались настойчивостью. То, что бойцы корейского отдельного отряда всегда показывали в части пример в военно-политической подготовке, объяснялось их глубоким чувством ответственности за дело революции.

Однако среди бойцов отряда были и такие, кто считал учебу ненужной головоломкой, подобно тому, как Пак Чхан Сун поступал в дни военно-политической подготовки в Матангоу. В качестве примера можно взять Пак Рак Гвона.

Раньше он был в Молодежной добровольческой армии Восточной Маньчжурии. Потом мы перевели его в 5-й корпус, когда оставили лучших наших бойцов и командиров в Северной Маньчжурии по просьбе тамошних товарищей. Там он был у Чжоу Баочжуна командиром комендантского отряда.

Был он, что и говорить, храбрым бойцом – шел в огонь и в воду. Был находчивым и лихим боевым командиром.

Однажды в дни службы в Ванцинском партизанском отряде его ранило пулей в живот в неожиданном встречном бою с японскими карателями. Тяжело раненный, придерживая рукой вываливающиеся кишки, он все-таки дополз до партизанского края.

В свою бытность командиром комендантского отряда североманьчжурской части он отменно справлялся со своими обязанностями, и его очень любил Чжоу Баочжун. И самого Чжоу, насколько мне известно, Пак Рак Гвон не раз выручал в

кризисной ситуации.

В чем был его талант? В том, что он, как бог, обращался с оружием. Дай ему любое – он возьмет его в руки, повозится минуту-другую – и вот уже свободно разбирает и собирает его даже с закрытыми глазами. В обращении с оружием он действительно был волшебником.

Но ему никак не сиделось на занятиях по военной теории. Советуешь ему овладевать теорией, а он корчит гримасы, словно проглотил горькую пилюлю. На теоретических занятиях садился в самом дальнем углу, боясь даже встретиться с лекторским взглядом.

Я ему говорю: «Сейчас ты, дружище, командуешь взводом, а в крупной современной войне в будущем тебе, может, поручат командовать полком или дивизией. А ты, я вижу, лентяй в освоении современных военных знаний. Где же тебе командовать полком или дивизией? Если опираться только на твой личный опыт командования, можно потерять жизни многих бойцов. Разве это допустимо?»

После такого разговора Пак, твердо решившись учиться, с головой ушел в освоение теории. Однажды я увидел его на берегу Амура, где он целый день штудировал теорию тактики пехоты. Он весь был в поту, словно больной лихорадкой.

После освобождения Кореи мы направили его на Северо-Восток Китая. Там он со своим полком участвовал в бою за освобождение Чанчуня. В крупном уличном бою в Чанчуне он прекрасно командовал полком, одерживая победу в бою. Это стало возможно, думаю, благодаря тому, что на дальневосточной базе он, как говорится, стиснув зубы, овладевал тактическими знаниями. В атаку на вражеские позиции он шел в первых рядах, и сраженный осколками мины погиб. Пал смертью храбрых, как подобает настоящему командиру. Его имя – навсегда в истории как имя героя,

живущее в памяти народов Кореи и Китая.

«Учеба – тоже бой!» – эта истина была усвоена нами на практике. Революционер не имеет права ни на минуту прекращать учебу до последних дней своей жизни. Не будешь учиться – и твои идеи заржавеют, ты не увидишь перспективу.

Вот почему Ким Чен Ир часто подчеркивает необходимость неустанно учиться, считая учебу первым делом в воспитании человека революционером.

Для воспитания бойцов и расширения их политического кругозора мы использовали имевшееся в части культурно-просветительное учреждение и различные агитационно-пропагандистские средства.

На учебной базе был клуб с кинопроектором, библиотекой и радиостудией. Здесь проводились собрания личного состава и кинопросмотры.

В радиопередачах студии рассказывалось об отдельных воинах, взводах, ротах и батальонах, достойных быть примером в занятиях, в военно-политической подготовке, в повседневной службе и жизни. Было много информаций о международных делах. О положении на фронтах советско-германской войны по нашему радио сообщали каждый день.

В ОИВ издавали и газету. В каждом отдельном отряде, в каждой роте была своя стенная газета, а во взводах – своя «молния». В них большей частью речь шла об идейно-моральном воспитании личного состава, о подготовке к военно-политическим занятиям и их итогах.

День Красной Армии и Флота, праздник Октябрьской революции, Первомай и другие юбилейные даты мы также использовали для революционного, классового воспитания бойцов. Бойцам рассказывали о Героях Советского Союза, мужественно сражавшихся в войне с фашистской Германией. Это оказывало положительное влияние на воинов. Торжественно проводились

и траурные митинги в память павших соратников по революции, что содействовало воспитанию личного состава в революционном духе.

Когда умер Рю Ен Чхан, мы провели на учебной базе траурный митинг. Вовлекла Рю Ен Чхана в революционную организацию и воспитала Ким Чен Сук, когда работала в подполье в Таоцюаньли. Затем он вступил в партизанский отряд, где сражался храбро. Однажды он перевозил по Амуру песок для строительства казармы. И тут произошла беда: судно перевернулось и боец утонул.

Мы провели в то время и траурные митинги в память командующих фронтами И. Р. Апанасенко, Н. Ф. Ватутина и И. Д. Черняховского.

На каждом таком митинге военный оркестр исполнял траурные мелодии. Часть наша имела свой оркестр.

В ОИВ читали и массовые публичные лекции. Часто устраивались встречи с участниками боев с фашистской Германией.

На дальневосточной учебной базе мы интенсивно вели также военно-теоретические занятия и практические боевые тренировки. Проводили различные учения и маневры, необходимые для подготовки к современной войне: по тактике, стрельбе, плаванию, лыжной и парашютной подготовке, радиосвязи и так далее.

С учетом требований современной войны главный упор на учениях делался на тактические занятия, отрабатывались элементы атаки и обороны. Вместе с тем проводились повседневные занятия по материальной части, по топографии, военно-инженерному делу, бойцы получали знания по санитарному делу, противохимической защите.

На учениях по ведению партизанского боя мы главный упор делали на налеты и бои из засады. Все наши бойцы имели богатый боевой опыт и с большим удовольствием включались в

эти занятия.

Во время боевой подготовки мы разбивали палатки в безбрежной степи. И поныне в памяти моей свежа та степь.

Я намечал направления учения, а командиры рот и взводов составляли программу подготовки и выполняли ее. Исходя из опыта антияпонской войны и опыта советско-германской войны, мы придерживались принципа: вести учения по-нашему, в соответствии с рельефно-географическими условиями Кореи и физическими данными бойца-корейца.

Что касается тактической подготовки, то сначала в соответствии с учебной программой проводились занятия по одной теме, затем оценивали качество подготовки по практическим действиям.

Тактические занятия комсостава я проводил сам. Целью тактической подготовки было добиться, чтобы каждый воин мог выполнять обязанности на несколько порядков выше своих – то есть чтобы комроты умел отлично командовать батальоном или полком, командир взвода – ротой или батальоном, рядовой боец – взводом или ротой.

Тактические учения велись в рамках взвода или роты. Так, тому, кто был назначен командиром, давал я вводную об условной обстановке и задания. Оценив обстановку, он в соответствии с принятым решением организовал «бой» и отдавал боевой приказ.

... Это было, когда занятия по тактической подготовке только начались. Я пошел в роту, чтобы проверить, как идут занятия. В тот день обязанности командира взвода выполнял Сон Чжон Чжун.

Он довольно уверенно командовал взводом. Я дал ему новую вводную: впереди подразделения – различные заграждения, на высоте – усиленная рота «противника». И Сон попытался предпринять лобовую атаку, развернув бойцов в цепь. Я помог

ему пораскинуть мозгами и применить обходной маневр, после чего только начать атаку.

Не случайно Сон пытался применить в атаке такую тактику, не соответствовавшую боевой обстановке. Дело было в том, что он механически применил на занятиях положения боевого устава пехоты того времени, где предлагалось вслед за механизированными войсками развернуть боевой строй к атаке цепью. Подобный маневр не отвечал условиям Кореи, где много гор и ущелий.

Мы посоветовали всесторонне пересмотреть программу тактических учений и применить на занятиях новую, составленную с учетом накопленного нами опыта партизанской борьбы, на основе принципа развития его в соответствии с условиями своей страны. Я поручил О Чжин У составить примерный план учений по действиям пехотного взвода в атаке. Он был тогда в сержантском составе, но сумел прекрасно разработать примерный план занятий при моей помощи. По этой программе были проведены показательные занятия в масштабах всего отдельного отряда. Отзывы о них были очень хорошие. О Чжин У после этого разработал и план учебных маневров всего отдельного отряда.

На занятиях по огневой подготовке в основном велась стрельба по неподвижным целям с разных расстояний, а также по подвижным и появляющимся целям. Полигон был расположен километрах в 8 – 12 от нашего расположения.

По результатам стрельбы корейский отдельный отряд занял первое место в ОИВ. Метким стрелком был Ли Ду Ик.

Мы отобрали самых метких стрелков и организовали для них снайперскую подготовку наряду с топографической. Сначала тренировались в стрельбе по постоянным целям. Снайперы стреляли на тренировках столько, что после возвращения в казарму говорили: «В ушах до сих пор гудит». После таких

тренировок каждому из снайперов вручали карту с нанесенным на нее маршрутом похода и компас и давали задание – добраться до определенного места, убить огнем из винтовки несколько птиц и возвратиться с добычей в строго обозначенное, с точностью до минуты, время. Да, это было нелегкое задание.

Для того, чтобы проследовать по указанному маршруту, кое-где изменяя направление под определенным углом, требовался целый день, и к тому же нужно было и застрелить птиц. Цель задания состояла в том, чтобы бойцы не только совершенствовали искусство стрельбы, но вместе с тем умели ориентироваться на местности по карте.

На учебной базе Дальнего Востока мы широко занимались также лыжной подготовкой и плавательной. И то, и другое были необходимы в случае наступления великого события – освобождения Родины. Такая подготовка нужна была, чтобы вести партизанские бои в горах, базируясь на Ранримском и Хамгенском горных хребтах, а также переправиться через реки Амнок и Туман для операций по освобождению Родины.

Тренировки по плаванию велись летом на Амуре. Корея – страна морская, и мы придавали им особое значение. Ведь большинство бойцов нашего отдельного отряда выросли, даже не увидев моря. Умеющих плавать были единицы. И, естественно, большинство из них опасалось речных переправ.

В то время говорили, что плавательная подготовка – самая трудная после парашютной.

Сначала учили бойцов плавательным движениям руками и ногами на земле, затем в реке. Умеющие плавать, – а их было несколько, – показывали, какие движения надо делать. Бойцам, так или иначе попробовавшим «вкус воды», предлагали переправиться через реку, держась за веревку, перекинутую от берега до берега.

Однако, сколько ни тренируйся – у некоторых товарищей,

таких, как Фэн Чжунюунь, ничего не получалось. Войдут в воду – и камнем ко дну. В воде Фэн даже как-то потерял очки.

Ким Ген Сок однажды тоже чуть не утонул, учась плавать в одиночку. По его словам, он, оказавшись под водой, по дну на четвереньках выполз на берег.

Лучше других плавала Чон Сун Хи, которая раньше жила в поселке у реки. В детстве она не умела плавать, и через реку ее переправляли взрослые, взяв себе на спину. С годами девочка стала стыдиться этого и сама научилась плавать. У нее за плечами был опыт работы сестрой милосердия в 7-м корпусе, и потому на учебной базе она служила санитаркой в медпункте части. Многие учились у нее плаванию.

После выработки навыков в плавании сразу начались тренировки по форсированию водной преграды. Их можно было считать своего рода комплексным занятием. Так, бойцы в полном снаряжении совершают форсированный марш протяженностью примерно в 25 километров, затем повзводно со снаряжением переправляются через реку, каждый на индивидуальном плоту.

При оценке занятия, если оказывался хоть один отставший, подразделению снижали балл. Взвод Чвэ Гвана был известен успехами в тренировке по форсированию реки, но в итоге всегда уступал первое место другим взводам. А отстающим оказался Кон Чжон Су.

Этот боец раньше был батраком, затем пошел в партизаны. Как человек, он обладал незаурядными личными качествами, но по натуре был увальнем, и трудно было обнаружить у него признаки воинской выправки. Бывало, у него за зиму сгорало несколько шапок. Прогорят у него брюки у костра – он и в ус не дует. Таким был спокойным и равнодушным человеком.

Кон Чжон Су, насколько я знаю, служа в 5-м корпусе, состоял во взводе Чвэ Гвана. Был случай, когда Чвэ Гван, вконец

огорченный этим равнодушным лентяем, просто выгнал его из отряда со словами: «Уходи, откуда пришел!» Но тот продолжал, прихрамывая, следовать за отрядом.

Чвэ Гван, как он сам потом признавался, был этим тронут и решил: «Да, этот товарищ никогда не изменит делу революции».

Я сказал тогда Чвэ Гвану: «Видишь, какой это хороший товарищ! Прогнали его, но он не ушел. Горит желанием участвовать в революции. Конечно, тебе с ним будет трудновато. Давай поможем ему по возможности». Чвэ Гван, запомнив мой совет, стал обучать его в индивидуальном порядке. В прыжках в воду с 7-метрового трамплина его тоже тренировали отдельно.

Помню, я тоже наблюдал за этой тренировкой, стоя поодаль. Боец прыгал в воду не вертикально, а плашмя – и ужасно при этом кричал: «Ой-ой! У меня лопнет живот!» Но тренировку все-таки не прекращал. Да, он был человеком особого покроя. После освобождения Кореи он служил у нас адъютантом, потом офицером в охране Чвэ Ён Гона, командовал батальоном.

Помню, как мы катались на лодке по Амуру. Это была одноместная лодка, называли ее «Амурочкой». Прекрасно умели ею пользоваться нанайцы. Наши бойцы соревновались в поездках на ней в Хабаровск. Веслом надо было при этом грести только одним. Не могу забыть Амур...

Наряду с тренировками по плаванию и преодолению водной преграды мы занимались и занятиями по десантным операциям. Страна наша окружена с трех сторон морями, у нас много рек. И ясно, что тренировки по форсированию рек и военно-морскому десантированию были просто необходимы для предстоящих боевых действий против империалистической Японии. Однажды проводили учения, имитируя военно-морское десантирование в порт Рачжин.

Парашютная подготовка была тяжелее тренировки по пла-

ванию. В ней женщины были упорнее мужчин. Среди последних порой встречались трусоватые, но среди женщин трусих не было ни одной. Первой стадией парашютной подготовки были подготовительные упражнения. Сначала прыжок с трамплина на площадку, засыпанную опилками, затем вращение на лопингах. На тренировках на вращающихся колесах женщины часто страдали от головокружения, но не отступали.

А настоящие парашютные прыжки совершали на широкой равнине под Ворошиловом, где был военный аэродром.

Сначала бойцы освоили укладку парашюта. Затем последовали прыжки с парашютом с наполненным куполом с пятидесятиметровой вышки. Спускаясь с этой высоты, человек осваивает навыки управления телом в зависимости от направления ветра. Бойцам, овладевшим этими навыками, разрешают прыгать с самолета. В самолет сажают группу в 10 – 20 человек. Сначала следует прыгать с высоты 1000 метров, а затем высота постепенно снижается – даже до 600 метров. Обычно приказ о прыжке дается на 800-метровой высоте.

Вокруг аэродрома простиралось бескрайнее поле сахарной свеклы. Когда мы заканчивали прыжки, к нам подбегали с поля колхозницы, помогали собирать парашюты, угощали очищенной свеклой.

Совершившим много прыжков вручали синий памятный значок. В нашем отдельном отряде этой награды был удостоен Чвэ Ён Чжин.

Я тоже не раз участвовал в прыжках с парашютом. Во время парашютной подготовки бывало всякое-то: один потеряет головной убор, другой – сапоги, третий вывихнет ногу, четвертый повиснет на стропах парашюта на дереве... Бойцам, вес которых больше восьмидесяти килограммов или меньше сорока килограммов, не позволяли участвовать в парашютных прыжках. Это было опасно: первые спускаются слишком бы-

стро и могут получить травму, а вторые, слишком легкие, могут даже быть подняты ветром ввысь в воздух и улететь бог знает куда. Такое произошло с Чон Сун Хи, хрупкой женщиной, которую воздушным потоком подняло после прыжка выше самолета. Спускалась она с большим трудом. Ким Чжын Дона тоже частенько уносило ветром в другом направлении. У него вес был совсем невелик. Как-то он улетел неведомо куда и повис на дереве. Когда мы нашли его, то я спустил его на землю на руках. Он был совсем легким, как перышко.

А во время минувшей Отечественной освободительной войны он совершил ратные подвиги в боях за освобождение Сеула и Тэчжона, за что ему было присвоено звание Героя КНДР.

В парашютной подготовке мы сочетали тренировки по спуску на парашюте с действиями воздушного десанта. Ими стали больше заниматься с 1944 года.

На учениях десантники осваивали навыки действий по подавлению сопротивления «противника» при спуске, быстрому развертыванию в боевые порядки после приземления, нанесению удара в спину «противника» и так далее.

После занятий парашютом бойцы теряли в весе, чувствовали острый голод. Интенсивность подготовки была очень высокая, к тому же в части продовольственный паек, чтобы помочь советским солдатам на фронтах войны с Германией, был уменьшен.

Нам пришлось тогда поднять целину и наладить подсобное хозяйство. Сажали картофель и овощи, сеяли соевые бобы, удовлетворяя потребности в них за счет собственного производства. Подсобное хозяйство тогда здорово помогло нам.

В нашем отдельном отряде собирали и съедобные травы, чтобы разнообразить питание бойцов. Вокруг учебной базы были густые заросли папоротника, росли там бубенчик му-

товчатый, аралия и другие съедобные растения.

Когда мы варили суп из съедобных трав, советские врачи из медпункта части пытались запретить нам принимать такую пищу. «Неужели вы хотите, – говорили они, – питаться дикой травой, о чем представления мы не имеем?» Но, попробовав готовый суп, удивлялись: «Вкусно!» Мы же убеждали их, что эти съедобные растения имеют и целебные свойства. После этого они всегда угощались у нас блюдами из съедобных трав.

Однажды к нам пришел советский майор, по национальности еврей, начальник интендантской службы части. Он вместе с нашими товарищами сажал картофель на поле подсобного хозяйства. А тут между ними вдруг произошла ссора. Майор посмотрел, как наши товарищи сажают картофель, и увидел, что они сажали только глазки клубней. Майор рассвирепел: «Вы губите картофель!» Наши товарищи только сказали: «Посмотрим осенью, какой урожай нас наградит».

А урожай картошки в том году выдался просто богатый. На участке, где были высажены целые клубни, картофель оказался мелким, как горох. А поле, где наши товарищи посадили глазки, дало крупный картофель, величиной с кулак. Вот тогда майор-интендант признал наш метод картофелеводства. Весной того года в нашем отдельном отряде, сажая картофель таким методом, большую часть клубня употребляли в пищу, сажали только глазки, а осенью собрали урожай вдвое больше, чем другие.

Мои друзья, создав группу охотников, ходили за дичью. В выходные дни на Амуре ловили рыбу. Там обитало много хищных рыб. Были и такие крупные, что весили десятки килограммов.

В период нереста вверх по Амуру поднимались косяки кеты. Ловили ее сетями и солили впрок. Икру готовили отдельно и подавали к столу засоленную.

Порой, когда нам удавалось добыть много дичи и рыбы, мы послали добычу на западные фронты.

На учебной базе велась и подготовка по радиосвязи.

В североманьчжурском отряде были бойцы, которые овладели радиотехникой в Советском Союзе во второй половине 30-х годов. Но в нашем отдельном отряде только двое – Пак Ен Сун и Ли ЫЛь Сор – впервые обучились радиотехнике на временной базе. В Ворошилове они прошли трехмесячные курсы радистов. Вернувшись в отряд, стали учить других радиоделу. На занятия по радиосвязи ходили Ли Чжон Сан, Ли О Сон и другие бойцы-мужчины, а также почти все женщины – Ким Чен Сук, Пак Ген Сук, Пак Ген Ок, Ким Ок Сун, Ли Ен Сук, Ван Ок Хван, Ли Чжэ Док и Ли Мин.

Раньше большинство отрядов Восточной и Южной Маньчжурии не могли пользоваться радиосвязью. Для подготовки радистов нужно было обращаться за помощью к Коминтерну или советским товарищам, но это было делом нелегким. Мы не раз захватывали у противника рацию, но техника оставалась бесполезной – не было тогда у нас радистов.

У нас в Ставке Командования и во всех отрядах имелись связные, которые пешком доставляли информацию. Да, им пришлось походить изрядно. Причем, каждый шаг – у смертельно опасной черты. Многие связные погибли.

... Ли Чхи Хо после вступления в отряд несколько лет служил у нас связным Ставки Командования. Выполняя задания, он часто голодал и, схваченный врагом, подвергался жестоким пыткам, – избивали его в кровь. Он пережил многое, зато совершил и немало подвигов.

Такая «походная» связь здорово изматывала бойцов, но не могла обеспечивать оперативность связи. Помня этот урок, мы придавали особое значение занятиям по радиосвязи.

Нужно было подготовить костяк специалистов радиосвязи не

только для строительства регулярных вооруженных сил, но и для создания в будущем органов связи – нервов государства, для культурно-пропагандистской работы на освобожденной Родине.

Ким Чен Сук участвовала в те дни в занятиях по радиосвязи, парашютной и другой подготовке. Наряду с этим активно вела боевую деятельность со своим малым отрядом во многих районах Кореи.

На занятиях по радиосвязи с лучшей стороны показали себя бойцы-женщины. Они проявляли большое усердие. Наравне с мужчинами они участвовали в лыжной и парашютной подготовке, в тренировках по плаванию и форсированию рек.

А интенсивность всех видов подготовки была очень высока. Даже советские офицеры говорили, что учиться в нашем лагере было в несколько раз тяжелее, чем в военном училище, где они обучались. Но наши бойцы-женщины ни на что не жаловались, у них не было ни одного случая пропуска занятий.

Начиная парашютную подготовку, мы решили исключить из нее женщин – матерей и некоторых женщин со слабым здоровьем. Все они были страшно огорчены. Ан Чен Сук, помню, пришла ко мне и в слезах протестовала: «Зачем мы, женщины, приехали на советскую землю, оставив своих родных детей, если не будем участвовать в боевой подготовке?»

При уходе на советский Дальний Восток она оставила своего ребенка у калитки чужого дома. Ли Чжон Ин, как мне говорили, тоже оставила свою маленькую дочь в шалаше на чужом огороде.

Они настоятельно требовали: «Разрешите участвовать в тренировках! Приближая день освобождения Родины, мы приближаем встречу с любимыми детьми».

Пак Ген Сук мутило от одного вида пищи в военной столовой, но она ни на минуту не отходила от рации. И после родов

активно занималась тренировками. В теоретических занятиях и тренировках она участвовала с таким энтузиазмом, что офицер-преподаватель из взвода радиосвязи не скупился на похвалы. «Кореянки действительно трудолюбивые и настойчивые», – с восхищением говорил он.

Пак Ген Сук со своей рацией провела несколько месяцев в районе, контролируемом врагом. Вместе с Ким Чаком она служила тогда в малом отряде, была удивительным мастером радиодела.

Ким Чен Сук тоже активно участвовала в боевой подготовке. Как-то раз она вывихнула себе ногу и та опухла. Но Ким Чен Сук продолжала лыжную подготовку. Я говорю, что беспокоюсь за нее, а она дает мне кусок пиленого сахара, завернутый в бумажку, и говорит: «На тренировке держите это во рту – меньше будете задыхаться».

Вот так она беспокоилась обо мне больше, чем я о ней.

Парашютная подготовка больше всего тревожила меня в связи вот с чем. «Нормально ли, – думал я, – приземлятся те женщины, у которых небольшой вес?» Однако они вовремя раскрывали купол парашюта и точно приземлялись в назначенное место. Находились и такие, кто прыгал с мешком кирпичей, чтобы увеличить свой вес.

Такими были молодые годы наших бойцов... Во имя будущей свободной Родины, ради ее завтрашнего дня мы с улыбкой преодолевали любые трудности. Вот в чем были наше счастье, наша радость, смысл всей нашей жизни!

Интенсивность тренировок была довольно высокой, не хватало сна, а порой и физических сил. Но мы во имя завтрашнего дня свободной Отчизны, улыбаясь, превозмогали все и всякие трудности и испытания.

И поныне ветераны революции свято хранят память о тех днях.

У каждого была или есть молодость. Но отнюдь нелегко прожить молодые годы так, чтобы и в далеком будущем с достоинством, с гордостью вспоминать о прожитом. Как дорога и славна жизнь тех, кто прошел свой жизненный путь, целиком отдавая себя делу Родины и нации и преодолевая все трудности своим горячим энтузиазмом и несгибаемой волей!

Уверен, что и наша молодежь, переняв от самоотверженных ветеранов антияпонской революции их высокий дух, будет настойчиво бороться за Родину и революцию, невзирая на любые трудности и препятствия.

Япония и Германия катились к своему закату. Великое событие – освобождение Родины – было не за горами. В это самое время мы прилагали большие усилия к изучению Родины, чтобы еще более укреплять собственные силы корейской революции. Без освоения верной теории, стратегии и тактики корейской революции, без знания истории и географии Родины, ее экономики и культуры, ее морали и обычаев нельзя было ни добиться независимости страны собственными силами, ни построить обновленную Родину, ни придерживаться самостоятельных позиций и независимых суждений в революции.

Однако наши товарищи в те времена в общем-то не имели полного представления о своей Родине. Иначе быть не могло. Ведь многие из них родились в Маньчжурии. Пак Сон Чхор, говорят, родился в провинции Северный Кенсан, но он рано покинул родной край, десятилетним мальчиком, а затем проживал в Маньчжурии. Ли Ыль Сор родом из Сончжина, но в детстве тоже перебрался через реку Туман, и все последующие годы находился в Чанбае, откуда и ушел в партизаны.

Итак, я решил основательно обучать своих бойцов самостоятельной линии корейской революции и дать им знания о Родине. Беда, однако, была в том, что на учебной базе было

мало книг о Корее. Напечатанные в самой Корее книги я достал через уходящих в Корею на операции бойцов малых отрядов, обратился к советским товарищам за помощью. Как-то раз попали мне в руки «Очерки географии Кореи». Та книга стала большой подмогой в изучении географии нашей родной страны.

Однажды я поручил Рим Чхун Чху задание нарисовать большую карту Кореи. Не забыл посоветовать ему отметить на ней все известные горы и реки, равнины и озера, месторождения полезных ископаемых и районы с местными специфическими продуктами, а также достопримечательности, исторические памятники культуры и прочее.

Рим Чхун Чху приложил огромные усилия для создания такой карты. И когда принес готовую большую карту, сделанную из нескольких склеенных листов белой бумаги, то она оказалась безупречной.

На одном из политзанятий я, повесив ее, выступил перед политическими работниками и преподавателями политических дисциплин КНРА с речью «Корейские революционеры должны хорошо знать Корею». В ней я почеркнул необходимость глубокого изучения корейскими революционерами истории и географии Кореи и наметил некоторые задачи, чтобы во всеоружии встретить великое событие – возрождение Родины. После этого все корейские бойцы ОИВ стали овладевать глубокими знаниями о Родине под лозунгом: «Корейские революционеры должны хорошо знать Корею».

Это было, кажется, в канун осеннего праздника *чхусок*. Вечером того дня мы, глядя на светлую луну над тайгой, рассказывали об Отчизне и родных краях так увлеченно, что не замечали, как бежит время.

Тоска по Родине, любовь к ней были источником нашей неисчерпаемой энергии и мужества. И мы с удвоенным, утроенным рвением снова взялись за политическую и боевую подготовку.

В те дни ветераны антияпонской революции успешно прошли курс обучения, равный программе стационарного высшего учебного заведения, причем проделали это в напряженной обстановке непрекращающихся боев и нелегких учебных занятий. Это было отнюдь не простым делом.

И пролитый нами тогда пот, наши усилия тех дней дали потом большую отдачу на земле освобожденной Родины.

Среди тех, кто работал вместе с нами после освобождения страны, было немало получивших образование в известных вузах. Иные окончили в Советском Союзе Коммунистический университет трудящихся Востока. Я беседовал с ними – оказалось, они почти ничего не знали о партийном и государственном строительстве.

С антияпонскими же борцами обстояло иначе: поручай им любое дело – они справятся с ним безупречно.

Так, поручили мы Ким Чаку промышленность – он за кратчайший срок поднял индустрию страны, разрушенную до основания. Ан Гиру дали задание – создать и наладить работу школы по подготовке военных кадров, необходимых для строительства регулярных вооруженных сил. И он без особого труда выполнил это поручение.

В работе с массами, в политической работе никто не может сравниться с бывшими партизанами.

На протяжении всего периода революционной борьбы против японских захватчиков мы с твердой верой в победу революции и надеждой на светлое будущее активно вели подготовку к тому, чтобы взять на свои плечи судьбу освобожденной Родины.

Кстати сказать, когда была в разгаре Отечественная освободительная война, мы порекомендовали специалистам составить проект для восстановления и строительства Пхеньяна. Кое-кто делал тогда большие глаза: «Когда кончится война,

никто не знает. А тут вдруг разговор о плане восстановления и строительства? Что за чепуха!» Однако война закончилась через два года, и на основе разработанного специалистами проекта мы без промедления приступили к восстановлению и строительству столицы.

Планируя и продвигая дело вперед, революционер должен не только думать о сегодняшнем дне, но и уметь заглядывать в будущее.

Не жалуйся на трудности, не плачь из-за них, преодолей их, поднимись на ноги, начерти программу на завтра и созидай жизнь с опережением времени! Какое это славное дело! Опередить время и приблизить будущее – в этом проявление наступательного духа. И в те самые дни, когда окончательная победа антияпонской революции была буквально перед нами, мы, всегда исполненные революционного оптимизма и веры в победу, активизировали военно-политическую подготовку, приближая день освобождения Родины.

Только тот, кто с улыбкой преодолевает сегодняшние трудности и трудится денно и нощно во имя завтрашнего дня Родины, кто в непрерывном размышлении и поиске чертит планы будущего для подрастающих поколений, – только тот может стать настоящим коммунистом, пламенным революционером.

2. Пламя общенародного сопротивления – над всей страной

Приближалась последняя, решающая битва с японскими империалистами. Готовясь к ней, товарищ Ким Ир Сен вынашивал далекоидущий замысел – сочетать воедино генеральное наступление КНРА с общенародным восстанием и совместными боевыми операциями в тылу врага. Это было намечено стратегической линией на освобождение Родины. Его большим замыслом было свершить великое дело – возрождение Родины всеобщей мобилизацией революционных вооруженных сил и нации. В этом замысле были отражены его большие ожидания, его полное доверие к нашему народу, закалившемуся в огне революционной борьбы против японского империализма.

Силой кучки предтечей или борцов не добьешься независимости страны. Таков итог исторического процесса мирового революционного движения. Это и урок истории национально-освободительного движения в Корее.

С первых дней революционной борьбы против японского империализма мы неизменно выступали за общенародное сопротивление. Оно означало революционизировать и поднять весь народ на антияпонскую революцию, то есть освободить страну в результате общенациональной, организованной, активной войны сопротивления японскому империализму, на которую поднимутся вся страна, вся нация.

Чтобы революционизировать весь народ, нужно было сделать его сознательным и организованным. А чтобы свергнуть японский империализм всенародной войной сопротивления, было необходимо надежно подготовить пробужденный, организованный народ не только в политическом, но и в военном отношении. Таков был смысл выдвинутого нами тезиса всенародного сопротивления.

Подготовка к нему по-настоящему велась уже с той поры,

когда мы базировались в горах Пэкту. В те дни мы, перекидывая пламя вооруженной борьбы в бассейны реки Амнок и в Корею, под знаменем ЛВР активно вели там партийное строительство, движение за образование единого фронта и работу по созданию массовых организаций. Программа ЛВР из десяти пунктов, призвавшая освободить Родину силой всеобщей мобилизации нации, фактически была не чем иным, как декларацией о всенародном сопротивлении.

После начала китайско-японской войны мы, сделав курс на общенародное сопротивление нашей самостоятельной линией, думаю, стали предпринимать практические меры в этом направлении. Собрания по вопросам общенародной антияпонской войны проводились и в Пэктусанском тайном лагере, и в Чушуйтане, и Синхыне. Сентябрьское воззвание можно понимать и как призыв к общенародному сопротивлению.

В горах Пэкту мы разработали план создания Северокорейского антияпонского народного партизанского отряда.

С одной стороны, мы создали курсы на горе Канбэк, где шла подготовка большого числа руководящего ядра для общенародного сопротивления из подобранных работников, закаленных в местных организациях, а с другой – уделяли большое внимание созданию, расширению и укреплению широкой сети полувоенных организаций в северном и ряде других районов страны.

Наши политработники-подпольщики организовали повсеместно в стране рабочие ударные и производственные партизанские отряды.

День за днем приближалась последняя, решающая битва. Мы начали интенсивно вести подготовку к операциям для общенародного сопротивления.

В это самое время в одном из пунктов собрались командиры

корейского отдельного отряда. Разговоры велись вокруг проблемы подготовки к последней, решающей схватке. На собрании все командиры отряда целиком и полностью одобрили мое предложение – провести тщательную подготовку к мобилизации всего народа на сопротивление японскому империализму и своими силами добиться возрождения Родины.

После этого мы ознакомились с организационно-партийным строительством, созданием массовых организаций и деятельностью тайных вооруженных организаций в Корее. Исходя из этого, нами была предложена линия на освобождение Родины. Наши предложения состояли из трех пунктов. Суть их состояла в том, чтобы великого исторического дела – возрождения Родины – добиться путем генерального наступления КНРА в сочетании его с общенародным восстанием и совместными боевыми операциями в тылу противника.

Эта линия была вполне осуществима. На чем основывался наш вывод? На настроениях населения. К тому времени душу народа тянуло к нам. Много было тех, кто устремлял свой взор к горе Пэкту. И еще: многие и многие приходили к нам. Желающих идти к партизанам и быть солдатами Ким Ир Сена было не один и не два. А те, кому удалось избежать трудовой и воинской повинности, укрывались в лесу. Они сооружали там кузницы и мастерили в них ружья, бросая тем самым вызов японцам.

Народ же в то время думал: «При японцах больше не можем жить. Одни только муки да страдания! Вот ринутся лавиной в Корею партизанские отряды Ким Ир Сена. Тогда поднимемся и мы и занесем над головой самураев карающий меч! Все, как один, пойдем на поединок!»

Именно в то время на пассажирском пароходе «Коанмару», курсировавшем между Пусаном и Симоносеки, на потолке каюты третьего класса появилась надпись: «Командир отряда

независимости Кореи – Ким Ир Сен», а на Южных воротах Сеула была обнаружена, как сказали японцы, «неблагожелательная надпись»: «На днях командир Ким Ир Сен вернется с триумфом на Родину». И японские ведомства напоминали растревоженный улей.

В первой половине 40-х годов широчайшие слои населения стали все больше доверять нам судьбу нации и с нетерпением ждали дни, когда мы возродим Родину.

Говорят, душа народа – это воля неба. В ней отражается его стремление, его желание. Если душой народ готов – любое великое дело ему нипочем.

Вот в чем мы видели возможность успеха. Упомянутая линия из трех пунктов была разработана с учетом всех этих обстоятельств.

Оперативный план нашей последней, решающей битвы состоял в том, чтобы, с одной стороны, наша главная часть быстро продвинулась в Корею и вела там боевые действия во всех провинциях, а с другой стороны, мы, обращаясь ко всей стране с призывом – укрывшимся в горах рабочим, крестьянам, молодым учащимся объединиться и создать вооруженные отряды, подняли весь народ на вооруженное восстание во взаимодействии с ними и одним махом уничтожили противника и освободили страну.

Эта боевая операция сулила нам победу. Если мы увеличим численность вооруженных отрядов с их костяком – бойцами революционной армии, закаленными в огне антияпонской вооруженной борьбы, за счет патриотически настроенных юношей, девушек и людей среднего возраста в стране, а затем повсеместно поведем бои не на жизнь, а на смерть, то вполне сможем освободить страну собственными силами.

Дело было в том, чтобы в решающий момент суметь поднять народ на сопротивление. Но и это не представляло большой

трудности. Так, во время Первомартовского народного восстания на улицы вышли более двух миллионов человек с лозунгом: «Да здравствует независимость Кореи!» Стоило только сказать им: «Пробил час последнего, решающего поединка!» – и трудно было представить, сколько народу оказалось бы в рядах сопротивления!

Правда, не все одобряли этот курс, вокруг него шли и разговоры. Когда мы впервые наметили линию на общенародное сопротивление, кое-кто качал головой, но большинство с самого начала поддерживало этот курс, полагая, что это наверняка сулит нам успех.

Намеченным нами курсом на вооружение всего народа были восхищены и командиры ОСВАА. «Ведь ваша страна, – говорили они, – сущая колония, к тому же вооруженную борьбу вы ведете в основном за рубежом. Как же можно в такой ситуации вообще ставить подобный вопрос?»

Я им говорил: «Вооружение всего народа, всенародное восстание – это не наше субъективное желание. Этого жаждет народ. В нашем лозунге только то, чего желает и требует народ».

Первая половина 40-х годов характеризовалась постепенным параличом системы правления японского империализма в Корее. Поражение Японии на тихоокеанском театре военных действий стало очевидным. И среди чиновников все чаще случались факты служебного саботажа в разных его формах.

Я услышал от Чо Мен Сона о таком эпизоде.

Однажды он отправился в Корею с малым отрядом. В лесу захватил одного полицейского. «Какого черта, – спрашивает он, – ты шляешься по лесу в такое чрезвычайное время?» Полицейский не стал кривить душой: «Скоро Японии капут, – сказал он. – Думаю об этом – и жизнь мне не мила. На душе ад кромешный, и я пошел на охоту».

Вот до чего дошло духовное состояние сотрудников японских ведомств! Вот каким было моральное состояние противника. Так как же было не шататься режиму их правления?

Хрупкость системы вражеского правления дала возможность организациям сопротивления в Корее вести подготовку к общенародному сопротивлению в широких масштабах.

Наши политработники-подпольщики и члены организаций сопротивления, пользуясь слабостью противника, направляли декларации и письма с предупреждениями всем, независимо от должностей, начиная от волостных чиновников и полицейских и кончая губернаторами, генерал-губернатором, даже и премьер-министром и императором Японии. Все это заставляло их пребывать в страхе.

В феврале 32 года чучхе (1943) организации сопротивления в Корее направили премьер-министру Японии Тодзио ряд писем с предупреждениями в связи с введением воинской повинности. Ниже следует такое письмо от молодежи уезда Пексон.

«Адресат: Резиденция премьер-министра Тодзио, г. Токио, господину премьер-министру Тодзио

…

Корея станет независимой.

...Вражеская Япония, воспрянь ото сна! Как ни стараетесь вы готовить войска с введением воинской повинности на полуострове, я с нетерпением жду того дня. Только дайте мне винтовку со штыком! Наш враг – японцы...

Мы готовы положить свою жизнь на алтарь Кореи – нашей Отчизны. Мы будем до конца сопротивляться Японии – враждебному нам государству. До самой смерти и после смерти. Мы... готовы первыми нести воинскую повинность. Чтобы расплатиться за затаенную обиду, живущую в наших сердцах, чтобы оказать сопротивление вражеской Японии, чтобы обречь ее на гибель» («Ежемесячные ведомости особой политической полиции», отдел безопасности управления полицейской охраны МВД, за февраль 18 года сёва (1943), стр. 72).

Ускоряя процесс подготовки к общенародному сопротивлению, мы обратили особое внимание на ряд вопросов. Один из них – необходимость еще более укреплять тайные опорные базы в Корее в качестве военно-политического плацдарма для всенародного сопротивления и создавать новые временные

такие базы. Другой – необходимость направлять в Корею больше малых отрядов и групп, политработников-подпольщиков с целью основательно подготовить силы всенародного сопротивления к военным операциям по освобождению Родины с учетом требований новой ситуации. И третий – необходимость единого руководства силами всенародного сопротивления в Корее.

Общенародное сопротивление не может быть без вооруженного восстания, без опорных пунктов оно неосуществимо. Вот почему мы давно, намечая линию на всенародное сопротивление, заботились прежде всего о том, чтобы создать на Ранримском и других больших горных хребтах базы своих действий, оперативные и тыловые базы частей КНРА, а также тайные опорные базы, способные служить вооруженными плацдармами для сил всенародного сопротивления.

Итак, многочисленные тайные опорные базы стали появляться повсюду – в северо-восточном районе с Пэктуским горным хребтом, в бассейне реки Амнок, в северном внутреннем районе с Ранримским и Пучжонренским горными хребтами, а также в западной и средней частях страны.

Кроме таких тайных опорных баз, в 40-е годы в соответствии с требованиями новой ситуации были созданы и временные такие базы различных форм и масштабов. Они были образованы во всех важнейших районах страны, которые могли иметь важное тактико-стратегическое значение в боевых операциях по освобождению Родины.

Ставя во главу угла создание опорных баз, мы больше направляли в Корею малых отрядов, групп и отдельных политработников-подпольщиков. Я сам не раз бывал вместе с малым отрядом в глубине Кореи.

Эти отряды, группы, отдельные подпольщики проникали не только в приграничные районы вдоль рек Туман и Амнок, но и

в среднюю часть Кореи – с Сеулом, ее южную часть – с Пусаном и Чинхэ и даже в Японию. Они развернули там активную военно-политическую деятельность, подготавливая антияпонски настроенные широкие массы к общенародной войне сопротивления.

О деятельности политработников-подпольщиков, посланных Полководцем Ким Ир Сеном, в документе японского ведомства говорится:

«Арест подчиненного Ким Ир Сену – начальника звена идейной обработки.

Ким Ир Сен, вождь неблагонадежных корейцев в Маньчжурии, давно ушел с головой в бунтарство против Японии. В последнее время подчиненный ему некий Ким, яркий активист, начальник звена идейной обработки, заслан в Тумынь провинции Цзяньдао в подрывных целях. В ходе работы в подполье он арестован местной охраной. Ныне идет его серьезный допрос. Ниже приводятся выясненные до сих пор цель его проникновения и деятельность:

1) Цель проникновения: с возникновением японо-советской войны дезорганизовать тыл в Маньчжурии и Корее, организовать пятую колонну из корейцев и собирать японские банкноты.

2) Ход деятельности: будучи начальником звена идейной обработки у Ким Ир Сена, он с вышеупомянутой миссией тайно пробрался в Маньчжурию из Хабаровска, привлек в Тумыне на свою сторону около 20 неблагонадежных корейцев...

3) Закулисные отношения: стало ясно, что в Кенсоне (Сеул) существует центр пятой колонны. Сейчас ведется подробный допрос» («Ежемесячные ведомости особой политической полиции», отдел безопасности управления полицейской охраны МВД, за февраль 18 года сёва (1943), стр. 82).

Следующим важным вопросом в ускорении подготовки к общенародному сопротивлению было создание такого органа, который был бы способен осуществлять единое руководство движением сопротивления в стране.

После создания Партийного комитета действия в Корее во многих районах страны появились партийные группы, которые направляли деятельность массовых организаций. С конца 30-х годов появились региональные партийные комитеты. Призванные осуществлять единое руководство созданными разрозненно в различных районах партгруппами и антияпонскими массовыми организациями, они начали выполнять роль региональных руководящих органов.

В качестве примера можно привести организованный Ким Чен Сук Енсаский региональный партийный комитет.

В первой половине 40-х годов в провинции Южный Пхеньан был создан и начал свою работу региональный партийный комитет из коммунистических передовиков. В его ведении находились партгруппы Пхеньяна, Кэчхона, Нампхо и других районов. Через них комитет направлял работу организаций ЛВР и организаций всенародного сопротивления во всех районах провинции.

Чхончжинский региональный партийный комитет, созданный в провинции Северный Хамген, имел многочисленные партийные ячейки на предприятиях региона, главным образом, на металлургическом заводе «Ниттэцу».

Мы развернули активную, многогранную военно-политическую деятельность, нацеленную на разгром японского империализма путем общенациональной войны сопротивления против Японии. Итак, в первой половине 40-х годов в стране быстро выросли силы всенародного сопротивления. По имеющимся данным, в 1942 году в Корее насчитывалось более 180 антияпонских подпольных организаций, зафиксированных японскими властями, в антияпонских организациях было объединено свыше 500 тысяч человек. Если добавить к этому организации, которые не были раскрыты врагом, то их число, полагаю, будет гораздо большим.

К тому времени для антияпонских организаций внутри страны и за ее пределами была характерна общая тенденция: большинство из них развивались как организации политического и военного характера, а также свою важнейшую цель и задачу они видели в общенародном восстании и вооруженном сопротивлении. В те дни многие из них открыто заявляли, что их боевая цель – присоединиться ко всенародному сопротивлению, всеобщему волнению, вооруженному восстанию и пос-

ледним наступательным операциям КНРА. Они даже называли свои организации либо «Отрядом Ким Ир Сена», либо обществом Пэктусан и тому подобными именами, что прямо связано с нами.

Так, «Отряд Ким Ир Сена» был создан в Сеуле. Сфера его влияния распространялась и на бухту Мосыльпхо на острове Чэчжу, на различные другие районы Кореи и даже на Японию. По целям и образу действий он был достойной внимания организацией общенародного сопротивления, активность которой приходится на последний период революционной борьбы против японских империалистов.

Само существование организации сопротивления под названием «Отряд Ким Ир Сена» было раскрыто, думается, к июню 1945 года. В те дни полицейское управление префектуры Ниигата пронюхало, что среди корейцев, отправленных в Японию на трудовую повинность, действует организация под названием «Отряд Ким Ир Сена». Полиция прилагала все усилия, чтобы раскрыть эту организацию.

«Отряд Ким Ир Сена» ставил перед собой боевую цель — сплотить широкие антияпонски настроенные массы, привести их в полную готовность к сопротивлению и, когда начнется вступление нашей революционной армии в Корею, присоединиться к ней и участвовать в последней священной битве за освобождение Родины.

Эта организация пустила корни на ведущих военных заводах, на других предприятиях, в портах и гаванях, на стройках военных объектов, в трудовых коллективах.

По данным, содержащимся в секретных документах старой Японии, «Отряд Ким Ир Сена» пропагандировал следующие тезисы: скоро война в великой Восточной Азии заканчивается поражением Японии; ее поражение приведет к независимости Кореи; после поражения Японии в Корее будет создан полити-

ческий строй, который позволит всем жить одинаково счастливо, без богатых и бедных; «после достижения независимости Кореи ее верховным руководителем станет Ким Ир Сен» и так далее.

Сейчас многие исследователи считают, что крупное восстание корейских рабочих в марте 1942 года на аэродроме на острове Чэчжу вспыхнуло по инициативе «Отряда Ким Ир Сена». И в этом, думаю, есть доля истины.

Вниманию читателей предлагается корреспонденция, опубликованная на страницах американской газеты «Нью-Йорк таймс» от 18 июля 1942 года.

«Корейцы взорвали крупную японскую базу.

Рабочие убили 142 человека из персонала ВВС в атаке на о-в Квельпарт (о-в Чэчжу – ред.), расположенный на подступах к Корейскому Западному морю.

Восстание патриотов продолжается.

…

Вашингтон, 17 июля ... В марте непрекращающееся активное восстание в Корее против Японии привело к серьезному разрушению базы ВВС Японии на о-ве Квельпарт, или на Сайсю ...

Квельпарт расположен неподалеку от южного мыса Корейского полуострова, занимает важное место в Корейском проливе и на подступах к Корейскому Западному морю.

Как сообщают, 29 марта толпы корейских рабочих, находящихся на острове, совершили налет на авиабазу. Они разрушили радиостанцию, сожгли четыре подземных ангара. Убито 142 человека из числа японских летчиков и работников технического обслуживания, получили травмы и ранены 200 человек.

Уничтожены два бензохранилища и 69 самолетов. Позже японцы убили всех 400 корейцев, оставшихся в живых после схватки.

Сообщалось, что 1 марта корейцы взорвали динамитом три электростанции в северной части Кореи ...»

Общество Пэктусан было организовано летом 1942 года в Сончжине (ныне Кимчак) провинции Северный Хамген. По данным японской полиции, оно было создано под руководством одного из лиц, зарегистрированных в университете Васэда, и эта организация действует, взяв название «Пэктусан» оттого, что в этих горах была наша база. В них сообщалось и о том, что это общество, стремясь к независимости Кореи, ставило целью

вступить в Народно-революционную армию и вело работу по повышению национального самосознания населения.

В районе Пхеньяна действовала организация сопротивления под вывеской группы за освобождение Родины. В ней состоял мой двоюродный брат Ким Вон Чжу.

Группа была активной организацией сопротивления. Главной ее целью было поднять вооруженное восстание, присоединившись к боевым операциям КНРА по освобождению Родины.

Члены группы шли в промышленные центры и села западной и средней частей страны, и прежде всего Пхеньяна, чтобы расширять сеть своих организаций из числа рабочих, крестьян, учащейся молодежи и других слоев населения. Сеть организаций была разветвленной, они имелись и в полицейских учреждениях и других ведомствах противника.

Направление деятельности группы было широким и боевым. Так, например, группа запланировала ликвидировать главные учреждения, насильственно забирающие корейских юношей и девушек на воинскую и трудовую повинность, установить связи с нашим отрядом для добычи оружия и непосредственно привлечь к вооруженной борьбе лучших из своих членов.

Она также планировала налеты на полицейские участки и волостные управы, изъятие реквизированного зерна, захват документов о воинской и трудовой повинности, разрушение транспорта, создание мастерских в горах Кувор для изготовления холодного оружия и так далее. Как видите, она решила сделать не одно дело и не два. Руководство группы намеревалось создать свои организации в японских войсках и на оборонных предприятиях.

По словам Вон Чжу, группа первоначально была создана в селе Тудан. Самого Вон Чжу арестовали по делу с захватом пистолета в последний период японского правления. После

этого полицейские чуть ли не каждый день врывались в его дом, производили обыски, чтобы найти спрятанный пистолет. После его ареста, говорят, полицейские широко объявили: «Пойман двоюродный брат Ким Ир Сена!»

К числу сравнительно крупных тайных организаций сопротивления в Корее можно отнести организацию на металлургическом заводе «Ниттэцу» и организацию по подготовке к вооруженному восстанию, созданную из выходцев из Кенсонского имперского университета.

Тайная организация на этом металлургическом заводе была создана в основном из его рабочих под руководством политработника-подпольщика одного из наших малых отрядов.

Не случайно в 40-е годы на этом заводе была создана организация по восстановлению компартии. Многие ее инициаторы по стажу участия в коммунистическом движении принадлежали к предыдущему поколению. Они раньше не раз дышали тюремным воздухом за участие в движении профессиональных и крестьянских союзов.

Тайная организация завода вела подготовку к вооруженному восстанию, приуроченному к вступлению КНРА в Корею, считав это своей главной целью. На тайной опорной базе в районе Пуюна она хранила оружие, продовольствие и медикаменты, выпускала листовки и брошюры. Она организовала на ведущих заводах и фабриках отряды действия, составила конкретный план этих действий, в котором указаны сигнал и дата начала вооруженного восстания, объекты нападения для захвата оружия, очередность и способы этих операций.

До раскрытия врагом организация успешно вела и подрывные действия, чтобы помешать японским империалистам в производстве военной продукции.

Она составила дерзкий план захвата японского зенитного

пулемета, установленного близ завода.

Антияпонское общество на металлургическом заводе «Ниттэцу» боролось за срыв выплавки металла, а также за саботаж погрузки металла на пароход, чтобы произведенный на заводе чугун не был отправлен в Японию. И многие суда по нескольку дней стояли у причала порта Чхончжин без груза.

Организация по подготовке к вооруженному восстанию в Сеуле тоже была довольно крупной по своей численности и подготовке.

В этой организации, созданной в районе Кенсона (Сеул), состояло вместе с коммунистами предыдущего поколения немало интеллигентов. Среди тайных организаций в Корее, я думаю, не найдешь другой такой, в которой состояло так много интеллигентов. Она называлась «тайной организацией КИУ». КИУ – это сокращение от «Кенсонский имперский университет». До освобождения Кореи в народе говорили об «инциденте с КИУ». Инцидент был делом рук этой организации. Ее деятельность направлял из-за кулис подготовленный и посланный нами подпольщик. А ее организаторами были старые коммунисты Ким Иль Су и Со Чжун Сок. Эти люди мне были хорошо знакомы еще в гиринские годы.

Ким Иль Су одно время, перебравшись на советский Дальний Восток, вместе с Ли Ёном, сыном Ли Чжуна, служил в Красной гвардии. Он был командиром роты в батальоне, состоящем из корейцев. Не раз он, говорят, участвовал в боях с белогвардейцами, совершил немало ратных подвигов. В начале 20-х годов он состоял и в группе Ли Дон Хви из Компартии Корё.

Одно время он участвовал в работе по восстановлению Компартии Кореи. Но, как мне стало известно, позже заявил: «Партию нужно восстановить. Но не стану обращаться к Коминтерну с этакой картофельной печатью, как у нас. Такой

затеи больше не повторю».

Он всем сердцем воспринял и наш тезис: партийное строительство надо вести не «сверху вниз», то есть объявив первым делом создание ЦК, а «снизу вверх», то есть идти в массы и создавать в первую очередь низовые партийные организации.

Позже он эмигрировал в Маньчжурию и там работал в Восточноманьчжурском Особом окружном комитете партии. Арестованный японской полицией, он несколько лет томился за решеткой.

Отбыв срок тюремного заключения, он, говорят, переехал на Северо-Восток Китая в поисках нашего отряда, долго колесил по разным районам. Так и не сумев встретиться с нами, он снова вернулся в Корею и стал работать в гуще рабочего класса.

Судя по тому, что главное внимание он обратил на рабочий класс, он, несомненно, как говорится, «стряхнул с себя грязь».

Хорошо знаю я и братьев Со Чжун Сока и Со Ван Сока.

Одно время Со Чжун Сок состоял во фракции Сеульпха, затем в группировке Эмэльпха. В Гирине он сдружился с Хван Бэк Ха, отцом Хван Гви Хон. Мое знакомство с Со Чжун Соком завязалось еще в Гирине, где он вел работу с молодежью. Жил он по соседству с семьей Чан Чхоль Хо, у которого я снимал комнату. Естественно, что мы познакомились друг с другом и часто вели полемику.

Позже он решил навсегда расстаться с сектантской затеей. Когда все другие партийцы переходили в КПК, руководствуясь принципом «одна страна – одна партия», он до конца упрямо воздерживался, уйдя с головой в движение за восстановление партии. Будучи арестован, он несколько лет отсидел в тюрьме. Был человеком твердых убеждений и взглядов.

Братья Со и после освобождения Кореи сделали многое для объединения Родины и южнокорейской революции.

Приверженцы сопротивления в Корее, создавшие в Сеуле

организацию по подготовке к вооруженному восстанию, расширяли сеть своих организаций на Хыннамский завод азотных удобрений и многие другие предприятия, рудники, а также учебные заведения страны.

Организация по подготовке к вооруженному восстанию в районе Кенсона, имея свой тайный опорный пункт, развернула активную и многогранную деятельность, от приобретения оружия и выпуска печатных изданий и до сбора военных сведений. Членов организации обучали приемам обращения с оружием, помогая им в проведении боевой подготовки.

В период японского правления в Корее был один-единственный вуз – Кенсонский имперский университет. Его воспитанники гордились своим умом, в большинстве своем это были выходцы из имущих семей. Японцы создали его отнюдь не для того, чтобы просвещать корейцев. Когда корейцы начали кампанию за создание частного вуза, японцы не разрешили это, зато учредили другой вуз, дав ему название «имперский университет». Это было сделано с целью подготовки подручных, которые служили бы их колониальному режиму.

Просто удивительно, что в такой «кузнице прояпонских кадров» родилась организация по подготовке к вооруженному восстанию.

Ан Хен Чжун тоже создал в Сеуле организацию общенародного сопротивления и поработал с ней на славу. Он давно участвовал в антияпонском молодежном движении в северном пограничном районе страны под руководством моего дяди Хен Гвона.

Повесив на перекрестке Чонро в Сеуле вывеску какой-то акционерной компании, он создал подведомственные ей предприятия. Он, с одной стороны, вел организационную работу, а с другой, активно создавал денежный фонд для нужд революции. Кроме того, создавал сеть организаций всенародного соп-

ротивления из рабочих подведомственных компании предприятий – лесорубов и плотовщиков.

Вместе с товарищами он приобрел у японца за бесценок кожевенную фабрику, дышавшую на ладан из-за экономических трудностей, превратил ее в хозяйственную базу и пункт связи для организации по подготовке к вооруженному восстанию. На купленной фабрике он заработал несколько десятков тысяч *вон*. Рассказывают, что он, обвязав себя, как поясом, лентой из этих денег, ездил покупать оружие.

После освобождения Кореи он стал первым заведующим отделом пропаганды Сеульского городского народного комитета.

Встретиться с ним мне довелось вместе с Ким Чаком весной 1946 года в помещении Временного Народного Комитета Северной Кореи.

Ли Гык Ро и другие ученые – члены Научного общества корейских языковедов – тоже имели свою организацию и вели борьбу против японских захватчиков.

Товарищи из провинции Северный Хамген очень гордятся вооруженными отрядами своего края. Речь идет о Качхибон-ском народном вооруженном отряде в Хвэрене, Комсанском рабоче-крестьянском вооруженном отряде, Рачжинском народном вооруженном отряде и так далее. Да, у них есть чем гордиться. Эти отряды сыграли немалую роль.

Члены Общества белорубашечников, созданного из молодых рабочих Мусанского рудника, регулярно слушали радиопередачи на корейском языке из Советского Союза, вели пропагандистскую работу, поднимали людей на борьбу.

Повсеместно в стране появлялись вооруженные отряды под различными названиями – Чхольсанский патриотический союз, антияпонский вооруженный отряд Сунанской металлической мастерской и так далее. Многие из них были созданы теми, кто либо раньше работал вместе с нами, либо был направлен нами

для работы на местах.

Организации сопротивления района Хыннама, оказавшиеся под нашим влиянием, боролись не на жизнь, а на смерть, саботируя производство оружия массового уничтожения, разработку которого в строжайшей тайне вели японские империалисты. Японцам так и не удалось освоить его до своего поражения в войне.

В район Хочхона, что в провинции Южный Хамген, был направлен Ли Гви Хен. Вместе с Пак Ин Чжином, Ли Чхан Соном и другими он уже давно участвовал в создании антияпонских массовых организаций в районе Пхунсана. В Хочхоне рабочие на стройке ГЭС и многие другие патриоты, создав свою организацию, начали активную работу.

Организации общенародного сопротивления действовали и в японских воинских частях.

Вы хорошо знаете известную историю коллективного дезертирства в 1944 году корейских юношей, завербованных в морскую пехоту в Чинхэ. Уверенные, что война закончится поражением Японии, они заявили: «Лучше заранее перебраться в отряд Ким Ир Сена и под его руководством внести свой вклад в борьбу за независимость Кореи, чем служить в армии страны, обреченной на гибель, и умереть собачьею смертью».

Не помню точно, в каком году, я был в Китае. Чжоу Эньлай и Пэн Дэхуай говорили тогда: «Во время антияпонской войны на китайском фронте многочисленные корейские юноши и девушки с оружием в руках приходили к нам с просьбой направить их в часть Ким Ир Сена. Но обстоятельства того времени не позволяли нам удовлетворить их просьбу. И мы направляли их в Хуабэй, в добровольческую армию».

В 30-й дивизии японской армии в Пхеньяне, насколько мне известно, молодые корейцы организовали антияпонский ученическо-студенческий вооруженный отряд с намерением

коллективно присоединиться к КНРА.

Это вооруженное формирование имело стройную структуру, в его составе было два отдельных отряда, а в каждом из них по 4 – 5 подразделений.

Вначале молодые люди блуждали в потемках, не зная что делать. Когда нити от нас дошли и до них, они, как мне сказали, выбрав верный путь, еще более активизировали свою деятельность.

Был составлен в нем большой план действий. Было решено в день осеннего праздника *чхусок* совершить коллективный побег из казарм, собраться у подножия горы Пукдэ в уезде Яндок, а затем, налетев на полицейский участок или жандармерию, пополнить запасы оружия, боеприпасов и продовольствия и добраться по горной цепи до лесных массивов под Почхонбо. Было решено здесь пополнить свой состав за счет людей, скрывавшихся в лесу от трудовой и воинской повинности, создать опорный пункт и развернуть партизанскую борьбу, а затем, присоединившись к главным силам КНРА, принять участие в боевых операциях по освобождению Родины.

На последнем своем совещании по вопросам боевых действий они провозгласили лозунг: «Наша цель – горы Пэкту», и провели тщательную подготовку к присоединению к КНРА. Однако, к сожалению, разболтанность одного из членов организации привела к срыву всех их планов. Японская военщина подняла вопль: «Это один из крупных мятежных заговоров за всю историю японской армии!»

Многие из тех, кто вчера, участвуя в коммунистическом движении в Корее, был причастен к той или иной организации, также выступили в поддержку линии на общенародное сопротивление, присоединялись к нашей борьбе во время последней, решающей битвы за разгром японского империализма.

Как мне рассказывали, с предложенным нами курсом на

общенародное сопротивление Ли Хен Сан ознакомился в Содэмунской тюрьме, куда его бросили по «делу коммунистической группы». В той же тюрьме томились Пак Дар, Квон Ен Бэк и Ли Чжэ Сун. Именно они ознакомили его с нашим замыслом относительно боевых операций по освобождению Родины. С того времени он объявил в тюрьме голодовку. Им овладела мысль: «Во что бы то ни стало надо выйти живым из тюрьмы, создать отряд сопротивления и пойти на поединок с японцами».

Голодовка продолжалась более трех недель. Ли Хен Сан слег, и противнику пришлось временно освободить больного. Некоторое время он следил за своим здоровьем, а затем ушел в горы Чири и там собрал небольшой вооруженный отряд. В нем были люди и молодого, и среднего возраста, учащиеся, которые скрывались в лесу от трудовой и воинской повинности.

Горы Чири, где базировался его отряд, были опорной базой в форме освобожденного района. Он, говорят, посылал своего связного в горы Пэкту для организации совместных с нами боевых операций.

А Чо Дон Ука мы послали в Сеул. Он там отлично провел подготовку к кампании всенародного сопротивления – создал организацию под названием «Союз 6 июня», который в своем ведении имел команду альпинистов, футбольную команду и ряд других легальных организаций. Союз имел тесные связи с другими антияпонскими организациями Сеула. И после освобождения Кореи Чо Дон Ук, оставшись в Сеуле, делал многое для того, чтобы направлять молодежное движение в Южной Корее по нашим задумкам. Позже, приехав в Пхеньян, он сразу же пришел ко мне и доложил о результатах своей десятилетней деятельности.

Среди тех, кто создал в тюрьме тайную организацию и боролся за претворение в жизнь нашего курса на всенародное сопротивление, был и Ким Сам Рён, заточенный в Сеуле в

Содэмунскую тюрьму. Находясь за решеткой, он создал кружок коммунистов и вел работу против попыток японских империалистов заставить этих людей капитулировать. Его бросили в тюрьму по «делу коммунистической группы». После создания этой группы он был ответственным за орготдел. «Сеулкомгруппа» – это сеульская коммунистическая группа. Ее целью было восстановление разрушенной партии.

Многие члены этой организации приняли наше руководство коммунистическим движением в Корее и, в конце концов, влились в ряды общенародного сопротивления.

Как я уже говорил, подпольщики, посланные нами, проникли в самый центр Сеула. Они раздавали членам комгруппы текст Программы ЛВР из десяти пунктов, информировали их о боевых успехах КНРА.

Сеулкомгруппа, как мне известно, имела влияние на примыкавшие к ней профсоюзные организации, созданные по видам занятий на многих предприятиях Сеула, организовала антияпонские выступления в разных формах.

Ким Сам Рён, организатор и руководитель этой борьбы, не стал на колени и за решеткой. Вернувшись из Сеула, Пак Дар часто вспоминал: «Ким Сам Рён – революционер, человек, верный чувству долга и сильный своими убеждениями». По его словам, он был одним из тех, – а их было несколько человек, – кто и в тюрьме не покорился японцам и до конца стоял на своем.

Как и Ли Хен Сан, он встретился в Содэмунской тюрьме с Пак Даром и его сподвижниками. Там, видимо, они и сошлись друг с другом. Пак Дар, вышедший из тюрьмы, был госпитализован в Сеульскую больницу и тепло заботился о его здоровье именно Ким Сам Рён. Мы пригласили Пак Дара в Пхеньян. При его возвращении Ким Сам Рён втайне организовал и вел все дела. С Пак Даром он прислал мне и письмо с

приветствием.

Это был партийный деятель с твердыми убеждениями и организаторским талантом, патриот, посвятивший жизнь Родине и нации, делу коммунизма.

Когда Трудовая партия Южной Кореи перешла на нелегальное положение, мы, обеспокоенные его судьбой, посоветовали ему: если обострится обстановка, без колебания перебраться в северную часть страны и начать свою работу. Однако он не покинул свой пост и, находясь в подполье, ответственно руководил партийной работой в Южной Корее. И вот тут-то и грянула беда. По доносу предателей он был арестован полицией Южной Кореи и расстрелян.

В первой половине 40-х годов наша революция вела тщательную подготовку всего народа к великому событию – освобождению Родины. Почему, спрашивается, в августе 1945 года в нашей стране так быстро рухнула система вражеского правления? Потому, что повсеместно поднялись наши организации общенародного сопротивления и буквально смели органы японского правления.

Об активизации выступлений сил общенародного сопротивления японцам, организованных повсеместно в Корее в первой половине 40-х годов, советская печать писала:

«Когда в ходе Тихоокеанской войны положение Японии стало ухудшаться, в Корее еще больше стало усиливаться антияпонское движение. В стране отмечались факты саботажа и диверсий на японских военных объектах. Так, в феврале 1942 года в городе Сингисю (Синичжу) было взорвано семь вагонов с боеприпасами и сожжена бумажная фабрика. В городе Юки (Унги) были взорваны шесть нефтехранилищ и сожжен склад. На острове Сайсю (Квельпарт) корейские рабочие подожгли японский аэродром, на котором были уничтожены 69 самолетов» (В. Яровой, «Корея, военный плацдарм», стр. 43 – 44, Военмориздат, сентябрь 1945 г.).

В подготовке к последней, решающей битве за освобождение Родины были задействованы все внутренние силы нашей нации.

Общенациональная антияпонская война сопротивления мо-

нолитно сплотила и активно мобилизовала патриотические силы нации, она, можно сказать, дала новый импульс развитию нашей революции и стала выдающимся успехом в первой половине 40-х годов.

К тому времени две силы, ранее противостоявшие друг другу, – коммунизм и национализм – можно считать, снова пошли на сотрудничество, независимо от различия в идеалах.

Спрашивается: кто такой Ли Ён – коммунист? Нет. Он раньше был националистом. Более того, это был представитель старшего поколения, по возрасту почти ровесник моему отцу. Однако он шел в ногу с нами. Для настоящего патриота вопрос «коммунизм или национализм?» не имеет значения.

А кто Ким Гу – коммунист? Нет. Он был националистом и более того – твердолобым антикоммунистом. Однако он обратился даже к соотечественникам, проживавшим в США, с призывом прислать нам денежные средства на военные нужды. Позже направил к нам и своего связного для налаживания военного сотрудничества с нами.

Корейские студенты, обучавшиеся в Японии, вызвались стать солдатами Ким Ир Сена не потому, что были сторонниками коммунизма. Они знали: путь в горы Пэкту – это путь патриотов, путь к независимости страны.

Если начать разбирать по косточкам, кто за какие доктрины и идеалы, – не добьешься национальной консолидации. Пусть все отложат в сторону свои доктрины и найдут общий язык и возведут его в абсолют, как это было в первой половине 40-х годов, в канун великого события – освобождения Родины. Вот почему столь важны опыт и уроки революционной борьбы против японского империализма.

3. Первопроходцы в военных операциях против Японии

Под знаменем освобождения Родины, знаменем пролетарского интернационализма бойцы КНРА активно вели разведку небольшими отрядами. Не перечислить павших смертью храбрых в канун основных военных операций против империалистической Японии. Они были самоотверженными первопроходцами в этих операциях.

Подробности их героических подвигов раскрывают следующие воспоминания товарища Ким Ир Сена.

Шла подготовка к последней военной операции против империалистической Японии. Она была нацелена на освобождение Родины. В тот период КНРА, как авангард, первой открывала путь вперед.

В дни подготовки и проведения операций КНРА действовала как по непосредственной директиве ее главного отряда, входившего в состав ОИВ, так и по заданиям отряда особого назначения ОИВ.

Сложившаяся ситуация актуально требовала в канун упомянутых операций активизировать военную разведку, в частности, совместную в рамках ОИВ.

Нужно было своевременно проникнуть в стратегические замыслы японцев. Для этого требовалось широко развернуть военную разведку в Корее и Маньчжурии, граничащих с Советским Союзом, не говоря уже о самой Японии.

В первой половине 40-х годов, в преддверии великого события – освобождения Родины, мы оказались перед лицом огромных задач по части разведки, которые по своим масштабам не шли в сравнение с предыдущим периодом.

Мы готовились к последней, решающей битве с японскими империалистами. И, естественно, возросло число объектов

разведки. Раньше мы брали на прицел в основном один-два, максимум три-четыре объекта при штурме, подрыве и налете из засады. И ударяли только по выбранным объектам, что сулило бы нам успех. Так что круг и число объектов разведки были ограниченными. Но теперь дело обстояло иначе: надо было включить в перечень объектов разведки все, что у противника, – и дислокацию войск, и их укрепленные районы, аэродромы, огневые позиции орудий и так далее. Нужно было узнать даже местонахождение реакционных органов и их структурные особенности, а также настроения населения.

Была еще и другая причина, требовавшая обращать в первой половине 40-х годов особое внимание на военную разведку. Это – учащение маневров японских войск, постоянные перемены в структурах управления ими.

Когда Германия напала на Советский Союз, верхушка японской военщины увеличила Квантунскую армию в Маньчжурии на несколько сотен тысяч человек. Гитлеровская армия возьмет Москву и Советский Союз впадет в хаос – вот тогда немедленно начнется поход Японии на север – таковы были ее гнусные замыслы. И вот в Маньчжурию были переброшены крупные контингенты японских войск.

Однако гитлеровцы не смогли взять Москву и их наступление было остановлено. «Мудрецы» из верхнего эшелона военных кругов Японии пришли к выводу: поход на север пока преждевременен. И вот под лозунгом «обороны севера и наступления на юг» они атаковали Пёрл-Харбор и заняли Сингапур, перебросив на юг большую часть вооруженных сил из Маньчжурии. Чтобы заполнить создавшийся там вакуум, им пришлось подтянуть туда дополнительно живую силу и боевую технику.

Бойцы КНРА, обходя обширные территории Маньчжурии и Кореи вдоль и поперек, собирали разведывательную инфор-

мацию, необходимую для операции по освобождению Родины.

Я исходил из того, что среди собранных ими разведданных первостепенное значение имеют сведения об укреплениях, сооруженных вдоль корейско-советской, корейско-маньчжурской и советско-маньчжурской границы, и об укрепленных районах на этой границе. Если бы не было этих сведений, мы вряд ли смогли бы столь успешно провести антияпонскую военную операцию. Отборные войска Квантунской армии, солдаты которой хвастливо называли себя «сыновьями тигра», подняли вверх руки практически без сопротивления. Это произошло и потому, что мы заранее разведали все их намерения.

Не случайно японцы хвастались, что их укрепленные районы неприступны. Люди мира наслышаны о прочности «линии Мажино» во Франции и «линии Зигфрида» в Германии, но, по-видимому, почти не знают, какими надежными были отдельные укрепления и укрепленные пункты Японии.

Если выстроить все укрепленные районы, созданные японцами, в одну линию, то ее общая протяженность превысит 1000 километров. Япония возводила эту линию укреплений в течение долгого времени, затратив огромное количество материалов. Каждый из укрепленных районов обычно насчитывал в среднем около 500 дотов и дзотов. Если добавить к этому командные и наблюдательные пункты, огневые позиции, различные виды перекрытий, окопы и траншеи, противотанковые и противопехотные заграждения, то можно было бы предположить, что сквозь эти укрепления не смог бы проникнуть даже муравей. А поскольку главные силы Квантунской армии были дислоцированы именно в этих районах, то можно представить себе, какое стратегическое значение придавала японская военная верхушка этим укрепрайонам.

Вот почему мы уделяли первоочередное внимание разведке

укрепленных районов.

Как-то я со своим малым отрядом, действуя в Маньчжурии и внутри Кореи, миновал северный край Дунсинчжэньского укрепленного района, на каждом шагу наталкиваясь на огневые точки и хорошо замаскированные капониры противника. Когда на одном из привалов мы проснулись на рассвете, то с изумлением обнаружили, что ночевали на крыше подземного сооружения или у дота, построенного неприятелем.

Однажды мы расположились у подножия горы, где, как оказалось, был вражеский пост. Я осторожно разбудил бойцов и отвел их подальше, в скрытое от глаз противника место. У всех бойцов просто глаза вылезли на лоб, когда во время завтрака я сказал им, что минувшую ночь мы провели буквально в двух шагах от вражеского поста.

На разведку укрепленных районов мы постоянно посылали по несколько разведгрупп. Например, разведку укрепленного района в Кенхыне (Ындок) провинции Северный Хамген вели около десяти таких групп. Подобные же силы были направлены в Хуньчуньский, Дунсинчжэньский и Дуннинский укрепленные районы.

Помнится, наши разведчики проникли в один из укрепленных районов неприятеля и вернулись, принеся с собой в качестве образца кусок бетона от дота.

Размер дота или калибр пушки можно измерить шнуром или линейкой, но отколоть тайком, без шума кусок бетона от дота у вражеского поста было нечто такое, что трудно себе представить. Но наши товарищи успешно выполнили и это трудное задание.

Наши бойцы вели разведку не только укрепрайонов, сооруженных в приграничной зоне, но и укреплений в районах Рачжина, Чхончжина, Вонсана и даже в Чинхэ и Ресу, расположенных на юге нашей Родины.

Разведчики уточняли все, что нужно. Они фиксировали не только укрепления, сетью которых были просто покрыты обширные районы Маньчжурии и Кореи, но и дислоцированные там части, артиллерию, аэродромы, количество самолетов на них. Добывались сведения о портовых сооружениях, типах и тоннаже вражеских кораблей, о порядке входа в порт и выхода из него, о расположении пунктов связи, складов военных материалов и так далее.

В разведке укрепрайонов и отдельных укреплений выдающийся подвиг совершила группа О Бэк Рёна, в которую входили Ким Чхоль Ман, Хан Чхон Чху, Ким Хек Чхор и другие. Эта группа выполнила десятки заданий по разведке объектов внутри Кореи.

Вначале в качестве средства связи мы использовали голубей, поскольку не было раций. Добравшись до назначенного места, посылали на базу сообщение о прибытии, прикрепив к лапке голубя алюминиевую коробочку с запиской. Примерно с 1942 года большинство малых отрядов и разведгрупп, проникших внутрь Кореи и в Маньчжурию, стали пользоваться рациями.

Те, кто направлялся в Корею, обычно надевали одежду, которую японцы называли «костюмом для подданных», и рабочую обувь и питались всухомятку. Проникнув внутрь Кореи, они шли до назначенного места только пешком, не пользуясь ни поездом, ни автомобилем, ни гужевым транспортом.

Мы делали так, чтобы члены разведгрупп были хорошо знакомы с географией, обычаями и манерой речи жителей мест, где им предстояло действовать.

Враги ни на минуту не ослабляли пограничные кордоны в бассейне реки Туман и в северной приграничной зоне, с тем чтобы предотвратить проникновение туда малых отрядов и мелких групп КНРА. На холмах, через которые могли бы проникнуть эти отряды и группы, была протянута тонкая, как

нить, проволока и велось постоянное наблюдение за ее состоянием. Если враги обнаруживали обрыв такой проволоки, то сразу же устраивали поиск, пускали в дело войска, полицию и местных жителей. Иногда проникновение наших разведчиков они определяли по следам от обуви, оставленным на рыхлой земле.

Разведгруппа О Бэк Рёна не раз попадала в критические ситуации.

Как-то ее бойцы на перевале Чосыр, между Унги (Сонбон) и Кенхыном (Ындок) натолкнулись на злостного молодчика из организации содействия полиции. Наутро вражеские войска и полицейские, обнаружив его труп, устроили там широкую облаву. На эту облаву были мобилизованы даже несколько сот местных жителей.

Наши товарищи прятались в дубовых зарослях, а местные жители, мобилизованные на поиски, заметив их, делали вид, будто ничего не обнаружили.

А Ким Чхоль Ман прикрепил тогда к ветке дуба записку: «Мы – бойцы революционной армии, воюющие за независимость Кореи».

Прочитав эту записку, местные жители, брошенные на поиски, пошушукались между собой и ушли в другое ущелье, громко говоря между собой, что никого не нашли.

В ходе деятельности внутри Кореи разведгруппа О Бэк Рёна создала множество временных тайных опорных баз. Такие базы были созданы на горе Порочжи, в Чагынгамэвоне, на горе Чхонхак и в других местах.

Наши разведчики, имея такие временные опорные пункты, активно вели и работу с массами. В ходе этой работы привлекли к своей деятельности многих хороших людей. Так, они оказали свое влияние на старика, занимавшегося выжиганием древесного угля, и попросили его собрать некоторую инфор-

мацию и доставать газеты и журналы. Когда старик в какой-то мере привык собирать необходимую информацию, его направили в порты Чхончжин и Вонсан с разведывательным заданием. Остановившись в Вонсане в доме родственника, он долгое время занимался разведкой укреплений в этом порту, докладывая группе О Бэк Рёна полученные важные сведения.

О Бэк Рён привлек к разведывательной деятельности человека, который занимался земледелием и выжиганием древесного угля в глубоких лесах на горе Порочжи. Он неплохо говорил по-японски. Вот почему спустя некоторое время закалки О Бэк Рён послал его в Японию. В те времена японская армия осенью каждого года вывозила в Японию строевых лошадей, подготовленных в пунктах по пополнению конского состава, расположенных в этих местах. И каждый раз самураи выбирали из числа корейцев людей, умеющих обращаться с лошадьми, и брали их с собой в качестве коноводов в Японию. О Бэк Рён заслал упомянутого человека-угольщика в ряды этих коноводов. Получив от О Бэк Рёна особое задание, тот переехал в Японию и прилагал усилия для того, чтобы наладить канал связи между Кореей и Японией через пункты Рачжин – Ниигата и Чхончжин – Цуруга.

Особенность деятельности разведгруппы О Бэк Рёна состояла в том, что она вела действия в широких масштабах и собирала предельно точные данные и сведения.

Информация о районах Чинхэ, Масана и Пусана – укрепленных пунктах на юге Кореи тоже была получена от информаторов, засланных туда группой О Бэк Рёна. Один из них, направленный в Пусан, как мне сказали, вел разведку под вывеской торговца галантереей. В Ресу, где было укрепление противника, тоже работал посланный нами туда подпольщик.

Эти люди вели разведывательную деятельность умело и точно, в широких масштабах. Разработанный командованием

советских войск накануне войны с Японией план десантных операций в Рачжине, Унги, Чхончжине и других важных портах на восточном побережье был целиком основан на данных, собранных группой О Бэк Рёна. Эта группа вела разведку портов весьма умело и дерзко.

Герой-боец КНРА Ким Хек Чхор был воспитан в этой группе. К сожалению, он погиб, выполняя разведывательное задание на Родине, которое было для него десятым по счету. Внутрь Кореи проникла группа из трех человек, среди которых был боец, страдавший ревматизмом. Группа успешно выполнила задание, но тут оказалось, что тот боец не может свободно передвигаться. Группе трудно было действовать. И Ким Хек Чхор шел, взвалив его себе на спину. Начался сильный снегопад. Ноги скользили. Говорили, что идти было очень трудно. Трое двигались медленно, увязая в сугробах. Добравшись до места явки за рекой, они обнаружили, что проводник, ждавший их на явке, ушел, так и не дождавшись.

Командир группы видел, что его боевые друзья, у которых несколько дней во рту не было маковой росинки, оказались на грани голодной смерти. И он направился в село, чтобы достать пищу. После его ухода боец, страдавший ревматизмом, умер, несмотря на то, что Ким Хек Чхор как мог ухаживал за ним.

Сам Ким Хек Чхор тоже едва держался на ногах. Он полз по сугробам, пока полностью не выбился из сил, и уже не мог больше встать. В годы антияпонской вооруженной борьбы немало бойцов умерли с голоду так, как это случилось с Ким Хек Чхором.

Лишь весной следующего года местные крестьяне обнаружили его труп и похоронили на берегу реки Туман. А в другой могиле рядом похоронили бойца, страдавшего ревматизмом. Говорили, что Ким Хек Чхор умер, держа пистолет в руке. Крестьяне, увидя пистолет, пожалуй, догадались, что эти люди -

партизаны.

В наш отряд Ким Хек Чхора привела Ким Чен Сук, когда работала в подполье в Таоцюаньли. Он был мужественным и надежным человеком. Все выходцы из Таоцюаньли воевали хорошо.

Разведку укрепленного района в Кенхыне взяла на себя группа Сон Тхэ Чхуна. Она отлично выполняла задание. Создав временную тайную опорную базу на горе за Унги, группа собрала немало сведений. Летом 1942 года Сон погиб смертью храбрых. Попав в кольцо окружения, он голыми руками дрался с врагами.

Сон служил в Хэлунском партизанском отряде и позже был включен в состав нашей главной части. После перевода в наш отряд он служил командиром отделения и командиром взвода. Пак Ен Сун и Ким Чжу Хен, выходцы из Хэлуна, очень хвалили его, отзывались о нем как об умном и стойком, пламенном человеке с твердыми убеждениями и железной волей. Эта оценка не была преувеличением. Сон пользовался большой любовью товарищей по оружию. Он был ветераном, вступившим в партизанский отряд в том же году, что и Ким Чжу Хен, был красавцем с кудрявыми волосами.

В жизни Сона был эпизод, повествующий о том, каким он был человеком. Когда он проживал в Хэлуне, то по воле родителей был помолвлен с одной девушкой. Юноша и девушка полюбили друг друга, хотя и были помолвлены по договоренности между родителями. Но случилась беда: старший брат девушки, участвовавший в революционном движении, был арестован и брошен в тюрьму. К тому же хибарка ее семьи была конфискована помещиком за долги и все члены семьи стали жить в помещении, где хранились похоронные принадлежности.

Сон занимался в то время комсомольской работой в Чанжэньцзяне. У него сердце разрывалось при виде несчастной

жизни семьи невесты. И у него самого не было средств, чтобы оказать помощь будущим родственникам. После глубоких раздумий он пошел к отцу одного парня по фамилии Ким – члена комсомольской организации соседней деревни и сказал ему, что готов рекомендовать одну девушку в качестве хорошей невесты для его сына, и попросил взамен одного быка. Отец парня, внимательно выслушав Сона, ответил, что может удовлетворить его просьбу при условии, что плата за быка будет произведена через несколько лет. Дело в том, что Сон рекомендовал в качестве хорошей невесты свою любимую девушку.

И вот Сон приобрел быка и, продав его, уплатил помещику долг семьи невесты. Он вернул семье хибарку, на которую был наложен арест, и помог ей покинуть дом, где хранились похоронные принадлежности. Только после этого он откровенно рассказал обо всем своей невесте.

Залившись слезами, девушка заявила, что она не выйдет замуж ни за кого другого. Сон уговаривал ее: «Я, конечно, не хочу отдать тебя в чужую семью, но мы должны пожертвовать нашей любовью ради своих отцов и матерей, братьев и сестер, изнывающих под гнетом помещика. Прошу тебя, не возражай!» Девушка только безмолвно плакала.

Беда не приходит одна. В день свадьбы на деревню налетел карательный отряд. В деревне началась суматоха, а молодожены в свадебных нарядах поспешно убежали из дома. Так члены той семьи разбрелись кто куда: жених вступил в партизанский отряд, а невеста стала заниматься комсомольской работой, оставшись в районе, контролируемом врагом.

Сон Тхэ Чхун тоже вступил в партизанский отряд.

А парень по фамилии Ким воевал позже в Ванцинском партизанском отряде и погиб в бою. Говорили, что многострадальная бывшая невеста Сон Тхэ Чхуна так и не смогла забыть его и прожила всю жизнь одинокой.

Я всегда направлял Сон Тхэ Чхуна в трудные места. Он участвовал во всех без исключения важных боях, которые мы проводили, включая бои на горе Цзяньсаньфэн, в районе Мусана и на Хунцихэ, и каждый раз проявлял исключительное мужество и героизм. В бою на Хунцихэ блестяще выполнил задание в боевом охранении на переднем крае.

Все члены семьи Сон Тхэ Чхуна, как и семья О Тхэ Хи в Ванцине, были революционерами, посвятившими себя борьбе с японцами. Несколько его братьев, в том числе Сон Тхэ И, Сон Тхэ Ун и Сон Тхэ Рён, тоже погибли, сражаясь в партизанском отряде и работая в революционной организации.

Ким Хак Сон погиб во время разведки укрепленного пункта в Кенхыне. Говорили, что он, как и Сон Тхэ Чхун, попал в кольцо вражеского окружения. Он успел передать разведданные Ким Бон Соку, отвлек на себя противника и погиб в бою.

В разведке укреплений в Чхончжине и Ранаме участвовала также и группа Хан Тхэ Рёна. Ее бойцы действовали, переодевшись то японскими жандармами, прикидываясь то сапожником, то рикшей.

Однако никакая маскировка, никакие хитрые приемы не помогли разведать позиции зенитной артиллерии, расположенные на горе, вокруг которой была плотная сеть сторожевых постов. Нужно было подойти к позициям вплотную, чтобы уточнить количество зенитных орудий и их калибр. Сделать же это было трудно.

Однажды группа Хан Тхэ Рёна встретила старика, который с трудом тащил ручную тележку, поднимаясь по дороге, ведущей в гору, в сторону, где были расположены зенитные батареи. Они помогли старику, выбившемуся из сил. Старик горячо благодарил неожиданных помощников. Тогда Хан Тхэ Рён с горечью в голосе сказал ему, что «бродит, занимаясь попрошайничеством», и пожаловался на свою «горькую участь».

Старик, выражая ему сочувствие, вздыхал, что только поражение японцев позволит корейцам жить по-человечески. Тут же Хан Тхэ Рён, указывая на артиллерийские позиции, сказал, что вряд ли японцы, имеющие так много пушек, потерпят поражение. Старик усмехнулся и ответил, что большинство пушек на той горе – фальшивые. Настоящих там лишь несколько, а все остальные – это макеты, сделанные из дерева. Он добавил, что самураи рубили здесь деревья и, содрав со стволов кору и покрасив их краской, перевезли на позиции. Старик хорошо знал даже расположение вооруженных сил японцев в районе Чхончжина, знал, какие суда заходят в порт Чхончжин и выходят из него и что они перевозят.

Его слова, говорят, позволили уточнить достоверность сведений, полученных по другому разведывательному каналу.

В разведке укрепленных пунктов и отдельных укреплений в северной приграничной зоне, включая Онсон, Кенвон и Кенхын, ведущую роль играли группы Пак Гван Сона и Хон Чхун Су.

Группа Пак Гван Сона умело сочетала военную разведку с работой среди масс. Делая главный упор на разведку, она вместе с тем никогда не пренебрегала политической работой по воспитанию народа в революционном духе. Бойцы группы умело вели массовую работу и потому группа широко пользовалась помощью местных жителей в разведке.

В районах Онсона, Унги, Кенвона, Кенхына и Рачжина работали многие организации, которые мы создали еще с первых лет 30-х годов. Разведгруппа Пак Гван Сона успела собрать немало сведений благодаря тому, что хорошо использовала эти организации.

После освобождения страны Пак Гван Сон, вспоминая период действий малых отрядов, говорил, что когда его разведгруппа находилась в северном районе провинции Северный Хамген, она получала активную помощь жителей Онсона.

Оказалось, что они были членами организации, которые оказывали постоянную помощь партизанской армии под сильным влиянием «веяния Гирина» и «веяния Цзяньдао» с первой половины 30-х годов, или их детьми. Он сказал, что староста села, с которым бойцы его группы там случайно завязали знакомство, тоже оказался членом подпольной организации. При встречах с бойцами нашей группы тот староста своевременно сообщал им нужные сведения. «Отдан приказ об усилении сегодня вечером проверки на переправе реки Туман и не надо переправляться через реку, – говорил он бойцам. – Подслушивание разговоров по телефону можно вести безопасно в таком-то пункте».

Среди людей, помогавших бойцам группы Пак Гван Сона, как стало мне известно, был даже старший сержант жандармского подразделения в Намяне. Редко можно было встретить тогда корейца, служившего старшим сержантом жандармерии. Порой встречались корейцы, которые служили помощником жандарма, подобно Хон Чжон У, но чтобы кореец служил старшим сержантом жандармерии – это было редкостью.

Группа Пак Гван Сона решила перетянуть этого старшего сержанта на свою сторону и стала активно общаться с ним. В ходе общения выяснилось, что он является особым членом ЛВР**,** который имел связь с Сон Чжан Чхуном с начала 40-х годов. После того, как Сон Чжан Чхун во время действий малого отряда в уезде Кенвон погиб, он ушел в глубокое подполье, ожидая времен, когда Народно-революционная армия доберется и до него.

Старший сержант жандармерии сообщал разведгруппе все без исключения сведения, поступающие в жандармерию. Он надежно обеспечил и безопасность как бойцов малого отряда КНРА, так и членов революционной организации.

Как-то группа бойцов малого отряда была задержана врагом в ходе разведки укрепленных пунктов вдоль реки Туман. Тогда

старший сержант жандармерии сказал членам организации содействия полиции и агентам, следящим за схваченными нашими товарищами, что лично допросит арестованных. А потом он осыпал их руганью, заявив, что они арестовали своих людей – агентов жандармерии, и выпустил наших товарищей на волю.

Намян служил промежуточным пунктом, обеспечивающим связь между пограничными укрепленными районами и территорией непосредственно Японии. Главное шоссе, железная дорога и линия связи по северной зоне нашей страны, граничащей с Северо-Востоком Китая, пролегали главным образом через Намян, и материальные средства, необходимые японцам для агрессии на континенте, тоже перевозились на Северо-Восток Китая через этот пункт.

Вот почему привлечение разведгруппой старшего сержанта жандармерии в Намяне к разведывательной деятельности в нашу пользу явилось крупным успехом в работе в тылу противника.

Малые отряды и мелкие группы КНРА смело привлекали к военной разведке и людей, служащих во вражеских учреждениях. Один из них, служивший посыльным в полицейском участке в Сосура, оказывал большую помощь членам нашей группы, участвовавшим в разведке укрепленного пункта в Кенхыне и укреплений в Рачжине. Проявляя активность в участке, он снискал доверие полицейского начальника, собирал без помех различные сведения и, наконец, похитил даже важные секретные военные документы.

Насколько мне известно, среди японских полицейских в Чхонхаке, где часто бывали Хан Чхан Бон и Чо Мен Сон, когда они действовали в северном пограничном районе, был также человек, который активно помогал нам в разведывательной деятельности, находясь под их влиянием.

Наши малые отряды и мелкие группы, непрерывно следя за оперативными намерениями японцев и передвижением их вооруженных сил, собирали немало ценных информаций, которые нам были необходимы в разработке плана последней наступательной операции.

Наши товарищи часто проводили повторную разведку, так как японцы любили прибегать к обманным трюкам. И хотя враги применяли всякого рода хитрые приемы, они не могли обмануть наших разведчиков.

Юн Тхэ Хон собрал точные сведения об организационной структуре 1-й армейской группы Квантунской армии и внес большой вклад в составление командованием ОИВ плана военных операций против империалистической Японии.

Серьезное внимание мы обращали на постоянную засылку большого числа подпольщиков в районы, контролируемые врагами. В то время наши подпольщики проникали во многие важные места вражеских районов и даже в армию и полицию марионеточного государства Маньчжоу-Го и в сами японские войска.

У людей, занимающихся подпольной деятельностью, есть один важный принцип. В любых обстоятельствах подпольщик не должен самовольно покидать место своих действий без соответствующего приказа того, кто послал его, и не должен разглашать тайну. Он обязан соблюдать этот принцип даже ценой жизни.

Наши товарищи так и поступали.

Можно взять, к примеру, Чи Ген Су. В преддверии последней наступательной операции наше командование дало ему задание пробраться во вражеский тыл и, осев там на долгое время, заниматься подпольной работой. Местом его деятельности была определена советско-маньчжурская приграничная зона.

На деньги, данные ему для подпольной деятельности, Чи Ген

Су купил землю и дом, обзавелся семьей. Он вел себя, как истинный помещик, искусно привлекая в то же время на свою сторону японских солдат и полицейских. То и дело командование получало добытые им совершенно секретные сведения и материалы, представлявшие особую ценность перед последней наступательной операцией по освобождению Родины.

И после освобождения страны мы не стали отзывать его с места работы, ибо учитывали, что место, где он работает, вскоре превратится в поле битвы с войсками Чан Кайши.

Когда этот район был освобожден, Чи Ген Су пожертвовал свою землю и дом, не дожидаясь, пока на него обрушатся арендаторы, потихоньку стал готовиться к новому севу. Он не стал объектом ликвидации лишь благодаря тому, что добровольно отдал и землю, и дом.

Спустя некоторое время этот район перешел под контроль гоминьдановских войск. И Чи Ген Су вернул себе земли, отданные арендаторам, и, вновь войдя в роль помещика, как и раньше, установил дружеские отношения с командным составом гоминьдановских войск, получая от них ценные сведения.

Однако, случилось так, что сам Чи Ген Су, который совершил свой незаметный подвиг, с освобождением Северо-Востока Китая от господства гоминьдановских войск был объявлен реакционером, попал под суд и чуть не погиб от рук разъяренных крестьян. Невзирая на избиения, которым он подвергся на суде, Чи Ген Су не сказал ничего о своей подлинной личности. И он не избежал бы беды, если бы наши товарищи, присутствовавшие на суде, не поручились за то, что он – боец антияпонского партизанского отряда.

Узнав об этом случае, мы немедленно отозвали Чи Ген Су на Родину.

Вблизи Мицзяна в уезде Хуньчунь есть местечко Соксэкор. В этом уголке жил старик по фамилии Рем. Он зарабатывал на

жизнь охотой на диких зверей. В те времена японцы простым жителям не разрешали охотиться. А если и давали такое разрешение, то непременно требовали оказать им помощь в сборе различных сведений. Старик Рем принял это условие и начал охотиться.

Им Чхор и другие бойцы, взявшие на себя разведку Тумыня, завязали знакомство с этим стариком и просили помочь им. Старик Рем обещал им помогать. Так он начал играть двойную роль: исполнять приказы японцев и вместе с тем удовлетворять просьбу партизан. Врагам старик передавал ложные сведения, а партизанам – подлинные.

Группа Им Чхора добилась успехов в разведке Тумыня благодаря тому, что хорошо использовала возможности этого старика. Предыдущие разведгруппы, посланные в район Тумыня, терпели неудачу, попадая в лапы контрразведки противника, и только одна эта добилась успеха. А Тумынь был местом, где были сосредоточены тайные органы японской разведки, войска и полиция.

После освобождения страны все имущество старика Рема было конфисковано. Народ считал его реакционером, японским агентом. Видимо, он, как и Чи Ген Су, подвергался оскорблениям со стороны крестьян на суде. В начале 1946 года Им Чхор поручился за старика Рема. После этого тот стал пользоваться уважением людей как корейский патриот.

С приближением начала решительной военной операции по разгрому японских оккупантов еще более активизировалась наша военно-политическая деятельность, направленная на то, чтобы открыть путь к операции.

В канун поражения Японии в ее политических и военных кругах звучали призывы «отстоять Корею». Утверждалось, что Корея представляет собой не только плацдарм для войны на континенте и последний опорный пункт битвы за «установ-

ление системы самостоятельной жизни и спокойствия», но и «последнюю кровеносную артерию» для существования Японии и потому ее надо удерживать до конца. Японцы для этого делали, что могли.

Под призывом «отстоять Корею» скрывалось намерение самураев продлить свое существование, сделав Корею своим последним бастионом и сражаясь за нее до конца.

Следовательно, реализация этого призыва означала бы превращение корейской земли в поле последней, решающей битвы по уничтожению японского империализма.

Исходя из этого, мы прилагали огромные усилия к активизации разведки все новых, новых важных военных объектов врага внутри Кореи, бросая на это большие силы.

Особенно важное значение имела разведка вражеских военных аэродромов.

Японские империалисты, расширяя войну по эскалации, построили в Корее и Маньчжурии много новых аэродромов, расширяли старые. В нашей стране аэродромы были построены на восточном побережье – аэродромы в Чхончжине, Кильчжу и других местах были сооружены в ходе расширения войны.

Впрочем, на новом аэродроме, построенном в Кильчжу, взлетавшие самолеты почему-то падали на землю. Только после неоднократных испытательных полетов поняли, что воздушные потоки в районе Кильчжу «поглощают» самолеты. Японцы немедленно закрыли этот аэродром. Но в результате его строительства многие крестьяне лишились земельных угодий и остались с пустыми руками. Наши товарищи, направленные на восточное побережье, сообщали даже такие сведения.

Члены разведывательной группы, объектом которой был аэродром в Хвэрене, уточнили, что на этом аэродроме всего несколько настоящих самолетов, а все остальные – макеты.

Группа Ким Чжа Рина, добравшаяся до Пхеньяна по во-

сточному побережью, поднялась на гору Моран и оттуда сфотографировала аэродром.

На аэродроме были ремонтные мастерские, где ремонтировали самолеты и автомобили. Там был также и склад запасных частей, транспортная служба, больница, столовая и многие другие строения. Группа Ким Чжа Рина запечатлела все эти объекты на фотографиях, проникнув на аэродром в форме японских жандармов.

Объектом Ким Дэ Хона, посланного в Северную Маньчжурию, тоже был аэродром. Замаскировавшись под чернорабочего, он в течение четырех месяцев успешно вел разведку аэродрома, расположенного на советско-маньчжурской границе. Оказалось, что подлинных самолетов на этом аэродроме было не больше двадцати, а остальные были деревянными макетами.

Нашим разведчикам пришлось преодолевать немалые трудности. Одни из них были вынуждены сидеть несколько дней в грязной воде в котловане строящегося сооружения близ железной дороги, чтобы зафиксировать передвижения врагов, получить сведения о составе военных поездов, их числе и времени прохождения. Другие в летний зной целый день обливались потом в душном месте, напоминающем нору барсука, наблюдая за тактическими занятиями отрядов неприятеля.

Не могу забыть о деятельности одной группы, бойцы которой вели разведку в местах, удаленных от учебной базы на сотни километров, и погибли смертью храбрых.

Эта группа в назначенные дни обязательно докладывала по рации командованию о полученных сведениях.

Эти своевременно переданные сведения оказались столь богатыми и точными, что ими остались очень довольны и советские товарищи, не говоря уже о нас.

Однажды эта группа сообщила по рации о чрезвычайном

происшествии. «Группа, – говорилось в радиограмме, – окружена врагом. Рация расположена на высоте. Просим незамедлительно принять последние разведданные». Девушка-радистка сообщала, что враги окружили гору, где находится рация, и приближаются к ней. Молодой боец первым вступил в решительный бой и погиб. Погиб и старый боец. Теперь, сообщала девушка-радистка, она закончила передачу и решила сама погибнуть, уничтожив побольше нападающих врагов, взорвав связку гранат.

Девушка-радистка из Южной Маньчжурии, передав по рации это свое последнее сообщение, героически погибла.

Ким Хон Су тоже погиб смертью храбрых.

В 1943 году он направился в сторону Хуньчуня с разведывательным заданием, но был арестован. Враги подвергли его жестоким пыткам, чтобы заставить заговорить. Ким Хон Су же не говорил ни слова.

Самураи убили его, бросив в машину для дробления картофеля. Заметка о гибели героя была напечатана крупным шрифтом в газете ОИВ.

Ким Хон Су, не говоря лишних слов, брал на себя любые трудные задания, и я очень берег его. Но все-таки он погиб такой трагической смертью.

Чи Бон Сон, направленный в Хуньчунь на разведку, тоже погиб весной того же года.

Можно без конца рассказывать о разведывательной деятельности малых отрядов и мелких групп КНРА и их героической борьбе.

Успехи, достигнутые нами в области разведки в тылу врага в дни, когда мы открывали путь решающим военным операциям против Японии, были бы невозможны без поддержки со стороны народа. Он оказывал нам большую помощь.

Готовясь к ведению трудной разведки во вражеском тылу,

мы, разумеется, возлагали большую надежду на помощь народа и еще раз советовали бойцам малых отрядов и мелких групп всегда опираться в своих действиях на местное население и пользоваться его помощью. Но вместе с тем нас беспокоила мысль, смогут ли они, ведя новую форму боевых действий – разведку во вражеском тылу, дружить с народом, сумеют ли завязать с людьми прочные связи и добиться его понимания, сочувствия и поддержки, как в то время, когда мы широко развернули на Северо-Востоке Китая и внутри Кореи партизанские действия крупными отрядами.

Однако наше беспокойство оказалось напрасным. В своей тяжелой, кровопролитной борьбе, прокладывая путь к предстоящим военным операциям против Японии, мы пользовались на каждом шагу поддержкой и помощью народа. Еще раз тем самым было доказано, насколько правы мы были, неизменно веря народу и опираясь на него.

В те дни мы еще глубже убедились, что как мы верили народу и опирались на него, так и народ верил КНРА и, обращая взоры на гору Пэкту, поднимался на борьбу.

Эта истина, это убеждение, что мы непременно победим потому, что верим народу, а народ верит нам, потому, что вся нация поддерживает нас, удесятеряли нашу силу, наше мужество крепло в сотни, тысячи раз, с новой силой вдохновляя нас на последнюю, решающую битву с японским империализмом.

Собранные нами обильные разведывательные сведения служили большим подспорьем в подготовке предстоящих военных операций против Японии и завоевании окончательной победы. Если бы не было столь смелой и широкой разведывательной деятельности КНРА, то военные операции по разгрому миллионной японской Квантунской армии не увенчались бы победой в столь кратчайший срок.

Вот почему мы испытываем чувство большой гордости за то,

что в первой половине 40-х годов бойцы КНРА путем активных действий малых отрядов и мелких групп и путем упорной, мужественной военно-разведывательной деятельности, ценой своей крови открывали путь к проведению военных операций против Японии, тем самым сыграв авангардную и решающую роль в разгроме японского империализма.

4. Дух нации

Первая половина 40-х годов. Корейская нация оказалась на перепутье: какой будет ее судьба, будет ли она дальше существовать как самостоятельная нация или нет, возродятся ли у нее растоптанные национальные черты или нет? Ведь если не заменишь свою фамилию и имя на японские, не будешь бить челом перед синтоистским храмом, не станешь говорить на японском языке вместо своего родного – тебе не жить! Такая трагическая участь была уготована корейцам.

Однако патриотически настроенные люди, прогрессивные представители интеллигенции Кореи не прекращали упорную борьбу за сохранение духа своей нации, устремляя взоры к горе Пэкту, к прославленному борцу против японского империализма Полководцу Ким Ир Сену. Об этом товарищ Ким Ир Сен вспоминал так.

С наступлением 40-х годов японские империалисты стали еще яростнее раскручивать маховик механизма по превращению корейцев в «верноподданных японского императора». Их целью было превратить корейцев в японцев. Они пытались за несколько десятков лет японизировать корейскую нацию, имеющую пятитысячелетнюю историю! Это лишний раз показывает, насколько жестокой и безжалостной была их колониалистская политика.

Так, первоклассников начальной школы прежде всего учили песне о японском флаге с изображением солнца. Уже с порога начальной школы они вдалбливали корейским детям в голову «дух верноподданного японского императора, дух преданности Японии». Не случайно в учебниках для детей фигурировал некий Ноги – фанатический приверженец монархии, который якобы показал свою «преданность и верность» императору через самоубийство. Чтобы начинить головы детей такой психологией, японцы в качестве примера «верности Микадо» изображали такого оголтелого главаря милитаристов, как Ноги. И «присяга», и «гимнастика» для «верноподданных японского императора» были навязаны корейцам для ассимиляции с

японцами.

Наши природные богатства подвергались безжалостному разграблению. Разумеется, нам было обидно и больно, мы испытывали чувство, словно у нас отрезали частицы тела. Но японцы не довольствовались и этим. Они отбирали у корейцев все вещи, изготовленные из латуни, – миски и ложки, палочки для еды, даже подсвечники и рюмки с жертвенного стола, словом, обдирали нас как липку, не гнушаясь даже головными шпильками для женских причесок.

В древние времена в горах Кымган росло много вековых деревьев-великанов, возраст которых составлял несколько сотен лет. Однако после начала китайско-японской войны японцы вырубили все вековые деревья, росшие вокруг буддийских храмов в горах Кымган.

Не счесть ценностей, отнятых у нас оккупантами. Как же было корейцам не возмущаться этим!

Но обиднее всего было то, что японцы прибегали ко всяким подлостям, чтобы лишить корейцев национальных черт. Одеваться надо было в цветную одежду, изменять фамилию и имя на японские, употреблять в быту японский язык, посещать синтоистские храмы, чтить полдень минутой молчания – всех этих подлостей, которые навязывали нам, не перечесть!

Самым подлым в поведении японцев я считал то, что они запретили корейцам общаться на своем родном языке, требовали говорить только на японском. Но нация характеризуется прежде всего единством кровного родства и общностью языка. Может ли корейская нация существовать без своего родного языка? Нет, не может.

Спрашивается, что значит говорить на японском языке вместо своего родного? Разве это не попытка навсегда стереть с лица земли корейскую нацию? Лишившись языка, нация неминуемо погибнет.

Японские империалисты провозгласили тогда лозунг – «добиваться единства Кореи и Японии как одного целого с употребления японского языка в быту», и требовали от корейцев говорить по-японски в семье, в храмах и даже в банях, не говоря уж об учреждениях, фирмах, учебных заведениях, заводах и фабриках. Газета «Гомин ниппо» была специально предназначена для насаждения японского языка.

Не ограничиваясь требованием о постоянном употреблении японского языка, японские империалисты пошли дальше, они заставляли корейских писателей писать свои произведения на японском языке, на японском же языке выходил и журнал «Национальная литература».

В последний период японского правления в театральных спектаклях требовали одно и больше действий вести обязательно на японском языке. После освобождения страны у меня был случай встретиться с Хван Чхором, Мун Е Бон, Чо Рен Чхуром и другими, беседовать с ними. Они говорили, что корейским киноактерам навязывали разговор на японском языке при озвучивании, а от певцов при записи корейских песен на пластинку требовали исполнять один куплет и более обязательно на японском языке. Позже они придумали так называемое «движение народа за разучивание песен», заставляя корейцев петь фашистские военные песни.

К учащимся, отказывавшимся употреблять японский язык в учебных заведениях, относились как к лицам, не имеющим подданства. Говоривших по-корейски в ведомствах вообще не принимали, не выдавали продовольственного пайка. Не желающим употреблять японский язык не продавали и проездные билеты по железной дороге.

Знаете ли вы, что такое «камитана»? Это какой-то «божественный» ящичек на японский манер, в котором хранится дощечка с именем – «Аматэрасу» – японской верховой богини

Солнца. Заставляя корейцев поклоняться такому ящичку в каждом доме, настойчиво твердили: «Японцы и корейцы – от одних предков».

Вернувшись на Родину после освобождения страны, я видел человека, который побывал в японской тюрьме только за то, что позволил себе оправиться возле синтоистского храма.

На дальневосточной учебной базе мне рассказывали об одном крестьянине, который, уступив угрозам, сменил скрепя сердце фамилию и имя на японские. Ему было сказано – не сделаешь этого – сына исключат из школы. Он горько сетовал, что ему никогда не искупить теперь вину перед своими предками, и с камнем на груди бросился в колодец.

Суровое было время. Люди, хоть жили и дышали, ничем не отличались от живых трупов.

Разумеется, нет ничего удивительного в том, что захватчики проводят в оккупированных ими колониях политику ассимиляции нации. Ее проводили каждый по-своему. Турция – в Болгарии, Англия – в Ирландии, царская Россия – в Польше, Франция – во Вьетнаме. Но вряд ли найдутся такие колонизаторы, как японские империалисты, которые лишили народ чужой страны его языка и письменности, заставляли изменять фамилию и имя на свой лад.

Когда они, ворвавшись в королевский дворец чужой страны, безжалостно били и кололи мечом королеву, у них не дрожала рука. На что только не были способны эти мерзавцы! Начиная с 40-х годов, такие вопиющие злодеяния, которые сравнимы с оскорблением королевской династии в конце прошлого столетия, японские империалисты постоянно совершали без стыда и совести во всех областях жизни корейского общества. Корейский народ действительно находился в критической ситуации. Стоял вопрос – погибнет ли он навсегда или останется жить.

Корейские интеллигенты стояли перед выбором – поднять руку на японскую политику истребления другой нации или безропотно подчиниться ей. Третьего было не дано.

Разумеется, большинство интеллигентов выбрали путь сопротивления. Но были и такие, которые отвернулись от своей нации, пытаясь найти себе убежище от реальной действительности, или, став на колени, добивались продвижения по служебной лестнице. Среди них были и такие, кто обеими руками голосовал за политику национальной ассимиляции, проводимую японскими империалистами, и сотрудничал с ними.

На дальневосточной базе мне доводилось часто читать печатные издания, полученные из Кореи. И мне хорошо было известно, кто оставался патриотом, кто предал Родину, кто стал карьеристом, кто попал в тюрьму, кто изменил своим убеждениям, кто за них повешен на виселице.

Кто из вас читал статью Ли Гван Су по поводу замены фамилий и имен на японские? Мы читали ее на страницах газеты «Мэиль синбо». В ней говорилось: «Я – подданный императора, и мои дети будут жить, как подобает подданным императора. Я изменил свою фамилию на Каяма. Это, считаю, более подобает подданному императора». По словам Ли Гван Су, фамилию Каяма он взял от названия горы в тех краях, где император Японии Дзинму взошел на престол.

Читая эту статью, не найдешь в ней ни проблесков совести, ни достоинства корейца. Перерожденец Ли Гван Су превратился просто в гнусного подлеца. Если в «теории преобразования нации» он, можно сказать, снял с себя только *турумаги* (корейский верхний халат – ред.) и *чогори* (рубашка национального стиля – ред.), то в этой статье он просто разделся догола, сняв и брюки и белье, и открыто показал себя японским холуем.

Он опубликовал в журнале и статью, превозносящую си-

стему набора добровольцев в японскую армию.

После освобождения страны Ли Гван Су выдавал свои прояпонские деяния чуть ли не за патриотические поступки, направленные на «сохранение нации». Ради сохранения нации, по его словам, поневоле приходилось сотрудничать с Японией. Тогда спрашивается: если он действительно мечтал о сохранении нации, то почему же восхвалял систему набора добровольцев? Сколько людей вернулись живыми из числа тех, кто «добровольцем» пошел на поле войны?

Среди буддистов был поэт Хан Рён Ун. Во время Перво-мартовского народного восстания он был одним из 33 национальных представителей. Будучи буддистом, он состоял в группе приверженцев практических действий, которая заявляла: «Независимости Кореи следует добиваться не путем подачи петиций, а решительными действиями самой нации, без этого она невозможна». Арестованный, он отказался и от адвоката, и от передач, и от освобождения под залог. Говорят, когда большинство национальных представителей стали колебаться, объятые страхом, он швырнул в них тюремную парашу и воскликнул: «Ах вы, подлецы этакие! Разве вы – люди, которые за нацию и страну?»

Позже японцы вознамерились подкупить его, соблазняя государственными землями, обещанными ему. Но Хан Рён Ун категорически отказался и от этих посулов. А когда его коллеги и близкие друзья за счет своих пожертвований построили ему квартиру в квартале Сонбук в Сеуле, он настаивал, чтобы она была обращена задом к каменному дому японского генерал-губернаторства. Ему, мол, противно даже смотреть на этот дом.

Как-то раз Хан Рён Ун встретился на перекрестке Чонро с Ли Гван Су. Говорят, это было время, когда Ли Гван Су суетился, предлагая корейским юношам и девушкам вступить в учи-ническо-студенческий отряд для участия в войне. А Ли

Гван Су и Хан Рён Ун были близкими приятелями.

Однако в тот день Хан Рён Ун сделал вид, что не замечает Ли Гван Су, и собрался было пройти мимо него. Ошеломленный этим Ли Гван Су схватил его за руку и обратился к нему со словами: «Я же Чхунвон. Неужели не узнаешь меня?» Но Хан Рён Ун, говорят, покачав головой, заявил: «Тот Чхунвон, Ли Гван Су, кого я знал, давно умер, его нет на свете». Это можно было считать смертным приговором, который буддист вынес Ли Гван Су, изменившему своей нации.

Чвэ Нам Сон тоже совершил поворот от патриотизма к сотрудничеству с Японией. Он даже заявил публично, что Корея обречена, что ей не избежать японизации культуры. А ведь оба они – и Ли Гван Су, и Чвэ Нам Сон – из тех, кто хвастал своим умственным багажом, выдвигая себя на первый план. Но какой толк от такого багажа знаний и писательского таланта, если человек лишен веры?

Перед политикой ассимиляции, проводимой японцами, не устоял и Чвэ Рин.

Находились и такие литераторы, которые писали проянонские стишки и получали даже награды от генерал-губернаторства.

Отдельные интеллигенты, сетуя на то, что родились корейцами, изменили своим предкам и, облачившись в японский наряд, отвешивали поклоны в сторону японского императорского дворца. Предав нацию, они занимались бредовой болтовней: «Погибнем славной смертью во имя императора!», в то время как патриотически настроенные ученые, педагоги, деятели литературы и искусства, работники средств массовой информации, словом, интеллигенты, в ком была жива совесть, презирая таких подлецов, упорно отстаивали дух корейца.

Возьмем Ли Ги Ена. Он дважды побывал в тюрьме по делу КАПП. Такой, как Рим Хва, попав в тюрьму, сразу же переме-

нился, но Ли Ги Ен и после тюрьмы оставался верен своим убеждениям, оставался писателем-патриотом.

После выхода из тюрьмы Ли Ги Ена ждала безработица, ему пришлось скитаться по улицам Сеула. Это было время, когда японские империалисты, обнародовав так называемый закон об охране и надзоре над корейскими политзаключенными, сгоняли патриотов и других прогрессивных деятелей, обвиняемых в политических преступлениях, под крышу дома охраны и надзора над политзаключенными. Им прививали прояпонский лозунг – «служить отечеству верой и правдой». Это означало навязывание отступничества.

Почти через каждый третий день Ли Ги Ена вызывали в полицейский участок, принуждая его к отступничеству. Враги требовали и от него писать произведения на японском языке, читать прояпонские лекции тоже на японском языке.

Но Ли Ги Ен был человек-кремень, его не могло сломить никакое давление и насилие. И в ответ на требования японцев, навязывавших ему «национальную литературу», он, наоборот, писал повесть на корейском языке. Так он сопротивлялся их политике «превращения корейцев в верноподданных японского императора». Говорят, Ли Ги Ену просто не стало житья после того, как он был включен в «черный список». Он так остро нуждался в деньгах, что когда умер его второй сын, не имея денег на его похороны, он возле тела умершего писал рассказ «Деньги».

Ли Ги Ен не терпел донимающих его полицейских и, решив скрыться от них, перебрался с семьей в глухое место в горах Кымган. Однако око японской охранки неотступно следило за ним и в горной глуши. Говорят, двери его домика не раз разлетались под ударами камней, брошенных японскими прихвостнями.

Однако он, не покорившись, хранил свято честь

патриота-интеллигента. Обратиться к нему за советом по ночам спускались с горы к нему в дом люди, уклонявшиеся от воинской и трудовой повинности и живущие отшельниками. А он агитировал их: надо оказать сопротивление японцам и не спускаться с горы, если даже придется питаться травой, подобно волу или лошади. Говорят, что многие из юношей, находившихся под влиянием Ли Ги Ена, после освобождения страны стали руководящими кадрами в тех краях, где он тогда жил.

Ли Гван Су переменил фамилию и имя, а Ли Ги Ен их не менял до тех пор, пока японским оккупантам не пришел конец. Он и родственникам своим не позволил изменить фамилию и имя, иначе, говорил он, они станут «собачьим отродьем».

После освобождения страны, когда мне впервые довелось встретиться с ним в Пхеньяне, я сказал ему: «Удивительно, что вы, слабый человек, смогли стойко перенести и тюремные муки, и кампанию по переименованию». На что он мне ответил: «Какой же я писатель, если не смогу сохранить свои убеждения! Вот 17-летняя девушка Рю Гван Сун рассталась с жизнью, но сберегла свою честь. Помните катастрофическое землетрясение в районе Канто? Я видел тогда на улицах Токио, как японцы безжалостно убивали корейцев бамбуковыми копьями, японской саблей и металлическими крюками. Тогда я решил, чего бы это мне ни стоило, свести счеты с ними, если даже после смерти попаду в ад».

В числе патриотов, решительно выступавших против японской политики ассимиляции, направленной на уничтожение духа корейской нации, был и Син Чхэ Хо.

Это был авторитетный историк и в то же время известный писатель и публицист. Он отлично владел пером. В гиринский период я читал у священника Сон Чжон До его большое обвинительное заявление, в котором автор разоблачал Ли Сын

Мана, обращавшегося к США с просьбой взять Корею под свой мандат. Это острое заявление было проникнуто высоким пафосом. Оно понравилось мне до того, что я перечитывал его несколько раз. Поэтому и священник Сон, по его словам, бережно хранил эту статью.

Син Чхэ Хо издавал газеты и журналы в Шанхае и Пекине, написал много статей, разоблачающих примиренцев. Говорят, если газета выходила с его очередной статьей, люди наперебой покупали ее, вырывая друг у друга из рук. Прочитав его статьи, получаешь впечатление, будто перед глазами – сама жизнь. Каждая строка статьи была проникнута живым корейским духом.

В конце 20-х годов Син Чхэ Хо был арестован японцами и заточен в Люйшуньскую тюрьму. Он провел в ней почти десять лет, но не склонился перед японцами.

И в тюрьме он не прекращал писать статьи, в которых бился пульс нации.

В Люйшуньской тюрьме он продолжал работать над «Древней историей Кореи» и «Историей древней культуры Кореи». Уже один только этот факт свидетельствует о том, какие усилия он прилагал, отстаивая ортодоксальность и дух корейской нации.

Он писал, оставаясь патриотом до последней капли крови, и умер в сырой тюрьме на чужбине.

Патриотически настроенные интеллигенты и другие деятели, которые, задыхаясь в тюрьме, горели, отстаивая дух нации и пробуждая ее национальную гордость. Их непоколебимый дух сопротивления заставлял меня острее чувствовать необходимость помочь им отстаивать дух нации, объединить всех их воедино, чтобы они сыграли важную роль в рядах сил для всенародного сопротивления.

Вопросы сохранения национального духа и подготовки ко

всенародному сопротивлению неразрывно связаны. Защита национального духа была не только моральной основой в подготовке к этому сопротивлению, но и одним из звеньев в цепи самой этой борьбы. Без борьбы в защиту национального духа нельзя было объединить широкие патриотические силы в ряды всенародного сопротивления.

Придавая важное значение роли интеллигенции, призванной сохранить историю, культуру и традиции нации, мы постоянно посылали своих подпольщиков для работы в кругах интеллигенции в самой Корее и за ее пределами.

Политработников-подпольщиков, отбывающих в Корею, я напутствовал: «Дети появляются на свет благодаря матери. Так и человек, кем бы он ни был, рождается в объятиях нации, он не может оторваться от нации и после смерти. Все мы, без исключения, связаны одной кровью, живя в одном доме, именуемом нацией. Поэтому в борьбе в защиту нации не может быть хозяев и гостей. Во имя нации ведется революция, во имя защиты нации – вооруженная борьба. Мы хотим вернуть себе не только землю Родины, но и ее историю и культуру, словом, возродить саму нацию. Поэтому вы обязаны тесно сочетать борьбу всего народа в защиту национального духа с вооружением населения, тщательно вести подготовку ко всенародному сопротивлению, расширять сеть организаций ЛВР в широких кругах интеллигенции – среди ученых, педагогов, работников средств массовой информации, деятелей литературы и искусства и других лиц, чтобы все они стали воспламеняющими искрами, превратились в пули и бомбы в этой борьбе в защиту национального духа».

В конце 1938 года газета «Тоньа ильбо» поместила сообщение об аресте лиц, подозреваемых в причастности к деятельности тайной организации, носившей название «красное научное общество» в сеульском колледже Енхи. Эта заметка при-

влекла внимание читателей. Членом этого общества был и Пэк Нам Ун, ставший первым министром образования КНДР.

Японцы говорили: станешь на колени – обращаюсь к тебе как к человеку, не станешь на колени – как к скотине. Таким было то тяжкое время. Но Пэк Нам Ун, будучи интеллигентом, выбрал путь сопротивления, чтобы защитить и отстоять национальный характер корейцев.

Он окончил коммерческий институт в Японии, одновременно зарабатывая себе на пропитание и плату за учебу. Потом работал преподавателем в колледже Енхи.

«История социально-экономического развития Кореи» – это его известная работа, в которую он вложил большой труд. Занимаясь преподавательской работой, он много писал. Когда японские оккупанты бесчинствовали, стараясь задушить национальную экономику Кореи и каленым железом выжечь из лексикона само понятие «корейская нация», Пэк Нам Ун написал историю социально-экономического развития своей Родины. Это был выдающийся патриотический поступок.

В сеульском колледже Енхи действовала легальная организация – «Научное общество по изучению экономики». Именно Пэк Нам Ун играл главную роль в превращении его в организацию с революционными настроениями.

Вместе с коллегами-профессорами он превратил эту простую научную организацию в «красное» общество, насыщенное политикой и устремленное к коммунизму.

С тех пор, как была установлена связь с посланным нами политработником-подпольщиком, вся деятельность общества была направлена на осуществление Программы ЛВР из десяти пунктов. Говорят, в дни каникул все члены организации уходили в народ, вели среди населения просветительскую деятельность.

В документе «Состояние охраны общественного спокойствия

в Корее в последнее время», опубликованном полицейским департаментом генерал-губернаторства в Корее, говорится: красное научное общество, поставив своей целью осуществление коммунистической революции, организует научно-теоретические конференции, семинары, собрание читательского кружка, продолжает активную деятельность, чтобы пропагандировать среди своих членов коммунистические идеи.

Говорят, Пэк Нам Ун жил уединенно. Когда остался без работы, занимался переводом книг «Личжосиллок» («Подлинные записи истории династии Ли»). Так продолжалось до тех пор, пока не потерпели поражение японские империалисты. И то, что он написал «Историю социально-экономического развития Кореи», и то, что превратил научное общество по изучению экономики в «красное», и то, что решил перевести «Подлинные записи истории династии Ли», – все это было вызовом политике «превращения корейцев в верноподданных японского императора», проводившейся японскими империалистами.

Не кто иной, как Пэк Нам Ун с зимы того же года, когда до него долетела весть о бое в Почхонбо, прекратил топить печку и жил в холодной комнате. Почему он не топил печь? Он сказал: «Мне было неловко, когда я узнал, что Ким Ир Сен и все другие партизанские бойцы и командиры во все времена года – и весной, и летом, и осенью, и зимой – едят и спят прямо под открытым небом, укрывшись сухими листьями, и я решил так сделать».

Когда мы образовали первый Кабинет Министров, то назначили его министром образования. Одно время он работал и президентом Академии наук, и заместителем председателя Президиума ВНС. На всех постах он работал очень добросовестно.

Вышедший из нашего народа генетик и селекционер с ми-

ровым именем Ке Ын Сан тоже отличался высоким национальным достоинством и глубокими научными убеждениями.

Сызмальства он очень увлекался учебой. Жил в крайней нужде, говорят, не имел бумаги и писал на сухих листьях. Редко ему доставались такие вещи, как носки, и их он не надевал, а носил в кармане. Надевал же только тогда, когда он ходил в гости. Обувь тоже не носил, обычно ходил, держа ее в руках, боясь, как бы она не износилась.

Но, считая каждую копейку, с каким рвением он занимался! Благодаря своему кропотливому труду он смог окончить университет в Японии, а, в конце концов, окончил и аспирантуру при университете.

По окончании аспирантуры его, славившегося своими способностями в студенческие годы, приглашали в различные районы Японии. Его научный руководитель в студенческие годы приглашал его работать совместно. Он соблазнял его тем, что в Маньчжурии создается великолепная сельскохозяйственная опытная станция, и звал поехать туда, чтобы работать вместе.

Но Ке Ын Сан отклонил все просьбы. Его сокровенной мечтой было уехать в те края, где можно жить, не видя произвол японских оккупантов, и продолжать заниматься исследовательской работой по шелководству. Он очень хотел вернуться на Родину, чтобы вести там научно-исследовательскую работу. Но передумал.

После тяжелых раздумий Ке Ын Сан решил перебраться во Внутренний Китай. К тому времени в южных провинциях Китая японцев не было. Вторжение самураев во Внутренний Китай началось после событий 7 июля.

Ке Ын Сан пришел к решению возвратиться на Родину лишь тогда, когда японские войска заняли Гуандун. Раз мир превратился в японскую вотчину, раз везде хозяева – японцы,

лучше возвратиться в родные края, где покоится прах предков, – решил он. При возвращении с юга Китая он захватил с собой грену шелкопряда новой породы, выведенного ценой больших трудностей на чужбине.

После освобождения страны он не мог равнодушно смотреть на произвол американской военной администрации в Южной Корее и он перебрался в Пхеньян с греной в чемодане. Когда мы впервые с ним встретились, Ке Ын Сан стал изливать душу. Сохраняя дух корейца, говорил он, было невозможно жить при американской военной администрации. Слушая его, я еще раз убеждался в том, что этот ученый очень силен своим национальным достоинством.

После переселения в северную часть страны Ке Ын Сан вывел много лучших, высокопроизводительных и болезнестойких пород шелкопряда.

Только люди твердых убеждений могут отстоять национальный дух.

Тот, кто хочет по-настоящему служить делу Родины и народа, будучи интеллигентом, должен обладать пламенным патриотизмом и непоколебимыми научными убеждениями.

К числу организаций, развернувших в стране в последний период японского правления активную борьбу в защиту корейского национального духа, относится и Научное общество корейских языковедов (НОКЯ).

По словам Ли Гык Ро, это общество было создано в начале 30-х годов. Его предшественником являлось Общество по изучению корейского языка.

НОКЯ, работая тихо, без шуму, делало большое дело. После организации этого общества в нашей стране по-настоящему началась работа по составлению словаря корейского языка. До этого у нас более или менее приличного словаря корейского языка не было.

Нет слов, многие ученые пытались составить его. Но то было время, когда страна шла к своей гибели, поэтому очень трудно было подготовить настоящий словарь.

Однако члены НОКЯ все же решили взяться за это ответственное дело.

Культура не может развиваться без языка. Ее развитие невозможно без рационального упорядочения и единства языка и письменности, лежащих в основе культуры. Самым мощным средством при этом является именно словарь, представляющий собой комплексное обобщение языковых ресурсов нации.

Составление словаря национального языка требовало длительного кропотливого труда. К тому же у ученых не было денег. Нельзя было обращаться за помощью к населению – ведь работа шла негласно и была скрыта от глаз японцев. Можно представить себе, насколько трудно было вести такую огромную работу, как составление словаря, в условиях, когда не было хоть сколько-нибудь порядочного ориентира, который могли бы взять за уникальную норму при записи речи и обозначении письменных знаков.

На всякий случай они составили рукопись в двух экземплярах, спрятали их отдельно друг от друга. Прошли десятки лет после гибели страны. Те люди, которые не хотели или не умели говорить по-японски, подвергались унижениям не меньшим, чем немые. В такое суровое время ученые собирали, как сокровище, каждое слово корейского языка, отвергнутого оккупантами, и заносили его в словарь. Какие это были славные и убежденные патриоты!

НОКЯ втайне вело активную деятельность и за рубежом. В 1935 году оно участвовало в Международном симпозиуме по вопросам фонетики, прошедшем в Англии, а в следующем году – во Всемирном конгрессе по языкознанию в Дании. Там они разоблачали перед всем миром японских империалистов,

пытавшихся уничтожить корейский язык.

Первым органом по обработке и изучению корейской письменности в Корее было ведомство правописания, учрежденное королем Сэчжоном. Несмотря на упорные протесты Чвэ Ман Ри и других ученых-низкопоклонников, король поощрял «хунминчжоньым» – корейскую национальную письменность. Это было весьма похвально. Он велел сочинить и «Гимн в честь деяний короля» с использованием корейской национальной письменности, приказал оформлять все официальные бумаги на родном языке, издавать конфуцианские и буддийские тексты с использованием национального письма.

При короле Енсангуне ведомство правописания было упразднено и корейское национальное письмо оставалось без внимания. Сотни лет потом к нему относились с пренебрежением, как к сорной траве, и возродилось оно лишь при реформе в 1894 году, году Кабо.

С конца прошлого столетия корейская национальная письменность едва увидела свет, но японцы стали топтать ее под лозунгом – «японский язык – в быт». Против этого произвола поднялось именно НОКЯ.

Однако, выступая за независимость Родины и упорядочение и распространение корейского языка, оно с осени 1942 года стало подвергаться репрессиям со стороны оккупантов.

Японская полиция арестовала несколько десятков ученых из НОКЯ и лиц, причастных к его деятельности.

Нам об их аресте сообщили те, кто возвратился из Кореи после действий в малых отрядах. Гневу нашему не было предела.

То было время, когда весь наш лагерь бурлил и торжествовал, получив известие о том, что советские войска разгромили сотни тысяч немецких солдат под Сталинградом, но от недоброй вести о том, что десятки корейских ученых арестованы и

подвергаются истязаниям, мы даже потеряли аппетит.

Ученые были брошены в Хамхынскую тюрьму, пытки были такими жестокими, что несколько человек погибли в тюрьме в процессе предварительного расследования, но остались верными Родине.

Хотя японская полиция и считала НОКЯ антияпонской организацией, борющейся за независимость Кореи, ей так и не удалось узнать, что она находилась под нашим влиянием. Арестованные ученые до конца сохранили эту тайну, жертвуя жизнью и проливая кровь.

В рядах НОКЯ работала наша подпольная организация, среди членов которой были Ли Гык Ро и другие передовые деятели. Она была непосредственно связана с нашей организацией. Говорят, что Чвэ Иль Чхон посетил Ли Гык Ро, проживавшего в Сеуле, осенью 1936 и летом 1937 года, когда мы послали его туда с заданием создать организации ЛВР среди интеллигентов в Корее.

Будучи руководителем филиала газеты «Тонья ильбо» в Чанчуне, Чвэ Иль Чхон часто посещал Сеул, хорошо выполнял наши задания.

Ли Гык Ро подвергался в тюрьме жестоким пыткам. Всю «вину» он брал на себя, заявляя, что все содеянное товарищами – дело только его рук.

По возвращении в Сеул, невзирая на пошатнувшееся здоровье, он проделал многое для сплочения демократических сил и строительства суверенного, независимого государства, превратив НОКЯ в опорный пункт.

После освобождения страны Ли Гык Ро приехал в Пхеньян на Апрельское совместное совещание представителей Севера и Юга. При встрече я говорил ему: «С глубоким вниманием следили мы за делом Научного общества корейских языковедов. Нас очень беспокоило то, что японские полицейские чуть ли не

каждый день подвергали вас пыткам. А некоторые ваши коллеги погибли от сильных избиений. Но члены общества остались несгибаемыми и в тюрьме. Мы восхищены их стойкостью и волей, проявленными в антияпонской борьбе, их коллективным патриотизмом».

Выслушав меня, Ли Гык Ро ответил: «То, что произошло с нами, не было случайным. У нас была опора, и мы стояли на своем. Откуда у нас бралась такая твердость воли? Откуда же еще, как не с горы Пэкту!» Затем он рассказывал, что после боя в Почхонбо члены НОКЯ, вытряхнув из карманов все, что там было, все деньги, купили вскладчину бутылку вина и со слезами на глазах подняли стаканы.

Ли Гык Ро был человеком, который достоин быть примером в борьбе в защиту национального духа. Любовью он пользовался не только у коммунистов, но и у националистов, поэтому во время Апрельского совместного совещания представителей Севера и Юга мы пригласили его в президиум совещания и предложил ему огласить «Воззвание к соотечественникам Кореи», адресованное всему корейскому народу от имени участников совещания.

После совещания он изъявил желание остаться в Пхеньяне и сотрудничать со мной. И мы обеспечили приезд всех членов его семьи из Сеула в Пхеньян. Несколько лет работал министром. Был скромен и вежлив, никогда не обращался к другим на «ты», будь это его подчиненные или начальники.

Как-то я ознакомился с его биографическими данными и просто удивился. Где только он не бывал и с кем только не встречался! Был он и в Китае, и в Японии, и в СССР, и в Германии, и во Франции, и в Англии, и в США, словом, во всех известных краях. Он встречался и с Лениным. Это произошло, когда в Москве состоялся съезд народов Дальнего Востока. Ли Гык Ро, приехавший из Шанхая, вместе с Ли Дон Хви, Пак

Чжин Суном и другими лицами тоже был в Москве и два раза встречался с Лениным в Кремлевском дворце.

Ли Гык Ро был знаком почти со всеми известными деятелями национального движения. Он хорошо знал Чвэ Иль Чхона, Пен Дэ У, Хван Бэк Ха и многих других, чья деятельность проходила на Северо-Востоке Китая.

Говорят, Вильгельм Пик, встретившись с Ли Гык Ро в Москве, предлагал ему учиться в Германии. По его рекомендации Ли Гык Ро поступил в Берлинский университет. При окончании университета ему присудили ученую степень доктора философских наук.

Как-то я спросил его: «Знаю, что вы получили ученую степень доктора философских наук. А почему же вы специализируетесь в корейском языке? Слышал, что после возвращения на Родину одни предлагали вам попробовать свои силы в предпринимательстве, другие – показать себя, делая карьеру в других областях. Интересно, что побудило вас стать языковедом?» «Когда я побывал в Ирландии, – ответил Ли Гык Ро, – то увидел, что население страны пользуется английским языком – вместо своего родного – как общим языком. Все – и вывески, и дорожные указатели – были на английском языке. Я подумал тогда: не ждет ли подобная участь и корейский язык и письменность? И решил по возвращении на Родину посвятить всю жизнь защите своего родного языка».

Дело НОКЯ дало нам большой душевный стимул. Этим людям были не страшны ни штыки, ни виселицы, ценой крови они отстояли дух корейской нации. В лице этих ученых мы видели живую Родину – нашу страну, которая живет и борется.

Студенты Кенсонского имперского университета тоже создали организацию, ставящую целью настойчиво бороться в защиту духа нации.

Патриотически настроенные интеллигенты, состоявшие в

этой организации, с самого начала выступали против проводимой японскими империалистами политики истребления корейской нации, вели упорную борьбу в защиту национального духа.

Они, с одной стороны, давали отпор бредовым антинациональным идеям прояпонских литераторов и продажных ученых, а с другой – с легальной трибуны широко пропагандировали лучшие черты и качества корейской нации. «Корейская нация, – утверждали они, – отнюдь не ленива, она не терпит фракционеров. Корейцы живут плохо не из-за своей лени, а по вине японцев. Они грабят все ценности нашей нации. Кто смеет называть нашу нацию отсталой? Корейцы – незаурядная нация. Они вправе гордиться во всем мире своими талантами и культурой. К каким бы репрессиям ни прибегали японцы, сколь дорогой ни была цена нашей борьбы, корейская нация будет отстаивать свой национальный характер».

Однако интеллигенты извлекли урок – одним лишь словом нельзя противостоять тем, кто вооружен до зубов. Вот почему они, базируясь на крупных горных хребтах, ускоряли подготовительную работу по созданию вооруженного отряда из рабочих шахт и рудников, и лиц, которые укрылись в лесу, уклоняясь от воинской и трудовой повинности.

Многочисленные учащаяся молодежь, ученые, представители духовенства, учителя, деятели литературы и искусства, работники средств массовой информации состояли в организациях всенародного сопротивления, до конца вели смелую борьбу против японской политики истребления нашей нации. Против японской политики ассимиляции выступали и те интеллигенты, не входившие в организацию, не изменив своим убеждениям. Ни жестокое насилие, ни кандалы не могли сломить волю пробудившейся интеллигенции, боровшейся за сохранение национального духа.

Ее известные представители, чьи имена вошли в историю, были все без исключения верны Родине и нации, сильны верой и волей. Вот почему я часто подчеркиваю: первая заповедь интеллигента – горячо любить Родину и нацию, хранить непоколебимую волю и революционные убеждения всегда и везде.

5. За сплочение антияпонских патриотических сил

Сплотить всю нацию, объединить все антияпонские патриотические силы для возрождения Родины – таковы были линия и стратегический курс товарища Ким Ир Сена, которых он неизменно придерживался во весь период революционной борьбы против японского империализма.

С первых дней войны против Японии он прилагал огромные усилия для сплочения этих сил в Корее и за ее пределами. Его деятельность в этом направлении непрерывно продолжалась и в первой половине 40-х годов.

Всю жизнь я прилагал большие усилия для сплочения с патриотически настроенными, прогрессивными националистами, сделав решение этой задачи важной линией в нашей деятельности.

Одно время националистическое и коммунистическое движения составляли у нас две основные части национально-освободительной борьбы, которая взяла свой старт с националистического движения. В первой половине 40-х годов нашего столетия национализм по-прежнему оставался своего рода идеологическим течением. Силы националистического движения, несмотря на свою относительную слабость, все-таки существовали как составляющие антияпонские патриотические силы. Большинство деятелей национального движения, за исключением представителей реформистских сил, под знаменем борьбы против японского империализма по-прежнему продолжали свое сопротивление в Корее и за рубежом. Его силы имели и определенное влияние среди народа в самой Корее и соотечественников за рубежом.

После того, как наши усилия, направленные на сотрудничество с Рян Сэ Боном, оказались безрезультатными, мы, ничуть не колеблясь, упорно трудились над образованием единого с

деятелями антияпонского национального движения фронта.

И те, со своей стороны, так или иначе старались протянуть нам руку. Даже те, кто раньше бездумно отвергал коммунистов и чуждался их, начали постепенно поворачиваться лицом к нам.

Участники антияпонского движения за независимость Кореи стремились к коалиции с нами. Со второй половины 30-х годов такая тенденция стала носить общий характер, образуя по-своему сильное течение. В мае 1936 года, создав ЛВР, мы выступили с призывом ко всеобщей мобилизации нации и энергично вели движение за формирование единого фронта. На это активно откликнулись и националисты.

Яркими примерами тому служат следующие факты. Юн Иль Пха, начальник штаба Армии независимости в Южной Маньчжурии, прислал нам письмо, выразив поддержку нашего почина; участник движения за независимость по фамилии Пак, состоявший в организации корейских резидентов в Шанхае, встретился в Южной Маньчжурии с Ли Дон Гваном – южноманьчжурским представителем ЛВР; остатки сил Армии независимости, возглавляемые Чвэ Юн Гу и находившиеся до этого под началом у Ким Хваль Сока, добровольно влились в ряды КНРА.

Спрашивается: почему в лагере национального движения, отказавшись от прежних своих шовинистических позиций, стали придавать столь важное значение сотрудничеству с нами? В чем причина?

Коротко говоря, причина в том, что возросли авторитет и влияние КНРА. Антияпонская вооруженная борьба стала главным в национально-освободительном движении в Корее. КНРА была ведущей силой антияпонского национально-освободительного фронта, основным выразителем убеждений и воли нашей нации к независимости, организатором и направляющей силой в революционной борьбе против японского им-

периализма.

На арене национально-освободительного движения выступали антияпонские силы различных направлений. Но среди них именно КНРА нанесла самый серьезный удар по противнику. Ее пуще всего боялись империалисты Японии. На эти вооруженные силы наш народ возлагал свои главные надежды.

Именно в КНРА наш народ видел реальную военную силу, способную изгнать японских захватчиков с родной земли.

По словам помощников Ким Гу, он радостно восклицал и был взволнован, получив известие о том, что в бою в Почхонбо мы нанесли сокрушительный удар японцам.

Печатный орган Национально-революционной партии Кореи в Нанкине в корреспонденции «Радостная весть о революционном вооруженном движении в Корее» подробно сообщил тогда о бое в Почхонбо. Редакция газеты, насколько мне известно, отправила свой материал даже в Хамхын, в филиал газеты «Чосон ильбо». Это было общенациональной поддержкой, воодушевлением и солидарностью, выраженными разными силами, независимо от различий в убеждениях и идеях. Известие о том, что мы нанесли удар по Почхонбо, по-видимому, произвело очень большое впечатление на деятелей движения за независимость Кореи, действовавших во Внутреннем Китае.

Ким Гу давно стремился к организации вооруженного сопротивления.

В начале 20-х годов он создал общество Робенхвэ (Рабоче-солдатский совет). На самом деле эта организация была создана для сопротивления вооруженными силами. Ким Гу косо смотрел на тех, кто пытался добиться независимости Кореи путем непротивления – за счет выращивания так называемых «реальных сил» или дипломатическим путем.

Он жаловался, что не мог по-настоящему вести вооружен-

ную борьбу своими крупными войсками. И, естественно, он с величайшей надеждой и сочувствием относился к нашей вооруженной борьбе.

В первые дни после освобождения Кореи газета «Чосон тоннип», издаваемая соотечественниками в Лос-Анджелесе, поместила на своих страницах статью, очерняющую Ким Гу. В ней говорилось, что соотечественники, проживающие в США, по зову Ким Гу собрали и послали большую сумму денег для помощи отряду Ким Ир Сена и Корейской добровольческой армии, а сам Ким Гу, призвавший пожертвовать деньги, пользуясь суматохой войны, истратил все средства, не послав их ни тому, ни другому.

Понятно, что Ким Гу не мог передать нам те пожертвования. Чтобы отправить их, следовало найти канал, ведущий к нашей организации, но это в то время было трудно.

Этот факт убедил меня в том, что Ким Гу старался во многих направлениях поддерживать нашу вооруженную борьбу.

Бой на горе Цзяньсаньфэн, как говорят, дал ощутимый импульс и деятелям движения за независимость Кореи во Внутреннем Китае.

Как видите, организации национального движения за рубежом проявили чрезвычайный интерес к нашей борьбе и, как никогда, активно старались идти на союз с коммунистами. Это объясняется и тем, что мы при создании ЛВР опубликовали ее Программу из десяти пунктов – общенациональную боевую платформу, приемлемую для всех.

Какова была ситуация того времени? Антияпонские патриотические силы корейцев во Внутреннем Китае не могли объединить свои усилия и оставались расчлененными. В этом сказывались различия в убеждениях и тезисах, в способах борьбы. Они были разделены, в основном, на две группы: одна – это группа Ким Гу, которую называли националистической,

другая – группа Ким Вон Бона под названием «группа народного фронта». Вторая примыкала к левому крылу движения за независимость, что ближе к коммунистам. Обе группы имели самостоятельные связи с чанкайшистским Гоминьданом, Военным советом Национального правительства и КПК.

Чтобы образовать единый фронт с участниками движения за независимость Кореи во Внутреннем Китае, нужно было решить два вопроса. Во-первых, сами антияпонские национальные организации в этом регионе должны были сплотиться в единый кулак. Другими словами, все организации, отличающиеся друг от друга убеждениями и концепциями, разными способами действий, должны были, независимо от различий между ними, образовать единый фронт под антияпонским, патриотическим знаменем. Во-вторых, надо было добиться сотрудничества с нами всех входящих в этот единый фронт антияпонских сил на новых началах.

После создания ЛВР мы постоянно прилагали искренние усилия к решению упомянутых вопросов. С возникновением китайско-японской войны мы вели более активную, многогранную деятельность для укрепления солидарности с движением во Внутреннем Китае.

В то время китайская революция сделала шаг вперед – наладилось – во второй по счету раз – сотрудничество между Гоминьданом и КПК, что привлекло к себе большое внимание внутри и вне страны. Оно открыло новый этап в сопротивлении китайского народа империалистической Японии, в его борьбе за спасение отечества, дало мощный толчок развитию китайской революции.

В такой ситуации группы Ким Гу и Ким Вон Бона, разделившиеся на мелкие партии, наконец, в сентябре 1940 года поставили точку в прежнем противостоянии и успели сформировать единый фронт. Была опубликована и совместная декла-

рация. В ней было немало общего со статьями Учредительной декларации ЛВР и ее Программы из десяти пунктов. Позже временное правительство привлекло на свою сторону группу Ким Вон Бона и наладило сотрудничество левых и правых сил.

Подобные перемены в недрах национального движения не могли пройти мимо нашего внимания.

В первой половине 40-х годов мы, с одной стороны, старались объединить антияпонские патриотические силы, действовавшие в Корее и Японии, а с другой – по различным каналам вели активную работу по привлечению на нашу сторону таких же сил в Маньчжурии и во Внутреннем Китае.

По мере ожесточения войны на тихоокеанском театре и на китайском фронте Япония все больше приближалась к краю пропасти. Повсюду одно за другим происходили события, предвещающие ее поражение.

Крутые перемены в ситуации требовали от всех антияпонских сил в Корее и за рубежом сплотиться воедино и подготовиться к последней, решающей битве против японских империалистов. Десятки лет истории антияпонской борьбы подвели народные массы к единому пониманию, что только через тесное сплочение национальных сил независимо от различий в убеждениях и партийной принадлежности лежит прямой путь, приближающий день возрождения Родины.

Сплотить воедино широкие патриотические силы в Корее и за рубежом и подготовить могучие силы общенародного сопротивления – такова была наша историческая задача, продиктованная временем, таково было общее стремление патриотически настроенных деятелей различных кругов, всех народных масс.

Об изменении приемов деятельности участников движения за независимость Кореи, о настроениях населения в 40-е годы японская полиция пишет:

«Цель провокационных акций корейцев в стране и за ее пределами за-

ключается в том, чтобы достичь независимости Кореи, независимо от принадлежности групп националистического или коммунистического толка. Ныне ясно, что на поверхность всплывает цель – независимость Кореи. И те, кто находится под эгидой Чунцина, и те, кто – под опекой США, ... и те, кто – под влиянием СССР и КПК, – все они видят свою окончательную цель в достижении независимости Кореи» (Полицейский документ, разосланный в мае 19 года сёва (1944) начальником полицейского департамента генерал-губернаторства в Корее начальникам провинциальных полицейских управлений).

«Особые черты идеологического характера.

В отличие от прежнего времени они, не ограничиваясь теоретическим формулированием тезисов и концепций, обращают главное внимание на основную цель – достижение независимости корейской нации. Следовательно, еще более сближаются друг с другом в своем отношении к комдвижению, с которым раньше находились в состоянии противоборства. Нередки и такие явления, как единение и сотрудничество националистов и элементов левого крыла» («Ежемесячные ведомости политической полиции по иностранным делам», № 51, стр. 5, отдел безопасности полицейского департамента генерал-губернаторства в Корее, за март и апрель 19 года сёва (1944).

Одной из организаций, на которые мы обращали внимание при установлении связей с антияпонскими патриотическими силами во Внутреннем Китае, явилось Шанхайское временное правительство.

После вторжения японских войск во Внутренний Китай временному правительству часто приходилось менять свое местонахождение. Оно было вынуждено то и дело перемещаться, следуя за гоминьдановским правительством. И оно находилось, действительно, в столь плачевном положении, что еле-еле сохраняло свою жалкую вывеску. По воспоминаниям причастных к этому правительству лиц, им приходилось все время кочевать то здесь, то там с пожитками на спине. Были и такие случаи, когда они, прибыв в гостиницу, сидят в номерах, не успев еще распаковать пожитки, как им тут же приходится перебираться в другое место во избежание канонады войны.

Временное правительство испытывало, так сказать, родовые потуги из-за непрекращающейся групповой грызни, пересмотра конституции и чехарды с кабинетом министров. Кроме того,

оно страдало из-за отсутствия элементарных условий жизни и из-за угрозы их собственной безопасности.

Положение было столь тяжелым, что Ким Гу пришлось признать: «Экономические затруднения были столь серьезные, что трудно было сохранить само существование правительства. За аренду правительственного здания надо было платить 30 *юаней,* месячные оклады посыльным – не больше 20 *юаней.* Но мы были не в силах уплатить и эти деньги. Хозяин дома не раз предъявлял нам иск. Я ночевал на деревянном полу здания временного правительства, побирался у зажиточных соотечественников, имеющих работу. Был самым настоящим побирушкой».

В 1940 году временное правительство, положив конец своей скитальческой жизни, обосновалось в Чунцине, куда было эвакуировано чанкайшистское правительство. С этой поры, говорят, у них началась сравнительно стабильная жизнь. В Чунцине оно организовало Армию возрождения. То, что оно имело в своем распоряжении такие вооруженные силы, как Армия возрождения, можно считать своего рода шагом вперед в его деятельности.

К тому времени причастные к этой армии в одном из печатных изданий, которые курировали они сами, сообщали о борьбе КНРА и действиях ОСВАА, отмечая имена Ким Ир Сена, Ян Цзинюя, Чжао Шанчжы и так далее.

Однако это были совсем молодые вооруженные силы как по времени их существования, так и по составу и вооруженности. Те, кто был причастен к временному правительству, сами считали, что развитию их вооруженных сил есть предел. Отражением такого реального положения, думаю, является признание Ли Чхон Чхона. Анализируя положение антияпонских сил за рубежом, он отметил, что силам временного правительства трудно взять на себя инициативу. И еще: он прямо сказал,

что освобождение страны 15 августа оно встретило без какой-либо подготовки к этому событию.

Ниже следует отрывок из документа японской полиции об Армии возрождения:

«Личный состав Армии возрождения, несмотря на раздутую пропаганду временного правительства, очень слаб. Каждый отдельный отряд насчитывает всего 10 с небольшим человек. Только 5-й отдельный отряд имеет в общей сложности 50 человек, но он тоже крайне слаб. Из них 20 человек – анархисты, подчиненные непосредственно Ра Воль Хану, а все остальные, будучи корейскими военнопленными, практически неграмотны, их большая часть раньше занималась таким запрещенным делом, как нелегальная торговля опиумом. Они проводят время практически без заслуживающей внимания деятельности» (Отдел политической полиции Хванхэского провинциального полицейского управления, февраль 18 года сёва (1943).

Тем не менее мы попытались протянуть им руку. По нашему мнению, если бы осуществилось сотрудничество с группой Ким Гу, то ее вооруженные силы смогли бы пойти на предстоящие последние операции по освобождению Родины.

Вначале Ким Чак не был склонен соглашаться с нашим планом сотрудничества с группой Ким Гу из временного правительства. Его одолевало сомнение: возможно ли вообще сотрудничество с антикоммунистом Ким Гу? Даст ли оно большой эффект в случае, если осуществится? Но, выслушав мое объяснение, он поддержал меня: «Да, вместо того, чтобы обратить главное внимание на патриотизм Ким Гу, я подходил к нему слишком односторонне – видел только его антикоммунизм». Он даже выдвинул инициативное предложение – связи с антияпонскими силами во Внутреннем Китае поддерживать лучше через Хо Чжон Сук.

Чвэ Ён Гон тоже вначале не очень-то приветствовал сотрудничество с Ким Гу. В подходе к временному правительству он был еще большим скептиком, нежели Ким Чак. «Незачем протягивать руку тем, кто поднаторел в сектантстве, – считал он. – Протянешь им руку, но никакого толку не добьешься. И

если мы хотим с кем-то сотрудничать, то не лучше ли иметь дело с группой Ким Вон Бона?» Чвэ Ён Гон тоже, как и Ким Чак, в конечном счете, выразил свое понимание моего мнения.

Ким Вон Бон, создав организацию Ырельдан (отряд борцов за справедливость), организовывал убийства из-за угла, налеты и диверсионные акции как в районах Внутреннего и Северо-Восточного Китая, так и внутри Кореи.

Затем он создал так называемый Отряд корейских добровольцев. Начальником его 1-го подразделения был Пак Хё Сам, который в первые дни после освобождения Кореи работал недолго начальником Центрального училища по подготовке кадров органов безопасности. Раньше под его началом было около сорока бойцов.

Позже от Ким Вон Бона я слышал, что Отряд корейских добровольцев был незначителен по своей численности и вооружению, почти не действовал самостоятельно и, слившись с китайскими отрядами, с помощью громкоговорящих установок вел антивоенную пропаганду, занимался дезорганизацией и разложением вражеских войск и тому подобной деятельностью.

Отряд был не велик по численности, слабо оснащен, но мы ценили стремление его бойцов силой победить империалистов Японии.

Мы в определенной мере интересовались и деятельностью Союза независимости Кореи и Корейской добровольческой армии в Хуабэе. Там немаловажную роль играл Му Чжон. Он был известен своим вкладом в строительство Красной армии Китая и в освободительную борьбу китайского народа. Когда он вернулся на Родину, я подобрал для него дом неподалеку от своего дома. В то время он был у нас заместителем министра национальной обороны и командующим артиллерией Народной Армии.

На освобожденной Родине Му Чжон сделал немалый вклад в

строительство наших вооруженных сил, но он, будучи силен лишь голым бюрократизмом, присущим старой военщине, во время Отечественной освободительной войны подвергся критике и был освобожден от всех армейских должностей.

Хотя Му Чжон был уволен из армии, мы, когда он тяжело болел, делали все для его лечения. К тому времени в китайском городе Чанчуне имелась больница, в которой работал медицинский коллектив из Румынии. Там его и лечили. Позже больной выразил желание умереть на Родине и мы вернули его домой. Оценив его заслуги, мы устроили ему достойные похороны.

На первой нашей встрече он сказал: «Я много слышал о вас, Полководец Ким. Слушаю – и каждый раз чувствую прилив новых сил. Как я был счастлив при мысли о том, что в Корее есть богатырь, который приводит самураев в трепет! Хотя тело мое было в 8-й армии, душу мою всегда тянуло к горе Пэкту. Меня не покидала мысль: как бы Корейской добровольческой армии присоединиться к части Полководца Кима, чтобы громить японский империализм во взаимодействии с КНРА? Собственно, я делал все, чтобы протянуть вам руку, Полководец Ким».

О том, как старался связаться с товарищем Ким Ир Сеном Хуабэйский отдельный отряд Корейской добровольческой армии после своего создания, видно из документа японского ведомства:

«Действия Хуабэйского отдельного отряда Корейской добровольческой армии.

...К маю – июню 1941 года сформирован Хуабэйский отдельный отряд Корейской добровольческой армии...

Позже он, действуя главным образом в занятых нами районах вдоль железнодорожной линии Пекин – Ханькоу, с одной стороны, ведет яростную кампанию по приобретению товарищей и занимается всякой подрывной пропагандой, а с другой – старается наладить как сотрудничество с неблагонадежным корейцем в Маньчжурии Ким Ир Сеном, так и связи с товарищами в Корее... Опубликована декларация, в которой, в частности, говорится: «Мы будем укреплять сплоченность своих рядов, объединяться с 200 тысячами соотечественников-корейцев в Хуабэе, революционными

деятелями, революционными организациями, вооруженными отрядами на Северо-Востоке Китая (Маньчжурия) и в стране (Корея) и будем последовательно вести антияпонскую борьбу во имя освобождения корейской нации» (Отдел политической полиции Хванхэского провинциального полицейского управления, февраль 18 года сёва (1943).

Хо Чжон Сук, бывшая первым министром культуры и пропаганды в Кабинете Министров после освобождения Кореи, в 40-е годы находилась в Яньане.

В Яньане, по ее словам, было немало известных корейских деятелей, все они испытывали симпатию к нашему отряду. Эта симпатия была так велика, что сама она не раз обращалась к Чжоу Эньлаю и Чжу Дэ с просьбой направить ее в Маньчжурию. За это она, как сама призналась, даже подвергалась критике со стороны китайцев: ты, мол, страдаешь национализмом.

Выслушав ее, я еще глубже убедился в том, что патриотически настроенные корейцы, участники движения за независимость Кореи во Внутреннем Китае тоже горячо стремились к сотрудничеству с нами, когда мы, со своей стороны, старались установить связи с Внутренним Китаем.

В то время и они, следуя за 8-й армией, вели большую работу по дезорганизации вражеского стана. Главным объектом их работы были молодые корейцы, служившие в японских войсках. Их агитировали: «Не будьте щитом от пуль для японцев! Смело совершайте побег – те, кто служит в Северном Китае, – в Корейскую добровольческую армию или в 8-ю армию, а кто в средней и южной частях Китая – в Отряд корейских добровольцев или в Новую 4-ю армию, а те, кто в Маньчжурии, – в часть Ким Ир Сена». Они сообщали также о правилах вознаграждения для корейских солдат-беглецов: скажем, тот, кто переходит с тяжелым пулеметом, получает столько-то денег и пользуется привилегией – правом на получение предметов широкого потребления на три года, с легким

пулеметом, гранатометом и винтовкой – другую сумму денег, те, кто капитулирует, могут учиться в соответствии со своим желанием и пользоваться медицинским обслуживанием и так далее. Такие меры по дезорганизации вражеских войск дали немалый эффект.

Среди корейских патриотов во Внутреннем Китае были как коммунисты, так и националисты. Однако все они, независимо от различий в убеждениях и идеях, стремились к солидарности и сотрудничеству с нами. Это было полезно для всех.

Мы не позволяли себе, дифференцированно относясь к людям, делить их на группы в зависимости от их идейных концепций и взглядов. Со всеми, кто настроен патриотически, мы были готовы сотрудничать. Находятся ли они под влиянием КПК или под опекой Чан Кайши – это нас вообще не касалось.

Для установления связей с Внутренним Китаем можно было использовать различные каналы – и по линии советских военных ведомств и Коминтерна, и по линии связи ОСВАА, ведущей во Внутренний Китай. Кроме того, мы сами могли непосредственно направлять связных в нужные пункты.

Среди линий связи с Внутренним Китаем, которые мы использовали в дни вооруженной борьбы на Северо-Востоке, был канал 7-го корпуса ОСВАА, действовавшего в Жаохэ и Дунгане. Были также и международные каналы, ведущие в Или провинции Синьцзян, в Ланьчжоу и Яньань провинции Ганьсу. Был и еще один канал – партизанский путь от Дунбяньдао в Маньчжурии до маньчжуро-китайской границы.

К тому времени на дальневосточной учебной базе находились Лю Ялоу и Лу Дуншэн, служившие командирами дивизий Красной армии во Внутреннем Китае. Они получили военное образование в Советском Союзе, а затем, не вернувшись в Яньань, читали лекции в ОИВ. Был там и связной КПК Ван Пэн. Я решил попросить их передать мое письмо корейцам в Яньане

и Чунцине, когда они вернутся во Внутренний Китай.

Все трое, к моему сожалению, не могли вернуться в Яньань вплоть до поражения японского империализма.

Во время боевых операций по освобождению Северо-Востока Китая Лю Ялоу был начальником штаба Северо-Восточной полевой армии, затем стал командующим ВВС НОАК.

Лу Дуншэн тоже остался на Северо-Востоке Китая и стал командующим Сунцзянским военным округом. Помнится, его называли также Сун Мином. Он погиб в конце 1945 года.

Мы попытались установить связи с Внутренним Китаем также через тех, кто направлялся с малыми отрядами на Северо-Восток Китая. Кроме того, старались связываться с деятелями во Внутреннем Китае через подпольные организации в Корее.

Я обратил особое внимание на Хо Чжон Сук, как посоветовал Ким Чак. Если бы мы связались с ней, то через нее могли бы открыть путь к установлению связи с антияпонскими силами в районах Яньаня и Чунцина.

Мы взяли ее на особую заметку. Это потому, что мы с симпатией относились к ее патриотической борьбе и вместе с тем она была дочерью Хо Хона, с которым Ким Чак был в тесных отношениях.

Директиву об установлении связи с Внутренним Китаем мы передали подпольной организации в Синичжу. Ее работу курировал Кан Бен Сон – член Союза свержения империализма. По нашей директиве организация поручила подпольщику в Тяньцзине открыть канал связи с КНРА в Чунцинском и Яньаньском направлениях. Тот, как мне стало известно, очень старался создать промежуточный пункт связи для нашего сотрудничества с лицами в названных местностях.

Находясь в ОИВ, товарищ Ким Ир Сен вел многогранную активную деятельность по формированию единого национального фронта с антияпон-

скими патриотическими силами корейцев во Внутреннем Китае, по созданию антиимпериалистического совместного фронта с КПК и другими силами, выступающими против японского империализма. В связи с этим японскими полицейскими органами была собрана обширная информация.

«О деятельности Ким Ир Сена.

Ким Ир Сен, ...ныне находясь в учебном лагере в Океанской, недалеко от Владивостока на советском Дальнем Востоке, тайно собирает неблагонадежных корейцев в Маньчжурии и направляет их деятельность. По последним сведениям, сейчас он готовится тайно заслать подпольщиков в неотдаленные главные районы Маньчжурии и Кореи. Их цель – одновременно с воздушным налетом находящейся в Китае американской авиации, нацеленным на районы Маньчжурии и Кореи, – а это отмечено в тайном соглашении о сотрудничестве между США и СССР, – взорвать железную дорогу, связывающую Маньчжурию и Корею и тем самым препятствовать в этих регионах движению военного транспорта и вместе с тем ввести в заблуждение население.

По имеющимся сообщениям, к середине июня Ким Ир Сен два раза ездил в Москву. Кроме того, он побывал в Чунцине и Яньане, вел по ряду вопросов консультации с посольствами СССР и США в Китае, с соответствующими органами КПК, затем для будущей деятельности... сформировал диверсионные группы по разрушению железных дорог и по идейной дезорганизации из тайно направленных подпольщиков, корейцев и маньчжуров, действовавших в то время в антияпонской объединенной банде в бассейне реки Амнок. Для этой заговорщической деятельности он обучает их под советским городом Хабаровском» («Ежемесячные ведомости особой политической полиции», отдел безопасности управления полицейской охраны МВД, за ноябрь 19 года сёва (1944), стр. 76).

Когда мы старались установить связи с антияпонскими патриотическими силами корейцев во Внутреннем Китае, они сами в Чунцине действовали во многих направлениях, пытаясь наладить сотрудничество с нами.

По воспоминаниям Ан У Сэна, бывшего личного секретаря Ким Гу и племянника Ан Чжун Гына, Ким Гу тоже направил к нам своего связного. Тот, к сожалению, встретил в пути день освобождения Кореи, так и не успев ступить на маньчжурскую землю.

Мне говорили, что в декабре 1942 года некто по фамилии Ким в качестве посланца временного правительства доехал до Муданьцзяна и вернулся обратно в Чунции, не успев встретиться с нами.

Японские империалисты и сообщали о том, что мы и группы корейцев в системе КПК во Внутреннем Китае имели связи между собой, главным образом, под Чунганчжином, Линьцзяном, Хесанчжином и Тунхуа.

Находясь в ОИВ, мы обращали внимание и на духовенство. Работа с ним шла через деятельность малыми отрядами.

В конце 1942 года произошел инцидент: полицией были арестованы многочисленные верующие, в том числе Юн Сэ Бок, глава секты тэчжонгё третьего поколения, штаб-квартира которой находилась в Дунцзинчэне уезда Нинань.

Насколько мне известно, тэчжонгёисты, выступая против японского империализма, заявили: «Миссия нашей секты – освободиться от ига Японии и Маньчжоу-Го и возродить государство Пэдар силой корейской нации». Один из лидеров тэчжонгёистов открыто сказал: «В войне в великой Восточной Азии поражение Японии неизбежно. Следовательно, пользуясь случаем, надо ускорить процесс возрождения Родины. В Бирме есть Ба-Мо. А в Корее есть Ким Ир Сен. Счастье корейской нации принесет независимость».

Вернувшиеся с операций малого отряда рассказали мне, что полицейское управление провинции Муданьцзян без разбору хватает лидеров тэчжонгёистов. Я поручил Антияпонскому обществу, принадлежавшему ко 2-й войсковой группе, главное командование которой находилось в уезде Нинань, предпринять меры по срыву репрессивных акций врага и охране патриотически настроенных служителей культа, активно вести работу по сплочению вокруг организации антияпонских сил районов Хуадяня, Дуньхуа и Аньту.

Внутри Кореи антияпонской национальной организацией, на которую мы обращали пристальное внимание в дни подготовки к военным операциям против империалистической Японии, был Союз по строительству государства Кореи, созданный в 1944

году Ре Ун Хеном. Это была антияпонская подпольная организация. Союз имел подведомственную ему организацию – Крестьянский союз, созданный в основном из крестьян района Янпхена провинции Кенги, родного края Ре Ун Хена.

В 1944 году репрессии империалистов Японии против корейских националистических организаций достигли апогея. Обреченные на гибель, они, размахивая фашистскими дубинками, прибегли к введению так называемого закона об общегосударственной мобилизации и другим подобным акциям. За малейшее проявление антияпонских настроений людей, кем бы они ни были, без разбору арестовывали, допрашивали, наказывали.

И вот в это самое время в Сеуле и его окрестностях была создана антияпонская организация – Союз по строительству государства Кореи. Да, это было демонстрацией решительности, свойственной Ре Ун Хену.

Союз хранил тайну так строго, что даже наши подпольщики в Сеуле одно время не знали, что буквально у них перед носом действует такая организация. Только в 1945 году мы с большим трудом узнали о ее существовании.

Создав Союз, его организатор сразу же послал ко мне своего сотрудника, направил связного и в Союз независимости Кореи. К большому сожалению, его связной, так и не найдя нас, вернулся обратно. Другие его посланцы, как мне стало известно позже, встретились с деятелями Союза независимости Кореи в Яньане.

Его связной не смог встретиться со мной и вернулся ни с чем потому, что мы в то время были на советской учебной базе.

После боя в Почхонбо он всячески старался встретиться с нами, а мы, в свою очередь, прилагали усилия для начала сотрудничества с ним. Работу с ним мы поручили подпольщику в Сеуле. Дали ему задание – завязать контакт с ним, даже если это

будет стоить больших трудов. Как мне стало известно позже, он ни разу не успел откровенно поговорить с ним, так как собеседник так и не раскрыл ему душу.

Ре Ун Хен, как мне сказали, создал военный совет при Союзе и даже составил план дезорганизации японского тыла путем вооруженной борьбы. Этот план соответствовал и нашей линии на общенародное сопротивление.

Наша деятельность по налаживанию сотрудничества со всеми антияпонскими патриотическими силами во Внутреннем Китае не принесла должного результата. Почему? Потому что слишком быстро пала Япония. Когда главные силы КНРА и организации сопротивления в Корее, имея связь и объединяясь друг с другом, вели последние операции по освобождению Родины, корейские вооруженные силы во Внутреннем Китае не могли непосредственно участвовать в этих операциях.

Ким Гу говорил, что это очень огорчило его. По его словам, для него капитуляция японских самураев была скорее чем-то вроде обвала небес, чем радостной вестью. Он с горечью жаловался на то, что безрезультатной оказалась многолетняя подготовка к участию в войне, которой он отдал столько сил. Он беспокоился, как бы их влияние не ослабло в будущем, поскольку ими ничего не было сделано в нынешней войне.

Однако усилия обеих сторон, приложенные для налаживания сотрудничества, не пропали даром. Хотя они не принесли в то время результата, но мы были уверены, что в будущем отдача от них будет. Поговорка гласит: «Искренне постараешься – и Большая Медведица тебе поклонится». Усилия, приложенные для национального освобождения, непременно оплатит история.

Наши усилия, направленные на сплочение антияпонских патриотических сил, стали благодатной почвой для дальнейшего развития истории и принесли свои плоды на земле освобожденной Родины – был образован единый фронт, охвативший

различные слои населения.

Я и сейчас думаю, что мы были абсолютно правы, когда с самого начала революционной борьбы против японского империализма прилагали все усилия для формирования единого фронта, считая его одной из наших важнейших целей и линией.

Одно время, откровенно говоря, в отношениях между молодыми коммунистами и националистами имели место определенные трения и противоречия.

После инцидента в Ванцинмыне, – а в то время верхушка фракции Кунминбу в лице Ко И Хо и Хен Мук Гвана организовала убийство нескольких наших товарищей, – мы на некоторое время прервали связь с националистами и сурово осудили их. В связи с этим событием некоторые из наших товарищей предложили раз и навсегда отношения с националистами порвать.

Какими бы трагичными ни были наши жертвы в Ванцинмыне, какую бы острую боль они ни вызвали в наших сердцах, нельзя было перекладывать вину реакционной преступной верхушки Кунминбу на весь националистический лагерь. Ради великого дела нам пришлось превозмочь печаль и гнев, вызванные гибелью товарищей, и неизменно поднимать знамя единого фронта. Вот почему мы, не спрашивая о прошлом, пришли и к отряду Рян Сэ Бона, этим остаткам сил Кунминбу в Южной Маньчжурии, вот почему искали сотрудничества и с Ким Гу, ставшим синонимом антикоммуниста.

Если бы мы, не переборов в себе подобные чувства и оказавшись в плену бурлящих эмоций, прибегли к крайним мерам и враждебно отнеслись к националистам, то слова о едином фронте остались бы пустой фразой.

Наши постоянные искренние усилия, приложенные к образованию единого фронта, не могли не тронуть сердце даже такого твердолобого антикоммуниста, как Ким Гу.

Нельзя полагать, что такой националист, как Ким Гу, в один прекрасный день взял да и перешел на нашу сторону. Он стал на путь коалиции с коммунистами, отбросив антикоммунизм, не только потому, что его не устраивали действия американской военной администрации, не признавшей его временное правительство, и не потому, что он был просто не в ладах с Ли Сын Маном. Нас с Ким Гу объединила именно патриотическая страсть, свято хранившаяся со времен борьбы против японского империализма.

Как показывают исторические факты, те, кого мы давно взяли на заметку, все без исключения, после освобождения страны объединились под знаменем единого фронта. Вспомните – кто из политических деятелей участвовал в Совместном совещании Севера и Юга в апреле 1948 года? Ким Гу, Ким Гю Сик, Чо Со Ан, Чвэ Дон О, Ом Хан Соб, Чо Ван Гу, Ким Воль Сон... Как видите, в нем приняли участие все видные националисты. Следовательно, к нам пришли все деятели группы Ким Гу из временного правительства.

И Ре Ун Хен, бывший главным лицом в Союзе по строительству государства Кореи, тоже в Пхеньяне встретился со мной и вернулся на Юг. Руководители Союза независимости Кореи вместе со своими коллегами тоже приехали в Пхеньян. Ким Вон Бон тоже прибыл в Пхеньян и работал первым министром государственного контроля.

В северной части страны еще в 1946 году был образован Единый демократический национальный фронт, охватывающий патриотов из всех партий, групп, слоев населения.

Наша воля к великой консолидации нации еще более возросла, окрепла в дни подготовки к военным операциям против Японии. Если не было бы такой закалки нашей воли, то после освобождения страны мы не смогли бы столь настойчиво привлекать под знамя единого фронта все патриотические силы

внутри и вне страны, которые выступали с различными платформами и идеями и которые прошли разные пути борьбы. Мы смогли бы это сделать в сложной обстановке тех дней, когда шло острое противоборство между патриотизмом и предательством, прогрессом и консерватизмом, демократией и реакцией.

Девизом нашей нации, находящейся под постоянной угрозой со стороны внешних сил, должна быть прежде всего великая национальная консолидация. Процветание нации, думаю, всецело зависит от того, насколько верной этому девизу будет вся наша нация.

Неизменна и справедлива наша политика, которая ставит интересы нации выше идей, идеалов, политических убеждений и общественного строя. Она имеет глубокие исторические корни. В этом плане есть у нас большие свершения и ценный опыт. Поэтому мы сегодня энергично поднимаем всю нацию на великое дело – объединение страны, выдвинув Программу великой консолидации всей нации из десяти пунктов для воссоединения Родины.

6. За Корейским проливом

В первой половине 40-х годов у нас полным ходом шла подготовка к тому, чтобы во всеоружии встретить великое событие – освобождение Родины. В Корее создавались могучие силы всенародного сопротивления. Уделялось особое внимание и тому, чтобы наши революционные организации, работающие в самом логове японского империализма, являлись одним из звеньев всенародного движения сопротивления.

Можно считать, что наша деятельность на территории Японии велась тогда в двух направлениях: одно из них – привести в порядок созданные там организации ЛВР и другие различные антияпонские организации с целью обеспечить их участие в последней наступательной операции КНРА в момент ее начала и продолжать создавать новые. Другое – засылать подпольщиков КНРА с особым заданием в логово японского империализма, чтобы они собирали там военные сведения и по-настоящему содействовали подготовке к победоносному завершению военных операций по разгрому империалистической Японии.

Вообще-то на территорию Японии мы начали по-настоящему засылать наших подпольщиков во второй половине 30-х годов, то есть после того, как главные силы КНРА передислоцировались в районы гор Пэкту и Западного Цзяньдао и стали создавать там низовые организации ЛВР. Создать оплот революции в логове врага – таков был лозунг, который корейские коммунисты подняли с первых дней вооруженной борьбы.

А проникать в Японию, разумеется, нашим подпольщикам нельзя было без риска для жизни. Их ждала тюрьма, в лучшем случае, – а то и виселица. Беда еще была в том, что в Японию

можно было добраться только одним путем – морем. А в портах всегда кишмя кишели полицейские в форме и в штатской одежде, сыщики, тайные агенты. Очень и очень непросто было подпольщикам проскользнуть в Японию столь опасным путем. Несмотря на все это, мы не могли отказаться от проникновения в Японию.

Ниже следует материал, вышедший из недр управления полицейской охраны МВД Японии. Он как нельзя лучше показывает, насколько активизировалась военная разведка КНРА на территории Японии.

«Дело о засылке Ким Ир Сеном в Корею и Японию тайного агента спецназначения.

Действия группировки не повинующегося законам корейца в Маньчжурии... Ким Ир Сена, видимо, все же активизируются до крайности. В последнее время от специального представителя нашего министерства в Корее поступили ниже следующие сведения, поэтому для его поимки следует со всей строгостью использовать полицейских в соответствии с требованиями обстановки.

В крупных городах и префектурах следует уделять особое внимание охране морских портов и введению мобильной полиции на поездах.

1. Цель засылки:

Использовать тайных агентов спецназначения – специально засланных из СССР коммунистических бандитов – для сбора сведений в Корее и Японии.

2. Места засылки:

Важнейшие военные пункты на железных дорогах Тумынь – Цзямусы и Мукден – Гирин.

Важнейшие порты Кореи (Чхончжин, Рачжин, Пусан, Мокпхо, Вонсан, Кунсан, Синичжу).

Симоносеки и Цуруга (Япония).

3. Возраст, одежда, ручная кладь засланного:

Возраст: корейский мужчина из Маньчжурии 20 – 25 лет;

Одежда: костюм защитного цвета с откидным воротником и ботинки;

Ручная кладь: чемодан с журналами на политическую, экономическую, литературно-художественную и другую тематику и туалетными принадлежностями.

Кроме того, говорят, хотя и неясно, что этот тайный агент отлично владеет японским языком, что за его плечами, вероятно, определенный опыт преподавательской и полицейской службы, что в разговорах и поведении он ничем не отличается от японцев» (Управление полицейской охраны МВД, 8 ноября 16 года сёва (1941).

Мы придавали Японии особое значение потому, что она – оплот и очаг колониального режима японского империализма.

Потряси как следует логовище врага – и нанесешь тем самым в самую его сердцевину чувствительный удар и значительно содействуешь разгрому колониального режима.

Надо было делать сознательными корейцев в Японии, особенно насильственно угнанных туда многочисленных молодых людей, объединять их организационно. Сделать это было необходимо не только для сбора военно-политических сведений о противнике, но и для того, чтобы вырвать корейских юношей и девушек, обреченных стать пушечным мясом в этой войне, из щупальцев японского фашизма и повернуть их коллективно на сторону революции в ситуации, когда с каждым часом приближалось начало военных операций по разгрому империалистической Японии.

Антияпонские силы на земле Японии, наряду с антияпонскими патриотическими силами в Корее и в других странах, выросли в значительную силу, способную присоединиться к КНРА с началом операции по окончательному разгрому японского империализма, способную стать ее активными участниками.

Если проследить названия периодов правления сменявших друг друга японских императоров, то все они звучат так заманчиво, будто каждый из них готов был отдать даже свою кожу для блага народов других стран. Эти девизы звучали привлекательно – «мэйдзи», «тайсё», «сёва». Но какой же на самом деле Япония предстала перед миром? В период сёва она превратила соседние страны в человеческую бойню, выступила в мире убийцей, ввергла несколько сотен миллионов людей в пучину бедствий и страданий, а император Мэйдзи под лозунгом «светлой политики» подогревал территориальные претензии самураев, нашептывая им в ухо: проглатывай Корею, Восток и, наконец, весь мир. Именно в период его правления Япония вступила в войну с Цинским Китаем, с Россией, прих-

ватила множество концессий. Тогда-то она с вооруженной силой напала и на Корею и неприкрыто захватила ее. И в период тайсё Япония тоже совершила немало злодеяний.

В течение долгих лет японские империалисты буквально сдирали с корейцев шкуру, выжимали из них все соки, делали с ними все, что им захочется.

Только попади кореец к ним в лапы и его тут же увезут в Японию, как последнюю скотину. С человеком они обращались как с собакой, свиньей, рабочим волом. В этом отношении никакая другая страна не смогла бы превзойти Японию.

Корейцы перебирались в Японию далеко не по своей воле. Войска и полиция, прибывавшие на автомобилях, насильственно погружали в кузов всех встречных и поперечных, как бездушные вещи, и удирали с ними. Были случаи, когда людей хватали глубокой ночью в одном нижнем белье и отправляли в Японию.

После насильственной вербовки людей выстраивали по-военному в колонны и лишали их всякой свободы. А, отправляя на пароходе или поезде, следили за ними во все глаза, дежурили даже возле уборных.

Японцы, оккупировав нашу страну, часто, когда им было выгодно, употребляли лозунг – «любить всех одинаково». Это означало, что японцы относятся к корейцам, как равные к равным. Слова были поистине медоточивые. «Любить всех одинаково» – если это было действительно их искренним желанием, то почему же они обращались с угнанными в их страну корейцами столь жестоко?

В литературных произведениях, изображавших старую Японию, иногда встречается слово «такобэя». Буквальный его смысл – «нора осьминога». Осьминог живет между камнями. Рабочие-строители на Хоккайдо называли свои каморки «такобэя»: они были так тесны, что люди в них жили, как сельди в

бочке. Называть их с намеками «тюремной камерой» было опасно, и вот они стали называть их «норой осьминога».

А берлоги, где жили корейские рабочие, называли «бараками полуостровитян» в том смысле, что там проживают люди с полуострова. Говорят, что эти берлоги были куда хуже «такобэя». По ночам японцы снаружи запирали двери на замок, пригоняли к ним даже овчарок. Разве можно было убежать, когда не разрешалось даже выходить на улицу!

Услышав хоть одно слово, произнесенное по-корейски, без сожаления кололи и избивали рабочих бамбуковыми мечами или рукояткой кирки. А тех, кто пытался убежать, волочили за веревку, продернув ее в нос. Японские подрядчики и нанимали не останавливались ни перед чем, даже перед такими пытками, как прикладывание раскаленных кусков свинца к вспоротой мечом спине корейского рабочего. Случалось, прямо на рабочем месте забивали рабочих до смерти, а затем выбрасывали их трупы в воду или в жидкую бетонную массу в зависимости от настроения.

Как же корейцы, отличающиеся высоким национальным достоинством и гордостью, могли терпеть такие жестокие притеснения и унижения? Корейцы внешне смирны и просты, но их душа – кремень.

Говорят, в Японию на воинскую и трудовую повинность было угнано более миллиона человек, все они жили своими мыслями. Какими? Об одном – как обречь Японию на гибель? То есть они решили подняться в едином порыве и нанести японцам удар, когда в Корею вступит антияпонская партизанская армия.

Такими мыслями жили не только корейские рабочие. Так думали все молодые корейцы, обучавшиеся в Японии. Говорят, в те времена их там насчитывалось более десяти тысяч. Десять тысяч – это немало.

Каждый раз, когда мне приходилось слышать о бедствовании корейцев в Японии, я не находил себе место от острой боли в сердце. Кстати сказать, корейцы, проживавшие в Маньчжурии, все-таки как бы находились под нашей охраной.

А вот корейцев, проживавших в Японии, защитить было некому. Вот почему мы, можно сказать, сочувствовали им больше, чем другим.

Однако одним выражением сочувствия можно ли было помочь им спастись из беды? Сочувствовать человеку может всякий. Наилучшим из подарков, который могли бы сделать коммунисты для эксплуатируемых и угнетенных народных масс, является организация. Только она сможет спасти народ от гибели.

В Японии было много организаций, созданных корейцами, – коммунистическая, организация национального движения, просветительская, студенческая и всякие другие.

В антияпонском движении, развертывавшемся в Японии, ведущую роль играла учащаяся молодежь. Ею было создано Землячество корейских учащихся в Токио. Оно и составило Декларацию о независимости в канун Первомартовского народного восстания. Копии ее распространялись и внутри Кореи, давая сильный толчок сторонникам движения за независимость.

Когда Япония силой оружия аннексировала нашу страну, в знак протеста против аннексии многочисленные корейские учащиеся, обучавшиеся в Токио и Киото, коллективно возвратились на Родину. По одному только этому факту нетрудно догадаться, насколько силен был дух протеста у корейской учащейся молодежи.

Молодежно-студенческое движение, развертывавшееся там в форме национального движения, хотя и противостояло врагу пассивной формой борьбы, выражавшейся в петициях, демонстрациях, и «выращивании реальных сил», все же ока-

зывало немалое влияние на наших соотечественников.

Известный анархист Пак Рер был тоже из среды студентов, обучавшихся в Японии. Его обвинили в организации покушения на жизнь японского императора и приговорили к пожизненному тюремному заключению. Он томился в тюрьме более двадцати лет и был выпущен на волю лишь после освобождения Кореи.

Среди основателей Коммунистической партии Кореи в 1925 году было немало выходцев из среды студентов, обучавшихся в Японии. Когда в Японии распространялся марксизм, они создали ряд идеологических организаций и других объединений, брались за изучение и распространение нового идеологического течения.

Говорят, что уже в начале 30-х годов коммунистических организаций корейцев в Японии насчитывалось более тридцати, а состоявших в них – несколько тысяч. Организация корейских коммунистов действовала как своего рода филиал Компартии Японии.

Под влиянием нового идеологического течения среди корейцев, проживавших в Японии, развивалось и рабочее движение. В Осаке была создана национальная предпринимательская организация – объединенный кооператив «Тонья». Корейцы, находящиеся в Японии, создали также ряд религиозных организаций. Действовал там и филиал общества Синганхвэ.

Таким образом, у корейцев в Японии существовала разветвленная сеть организаций различных форм. Нет слов, эти организации руководствовались каждая своей платформой, различными были способы их действия. Были и такие организации, которые не выходили за рамки просветительства, взаимного товарищества, взаимной помощи.

Но каждую организацию мы считали большим капиталом с точки зрения всенародного сопротивления. Вдохнуть жизнь в чисто просветительскую организацию, чтобы она вышла на

поле практической революционной борьбы, – эта задача не представляла для нас трудности. Все они стремились к борьбе против империализма Японии, поэтому подобная их эволюция зависела от наших усилий.

Те или иные организации, существовавшие среди угнанных в Японию соотечественников, были не больше и не меньше как бомбами замедленного действия, подложенными в самое сердце японского империализма. Задача взорвать их легла на нас.

Вот почему нам приходилось обращать особое внимание на работу на территории Японии, где была сосредоточена рабочая сила в несколько сотен тысяч пар рабочих рук и антияпонские силы, состоящие из корейцев.

С засылкой наших подпольщиков в Японию нельзя было мешкать. Надо было направить в одно общее русло антияпонское движение корейцев и антияпонскую вооруженную борьбу, обеспечить единое руководство массовым движением корейцев, возникшим среди них стихийно и разбросанным по различным районам Японии, и в то же время качественно поднимать и развивать это движение в соответствии с требованиями новой обстановки.

В качестве каналов засылки наших подпольщиков в Японию мы использовали главным образом морские пути Пусан – Симоносеки, Чхончжин – Цуруга. А главным подпольщикам, которые должны были проникнуть вглубь страны и надолго там осесть, рекомендовали использовать далекие обходные пути в основном через порты третьих стран.

Обучавшиеся в Японии были той прослойкой, которой легче всего было попасть в Японию. Те, кто имел хоть мало-мальски крупные деньги, ехали в Японию на учебу с чемоданом или плетеной корзиной в руках – такова была мода в то время.

Я дал Пак Дару и Ким Чен Сук задание подобрать подающих надежды студентов, обучающихся в Японии, которые могли бы

вести работу в подполье для нас.

Позже Ким Чен Сук разузнала, что юноши, переправившиеся в Японию из района Пхунсана, занимаются там, зарабатывая себе на жизнь, и имеют в Токио свою организацию.

Превратив эту организацию, находящуюся в столице враждебной страны, в революционную, можно было бы получить возможность воспитывать корейцев в революционном духе, причем в самом сердце Японии.

Район Токио – Иокогама был уже тогда промышленным районом с самой высокой плотностью населения в стране. Именно в этом районе и проживало основное число корейских учащихся и рабочих.

Я дал Ким Чен Сук Программу ЛВР из десяти пунктов и попросил ее установить связь с обучающимися в Японии уроженцами Пхунсана, принять меры для оказания нашего влияния на их организацию, существовавшую в Токио, чтобы она действовала под нашим руководством.

Ким Чен Сук, рассказывая Чу Бен Пхо о нашем намерении, советовалась с ним о мерах для привлечения на нашу сторону организации обучающихся в Токио.

Говорят, что самым подходящим кандидатом для засылки в Токио Чу Бен Пхо выбрал Ли Ин Мо.

Что касается организации, созданной в Токио обучавшимися в Японии корейцами – уроженцами Пхунсана, то это общество друзей – нуждающихся учащихся «Пхуньу» в Токио. «Пхуньу» означает «друзья из Пхунсана». Члены этого общества часто собирались, обмениваясь мнениями о политическом положении. Сетуя на свою судьбу, они делились своими впечатлениями от прочитанных книг, помогали устроиться на работу безработным членам общества. Это была типичная организация друзей. А если и было у них хотя бы мало-мальски политическое, то это только ругательства в адрес японцев. «Япония и Корея – одно

целое» – это сплошная ложь!», «У японцев и корейцев – одни предки и корни» – это тоже чистая болтовня!», «Любить всех одинаково» – тоже вопиющая брехня», – шумели они.

Ли Ин Мо сразу же по приезде в Токио приступил к делу: он вдохнул пэктусанский дух в эту организацию.

Члены общества друзей – нуждающихся учащихся «Пхуньу» в Токио были просто потрясены Программой ЛВР из десяти пунктов и ее Учредительной декларацией. Таким образом, это общество, лишь изливавшее свои обиды, не имевшее ни цели, ни курса, превратилось в антияпонскую патриотическую организацию.

Корейские студенты, обучавшиеся тогда в японских вузах, поддерживали нас, тех, кто боролся в горах Пэкту, и всячески старались присоединиться к нам.

Антияпонских подпольных организаций было немало и в разных высших и средних школах и техникумах.

Националистическая группа корейских учащихся в Канадзаве, раскрытая японской полицией в первой половине 1944 года, тоже была организацией сопротивления, созданной подпольщиками из нашей главной части КНРА.

О деятельности корейских учащихся, обучавшихся в Канадзавской средней школе, подробно рассказал нам Ли Чхоль Су, подпольщик КНРА. Ли Чхоль Су находился в Чхончжине со специальным заданием. Когда он под маской учащегося работал в подполье, включил своего надежного человека в группу учащихся, едущих в Японию учиться в Канадзавской средней школе.

После приезда в Канадзаву тот подпольщик, завоевав симпатии учащихся, съехавшихся из различных районов Кореи, создал в школе безымянную организацию. Эта группа не стала брать никакого названия для того, чтобы, насколько мне известно, избежать возможных репрессий со стороны врага.

Конечной целью этой организации тоже было участие в решающий момент в вооруженном восстании, которым учащиеся намеревались откликнуться на вступление КНРА в пределы Кореи.

По данным японской полиции, члены этой организации заявили: «Ким Ир Сен, деятель движения за независимость, уроженец Северной Кореи, базируясь в горах Пэкту, организовал партизанский отряд и борется за независимость Кореи, готовит там лучших из наших соотечественников, и мы тоже пойдем за ним, чтобы присоединиться к движению за независимость».

В Японии были различные антияпонские организации сопротивления, но таких, члены которых открыто ставили целью своей борьбы непосредственно перебраться в район гор Пэкту и присоединиться к нашей борьбе, было немного. Большинство организаций сопротивления, черпая силу из информации о нашей борьбе, были готовы откликнуться, когда мы развернем последние наступательные операции, но, учитывая репрессии со стороны японской полиции, они не говорили открыто о своих боевых целях.

В Осаке действовала также организация под названием общества Чхунсонхвэ (Общество верных), состоящего из нуждающихся учащихся.

Вообще в Осаке было много таких учащихся и рабочих, прибывших с острова Чэчжу и из провинции Кенсан.

Говорят, что жители острова Чэчжу отличаются духом протеста и сплоченностью. По словам работников Чхонрёна, все юноши и девушки с Чэчжу, жившие вместе в трущобах Осаки и учившиеся на вечерних отделениях вузов, выделялись своим высоким национальным самосознанием. А где высоко национальное самосознание, там, как правило, появляется организация, рождается большое число революционеров.

Обучавшиеся в Японии корейцы с острова Чэчжу организовали в Осаке вечерние курсы для единомышленников из числа юношей и девушек с острова Чэчжу, а из воспитанных на этих курсах была создана антияпонская организация друзей. После того, как от наших подпольщиков к ним поступила Программа ЛВР из десяти пунктов, на базе антияпонской организации друзей и учащихся вечернего отделения среднего звена в японском институте была создана новая организация под названием общества Чхунсонхвэ.

Программа и задачи борьбы этой организации были неплохими.

Чтобы узнать, что из себя представляло общество Чхунсонхвэ, достаточно лишь взглянуть на его платформу. В ней говорилось, что, когда начнется война между Советским Союзом и Японией, немедленно следует перебраться в Корею, чтобы руководить своими соотечественниками – юношами и девушками с целью оказать сопротивление Японии, развернуть движение за независимость, а когда Ким Ир Сен решительно развернет знамя борьбы, смело подняться, чтобы встать под это знамя.

Когда это общество стало подвергаться репрессиям со стороны японцев, входившие в него корейцы, возвратившись в Сеул, установили связь с засланными нами внутрь Кореи подпольщиками и продолжали там революционную деятельность. После освобождения страны они в Южной Корее и в Японии продолжали отдавать себя борьбе за объединение Родины. У них была связь и с партизанским отрядом на острове Чэчжу.

Антияпонские подпольные организации корейских учащихся в Японии функционировали и в японских духовных семинариях. В качестве типичного примера можно взять националистическую группу учащихся-корейцев Центральной духовной семинарии в Кобе.

В их работе привлекало внимание то, что они ценили меня, сражавшегося в горах Пэкту, как такого деятеля движения за независимость Кореи, на которого народ возлагает большие надежды, воспитывали у себя национальное самосознание, дух независимости, чувство патриотизма.

Общество корейских учащихся – друзей, созданное в 6-й высшей школе в Окаяме, тоже было реорганизовано в организацию, подчиненную ЛВР. Это было делом рук Мин Док Вона, который к тому времени учился в одном из институтов Токио.

Мин Док Вон призывал: «Величайшая задача, стоящая перед корейскими соотечественниками, – это возрождение Родины. ЛВР призвала объединить все патриотические силы нации для священной войны за возрождение Родины. И обучающиеся в Японии тоже, будучи интеллигентами Кореи, обязаны просвещать несчастных наших соотечественников, насильно угнанных японскими империалистами, пробуждать их сознание и объединять их в антияпонскую организацию. А когда наступит период смуты и смятений в самой Японии, мы должны подняться в едином порыве и добиться независимости Кореи». Вот в таком духе вели тогда широкую пропаганду наши подпольщики.

Говорят, Мин Док Вон давал Ре Ун Чхану, Ким Чжэ Хо и другим членам организации задания и на время каникул. В дни каникул члены организации обычно возвращались на родину и вели там просветительскую работу среди членов своих семей, родных, друзей и однокашников.

Центральной темой в просветительской работе того периода была пропаганда боевых успехов антияпонской партизанской армии. Ознакомив соотечественников с этими успехами, а затем и с Программой ЛВР из десяти пунктов, они обращались к ним с прямым призывом: «Если вы действительно желаете видеть

Корею независимой, выходите на священную войну за возрождение Родины! Согласны с этим?» Таким образом была организована группа сперва из единомышленников — близких родственников и друзей, а затем постепенно эти группы объединялись вокруг организации.

В деле с 6-й высшей школой было много интересного. Члены созданной там организации предлагали своим младшим братьям и их друзьям последовать за отрядом Ким Ир Сена, когда они, попав на удочку японской пропаганды, собрались было поступать в отряды юных авиаторов. И это заслуживает внимания. Тогда, говорят, немало юношей и детей, вдохновленных пропагандой, которую вели члены этой организации, отправлялось в Маньчжурию, но им так и не удалось там найти нас и пришлось возвращаться обратно.

Одни из членов филиала ЛВР в Окаяме после освобождения страны отдавали себя борьбе за объединение Родины, другие уходили в горы Чири, где вместе с Ли Хен Саном включались в партизанскую борьбу.

Организаций антияпонского сопротивления было немало и среди рабочих. В основных промышленных районах Японии, таких, как Токио – Иокогама и Осака – Кобе, на Хоккайдо и в Ниигате и других районах, где проживало много корейцев, было немало рабочих организаций сопротивления.

В районе Токио – Иокогама выделялось общество Тонмэнхвэ (Общество союзников), созданное в Токио. Оно представляло собой антияпонскую организацию, имевшую костяк из рабочих и объединявшую вокруг себя учащихся, зарабатывающих себе на жизнь. Это общество отрицало ортодоксальность японского императорства, выступало против фракционной грызни, ценило деятельность корейских патриотов, борьбу КНРА.

Члены Общества союзников активно рассказывали о нас

рабочим и нуждающимся учащимся.

О пропаганде, проводившейся членами общества Тонмэнхвэ, в материалах японских ведомств говорится:

«... Ким Ир Сен, действующий в Северной Маньчжурии, – кореец, велика сила его влияния, над ее причинами ломают голову и японские войска. Порой совершает налеты на территорию Кореи, но никогда не трогает имущество корейских соотечественников, берет на прицел лишь японские дома и японцев. Это действительно поразительное дело...» («Ежемесячные ведомости особой политической полиции», управление полицейской охраны МВД, за март 17 года сёва (1942), стр. 202).

Стратегическая задача Общества союзников состояла в том, чтобы, используя вражескую систему призыва в добровольцев в своих интересах, проводить военную подготовку, а в нужный момент повернуть оружие на японских империалистов. Оно исходило из того, что независимость Кореи может быть достигнута только развертыванием коммунистического движения.

О том, насколько глубоки были чувства уважения и любви корейских рабочих района Токио – Иокогама к товарищу Ким Ир Сену и насколько сильны их антияпонские настроения, можно узнать из следующих обязательств, принятых одним из членов рабочей организации в Токио:

« 1. Ким Ир Сен создал группу сторонников независимости Кореи и действует в Маньчжоу-Го. Президент будущей Кореи – Ким Ир Сен. Мы последуем за ним.

2. Будучи призванным в армию, погибнуть во имя Японии – это собачья смерть. Пойдем к Ким Ир Сену, чтобы быть его солдатами и служить делу Кореи» («Ежемесячные ведомости особой политической полиции», управление полицейской охраны МВД, за март 19 года сёва (1944), стр. 75).

Район Токио – Иокогама – это место, где родилась и функционировала Всеобщая федерация корейских рабочих в Японии в 20-е годы. Она была уже давно распущена, но, базируясь на ее остатках, рабочее движение, хотя и не очень активно, продолжалось. Но когда сюда долетел ветер с горы Пэкту, поднялся настоящий вихрь: бывшие старые организации были перестроены в революционные, рождались все новые и новые

организации.

Мы направляли на Хоккайдо много наших подпольщиков.

Среди них был один, который действовал под псевдонимом «Ким Тхэ Хен».

Местом его назначения был остров Хоккайдо, но он пробрался туда не прямым путем. Сперва он останавливался на Курильских островах, на стройке военной базы, где, пропагандируя Программу ЛВР из десяти пунктов, он потихоньку создавал организацию. Но в конце концов он был арестован. По пути в тюрьму, однако, ему удалось бежать, и он ушел в подполье. Некоторое время скрывался, а затем добрался до Хоккайдо, где начал работу. Ему удалось объединить в антияпонскую организацию корейских рабочих, угнанных по трудовой повинности на стройку ряда шахт, рудников, аэродромов, гидроэлектростанций. Говорят, что в подполье он работал отлично.

Он так обращался к рабочим: «Знаете, что такое Родина? У вас ее нет, поэтому вы угнаны за море, на Хоккайдо, и жизнь ваша – горе горькое. Дома наши соотечественники ведут кровопролитную борьбу за возвращение народу его страны. Там, в лесах Пэкту, есть партизаны, которые дерутся против японских войск с оружием в руках, не щадя жизни. Лишь тогда, когда есть Родина, есть и мы. Мы должны бороться вместе с отрядом Ким Ир Сена и как можно скорее добиться возрождения Родины. Для этого необходимо создать организацию и сплотить людей вокруг нас». После таких речей он объяснял слушателям слово за словом Программу ЛВР из десяти пунктов.

А потом, говорят, из сторонников этой программы он создавал организацию. Таким образом привлеченные к ней рабочие становились главными действующими лицами, стоявшими в первых рядах забастовщиков на каторгах Хоккайдо. Восстание рабочих шахты Юбари тоже было делом его рук.

Если прочитать «Запись о насильственном угоне и принудительном труде корейцев», изданную в Японии, то из нее можно узнать сравнительно подробно о работе по созданию организаций и об антияпонских и антивоенных выступлениях, имевших место на Хоккайдо, на Южном Сахалине, на Курильских островах и в других районах. Книга эта была составлена группой по расследованию фактов насильственного угона корейцев. Заместитель руководителя этой группы Фудзисима Удаи является известным критиком, он не раз бывал у нас. Из японцев он первым посетил места революционной и боевой славы в нашей стране.

В этой книге приведены и материалы, рассказывающие, например, как наш подпольщик, проникший на одну из строек на Хоккайдо, пропагандировал среди корейских рабочих деятельность КНРА и призывал их к борьбе против японского империализма. Он часто организовал на стройке саботаж, помогал многим дезертировать с трудповинности. И он был как кость в горле для военных промышленников. Сбежавшие же переходили на другие участки и зароняли там искру борьбы.

Чувствуя приближение дня поражения, японские империалисты призывали: «Изготовляй! Посылай! Побеждай!», всеми силами стремясь форсировать военное производство. А коммунисты и участники антивоенного движения в Японии выступали под противоположным лозунгом: «Не будем производить! Не будем посылать! Не победим!»

Именно в это время наши подпольщики, опираясь на антияпонские силы, тормозили военное производство. Это не только ускоряло гибель Японии, но и приближало освобождение Кореи.

Один из наших подпольщиков, проникших в Саппоро (Хоккайдо), говорят, создал подпольную организацию из корейских рабочих, насильно угнанных на строительство военной базы, и,

постепенно расширяя ее ряды, вел подготовку к вооруженному восстанию.

Активную деятельность наши подпольщики вели также в вузах и других учебных заведениях на Хоккайдо. Под их влиянием японские рабочие и прогрессивно настроенная часть учащейся молодежи приобщались к антиимпериалистической и антивоенной борьбе.

Ведущий промышленный район Японии – это Осака – Кобе. Ему наши подпольщики уделяли большое внимание.

Среди организаций этого района своеобразной была организация, назвавшая себя специальным обществом молодежи учебной части «Хёпхва». Создана она была корейскими рабочими, угнанными по трудовой повинности на один из заводов префектуры Хиого. Сюда-то и проник человек, воспитанный и подготовленный посланным нами политработником-подпольщиком.

В секретном документе ведомства старой Японии имя посланного в Корею подпольщика звучит, как Ко Ен Сок, но, судя по тому, что я не помню человека с таким именем, это, думаю, не настоящее его имя, а скорее всего псевдоним.

Ниже приводится часть материалов японского ведомства по делу специального общества молодежи учебной части «Хёпхва»:

«Об аресте и допросе по делу специального общества молодежи учебной части «Хёпхва», корейской националистической группы в Амагасаки.

...Главное лицо ... Бен Гю (27 лет)... Он постепенно стал обладать национальным самосознанием, более того, случайно он попал под влияние некоего Ко Ен Сока, действующего под командованием Ким Ир Сена... в рамках движения за независимость Кореи в Маньчжурии. Ко агитировал его: «В ближайшем будущем начнется война между Японией и СССР. Откликнувшись на это, должна подняться и Корея. Примерно в августе 20 года сёва (1945) предусматривается вторжение Ким Ир Сена в Корею из Маньчжурии. Поэтому для подготовки к этому я тайно послан Ким Ир Сеном с миссией – обеспечить единство корейской молодежи, запасти продовольствие... Скоро корейская молодежь встретит независимость Кореи, поэтому прошу действовать с размахом...» ... В данный момент для приобретения друзей ему предстояло проникнуть в качестве рабочего-иммигранта не в Корею, а, наоборот, в Японию, где работает большинство корейской молодежи и, вос-

пользовавшись возможностями их коллективной жизни, сколотить крупную организацию и одновременно поднять восстание, откликнувшись в Японии и Корее на вторжение группы Ким Ир Сена в Корею. А в третьей декаде марта 19 года сёва (1944) он перешел на завод в Амагасаки в системе тяжелой индустрии Оотани, где ведет свою деятельность по пробуждению и подъему национального самосознания своего коллеги – корейского рабочего-иммигранта и добивается создания организации и сплочения рабочих» («Ежемесячные ведомости по вопросам японо-корейских отношений», июнь 20 года сёва (1945).

Находясь на дальневосточной учебной базе, мы часто посылали подпольщиков в Корею, Маньчжурию и Японию. Они готовили надежные силы для всенародного сопротивления так с тем, чтобы они могли присоединиться к генеральному наступлению КНРА.

В Японии в те дни работали в подполье такие, как Ким Чхан Гук, посланный непосредственно нами. Были и подпольщики, посланные по нашему распоряжению руководимой нами внутрикорейской организацией, были и разведчики спецназначения, связанные с отрядом особого назначения Объединенных интернациональных войск. Все они так или иначе сосредоточивали свое внимание на выдвинутом нами плане всенародного сопротивления, делали все, чтобы основательно подготовить все антияпонские силы, действовавшие в самой Японии.

Возьмем один только «Отряд Ким Ир Сена». Собрав вокруг себя мощные антияпонские силы на металлическом заводе в Ниигате, он саботировал производство важнейших видов военной продукции, что вело к ослаблению военного потенциала Японии, помог десяткам рабочих-новобранцев, пригнанных по трудовой повинности, совершить коллективное дезертирство.

Корейская рабочая молодежь в Киото поставила перед собой задачу – осуществить замысел о независимости Кореи, базируясь в будущем на горах Пэкту, и создавала антияпонские организации на ряде заводов.

Одним словом, наши организации глубоко внедрились в Японии везде и всюду, где проживали корейцы, – от Хоккайдо на севере до Кюсю на юге, от студентов до духовных семинаристов, от шахтеров до рабочих, пригнанных на принудительные работы.

Следующий материал красноречиво говорит о том, как трепетали японские полицейские власти в связи с засылкой в Японию подпольщиков КНРА и разведчиков спецназначения.

В материале рассказывается, что на суда, стоявшие на якоре в портах северного района Кореи, набирали дополнительно членов экипажа. В обычное время желающих совершенно не было, но на этот раз подавали заявление в каждом порту по 47 – 48 человек. С виду это были довольно образованные люди, отлично владевшие японским языком. Именно поэтому было решено прекратить набор: неизвестно было, что таится в их душе – чужая душа потемки. Вот что говорилось о причинах прекращения набора.

«По имеющимся сведениям, все эти люди пропитаны националистическими идеями. Они знают – совершить переезд в Японию по морю нелегко, поэтому хотят записаться в моряки, которым переезд в Японию по морю сравнительно легче. А когда судно зайдет в японский порт, они, вероятно, попытаются ускользнуть и добраться до Токио, Осаки и других крупных городов, чтобы агитировать там корейцев, повышать их национальное самосознание и совершить непристойные действия, откликнувшись на внутренний и внешний зов. Необходимо поэтому строго следить за поведением корейцев, переезжающих из Маньчжурии, и подозрительных корейских моряков» («Ежемесячные ведомости особой политической полиции», управление полицейской охраны МВД, за август 16 года сёва (1941), стр. 77).

В результате создания во всей Японии разветвленной сети корейских организаций сопротивления страна, можно сказать, стала подобием вулкана, готового внезапно начать извержение. Это был результатом активной работы наших подпольщиков и членов малых групп.

Среди корейцев, привыкших жить своим умом, не было глупцов, которые думали, что перспективы для нации откроются за столом переговоров крупных держав. Наш народ был убежден: единственный путь к спасению страны и нации – в вооруженной борьбе. Такое его единодушное мнение, считаю, послужило фактором, позволившим сплотить все патриоти-

ческие силы Кореи вокруг Народно-революционной армии.

Корейцы не случайно с надеждой взирали на гору Пэкту. Там действовала революционная армия, поэтому они неустанно повторяли «Пэкту, Пэкту». В древние времена гора Пэкту слыла родоначальником гор и была предметом любви и поколонения всей нации, а с тех пор, как корейские коммунисты начали там вести антияпонскую войну, она стала для всей нации священной горой революции.

Добиваясь быстрого подъема вооруженной борьбы и делая на нее главную ставку, мы ковали собственные революционные силы. Это имеет действительно огромное значение. Как показывает вся история антияпонской революции, в национально-освободительной борьбе в колониальных странах основой основ является вооруженная борьба. Только развертывая вооруженную борьбу на высоком уровне, можно быстрее пробудить народ, легче мобилизовать широкие слои масс на войну сопротивления империалистическим агрессорам.

Национальное достоинство нашего народа, серьезно ущемленное вследствие гибели страны, стало сильнее в сто, тысячу раз с тех пор, как мы начали вооруженную борьбу в горах Пэкту. Это было высокое революционное достоинство, которое не сравнишь с национальным достоинством прошлого. Вот почему можно сказать, что настоящее национальное достоинство нашего народа и его любовь к Родине берут свое начало с гор Пэкту.

Организации всенародного сопротивления, созданные на земле Японии под влиянием нашей антияпонской вооруженной борьбы, развертывая практическую борьбу в самых различных формах, внесли свой вклад в повышение национального самосознания и ускорение гибели японского империализма.

Не будь такой истории, не видать бы такого, как сегодня, прогресса движения Чхонрён. Чхонрён процветает, потому что у него есть надежная основа.

7. День последнего и решительного боя

Случилось это уже после войны, во время визита великого вождя товарища Ким Ир Сена в Советский Союз. Ответственный работник КПСС, встретивший его в Кремлевском дворце, представил ему по очереди руководителей своей страны.

Среди них был и Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, тогда министр обороны СССР. Когда пришла его очередь, он с улыбкой сказал: «Мы старые друзья, нечего нас знакомить». И добавил: «Первая наша встреча была еще в Хабаровске, когда вы, товарищ Ким Ир Сен, находились на Дальнем Востоке». «Совершенно верно! Мы старые боевые друзья». И они обменялись крепкими рукопожатиями. Остальные руководители обеих стран, присутствовавшие при этом, были крайне удивлены.

С чего же начиналась дружба между товарищем Ким Ир Сеном и Р. Я. Малиновским? Что произошло в Хабаровске?

Подготовка к последнему, решительному бою за разгром империалистической Японии и освобождение Родины активизировалась после поражения гитлеровской Германии.

В феврале 1945 года в Ялте состоялась конфиденциальная конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. Это был месяц, когда советские войска освободили Будапешт – столицу Венгрии, вели подготовку к генеральному наступлению на Берлин. Поражение Германии было вопросом времени.

Одной из главных тем, которые обсуждали в Ялте руководители трех держав, был вопрос о вступлении Советского Союза в войну против Японии после поражения Германии. На конференции Советский Союз дал согласие вступить в войну против Японии через 2 – 3 месяца после разгрома Германии.

Уточнение этого вопроса на Ялтинской конференции вдохновляюще подействовало на угнетенные нации и революционеров Востока, находившихся под гнетом японского империализма.

Мы же форсировали подготовку к встрече во всеоружии

наступающего великого события – возрождения Родины.

Спустя некоторое время после того, как началась операция Советских войск по взятию Берлина, командование войск Дальневосточного фронта сообщило нам о поражении Германии. В честь победы советские солдаты и офицеры, состоявшие в Объединенных интернациональных войсках, пировали, всю ночь они не спали. Кажется, тогда они выпили все спиртное, что имелось в интендантском складе. За одну ночь иссяк и весь спирт медпункта. Вообще русские пьют много. От радости, вызванной победой, все – и русские, и корейцы, и китайцы – пели и кружились в танцах. Мы считали победу Советского Союза нашей общей победой. За поражением Италии последовало поражение Германии. Было совершенно очевидно, что за поражением Германии рано или поздно последует и поражение Японии. Поражение Германии можно было считать прелюдией к поражению Японии.

Фашистские силы, которые одно время принесли миру столько бедствий, казалось, несут по беговой дорожке эстафету к своей могиле как на Западе, так и на Востоке. Теперь очередь принять ту эстафету пришла к Японии.

И нам тоже приходилось вести подготовку, чтобы ускорить гибель империалистической Японии и добиться освобождения Родины.

После банкета в честь победы в войне против Германии командиры-корейцы, состоявшие в ОИВ, собрались вместе и долго обсуждали предстоящую операцию по освобождению Родины. Это было не официальное совещание, но атмосфера была весьма серьезной и даже торжественной. Все, сильно возбужденные, выступали за скорейший разгром империалистической Японии и возрождение Родины. Люди, казалось, были готовы тут же переправиться через реку Туман и устремиться на территорию Кореи.

В фокусе обсуждения был вопрос о достижении независимости собственными силами и об организации всенародного сопротивления. Все мы должны твердо придерживаться самостоятельной позиции – освободить Родину собственными силами. Для этого нужно всемерно укреплять военно-политическую мощь КНРА, как следует подготовить организации сопротивления в Корее, чтобы с началом операции КНРА по освобождению Родины они присоединились к ней и приняли участие во всенародной войне сопротивления. Нужно укрепить военные связи с советскими и китайскими вооруженными силами, как следует подготовиться к совместным военным действиям, тесно увязав их с советской широкомасштабной операцией против Японии. Такова была суть разговора, который мы тогда вели.

После мне приходилось не раз советоваться с командованием советских войск Дальневосточного фронта по вопросу о военно-политических совместных действиях с Советским Союзом. Порой я посещал советское командование вместе с Чжоу Баочжуном или с Чжан Шоуцзянем, а порой – без них, с Ким Чаком или с Чвэ Ён Гоном, чтобы советоваться с ним.

В связи с ожидавшимся нападением Японии Советский Союз проводил втайне тщательную подготовку к операции против Японии. Такая подготовка велась и до, и после поражения Германии.

К 32 году чучхе (1943), когда шла тяжелая война с Германией, советское руководство приняло меры по укреплению отделов Генштаба, занимающихся вопросами Дальнего Востока, переформировало дальневосточные вооруженные силы в соответствии с требованиями предстоящей операции. И. В. Сталин заменил командующего войсками Дальневосточного фронта и командующих армий генералами, имеющими богатый боевой опыт, приобретенный в ходе войны с Германией.

Одной из таких мер был перевод командующего войсками Дальневосточного фронта И. Р. Апанасенко на должность заместителя командующего войсками Воронежского фронта – к югу от Москвы – и назначение на его место М. А. Пуркаева, бывшего командующего войсками Калининского

фронта.

Еще и тогда, когда советские войска, начиная с 33 года чучхе (1944), активизировали военные операции в Восточной Европе, за пределами Советского Союза, И. В. Сталин приказал немедленно направить подкрепления на Дальний Восток и максимально усилить его военный потенциал.

После разгрома Германии Советский Союз вступил в стадию окончательной проверки плана операций против Японии.

И мы в свою очередь стали намечать направление операций КНРА и конкретный план действия. Стоит ли говорить, что эти планы предусматривали взаимодействие с советскими войсками.

Советский высший комсостав возлагал большие надежды на КНРА и ОСВАА. Все подразделения ОИВ накануне операций против Японии увеличили в несколько раз по сравнению с прошлым интенсивность военной подготовки. При ее проведении главное внимание уделялось тому, чтобы все национальные отряды, входящие в ОИВ, сохраняли свои особенности и в то же время могли координировать свои действия в предстоящей совместной операции против Японии.

Для успешного завершения совместной операции важно было продуманное распределение в ОИВ боевых действий по национальным отрядам и координация взаимодействий между видами и родами войск в боевых операциях. Решению этого вопроса было уделено должное внимание при боевой подготовке ОИВ.

Наряду с этим все подразделения КНРА и ОСВАА неустанно совершенствовали приемы ведения партизанских боев, созданных и отработанных в многолетней антияпонской войне, искали методы эффективного их применения в крупных операциях регулярных войск. Проводя одновременно во всех формах военную подготовку, мы уделяли главное внимание разведке, военно-инженерному делу, изучению радио и воздушному десантированию, словом, тому, что было особо необхо-

димо в операции по освобождению Родины. Мы достаточно глубоко изучали и осваивали новейший боевой опыт, накопленный советскими войсками в ходе войны против Германии. Нечего и говорить, сколь высок был уровень нашей подготовленности!

В первые дни существования ОИВ направленные к нам на учебную базу советские офицеры-преподаватели были в большинстве своем участниками гражданской войны. Но когда подготовка к операции против Японии вошла в завершающий этап, большинство инструкторов было заменено участниками боев на советско-германском фронте. Они прошли закалку несколько лет в огне современной войны, поэтому все, что они говорили и показывали нам, было исключительно ново и свежо.

К тому времени мы посылали многочисленных подпольщиков на Родину для подготовки организаций сопротивления в Корее. Они были посланы и в Пэктусанский тайный лагерь, и на гору Канбэк. Вместе с находившимися там подпольщиками, руководившими организациями сопротивления, они форсировали подготовку к последнему, решительному бою.

Я к тому времени тоже побывал в Корее. В связи с предстоящей операцией против Японии много времени приходилось выделять на определение направлений боевых действий наших отрядов внутри Кореи и на координацию наших оперативных планов с всеобщей подготовкой СССР к операции против Японии.

Летом 1945 года Советский Союз создал Главное командование советских войск на Дальнем Востоке с главнокомандующим А. М. Василевским, имевшее в подчинении крупные войска трех фронтов. Войсками Забайкальского фронта командовал Р. Я. Малиновский, войсками 1-го Дальневосточного – К. А. Мерецков, войсками 2-го Дальневосточного – М. А. Пуркаев, бывший до этого командующим войсками Дальнево-

сточного фронта.

Главным театром боевых действий войск 1-го Дальневосточного фронта должна была стать часть районов Северо-Востока Китая к югу от Харбина и Корея, а театром боевых действий 2-го Дальневосточного – северо-восточный район Китая к западу от Хабаровска.

Вообще Объединенным интернациональным войскам предстояло вести боевые действия в составе войск 2-го Дальневосточного фронта, но отряды КНРА имели связь больше с войсками 1-го Дальневосточного фронта. После создания Главного командования советских войск на Дальнем Востоке мне приходилось иметь дело чаще всего с командующим войсками 1-го Дальневосточного фронта К. А. Мерецковым и членом Военного совета Т. Ф. Штыковым. Дружеские отношения у меня сложились и с командующим 25-й армией И. М. Чистяковым и одним из ее командиров – Лебедевым. Они должны были с началом операции советских войск против Японии передвинуться со своими частями в районы Кореи.

Местом пребывания Главного командования советских войск на Дальнем Востоке был Хабаровск. Я часто бывал в Хабаровске, где был знаком и с А. М. Василевским, дружился и с Р. Я. Малиновским.

Летом 1945 года Главное командование советских войск на Дальнем Востоке часто созывало совещания, посвященные совместным операциям.

Об оперативных планах советского Главного командования подробно рассказывал нам А. М. Василевский. По его словам, было намечено окружить главные части Квантунской армии, изолировать, расчленив их на несколько частей, и разгромить одним ударом.

Что касается освобождения нашей Родины, то мы неизменно придерживались прежнего тактического курса.

По разработанному нами плану отрядам КНРА, собравшимся в районах горы Канбэк, следовало продвинуться по заранее установленному маршруту и освободить провинции Кореи, а отрядам КНРА, сосредоточенным на дальневосточной учебной базе, немедленно прибыть по воздуху в район Пхеньяна и другие места, занять заранее созданные тайные опорные базы и развернуть там молниеносные военные операции.

Наряду с этим малым отрядам КНРА и подпольщикам, действовавшим внутри Кореи, следовало резко расширить ряды организаций сопротивления, поднять население на всенародное сопротивление, чтобы все люди Кореи везде присоединялись к наступающим отрядам КНРА.

Я и поныне считаю, что этот оперативный план был единственно правильным, ведущим к скорейшему освобождению Родины в тогдашних военно-политических условиях нашей страны. Во всех провинциях Кореи окажутся партизаны, сброшенные на парашютах, и вместе с отрядами всенародного сопротивления разгромят повсюду противника. Какие тут могли быть трудности!

В укрепленные районы противника, созданные на береговой линии, ворвутся советские войска, подвергая японцев бомбардировкам и артобстрелу с кораблей, а от северной границы лавиной покатятся пехотные части с бронетанковыми соединениями впереди. Так мы договорились с советской стороной.

В связи с предстоящим последним, решительным боем мы направили много малых отрядов и групп в пределы Кореи.

Всем партизанским и народным вооруженным отрядам и организациям сопротивления было дано нами задание – после полного разгрома противника ликвидировать органы колониального господства, взять под охрану жизнь и имущество народа, создать органы партии и народной власти.

Из комсостава советских войск на Дальнем Востоке больше

всего общаться мне приходилось с К. А. Мерецковым.

Это был генерал на исходе четвертого десятка лет, с залысинами на лбу.

Судя по его прошлой службе, думаю, И. В. Сталин не случайно назначил его командующим войсками фронта на приморском направлении.

Одно время К. А. Мерецков служил в командовании одной из дальневосточных частей, позже был командующим Ленинградским военным округом. Он командовал и 7-й армией, являющейся главной ударной силой в советско-финляндской войне. Пришлось ему работать и начальником Генштаба советских войск, а до приезда на Дальний Восток он командовал войсками Карельского фронта, находящегося на северо-западе от Москвы.

К. А. Мерецков крепко пожал мне руку, как будто встретился со старым другом, и долго тряс ее, выражая большую радость от нашей встречи. Предложив мне сесть, он сказал: «В войне против империалистической Японии корейские товарищи – наши учителя. В операции против Японии исключительно важна роль корейских товарищей. Мы возлагаем на вас большие надежды».

Коротко ознакомившись с деятельностью корейского отдельного отряда в ОИВ, он попросил подробно рассказать о военно-политической ситуации в Корее. Он и его офицеры особенно интересовались дислокацией вооруженных сил Японии в Корее, методами японского господства, антияпонской борьбой населения и расположением сети революционных организаций в Корее, деятельностью вооруженных отрядов, связанных с тайными опорными базами.

Однажды, незадолго до начала операции против Японии, вместе с командирами Объединенных войск я отправился в Москву, где участвовал в совещании, созванном Генеральным

штабом советских войск. Там уже были К. А. Мерецков, Т. Ф. Штыков и другие представители командования фронтов, связанных с предстоящей операцией против Японии. Там я снова встретился с главнокомандующим А. М. Василевским.

Все поддержали наш план операции по освобождению Родины, основанной на боевых действиях воздушного десанта. Тогда перед отрядами ОСВАА стояла задача – первыми высадиться воздушным десантом в главные города Маньчжурии и открыть путь наступающим советским сухопутным войскам.

В Москве я встретился и с Г. К. Жуковым. Тогда он был главнокомандующим Группой советских войск в Германии и советским представителем в Контрольном совете в Германии. По какому делу он тогда находился в Москве, я не знал, для меня встреча с ним была очень впечатляющей. Прославленный непобедимый полководец Г. К. Жуков в общении был очень вежлив и прост.

Советские люди принимали нас как лучших друзей. Это было исключительное радушие и гостеприимство, выходившие за рамки дипломатических приличий.

За время пребывания в Москве мы посетили Мавзолей В. И. Ленина, побывали и в Историческом музее, ознакомились с известными местами боевой славы, связанными с обороной Москвы, посмотрели – в который уже раз – и кинофильм «Чапаев».

И после совещания по вопросу об операции против Японии советские хозяева почему-то не отпустили нас сразу на Дальний Восток. Оставаясь спокойными, они затянули наше знакомство с Москвой. Спустя несколько дней нас представили А. А. Жданову. В то время он был членом Политбюро и секретарем ЦК ВКП(б).

Когда мы явились к нему, там был и Т. Ф. Штыков.

Обращаясь к нам, Жданов сказал, что встречает посланцев с Востока по поручению И. В. Сталина, и с одобрением отозвался

об антияпонской вооруженной борьбе, проведенной нами. «Я, – говорил он, – много слышал о корейском партизане Ким Ир Сене от товарищей Сталина и Шлыкова. Очень рад, что вы выглядите намного моложе, чем я представил». По его словам, нашей деятельностью живо интересуется и Сталин.

Беседа со Ждановым началась с вопроса о текущем военно-политическом положении. Беседуя с ним, я увидел, что он очень интересуется моим мнением о том, каким образом следует работать, чтобы развивать освобожденную Корею как демократическое независимое государство.

Во время беседы Жданов неожиданно спросил меня, сколько лет потребуется корейцам после освобождения страны, чтобы построить независимое государство. Я ответил – не больше двух или трех лет.

Услышав это, Жданов обрадовался, потирая руки. Однако он не скрывал и своего удивления: видимо, совершенно не ожидал такого ответа.

Я догадался тогда, почему Жданов проявляет такой большой интерес к проблеме строительства нашего суверенного, независимого государства после освобождения страны, почему к моему ответу «два или три года» он отнесся с видимым недоверием.

Причина состояла вот в чем. Когда на Ялтинской конференции шло обсуждение вопроса о послевоенной Корее, Рузвельт выступил с так называемым планом управления страной под опекой. Слабые и малые страны Азии, освобожденные от колониального ига, должны были «проходить обучение в условиях демократического строя» под опекой крупных держав. Такова была его неизменная точка зрения.

Еще со времени, когда весной 1943 года Рузвельт провел переговоры в Вашингтоне с американским государственным секретарем и министром иностранных дел Англии, он настаивал

на том, что Корея и Индокитай должны находиться под опекой крупных держав. По его словам, корейцам нужен «примерно сорокалетний период упорядочения до достижения полной независимости». Рузвельт, как видно, недооценивал нашу нацию и относился к ней пренебрежительно .

Я рассказал Жданову, что наш народ уже пробудился политически, что он заметно закален в ходе многолетней антияпонской вооруженной борьбы и национально-освободительной борьбы, что в этом процессе подготовлены надежный руководящий актив и широкие патриотические силы, способные собственными силами вести государственное строительство, что накоплен богатый опыт борьбы, налицо неиссякаемые творческие силы, организаторское умение, высокая мобилизационная готовность народа.

Внимательно выслушав меня, Жданов спросил, в какой форме помощи нуждается корейский народ в борьбе за государственное строительство после освобождения.

Я ответил ему: «Советский Союз вел войну с Германией в течение четырех лет, а впереди большая война с Японией. Где вы найдете силы, чтобы помочь нам? Если нам окажут помощь, спасибо за нее, но мы хотим по возможности своими собственными силами построить свою страну. Это, конечно, трудно, но все же считаю, что такой подход правильнее для перспективы на будущее. У нас в стране, в ее истории существовало низкопоклонство, что служило причиной гибели страны, и в строительстве новой Кореи ему не место. Мы ни в коем случае не хотим, чтобы был нанесен ущерб от него – такова наша решимость. Мы надеемся на политическую поддержку Советского Союза и хотели бы, чтобы Советский Союз впредь активно поддерживал нас на международной арене и прилагал усилия, чтобы корейский вопрос был решен в соответствии с интересами и волей корейского народа».

Жданов остался доволен моим ответом. «Недавно, – произнес он, – гость из одной из стран Восточной Европы, встретившись со мной, обратился со словами, что его страна, экономически отсталая да к тому же сильно пострадавшая от войны, стоит перед большими трудностями, поэтому хорошо, если бы Советский Союз оказал ей помощь, как старший брат. Какой это контраст с вашей позицией! Не знаю, такова ли разница между Востоком и Западом, между краем, где восходит солнце, и краем, куда оно заходит».

Последние слова Жданова были, разумеется, шуткой.

Какая разница могла быть между страной, откуда восходит солнце, и страной, куда оно заходит? Если и можно говорить о разнице, то она в том, что руководители стран Восточной Европы больше верят Советскому Союзу, чем своему народу. Почти все страны Восточной Европы были освобождены советскими войсками. И, ориентируясь на Советский Союз, они строили социализм по советскому образцу. Низкопоклонство у них укоренилось столь глубоко, что если советские руководители произносили «а», и они тоже говорили «а» и если в Москве шел дождь, они у себя ходили под зонтами. Одна из причин провала социализма в Восточной Европе кроется как раз в этом низкопоклонстве.

Жданов обещал, что доложит Сталину о встрече со мной. И после этого мы не раз встречались, и у нас завязались глубокие дружественные отношения.

Видимо, и Мерецков много говорил Сталину обо мне.

Мне и поныне не забыть случай в Люйшуне.

Как-то раз, сразу же после освобождения Кореи, я оказался в Люйшуне, где и встретился с Мерецковым.

Поговорили о том, о сем, а потом он спросил меня: «Нет ли просьб к товарищу Сталину? На днях я уеду в Москву и ветречусь с ним». Я высказал ряд своих соображений, в том

числе об отмене оккупационных денег, выпущенных командованием советских войск, и выпуске наших, отечественных денег, о национализации промышленности, об оказании необходимой помощи с советской стороны в превращении КНРА в современные регулярные вооруженные силы.

И после этого Мерецков оказывал нам всяческую помощь в работе. Будучи командующим Приморским военным округом, он порой бывал и в Пхеньяне, и каждый раз при этом посещал в первую очередь не командование советских войск, а мой дом.

Однажды Мерецков приехал в Пхеньян вместе с Малиновским. Командующий советскими войсками в Корее хотел было проводить их в специальную гостиницу для иностранцев.

Но они, отказавшись от этого, посетили мой дом, говоря, что они пришли в гости к товарищу Ким Ир Сену и попросят его супругу вылепить для них пельмени. Им было безразлично – дома я или нет. Оба были люди большой души, были очень просты. Однако Ким Чен Сук не на шутку растерялась: ведь гости нагрянули без всякого предупреждения!

Малиновский предложил: «Ну что ж, давайте полакомимся, чем бог послал. Товарищ Ким Ир Сен человек занятый, нечего его ждать. Его предупредили, что мы летим в Пхеньян, но, видать, ему некогда было приехать на аэродром. И дома его нет – значит, он занят по горло». Они попросили корейского *куксу,* «корейского хлеба».

После встречи со Ждановым мы со Штыковым возвратились на Дальний Восток.

Дружба со Штыковым, завязавшаяся на Дальнем Востоке, продолжалась и потом. Штыков много сделал для решения корейского вопроса. Будучи главой делегации советской стороны в советско-американской совместной комиссии, созданной по решению Московского совещания министров трех стран, он

вел активную дипломатическую деятельность, целью которой было воссоединение Кореи и ее самостоятельное развитие.

Вернувшись из Москвы, я собрал командиров КНРА и проинформировал их о том, что было сделано в Москве.

9 августа 1945 года Советский Союз по договоренностям с союзными странами начал войну против Японии и объявил свою страну в состоянии войны.

В тот же самый день я отдал приказ всем отрядам КНРА начать генеральное наступление во имя освобождения Родины.

Прежде чем начать операции завершающего наступления, я приказал отрядам КНРА совершить внезапный налет на Тхори в уезде Унги, Наньбели, Дунсинчжэнь в уезде Хуньчунь и другие важнейшие военные опорные пункты в пограничных укрепленных районах противника, посеять панику в системе его обороны, нанести удар по живой силе и огневым средствам противника в укрепленной полосе.

Проводя совместную с нами операцию, командование войск 1-го Дальневосточного фронта больше всего было озабочено выбором мест, куда можно было бы нанести самые эффективные удары. То есть, по какому звену в укрепленных пограничных районах следовало нанести удар, чтобы пошатнулась вся система обороны японских войск. Я думал, что мы можем решить этот вопрос.

Японские войска вплоть до 1945 года строили многочисленные долговременные огневые точки в районах Маньчжурии, граничащих с Советским Союзом и Монголией. Четыре укрепленные полосы были созданы в Корее и все они были отправными базами для нападения на Советский Союз.

В укрепрайонах на корейско-советской, корейско-маньчжурской и советско-маньчжурской границах, созданных японскими империалистами за десять с лишним лет, были сосредоточены значительные вооруженные силы: сухопутные, ВМС

и ВВС, и прежде всего Квантунская армия и части, дислоцированные в Корее. Враги хвастались этими укрепленными полосами, называя их «неприступной линией обороны».

Все укрепления, сооруженные противником, были секретными подземными. Рабочие, мобилизованные на их строительство, были физически ликвидированы японскими империалистами ради сохранения секрета. Эти укрепления были самым крупным препятствием в операции по разгрому японских войск. Серьезной проблемой советские командиры считали Квантунскую армию, находившуюся за укрепленной полосой, я же – прорыв этой укрепленной линии. Именно поэтому я решил прощупать несколько мест в этой укрепленной полосе.

Я предложил, прежде чем начать войну, провести бои местного значения. Все высшие командиры войск 1-го Дальневосточного фронта были удивлены моим предложением. Я настаивал: чтобы открыть путь к операции по разгрому японских войск, надо ударить по ряду важнейших военных опорных пунктов. Это необходимо для того, чтобы противник сразу раскрыл свою систему обороны, усиленную им в полном секрете, и укрывшуюся в ней живую силу и огневые средства.

И вот один из наших отрядов накануне войны под проливным дождем, лившим как из ведра, совершил рейд на Тхори, один из пунктов укрепленной полосы у реки Туман. Тхори находилось в удивительной точке на стыке Кенхынской укрепленной полосы и укрепленной полосы Унги – Рачжин. Потеряв Тхори, противник был бы вынужден оставить этот обширный район, и его Кенхынские укрепления оказались бы под угрозой.

Наши бойцы подожгли полицейский участок в Тхори и освободили село.

Тхори стало первым поселением, которое было освобождено отрядом нашей революционной армии в ходе последнего, решительного сражения за возрождение Родины.

Противник срочно послал подкрепление, но не тут-то было: объятым страхом врагам, говорят, оставалось только наблюдать с перевала Унсан за пожаром на полицейском участке, а затем возвратиться восвояси.

Вот что говорилось в одном из японских печатных изданий о рейде на Тхори отряда КНРА:

«8 августа, ночью в 11 часов 50 минут группа корейцев, примерно в 80 человек, вместе с советскими солдатами переправилась на быстроходном катере через реку Туман и совершила налет на Тхори, откуда видна, как на ладони, советская территория. Удару подвергся в первую очередь полицейский участок Тхори...

... 9 числа примерно в 3 часа ночи туда были посланы грузовые автомашины, но было поздно... Они возвратились с перевала Унсан» («Протокол о завершении войны в Корее», стр. 29).

Путь для прорыва, открытый в результате дерзких операций отрядов спецназа и передовых отрядов КНРА, образовавшей совместный фронт с советскими войсками, стал одним из важнейших звеньев в осуществлении наших оперативных планов, направленных на молниеносное завершение войны против Японии.

Отряды КНРА, находившиеся в Канбэксанском тайном лагере как исходной позиции для завершающего наступления, пополнив свои силы, продвигались по заранее предусмотренному оперативному плану. Отряды, сосредоточенные в бассейне реки Туман, одновременным ударом прорвали пограничные укрепления противника и освободили районы Кенвона и Кенхына, а затем, развивая успех и двигаясь в направлении Унги, освободили обширные районы Кореи. А некоторые подразделения, действовавшие в качестве передовых отрядов морского десанта, в тесном взаимодействии с наземными частями высадились в Унги и, развивая успех, продвинулись в район Чхончжина.

Другие отряды освободили Цзиньчан, Дуннин, Мулин,

Муданьцзян и, с боями преследуя противника, нанесли сокрушительный удар по Квантунской армии и продвинулись в сторону противоположного берега реки Туман.

Малые отряды КНРА и подпольщики, действовавшие уже внутри Кореи, активно подняли народные вооруженные отряды, организации вооруженного восстания и широкие слои населения на вооруженное выступление. Повсеместно в стране смельчаки, громя японские агрессивные войска, жандармерию, полицейские органы и дезорганизуя вражеский тыл, оказывали активную помощь наступающим отрядам КНРА.

В бою в Кенхынском укрепленном районе отличился Хан Чхан Бон, уроженец Таоцюаньли. Он первым из передового отряда ОИВ переправился через реку Туман. Бойцы передового отряда, форсировавшие реку Туман, при помощи членов местной революционной организации одним ударом ликвидировали вражеские форты и долговременные огневые точки и освободили район Вончжона.

В ходе операции по прорыву укреплений вдоль реки Туман произошел горячий бой на горе Маю в Хунюне. Враги считали районы гор Маю и Вольмен неприступной крепостью.

Взорвав мост Хунюн и укрывшись на высоте, покрытой долговременными огневыми точками, они готовились к решительному бою.

Вместе с группой разведчиков КНРА в форме японских солдат Пак Гван Сон в полночь переправился через реку Туман и, оказавшись на задней стороне горы Маю, разведал все позиции противника. Гору Маю, как стало известно, обороняли два батальона противника. Группа разведчиков, сообщив по рации о дислокации противника, мужественно дралась вместе с подразделением, форсировавшим реку Туман, идя впереди него.

Народный вооруженный отряд у горы Маю перед боем взорвал пороховой погреб и полевой склад боеприпасов про-

тивника, внеся свой вклад в успех в бою.

Передовой отряд О Бэк Рёна, участвовавший в рейде на Тхори, совершил подвиги и в бою на перевале Манхян.

Перевал Манхян был важнейшим пунктом противника, предназначенным для обороны укрепленной полосы Унги – Рачжин от нашего наземного натиска.

Когда наше наступление задержалось на перевале Манхян, О Бэк Рён вызывался со своим передовым отрядом подавить огневые точки и артиллерийские позиции противника на высоте. Вместе со своими бойцами он ползком взобрался на высоту, подавил все огневые точки, оказавшиеся на пути нашего подразделения, и открыл путь вперед.

Советские солдаты и офицеры в восхищении показывали большой палец: «Вот это да – корейские партизаны!»

Среди наших бойцов был один погибший за день до освобождения Родины. Это Ким Бон Сок. Он был ординарцем, которого я очень любил. Он выполнял много моих заданий.

Хотя он был ординарцем, но умело работал и в подполье, не раз удивляя товарищей своей смекалкой.

Все, наверное, будут просто диву даваться, когда узнают, как он в конце 30-х годов вместе с Юн Бен До по нашему заданию пробрался в Лунцзин – опорный пункт карателей противника и, поступив в среднюю школу и одев форменный головной убор, работал среди учащейся молодежи.

Ким Бон Сок – это тот партизан, который, будучи телохранителем Пак Ин Чжина, поехал вместе с ним в Сеул, участвовал там в торжествах служителей культа чхондогё, а потом оказывал на их руководителей революционное влияние.

Передав мой приказ О Бэк Рёну, участвовавшему в операции по освобождению Родины, Ким Бон Сок погиб на обратном пути. Я послал его к О Бэк Рёну для того, чтобы дать последнему конкретное задание, связанное с совместными опера-

циями с советскими войсками. Выполнив задание, он немедленно отправился в путь. По пути заглянул в какой-то дом, где пообедал, однако хозяин дома оказался подлецом – он донес на гостя в полицию. Ким Бон Сок смело дрался с преследовавшими его врагами и погиб смертью храбрых. Это случилось 14 августа 1945 года. Я очень оберегал Ким Бон Сока, но нам не удалось даже найти его тело. Говорят, что посетители Мемориального кладбища революционеров подолгу стоят перед его бюстом. Жаль, что он погиб всего за день до освобождения Кореи!

Рачжин был освобожден Рачжинским народным вооруженным отрядом.

Военно-морской десант советского Тихоокеанского флота, который должен был провести операцию по высадке в Рачжин, предполагал, что операция будет сопровождаться жаркой битвой: Рачжин был серьезным укрепленным районом, построенным противником ценой больших усилий. В порту постоянно находились корабли противника, а на высотах вокруг города были позиции зенитной артиллерии.

Когда советские десантники высадились в Рачжине, город был уже освобожден.

Позже стало известно, что когда советские войска подвергли город бомбардировке и обстрелу с кораблей, японские войска, засевшие в Рачжине, вначале подумали, что это столкновение – не более чем инцидент на Чжангуфэне, и собирались оборонять город не на жизнь, а на смерть.

Тогда один из небольших отрядов народного вооруженного формирования под покровом ночи проник в город, обстрелял командный пункт укрепрайона, жандармерию и полицейский участок, поджег военный склад сухопутных войск. После этого главные силы этого отряда ворвались в город и нанесли врагу удар со всех сторон.

Один из советских офицеров, участвовавших в бою за Рачжин, писал:

«... Когда мы приблизились к городу, слышались трескотня пулеметов, артиллерийские раскаты.

Корейские крестьяне, вышедшие в окрестности города, размахивая руками, кричали: «Мансэ!» По их словам, вот уже второй день в городе шли бои между партизанским отрядом Ким Ир Сена и японскими войсками. Небольшие площади и узкие улицы города забиты грузовиками и повозками противника.

Видно было, что корейские партизаны отрезали путь к отходу японским войскам, не давая им ускользнуть из города. Японские самураи, стиснутые между нами и партизанами, сложили оружие и стали сдаваться в плен. Мы заметили более 100 вооруженных лиц, стремительно бегущих навстречу нам с окраин города. «Мы партизанский отряд Ким Ир Сена» – поспешно доложил командир отряда полковнику танковой части» (И. Уржмелашвили, из «Записок в Корее»).

Повсеместно в стране народные вооруженные отряды, имевшие различные названия, участвовали в последних боях за разгром японских империалистов. Такие отряды действовали почти во всех районах провинций.

В провинции Северный Хамген эти отряды, созданные в районах Кенхына и Унги, с самого начала войны хорошо воевали, присоединившись к корейско-советским объединенным войскам.

Вооруженные отряды в районах Чхончжина, Кильчжу и Сончжина, разгромив остатки недобитого противника, еще до дня освобождения – 15 августа силой оружия захватили заводы и совершили налеты на полицейские органы.

Качхибонский вооруженный отряд, организованный Чвэ Иром, сыграл большую роль в последнем, решающем бою за освобождение Родины.

Чвэ Ир был послан в район Хвэрена летом 1941 года. Говорят, группа О Бэк Рёна тогда служила его проводником, устроила его на место работы. Чвэ Ир организовал вооруженный отряд из рабочих, выжигающих древесный уголь, и лиц, уклоняющихся от воинской и трудовой повинности, а также из пе-

редовой молодежи и, став его командиром, развернул деятельность в районе горы Качхи в Хвэрене.

Говорят, что при организации этого отряда читали вслух текст клятвы и давали присягу. У этого отряда был свой временный устав, были конкретные правила действия.

Чвэ Ир поддерживал связь и с Пак Чхан Б омом, действовавшим в районе горы Ком у села Рокья в уезде Кенхын. Пак Чхан Бом – это наш подпольщик, который работал, опираясь на временную тайную опорную базу на горе Ком.

Качхибонский вооруженный отряд начал боевые действия еще до последнего, решительного наступления. Когда велись бои в северном пограничном районе, этот отряд громил остатки японских частей, отступающих от Вончжона, Чхонхака и горы Маю, взрывал пороховые погреба и хранилища горючего. Не дожидаясь прихода советских войск, отряд своими силами освободил Хвэрен. Говорят, что живой силы противника было им истреблено немало в районе горы Качхи. В числе трофеев отряда были и самолет, и зенитные орудия, а также большое количество различного рода обмундирования и снаряжения.

Организации сопротивления в провинциях Рянган и Южный Хамген еще до наступления советских войск совершили налеты и разгромили многочисленные полицейские участки и вражеские органы управления.

Смело боролись и организации сопротивления районов Чхольвона и Поптона провинции Канвон и районов Емчжу и Сакчжу провинции Северный Пхеньан.

Организации сопротивления района Синичжу со следующего дня после приказа о генеральном наступлении начали громить полицейские посты, пограничные заставы, заняли провинциальное полицейское управление и провинциальную управу, разоружили остаток недобитых японских солдат, прятавшихся на аэродроме, и передали их командованию советских войск,

которое прибыло туда в последней декаде августа.

В провинции Южный Пхеньан и районе Пхеньяна крупный отряд сопротивления, созданный на базе группы за освобождение Родины, совершил налет на арсенал противника, занял провинциальную и городскую управы, подавляя сопротивление недобитого противника.

В провинции Хванхэ организации сопротивления атаковали и подавили противника в ряде районов еще до капитуляции империалистической Японии.

Каждый раз, вспоминая дни последнего, решительного боя, я сожалею, что главные силы КНРА, подготовленные несколько лет на советской учебной базе к операции по освобождению Родины, не смогли развернуть боевые действия по заранее разработанному плану.

Когда наши войска вели бои с японцами в северном пограничном районе, мы командовали операциями войск фронта и вместе с тем вели на завершающем этапе подготовку к вступлению в Корею с воздушным десантом. Были частично переформированы десантные отряды в соответствии с боевой обстановкой на фронте, был обновлен комплект вооружения, боеприпасов и снаряжения.

Однако нашему десанту, уже выехавшему на машинах на аэродром, пришлось возвратиться обратно.

Дело было вот в чем. Мы не ожидали, что японцы так быстро капитулируют. Когда до нас дошла удивительная весть о капитуляции Японии, некоторое время мы не могли в это поверить. Можно ли было представить себе, что такая надменная, такая жестокая, такая упорная Япония, считавшаяся сильнейшим противником, сдастся всего через одну неделю после начала войны?

Но капитуляция Японии была неопровержимым фактом, не вызывающим никаких сомнений.

Гибель Японии была той заветной мечтой, которой жили наши предшественники, закрывая в последний раз глаза. Она была конечным пунктом упорного сопротивления, к чему наш народ стремился на протяжении десятков лет, терпя страшные муки и жертвы и проливая кровь. С поражением Японии перед нашей Родиной и нацией открылся светлый путь возрождения, путь процветания.

Найдутся, наверное, люди, которые посчитают быструю капитуляцию Японии продуктом японо-американского заговора, но, независимо от того, какова на самом деле оборотная сторона медали, если бы Япония оказала сопротивление хотя бы еще несколько месяцев, то мы вполне смогли бы освободить своими силами всю территорию страны.

Ниже следуют выдержки из материала об обстановке, создавшейся в связи с неожиданной капитуляцией Японии:

«Япония постепенно оказалась на пути поражения, и Советский Союз со своим оружием правосудия готовился к нападению на нее. В это время Полководец Ким Ир Сен решил – снова послать отборную часть в Маньчжурию для разгрома Квантунской армии.

Войска были расположены во всех важнейших опорных пунктах Маньчжурии, наготове было более 20 самолетов. План состоял в том, чтобы выступить в тесной связи с корейскими солдатами и офицерами в рядах японских войск, являвшимися в большинстве своем набранными по воинской повинности и из учащейся молодежи. Было решено немедленно приступить к осуществлению этого заветного плана, но в канун его реализации Япония капитулировала и, к сожалению, этот план оказался недействительным и был отменен. Если бы он был составлен чуть пораньше или Япония капитулировала бы позже, то Полководец Ким Ир Сен, полностью демонстрируя свою выдающуюся тактику и стратегию, гордо, энергично вступил бы в страну под оглушительный рев авиационных пропеллеров и торжественные звуки канонады. Это, можно сказать, было очень жаль не только Полководцу Ким Ир Сену, но и нашей нации» (Из статьи «О Ким Ир Сене», опубликованной в журнале «Культура Кореи», Токио, май 22 года сёва (1947).

В день, когда мир облетела весть о поражении Японии, говорят, слезами радости плакала вся страна. Целый день в Пхеньяне люди танцевали перед павильоном Ренгван и беседкой ЫЛьмир. Прошло 40 лет с тех пор, как была

узурпирована государственная власть, а с тех пор, как страна была аннексирована, – 36 лет. Остались позади длинные мрачные ночи и мучительное рабство, и вся страна, раскинувшаяся на три тысячи *ли,* содрогалась от восторженных возгласов населяющих ее людей.

Японские войска оказывали сопротивление и после 15 августа 1945 года, когда японский император объявил о капитуляции. Это было продуктом предварительного сговора между американскими и японскими империалистами с целью предотвратить превращение Кореи после войны в коммунистическую и создать помехи на пути к обретению суверенитета, независимости Кореи.

16 августа 1945 года японское генерал-губернаторство в Корее и командование Корейского военного округа, объявив так называемую «основную инструкцию о контроле над политическим движением», отдали своим частям, дислоцированным в различных районах, приказ подавить освободительную борьбу корейского народа.

Заявляя, что по-прежнему существуют и действуют дислоцированные в Корее войска, японцы осмелились даже предупредить, что если корейцы, сделав ставку на объявление о безоговорочной капитуляции Японии, развернут в какой-то форме движение за независимость, то они без колебаний применят оружие для пресечения «безрассудных действий».

Это означает, что боевые действия в Корее не прекратились и после провозглашения безоговорочной капитуляции Японии. В условиях, когда генерал-губернаторство в Корее и дислоцированные в Корее войска игнорировали объявление о капитуляции, силы сопротивления в стране, применяя оружие, беспощадно громили не прекращающих сопротивление солдат и офицеров недобитой японской армии и вражеские органы правления.

В Пхеньяне и в провинции Южный Пхеньан организации сопротивления и вооруженные организации, не дожидаясь вступления советских войск в города Кореи, разгромили остатки деморализованной японской армии, разоружили их и создали не только партийные организации, но и местные органы самоуправления. Были созданы народные органы самоуправления, начиная с самого низу. Взяв в свои руки руководство администрацией в провинции, они непосредственно ведали делами гражданской администрации.

По имеющимся данным, организации сопротивления и вооруженные отряды страны, за исключением провинций Северный и Южный Хамген, в середине августа только за одну неделю совершили налеты и разгромили органы правления противника примерно в 1000 пунктов.

Таким образом, освобождение нашей страны было достигнуто Корейской Народно-революционной армией, добрых 15 лет наносившей мощные военные удары по японским империалистам и пошатнувшей их устои, а также общей мобилизацией сил сопротивления, охватившей широкие слои населения. Советская операция по разгрому японских войск смогла завершиться в столь короткий срок благодаря тому, что ей предшествовала многолетняя война сопротивления нашей армии и народа.

Освобождение Кореи – это великий плод, добытый собственными силами нашего народа и Народно-революционной армии в благоприятных условиях, когда советские войска громили японскую Квантунскую армию. Организации сопротивления и вооруженные отряды в Корее, созданные нами в 30-е годы и в первой половине 40-х годов, действуя согласно плану операции КНРА по завершающему наступлению, разгромили и подавили агрессивные вооруженные силы и аппарат колониального режима империалистической Японии,

сохранявшие свои позиции повсеместно в стране, и добились освобождения Кореи.

Ниже следуют материалы об освобождении Кореи собственными силами корейского народа.

Еще до 15 августа 1945 года американцы в одном из дипломатических документов отмечали: «Может быть, коммунистическая армия Кореи (отряд Ким Ир Сена) в самый подходящий момент распространит свое влияние на весь Корейский полуостров». А профессор одного из вузов США писал: «Именно старая Маньчжурия (Северо-Восток Китая) является ядром тихоокеанской кампании и сопротивление Полководца Ким Ир Сена впоследствии послужило важной причиной пресечения военной экспансии Японии».

О роли КНРА в разгроме империалистичекой Японии и возрождении Кореи в Советском Союзе писали:

«Корея ... в течение 40 лет (с 1905 года)... самостоятельно вела борьбу против угнетателей. До августа 1945 года в Корее действовал партизанский отряд, ... он оказывал активную помощь советским войскам в разгроме японской армии» (Р. Малиновский, «Разгром Квантунской армии», переводное издание, стр. 311).

После поражения в войне на встрече с командующим советской 25-й армией генерал-полковником И. М. Чистяковым начальник пхеньянского гарнизона японских войск генерал Такэнато признался: в Корее имелись 2 корпуса, 9 дивизий, крупный контингент жандармов и полицейских, их главная цель заключалась в подготовке к войне против Советского Союза и подавлении партизанской борьбы в Корее.

За плечами нашего народа длительная история антияпонской борьбы, охватывающая несколько сотен лет. Еще в конце XVI века наша страна вела семилетнюю Имчжинскую отечественную войну против агрессивных войск Японии, насчитывавших несколько сотен тысяч штыков.

Если вести отсчет только с нового времени, то, можно сказать, история антияпонской борьбы корейской нации охватывает больше 70 лет. Когда в 1875 году произошел инцидент с судном «Уньё», наш народ оказал вооруженное сопротивление агрессивным войскам Японии. Правители страны пребывали в страхе перед превосходством японских войск, но армия и народ решительно сражались против них.

Впоследствии наш народ в течение нескольких десятков лет

вел неустанную борьбу за изгнание внешних сил различными методами – насильственными и ненасильственными, легальными и нелегальными. Это были движение, проведенное под девизом «заниматься правильной политикой и не дать себя перехитрить»[12], движение Армии справедливости, просветительское движение, движение Армии независимости и тому подобное.

Гора Пэкту, будучи родоначальником всех гор, объединяет все горные цепи Кореи. Точно так же наша антияпонская вооруженная борьба, которая начиналась и развивалась в лесах Пэкту, представляет собой главное течение в борьбе нашего народа за национальное освобождение и социальный прогресс.

Освобождение Кореи – это, можно сказать, итог более чем 20-летней антияпонской революционной борьбы и в то же время результат героической войны сопротивления, которую широкие антияпонские патриотические силы в стране и за ее рубежом вели в течение десятков лет в общенациональном масштабе, проливая кровь и пот, рискуя жизнью.

8. Триумфальное возвращение

В августе 34 года чучхе (1945) Корею сотрясали бурные волны восторга в связи с освобождением.

В буре восторгов, охватившей всю страну, раскинувшуюся на три тысячи *ли,* народ с нетерпением ждал возвращения национального героя Полководца Ким Ир Сена.

Древний город Пхеньян, давший нации вождя, не спал всю ночь в ожидании возвращения Полководца Ким Ир Сена. Родной край он покинул в метельные дни 14 года чучхе (1925). 400 тысяч жителей Пхеньяна с нетерпением ждали его, гадая, когда он вернется – завтра или послезавтра.

А в Сеуле по инициативе Ре Ун Хена, Хо Хона, Хон Мен Хи и других видных лиц был организован подготовительный комитет встречи Полководца Ким Ир Сена. На Сеульский вокзал встречать Полководца Ким Ир Сена каждый день собирались десятки тысяч жителей, целое море людей.

Сердца тридцатимиллионного народа учащенно бились в ожидании возвращения Полководца Ким Ир Сена.

С тех пор, как весть о безоговорочной капитуляции Японии поступила на учебную базу, все бойцы КНРА в приподнятом настроении стали готовиться к возвращению на Родину. И я, проведя лет двадцать на чужбине, хотел скорее вернуться на Родину. Однако нам пришлось на некоторое время отложить день возвращения, затаив в душе тоску по Родине и родному краю.

Конечно, знали мы о настроении народа внутри страны, с нетерпением ожидающего триумфального возвращения КНРА на Родину.

Но мы не торопились с отъездом. Мы хотели вернуться на Родину после тщательной подготовки. Какая это была подготовка? Подготовка к строительству новой Кореи. В условиях, когда стратегическая задача освобождения Родины выполнена, нам необходимо было приступить к работе по строительству нового корейского государства раньше, чем предполагалось.

2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури», который стоял на якоре в Токийском заливе, со-

стоялась международная церемония, формально подтвердившая безоговорочную капитуляцию Японии. Акт о капитуляции от имени правительства и военной администрации Японии подписали министр иностранных дел Сигемицу и начальник генштаба Умэдзу. Когда Сигемицу был японским посланником в Китае, он лишился одной ноги в результате взрыва бомбы, брошенной патриотом Юн Бон Гиром. И Умэдзу был известной личностью в военных кругах Японии. С осени 1939 до лета 1944 года он командовал Квантунской армией. За весь период существования японской Квантунской армии на должности ее командующего сменилось человек десять, и он был предпоследним из них. Именно в период, когда Умэдзу был командующим Квантунской армии, враги под грозной вывеской «специальных мер по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе» предприняли крупные карательные операции против КНРА.

С капитуляцией Японии победой антифашистских сил закончилась вторая мировая война, которая длилась несколько лет и принесла человечеству неисчислимые бедствия и страдания.

И вот, когда тот же Умэдзу, наш старый противник, подписал Акт о капитуляции и испил тем самым горькую чашу поражения, мы готовились к возвращению на Родину как победители в антияпонской революции и созидатели новой истории национально-освободительной революции.

С завершением второй мировой войны открылись перспективы строительства нового общества на демократических началах в ряде стран Европы – очага коммунистической идеологии и Азии – передней линии национально-освободительной борьбы колоний.

Радовало и положение внутри страны.

Только-только была освобождена Родина, как уже были созданы народные комитеты во всех уголках страны. Повсе-

местно создавались партийные и массовые общественные организации, ядром которых становились революционеры, работавшие в партийных организациях внутри страны, и члены организаций сопротивления. В Пхеньяне, Сеуле и других крупных городах собирались деятели культуры и искусства, работавшие как внутри страны, так и за рубежом, со светлой надеждой на участие в строительстве национальной культуры. Рабочие организовывали вооруженные отряды самообороны и добровольно охраняли заводы, фабрики, шахты, рудники, порты, железные дороги и тому подобное. Горячее стремление нашего народа к спасению Родины, проявленное в ходе общенародного сопротивления, с освобождением страны вылилось в неудержимое стремление к государственному строительству.

Как с точки зрения актуальных задач корейской революции, так и в свете ее конечной цели, вокруг нас сложилась обстановка, которая внушала оптимизм.

Однако нам ни в коем случае нельзя было расслабляться.

Японский империализм потерпел поражение, но контрреволюция не сложила оружия. И уже после того, как император Японии объявил о безоговорочной капитуляции, недобитые японские войска продолжали сопротивляться.

Прояпонские элементы, предатели нации, представители эксплуататорских классов готовили в подполье провокации, чтобы помешать строительству новой Кореи. Изменники революции, неблагонадежные и чуждые элементы и политиканы-честолюбцы проникали в партийные организации и органы народной власти, маскируя свое нутро.

Еще находясь на Дальнем Востоке, мы слушали информацию о предстоящей дислокации американских войск южнее 38-й параллели. Мы понимали, что если она осуществится, то в нашей стране будут одновременно размещены армии обеих держав. Мы не были заинтересованы в размещении войск двух

чужих стран под каким бы то ни было предлогом на территории Кореи, которая отнюдь не являлась побежденной страной.

Во время крестьянской войны года Кабо[13] Япония и династия Цин послали каждая свои войска в нашу страну. Однако наш народ не мог извлечь из этого какую-либо выгоду. Отправка войск обеих стран, в конце концов, привела к возникновению цинско-японской войны, в ходе которой земля нашей страны была опустошена.

Дислокация войск двух стран – Советского Союза и Соединенных Штатов Америки грозила превратить нашу страну в арену противоборства между социализмом и капитализмом и, следовательно, разделить силы нашей нации на две части – левую и правую, патриотическую и предательскую. Схватка группировок и их сговор с внешними силами приведут, в конечном счете, к гибели страны. Это закономерно.

Было необходимо прежде всего всемерно укрепить собственные силы нашей революции, чтобы отстоять в таких обстоятельствах суверенитет нашей нации и ускорить строительство новой Родины.

Под субъектом нашей революции подразумевается сам наш народ.

С первых же дней своей революционной деятельности мы прилагали все усилия к воспитанию, организации и мобилизации народа, который должен был непосредственно взять на себя антияпонскую революцию. Сотни тысяч и миллионы людей – участников сопротивления, вставшие на последнюю, решительную битву за освобождение Родины, не были аморфной массой, высыпавшей на ратное поле, повинуясь мгновенному импульсу. Это были отряды организованных масс, которых мы воспитывали годами.

Для того чтобы воспитывать одного человека товарищем по революции, мы готовы были пройти путь и в сто *ли.* А защищая

народ, бросались на амбразуры и шли в огонь.

Весь процесс антияпонской революции – это летопись любви и доверия, с которыми мы, считая народные массы субъектом истории, сделали их сознательными и организованными и поставили на переднюю линию священной войны за возрождение Родины. Это летопись великой борьбы и творческой деятельности народных масс, которые ценой своей крови и пота продемонстрировали, что они сами стали полноправным субъектом истории. Именно этот народ и бойцы Народно-революционной армии были движущей силой нашей революции, отвечающей за строительство возрожденной Родины. Если бороться, пользуясь любовью и поддержкой народа, веря в его силу и опираясь на него, то можно преодолеть какие бы то ни было суровые испытания, можно одержать победу в какой бы то ни было трудной борьбе. Это бесценная истина, открытая нами в огне антияпонской революции.

В освобожденной стране немало было людей, которые говорили, что трудно было освободить Родину, но не так уж трудно будет построить новое общество после ее освобождения. Но я думал, что именно строительство государства – трудное и сложное дело.

И со строительством возрожденной Родины мы должны были справиться силами самих корейцев, как совершили антияпонскую революцию силами нашего народа. Мы были полны решимости силами самого нашего народа не только строить партию, государство, армию, но и развивать национальную экономику, национальное просвещение, национальную культуру, науку, технику и все другие отрасли. Для того чтобы увлечь народ на строительство новой Кореи, был нужен штаб революции, способный воспитать, организовать и мобилизовать людей, нужна была власть, а также армия, чтобы гарантировать вооруженной силой строительство нового

общества.

На основе таких взглядов 20 августа 1945 года на учебной базе я созвал совещание военных и политических работников КНРА, на котором поставил три новые стратегические задачи для укрепления собственных сил нашей революции– построить партию, государство и армию.

Мы обсудили конкретные направления и методы выполнения этих трех задач, провели необходимую организаторскую работу. Организовали и группы, призванные выполнить три задачи строительства партии, государства и армии, наметили места их пребывания. Кан Гон, Пак Рак Гвон, Чвэ Гван, Им Чхор, Ким Ман Ик, Кон Чжон Су и другие должны были отправиться на Северо-Восток Китая.

До отъезда на Родину мы устроили семинар для членов групп, работавший несколько дней. Семинар охватывал многое, начиная с содержания и методов работы в местах назначения и кончая обычаями в различных районах и местностях. Лекции читали я, Ким Чак, Ан Гир и другие.

Когда семинар кончился, наши товарищи настойчиво предлагали скорее отправиться на Родину. Тогда каждый из нас по-своему рисовал себе день возвращения на Родину, погруженный, как дети, в наивные раздумья.

Отправляясь на Родину, мы оставили на учебной базе партизанок с детьми, чтобы они вернулись в Корею позже.

Бойцы КНРА возвращались на Родину разными путями. Это произошло потому, что по совместному с советскими войсками оперативному плану подразделения, заняв намеченные рубежи, отдельно вступали в боевые действия, а японский империализм неожиданно объявил безоговорочную капитуляцию.

Отряд, оставшийся на учебной базе в ожидании начала авиадесантной операции в различных местах внутри страны, должен был вернуться домой по суше – через Хабаровск,

Муданьцзян, Ванцин, Тумынь. Однако по ряду обстоятельств на полпути отряд отказался от этого плана и, изменив маршрут, возвратился на Родину морем. К тому времени недобитки Квантунской армии взорвали железнодорожный туннель к югу от Муданьцзяна. Они разрушили мосты, связывающиеся с обходной дорогой, и даже взлетно-посадочную полосу муданьцзянского аэродрома, так что мы не могли воспользоваться ни автомобилем, ни поездом, ни самолетом. Поэтому, добравшись до Муданьцзяна, мы были вынуждены повернуть обратно на Дальний Восток и во Владивостоке погрузились на военный корабль, чтобы отправиться на Родину.

Меня в качестве охраны сопровождал полковник из командования советских войск 1-го Дальневосточного фронта.

Командир корабля заверил меня, что, следуя со средней скоростью, можно прибыть в порт Вонсан через сутки.

В день, когда мы покидали Владивосток, в море бушевали сильные волны. По обе стороны корабля поднимались громадные водяные валы и перехлестывали через палубу. Это было поистине грандиозное зрелище.

Большинство из нас впервые вышли на корабле в море, и многие страдали от морской болезни.

Мы провели на корабле одну ночь, и на следующий день море утихло.

Не могу забыть, как странно билось сердце при виде необозримого открытого моря. В моей памяти всплыла река Амнок, через которую я переправился, когда мне шел 14-й год. И мне казалось, будто затянутые толстым льдом трагедии, переживаемой страной, воды реки Амнок и всех других рек Родины с оттепелью освобождения страны растаяли и, стекаясь, образовали это море.

Оставив родных, близких и товарищей, павших на чужбине, я возвращался на Родину через двадцать лет и был охвачен

глубокими, невыразимыми ни словами, ни пером чувствами, в которых перемешались радость и печаль.

Мы высадились в порту Вонсан 19 сентября 1945 года.

На пристани нас тогда встретили члены командования советских войск в Вонсане.

Среди корейцев, пришедших в тот день на пристань, помню Хан Иль Му, служившего тогда советским офицером. Позже он работал председателем Канвонского провинциального комитета партии.

На пристань на встречу не вышел народ, потому что представители советских войск держали наши действия в тайне.

Хо Хон, Хон Мен Хи, Ре Ун Хен и другие известные в Корее лица, больше других ждавшие нашего возвращения, позднее узнали, что на пристани не было встречающих масс народа в момент нашей высадки в порту Вонсан, и сожаление по этому поводу выразили словами: «Заранее сообщили бы нам, а то высадились тайком. А в каком неудобном положении окажемся тогда мы, народ этой страны?» Примерно то же сказал и Ли Чжу Ха из Вонсанского горкома партии. А по мнению Хо Хона, если бы заранее было оглашено время нашего возвращения, то в Вонсан пешком или поездом хлынуло бы больше половины населения Сеула, не говоря уже о тех, кто каждый день выходил на Сеульский вокзал, надеясь встретить нас.

Однако мы вовсе не хотели шумной встречи. Наши бойцы не ждали какого-то вознаграждения за пролитую кровь и страдания, пережитые ими за тысячи дней на полях сражений и на эшафоте во имя национального освобождения.

Тогда мы намеревались сразу после вступления в пределы родной земли тихо, без излишнего шума пойти в народ без распространения вестей о триумфальном возвращении КНРА, чтобы взяться за фундаментальную работу по выполнению трех задач – строить партию, государство, армию. Решили

приветствовать народ на Родине именно после такой фундаментальной работы.

После прибытия в Вонсан в ходе контактов с местными партийными работниками мы еще острее поняли, что надо скорее идти к людям.

В тот день, когда мы высадились в Вонсане, я там беседовал со многими. В горкоме партии – с партийными работниками, в гостинице «Восток» – с представителями профсоюзной организации и местной знатью. Больше внимания уделялось беседе с Ли Чжу Ха.

Встречи и беседы в Вонсане позволили мне сделать общий вывод, что ни одна из партийных группировок или организаций внутри страны не выдвинула перед народом ясную линию строительства государства.

Некоторые работники Вонсанского горкома партии думали и о советской власти. Когда речь заходила о пути Кореи, они настаивали, что надо без промедления совершить социалистическую революцию. Такие взгляды отражались и в лозунге «Пролетарии, соединяйтесь под знаменем коммунизма!», который висел на здании Вонсанского горкома.

Увидев этот лозунг, я спросил сотрудников горкома: «Вы что – намерены строить новую Корею одними только силами рабочего класса?» Они ответили: «Мы боремся за коммунистическую революцию и потому нам некому верить, кроме рабочего класса».

Их утверждения были сходны с взглядами коммунистов раннего периода, с которыми мы не раз встречались в последние годы 20-х. И вот спустя двадцать лет на земле освобожденной Родины опять слышны были такие слова, отчего мне стало тяжело на душе.

В политических взглядах и высказываниях этих людей не было особых сдвигов, не было видно серьезных исканий, иск-

реннего стремления идти в ногу с велением новой ситуации.

Работникам Вонсанского горкома я посоветовал: «Поскольку повешенный на здании горкома лозунг не отвечает условиям нашей страны, первоочередной задачей которой является антиимпериалистическая и антифеодальная демократическая революция, то надо заменить его лозунгом «Соединяйтесь под знаменем демократии!» Для строительства на земле освобожденной Родины демократического общества, обеспечивающего народу свободу и права, надо построить в нашей стране могучее и богатое, суверенное, независимое государство общенациональными силами, сплотив в единый фронт не только рабочий класс и его союзника – крестьянство, но и все слои патриотически настроенных масс, заинтересованных в строительстве нового общества».

Беседа с работниками горкома началась до ужина и затянулась надолго и после ужина. Они заставили меня так долго говорить, что я никак не мог встать из-за стола.

Ким Ик Хен, который с Со Чхором был со мной во время посещения горкома партии, подошел и сказал: «Скоро пробьет полночь. В горах вы всегда проводили ночи без сна. Неужели намерены работать ночи напролет даже на освобожденной Родине?»

Я ему ответил: «Следует крепко запомнить, что хотя страна и освобождена, мы сейчас стоим на новой исходной позиции».

Беседа с работниками Вонсанского горкома партии была после возвращения на Родину первой, в которой я в общих чертах познакомил деятелей внутри страны с нашей линией государственного строительства в духе Программы Лиги возрождения Родины из десяти пунктов. В тот день я высказался и о том, что формой власти, которая будет создана в нашей стране, должна быть народно-демократическая республика.

Встречи с Ли Чжу Ха и другими работниками Вонсанского

горкома, представителями местной знати еще раз убедили меня в абсолютной правильности наших действий, когда сразу после освобождения страны – 15 августа мы разработали программу строительства новой Кореи, состоящую из трех задач – создания партии, государства, армии, и лишь после соответствующей подготовки вернулись на Родину. Мы были совершенно правы, решив сразу отправиться в определенные места назначения, ступив на родную землю.

Прибыв в Вонсан, мы без промедления направили северным поездом к месту назначения некоторые из групп, обязанных работать в провинциях Южный и Северный Хамген. В тот же день другим поездом выехали к югу и товарищи, направляющиеся в Чхольвон.

Они пережили до этого тяжелейшие трудности и лишения, какие только могли выпасть на долю человека, и отдали свою молодость революции, работая и сражаясь без дня отдыха. Но мне пришлось торопить их с отправкой к месту назначения, не дав отдохнуть хотя бы один день, и у меня, честно говоря, нелегко было на душе.

Тем более, что мы высадились в порту Вонсан в канун осеннего праздника *чхусок*. Я хотел было отправить в места назначения своих соратников лишь после того, как они отпразднуют *чхусок* и отдохнут в Вонсане, но отказался от такой мысли, увидев напряженное положение в стране. Группы, отправившиеся из Вонсана в провинции Южный и Северный Хамген, встречали день *чхусок* в поезде. Говорили, что этот поезд был полон людей, ехавших к могилам предков.

Среди членов отправленных групп были Ким Чак, Ан Гир, Чвэ Чхун Гук, Рю Ген Су и Чо Чжон Чхор. Расставаясь со мной, наши товарищи не скрывали своего сожаления.

И я чувствовал себя одиноким. Мне было тяжело, когда Чвэ Чхун Гук и Чо Чжон Чхор, тяжело раненные в годы ан-

тияпонской войны, положив руки друг другу на плечи и прихрамывая, поднимались на подножку вагона и махали мне рукой. Как долго воевали, какой тернистый путь прошли после операции ног без анестезирующих средств...

Они были людьми, достойными на освобожденной Родине несколько лет пользоваться льготами инвалидов войны и снимать усталость, накопленную в боях антияпонской войны. Однако они даже без короткой передышки с улыбкой тронулись к месту назначения, на север.

Перед нами на пути строительства могучего суверенного, независимого государства высились неизведанные вершины и перевалы. Чтобы преодолеть их, нужно было пролить еще немало крови и пота. Как антияпонская война шла по никем неизведанному пути, так и строительство возрожденной Родины пойдет по никем не проторенному пути. Мы не спешили бы так в дорогу, если бы этот путь не был никем неизведанным, не был столь трудным, обещающим нам новые испытания.

Уезжающему Ким Чаку я настоятельно советовал обязательно посетить родные края, как только выдастся свободное время. То же я посоветовал и Чвэ Чхун Гуку, Рю Ген Су, Чо Чжон Чхору, Ли Ыль Сору. Все они были родом из провинций Южный и Северный Хамген.

Однако никто из них ни разу не посетил родной край до тех пор, когда они были отозваны с мест новой работы в Пхеньян. Это не потому, что у них недоставало чувства любви к родным местам. А потому, что ими владело чувство высокой сознательности и ответственности. Наши люди сочинили и поют песню о мангендэской развилке. Поводом для нее послужила история, когда я не зашел в отчий дом, выезжая на Кансонский сталелитейный завод. В самом деле, никто из антияпонских борцов-революционеров, не посетив родные места, взялся за фундаментальную работу по созданию партии,

государства и армии с самых первых дней после триумфального возвращения на Родину. «Мы не вправе посетить родной край, пока не выполним приказ и указания Командующего», – так думали эти люди.

Так мы отправились в гущу народа в первые же дни после того, как ступили на землю Родины. Не успели наши борцы развязать завязанные еще в горах Пэкту шнурки ботинок, как отправились на новые боевые участки. Все они считали предназначенное им место работы своего рода зоной их военной операции. Можно сказать, что наше триумфальное возвращение на Родину скорее было похоже на стратегическое перемещение, нацеленное на открытие новой страницы революции, нежели на чествование победителей.

20 сентября 1945 года я с товарищами, получившими задание работать на западном побережье, поездом отправился из Вонсана в Пхеньян.

На Пурэсанском вокзале нас встретил прибывший туда из Пхеньяна представитель командования советских войск в Северной Корее. Пожав мне руку, он горячо поздравил нас с победным возвращением на Родину.

В Пхеньян мы прибыли утром 22 сентября.

Партизанки, оставшиеся на дальневосточной учебной базе, вернулись на Родину через Сонбон (провинция Северный Хамген) к концу ноября, а Ким Чен Сук, прибыв в Чхончжин, тут же позвонила мне оттуда по телефону, известив о приезде. Они активно вели работу в массах во имя выполнения трех задач – создать партию, государство и армию, -– пользуясь помощью действовавшей в Чхончжине группы, в составе которой были Ан Гир, Чвэ Чхун Гук, Пак Ен Сун и другие.

Находясь в Чхончжине, Ким Чен Сук побывала на Чхончжинском металлургическом заводе, Комусанском цементном заводе, Пуренском металлургическом заводе и многих других

предприятиях, в учреждениях просвещения и культуры, проводя политическую работу с различными слоями населения. Среди людей, с которыми она встречалась, были не только рабочие, крестьяне, служащие, домохозяйки, ответственные работники органов партии и власти, общественных организаций, но и юные ученицы средней школы.

Рассказывают, что жители Чхончжина очень тепло встречали Ким Чен Сук. «Половина жизни Ким Чен Сук» – под таким заголовком газета «Сэгир синмун» поместила на первой странице большую статью, посвященную ее революционной деятельности.

Знакомство с городами северного края произвело на нее такое глубокое впечатление, что некоторое время после возвращения в Пхеньян она только и говорила о Чхончжине. Часто рассказывала, как сфотографировалась со школьницами средней школы и с каким гостеприимством коллектив ресторана «Менок» в Рачжине устроил обед в честь ее группы.

Юный Чен Ир тоже вернулся вместе с партизанками на Родину.

На следующий день после приезда в Пхеньян я с соратниками начал работу по выполнению трех задач – создать партию, государство и армию. В те дни я, пожалуй, был занят больше, чем в любой другой период после освобождения страны – 15 августа.

По возвращении на родную землю основой нашей деятельности тоже стала работа с людьми, с народными массами. Я посещал промышленные предприятия, отправлялся в деревню, жилые кварталы и беседовал с людьми. А у себя в рабочем кабинете и доме, ночуя и питаясь вместе с соратниками, как и в горах Пэкту, я встречался с представителями различных кругов, приезжавшими ко мне из разных уголков страны и из-за рубежа, обсуждал с ними государственные дела.

При каждой встрече со мной соратники советовали мне посетить родные места и повидаться прежде всего с дедушкой и бабушкой, напоминая, что таковы правила приличия. Как ни уговаривали они меня, я не мог тронуться в путь. Тогда Рим Чхун Чху тайком от меня отправился в Мангендэ и узнал о состоянии членов моей семьи, притворившись случайным прохожим. Вот так я получил подробные сведения о родном доме.

В конце сентября каким-то образом мое пребывание в Пхеньяне получило огласку и весть о моем возвращении облетела весь город. Услышав эту новость, мой дядя Хен Рок пошел в Южнопхеньанский провинциальный комитет партии и убедительно просил помочь ему увидеться со мной.

Рим Чхун Чху предложил ему рассказать все, что он знает о своем племяннике.

– Настоящее имя моего племянника – Ким Сон Чжу, – сказал дядя Хен Рок. – Его звали и Чын Соном, когда он проводил детские годы в Мангендэ. А когда он улыбается, у него появляются ямочки на щеках.

В тот день вечером Рим Чхун Чху привел дядю Хен Рока в дом, где я остановился.

– Какие испытания ты пережил! – сказал при встрече со мной дядя.

Затем он умолк и только всхлипывал. Казалось, при мысли о родных, которые на чужой земле легли костьми, о прошлых днях, когда мучился он лет двадцать лишениями и невзгодами, к горлу у него подступил комок. Ведь дядя пережил в своей трудной жизни немало.

– Пока племянник не освободил страну и не вернулся, я охранял отчий дом и не смог хоть раз посетить могилы покойного брата и тети. Почему так коротка жизнь людей нашей семьи... – пожаловался дядя.

Потом, пристально вглядываясь мне в лицо, он с горечью продолжил:

– Почему таким огрубевшим стало нежное твое лицо? Ветер в горах Пэкту, видимо, очень лютый...

Но у дяди Хен Рока лицо стало еще грубее, чем у меня. И мне на глаза навернулись слезы при виде этого человека, который, видимо, вдвое постарел за минувшие двадцать лет. Как много у него морщин! Мне казалось, что в каждой из этих бесчисленных морщин отражены пережитые им неимоверные человеческие мытарства.

– Если бы горы Пэкту были поближе, то я смог бы хоть плести лапти и помогать армии племянника. Хотя прошло лет двадцать, я, дядя, так ничем и не смог помочь, – жаловался дядя Хен Рок.

– Но ведь вы, дядя, охраняли отчий дом, – успокоил я его.

Всю ночь мы с дядей Хен Роком делились воспоминаниями. На следующий день я отправил его в Мангендэ и попросил по возвращении домой никому не говорить о нашей встрече. Он согласился. А по возвращении в Мангендэ он потихоньку шепотом сказал дедушке, что Сон Чжу прибыл в Пхеньян.

– Вот так и должно быть, – отозвался дедушка на его слова. – Пусть изменятся горы Пэкту, но не может измениться наш Сон Чжу. В эти дни среди народа ходят слухи о «Ким Ир Сене из провинции Чолла», о «Ким Ир Сене из провинции Хамген» ... Разве может быть на корейской земле так много людей по имени Ким Ир Сен?

9 октября я осмотрел Кансонский сталелитейный завод, потом провозгласил создание партии, а 14 октября в первый раз приветствовал народ Родины на торжественном массовом митинге в Пхеньяне.

Собственно, мы вовсе не думали о встрече с народом на шумном и торжественном массовом митинге. Но известные

люди из числа находившихся все эти годы в Корее и мои соратники упорно настаивали на необходимости такого крупного митинга.

На каком-то из собраний я впервые назвал себя по настоящему имени вместо псевдонима Ким Ен Хван, который я в те дни носил. Тогда кто-то поднялся на трибуну и предложил устроить общенациональный торжественный массовый митинг в честь моего победного возвращения на Родину. Это предложение встретило единодушное горячее одобрение.

Я не знал, что подготовительная работа к торжественному митингу в честь моего возвращения была к тому времени уже начата по общей инициативе Южнопхеньанских провинциальных комитета партии и народного политического комитета. Накануне была сооружена наподобие триумфальных ворот большая зеленая арка из сосновых ветвей и временная трибуна на общественном стадионе у подножия горы Моран.

С самого начала я говорил Ким Ён Бому, что не надо устраивать торжественного мероприятия. Но работники Южнопхеньанского провинциального комитета партии и слушать нас не хотели. На всех улицах и переулках города они вывешивали транспаранты, оповещающие о моем прибытии в Пхеньян и встрече 14 октября с корейским народом на общественном стадионе.

14 октября 1945 года около полудня я отправился на машине на Пхеньянский общественный стадион, где будет проходить митинг. На улице я был ошеломлен, увидев море людей, наводнивших площадь и проспекты. Стадион был уже полон. Деревья вокруг стадиона, беседки Чвэсын и Ыльмир были усеяны людьми в белой одежде. Поднятой рукой я отвечал на горячие приветствия людей, сотрясающие воздух над стадионом.

На митинге присутствовали командующий советской 25-й армией генерал-полковник Чистяков и генерал-майор Лебедев.

С речами выступили несколько человек.

Вот на трибуну поднялся Чо Ман Сик. Мне запомнилась одна фраза из его речи, насмешившая публику. Он забавно говорил: «Я слышал, что Корея освобождена, но, не зная, во сне ли это или наяву, попробовал ущипнуть себя за руку. Да, действительно, ощущаю боль». И он сделал вид, что щиплет себя за руку...

Когда я поднялся на трибуну, восторженные возгласы масс, скандирующих «Да здравствует независимость Кореи!», достигли предела.

Слушая эти возгласы, я чувствовал, что как рукой сняло усталость, накопившуюся во мне за двадцать лет. Восторг ликующих масс, казалось, обратился в волны горячего воздуха, которые согревали мое тело и душу.

Я стоял на трибуне, встреченный восторгом, слушал радостные возгласы более ста тысяч жителей и меня охватило чувство счастья, которое не писать никакими красивыми словами. Если бы кто-то спросил меня, когда пережил я наибольшее счастье за всю свою жизнь, то я ответил бы: это был тот момент. Это было чувство счастья от сознания, что боролся я во имя народа как его сын, что народ любит меня и верит мне, что я вернулся в его объятия...

Можно сказать, что народное ликование 14 октября 1945 года на Пхеньянском общественном стадионе было оценкой и вознаграждением за то, что мы преодолели все трудности и невзгоды, борясь за Родину и нацию в течение половины своей жизни. Я воспринял его именно как такое вознаграждение, как проявление любви и доверия народа. Я часто говорю: где на свете может быть большее счастье, чем любовь и поддержка народа?

Любовь народа, его поддержку я считаю до сих пор абсолютным критерием измерения цены существования револю-

ционера и счастья, которое он может испытывать. Что останется у революционера, если он не пользуется любовью и поддержкой народа? Ничего.

Буржуазные политики соблазняют людей деньгами, но мы снискали доверие народа ценой крови и пота. Я был растроган этим доверием, которое оказывал мне народ, и считал его величайшим счастьем, которое я могу испытывать в своей жизни.

Основное содержание речи, произнесенной мной в тот день, сводилось к призыву к великой национальной консолидации. Я сказал: «Пусть каждый вносит свой вклад в священное патриотическое дело. У кого есть силы – силами, у кого знания – знаниями, у кого деньги – деньгами. Все соотечественники должны слиться воедино и построить на этой земле сильное и богатое, суверенное, независимое государство».

Люди выражали свою поддержку аплодисментами и несмолкающими одобрительными возгласами, напоминающими горный обвал.

«Возгласы четырехсоттысячных масс, сотрясающие всю страну» – под таким заголовком выходившая тогда газета «Пхеньян минбо» писала о торжественном митинге, состоявшемся 14 октября на Пхеньянском общественном стадионе.

«Никогда не было такого огромного количества людей за всю четырехтысячелетнюю историю Пхеньяна с его населением в 400 тысяч человек. Никогда не было митинга, имеющего такое глубокое значение...

... Митингу придало громадное историческое значение и электризовало массы то, что на нем присутствовал великий патриот Кореи, рожденный Пхеньяном герой – Полководец Ким Ир Сен, который передал массам горячий, пламенный привет, вливая в них вдохновляющую силу. ... Увидев славный облик героя – Полководца Ким Ир Сена, которого корейский народ почитал больше кого-либо и ждал с величайшим нетерпением, ликующим людям стало даже тяжело дышать от чрезмерного волнения, люди беззвучно плакали. ... Волнение масс было подобно потоку горячей стали и вылилось в возгласы, сотрясавшие горы и поля, и в этих возгласах выражалась непреклонная решимость: «Бороться вместе с этим человеком, не щадя жизни».

Можно сказать, что тот митинг явился началом грандиозного

похода нашего народа, приступившего к строительству возрожденной Родины.

На митинге я встретился с Хен Ян Син, женой моего дяди, и дядей по материнской линии Кан Ён Соком.

Даже сегодня не могу без слез вспоминать случай, когда я после завершения торжественного мероприятия спустился с трибуны и встретился с тетей.

В толпе немолодой женщине трудно было просто держаться на ногах, но тетя как-то ухитрилась пробраться сквозь толпу и вся в слезах сидела в машине, на которой я приехал на стадион. Когда тетя протолкалась к трибуне, ее встретил и проводил в машину Чу До Ир.

– Племянник, сколько лет мы не виделись!

И тетя взяла меня за руку и голос ее прерывался от волнения.

– Тетя, сколько вы страдали, в одиночку взвалив на себя хозяйство большой семьи! – произнес я и поздоровался с ней.

– Больше страдал ты, племянник, сражаясь в горах. Что за страдания были у меня? Ведь я жила в теплой комнате все четыре времени года. Старик сказал мне о приезде племянника. Но я шла на этот стадион с опаской: не окажется ли там «Ким Ир Сен из провинции Чолла» вместо нашего племянника? Но, взглянув на трибуну, я увидела нашего племянника. Как я рада!..

Тетя говорила, по щекам у нее снова текли слезы... Глядя на нее, прослезились и мои боевые друзья.

– Тетя, зачем вы плачете в этот радостный день, когда весь Пхеньян смеется, веселится и пляшет?

– При виде племянника вспомнила я твою мать и отца. Как бы обрадовались они, если бы они были живы и слушали сегодня речь сына!

– Тетя, сегодня вы заменяете мне родную мать!

При этих моих словах тетя бросилась мне на грудь и зарыдала.

Я понимал, что тетя оплакивает мою мать. Моя мать и она жили дружнее, чем сестры. Говорят, что тетя, выйдя замуж, вошла в нашу семью, когда ей было пятнадцать лет. Семья наша жила так бедно, что сначала тетя не испытывала привязанности к ней. Но моя мать так заботилась о ней, что она стала чувствовать себя, как среди самых близких людей.

Да, моя мать действительно очень любила тетю. Они всегда вместе работали в поле. Когда они занимались там прополкой, во время передышки мать делала так, чтобы тетя, чувствующая усталость от недосыпания, спала урывками, положив голову ей на колени. И тихонько расчесывала сладко спящей тете волосы. В нашей семье тетя всегда ощущала теплую заботу моей матери. И она просто не могла забыть о ней. Тетя глубоко сожалела, что не успела поехать в Аньту и поклониться ее праху, когда моя мать скончалась.

Она ругала себя: «И сто таких дурных, как я, тетушек, не смогут заменить одну твою мать. Но слушай меня, племянник. Мне кажется, будто твоя мать прилетела сегодня сюда и находится на этом стадионе». И тетя вытирала слезы рукавом кофты. То смеясь, то всхлипывая, то снова смеясь, она рассказывала, как ссорилась с дядей Хен Роком.

– Этот хитрый старик тайком от меня один пошел в город, потихоньку и повстречался с племянником. Он долго молчал и только вчера поделился своей тайной. И я рассердилась на него: «Старик, ну скажи, Ким Ир Сен – только твой племянник, а не мой?» А он не сдавался и громко доказывал, что прямая линия родства ближе, чем любая другая, – рассказывала она.

Во второй половине дня мы с дядей и тетей направились в Мангендэ. Мы ехали не той дорогой, по которой едут люди сейчас, а добрались на машине до переправы через реку Сунхва, и оттуда на лодке направились в родное село. В трясине вдоль берега реки, как и раньше, были положены местами камни так,

чтобы люди могли по ним ступать, садясь в лодку. Это было место, где в детстве я, засучив штанины, ловил мохнаторуких крабов.

И сегодня не могу забыть встретивший меня в тот день стук скалки, которой отбивали в каком-то доме чистое сухое белье перед глаженьем, не могу забыть и аромат густых сосен на горе Манген. Не знаю, почему был таким привлекательным стук скалки, отчего был таким приятным сосновый аромат. С равнины Кальмэчжи доносилось мычание быка, и у меня к горлу подступил горячий комок, я наслаждался благоуханием родного края, от которого я отвык за долгие годы.

В памяти вставали картины детства, когда я проводил ночь без сна с мыслями об отце, заключенном в тюрьму. Но сегодня мне уже 33 года. Думалось, что не случайно пожилые люди сравнивают невозвратное течение времени с пропадающим эхом.

Мы освободили Родину спустя сорок лет после ее гибели и вернулись в родной край через двадцать лет после того, как покинули его. Думалось, не слишком ли много времени было отдано борьбе за Родину и родной край.

Гибель страны – дело моментальное, а ее возрождение – это долгий и нелегкий труд. Вот один из серьезных уроков, что я извлек, пройдя 20-летний путь антияпонской революции. Иначе говоря, легко лишиться Родины, но трудно обрести и возродить ее. Для возрождения Родины, исчезнувшей в один миг, требуются десятки, а то и сотни мучительных лет. Такова суровая истина жизни.

Хорошо известно, что Индия, будучи английской колонией, завоевала независимость спустя 200 с лишним лет. Для достижения независимости Филиппинам и Индонезии потребовалось по 300 с лишним лет, Алжиру – более 130 лет, Шри-Ланке – более 150 лет, а Вьетнаму – около 100 лет.

Поистине дорого стоит возрождение страны...

Вот почему и сейчас я часто говорю молодежи: «Лишенный Родины человек – все равно, что живой труп. Если не хотите быть лишенным Родины рабом, то надежно защищайте страну. Если не хотите рыдать, оплакивая гибель страны, то сделайте Родину богаче и могущественней, соберите как можно больше камней и сложите из них крепость как можно выше».

Из эпизодов того дня, когда я посетил родной дом, не могу забыть, как мальчик двух-трех лет, в коротких штанишках махал нам рукой, стоя на обочине дороги. Эта простая картина почему-то тронула меня до глубины души. Уютная деревня, мальчик, который, находясь в центре этого безмятежного мира, свободный от всяких забот, приветливо машет рукой, – эта картина казалась мне ярким символом новой Кореи.

Вслед за тетей я вошел во двор родного дома с усиленным биением сердца. Двадцать лет назад этот двор выглядел широкой площадью, а в тот момент – узким, как ладонь. Я словно видел в этом дворе конечный пункт двадцатилетнего трудного похода, и мне казалось, что я оказался на суше после форсирования бескрайней реки.

При виде знакомой стрехи под крышей родного дома я вспомнил отца и мать, которые убаюкивали меня в детстве, напевая колыбельную, грели мне замерзшие пальцы своим дыханием. И я стоял, как вкопанный, впав в сомнамбулическое состояние. Мне чудилось, будто похороненные, как опавшие цветы весной, отец и мать воскресли, бросились ко мне и протягивали руки, восклицая «Сон Чжу!»...

Дед вышел во двор в одних носках и обнял меня. «Наконец-то вернулся мой старший внук... Ну, посмотрим!.. Посмотрим!» И он прослезился. А бабушка, увидев меня, со слезами на глазах заголосила: «Где же твои отец, мать? Почему только ты один пришел? Неужели нельзя было тебе вместе с

ними вернуться?»

Я налил деду и бабушке вина, что привез из Пхеньяна, и сказал:

– Дедушка и бабушка, извините за то, что я не стал почтительным, хотя мне уже за тридцать...

– Что ты! Ведь ты добился независимости Кореи. Начатое твоим отцом дело завершено тобою. Это же и есть почтительность. Где найдешь еще большую почтительность? Любить страну и заботиться о народе – вот что такое почтительность.

С этими словами дед легко выпил целый стакан и с улыбкой заметил, что вино сегодня очень вкусно. И руки у него слегка дрожали. И бабушка тоже без труда осушила стаканчик.

Я же не мог избавиться от чувства стыда за то, что не был достаточно почтителен к деду и бабушке. Ни на минуту не оставляла мысль, что я причинил им слишком много забот. И я повторял в душе слова деда «Любить страну и заботиться о народе – вот что такое почтительность», чувствуя благодарность к нему.

В тот день у нас собрались все жители села Нам. Узнав о моем приезде, пришли и толпы людей из села Тудан, и с островка Чхучжа. И мои друзья детства появлялись один за другим, захватив с собой из дому еды.

Простое и скромное семейное застолье превратилось в массовый «банкет», в котором участвовали несколько десятков человек. Многие плясали и пели в честь моего приезда. Старик Чвэ, который многим обязан нашей семье еще со времен моего прадеда Ким Ын У, тоже пустился в пляс в такт народной песне «Куннири». А тетя спела колыбельную, сочиненную моим отцом.

В ту ночь впервые за последние двадцать лет мне довелось спать в родном доме.

Как раз в то время в нем шел ремонт – вновь оштукатурен-

ный пол еще был пропитан влагой, в дверной проем еще не была вставлена сама дверь. И сырой пол был устлан пшеничной и рисовой соломой, а поверх нее накрыт матом.

Дед сказал, что попросил соседа приготовить для меня чистую комнату в его доме, и предложил мне спать там, хотя это и не очень удобно.

– В горах мы жили не в роскоши, ночевали на сырой земле. Небо заменяло нам кров, а листва – постель. Зачем мне спать без удобств у чужих, вернувшись к себе домой? Я буду спать в нашем доме, – ответил я деду.

Дед очень обрадовался моим словам. «Раз ты так решил, я откажусь от чужой комнаты. И правда, было бы неловко спать в чужом доме, вернувшись домой через двадцать лет».

Бабушка постелила поверх мата одеяло, которое передавалось в наследство из поколения в поколение. Оно было сшито из хлопчатобумажной ткани, сотканной бабушкой.

Глубокой ночью бабушка, подложив руку под мою подушку, тихонько спросила:

– Женился ты там, в горах? Была ли и жена твоя в горах?

– Да, она, партизанка, воевала вместе со мной.

– Сынок-то похож на тебя?

– Говорят, что похож.

– Если так, то хорошо.

Бабушка расспрашивала еще о многом. Я опасался, как бы не заболела у нее рука, и спросил: «Бабушка, не давит ли моя голова на твою руку?» Еще глубже подложив руку мне под шею, она ответила: «Нет, не давит». А мое сердце грела теплая любовь бабушки, которая вместо подушки подложила свою руку под голову внука, которому уже за 30 лет, как это делала она в моем детстве.

– Освобождена страна и следует перенести могилы твоих отца и матери, похороненных в Маньчжурии.

Это была последняя в ту ночь тема нашего разговора с бабушкой. Это была проблема, в которой она вполне могла быть заинтересована. Мысли и желания бабушки, которая хочет перенести с чужбины прах своих детей в родной край, были мне понятны.

– Бабушка, перезахоронение, конечно, нужно, но прежде всего мне надо найти некоторых хороших людей. Хотел бы найти человека по фамилии Хван, который помог арестованному полицией отцу совершить побег из трактира в селе Енпхо, старика по фамилии Ким родом из Чончжу, который тоже помог отцу на перевале Кадук, старика по фамилии Чо, который спас меня, когда я от сильной простуды оказался на грани смерти. Перезахороним после того, как найду их.

– Да, хорошая идея. Тогда обрадуется и твой отец в Яндицуне.

Всю ночь я рассказывал бабушке о добрых людях, соратниках, близких и знакомых, которые помогли мне в период, когда я действовал в Гирине, Цзяньдао, в горах Пэкту. Порой тихонько прослезился я, вспоминая отца, мать, дядю Хен Гвона, младшего брата Чхоль Чжу, которые погребены у подножия горы, на холме немилой чужбины, чужого края. Тогда и бабушка, сдерживая дыхание, безмолвно хныкала.

Она перестала всхлипывать и, гладя меня по руке, утешала:

– Отец и мать из жизни, но зато вошла в нашу семью Чен Сук. Да еще и родился Чен Ир, призванный продолжить наш род.

Мысленно оглядываясь на путь, пройденный в горах Пэкту и на снежных просторах Маньчжурии, я то вспоминал лица соратников, не вернувшихся со мной на Родину, то тосковал по людям, делавшим мне добро, то восстанавливал в памяти детство, то рисовал перед глазами будущее обновленной Родины, которая будет построена нами.

Вечер в Мангендэ, который я провел через двадцать лет на

освобожденной Родине. Это был поистине мирный вечер. Прошло два месяца, как закончилась мировая война и была освобождена Родина. Однако тридцатимиллионная корейская нация все еще была опьянена восторгом после освобождения страны. Никто из этих тридцати миллионов не мог тогда предвидеть, что освобождение Родины вскоре повлечет за собой раскол страны и расчленение нации и что эта величайшая национальная трагедия будет длиться почти полвека.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 **«Колыбельная»** – песня, сочиненная Ким Хен Чжиком, руководителем антияпонского национально- освободительного движения в Корее. В песне отражено желание отца вырастить сына патриотом, героем страны и нации. Эту песню часто напевали Ким Ир Сену отец и мать Кан Бан Сок.

Колыбельная

1. Спи, сыночек, засыпай,
   Усни скорее.
   Спи, мой сынок, спи, мой сынок,
   Крепко засыпай.
   Другом добрым будь всегда,
   Другом верным будь всегда.
   И о родных,
   И о друзьях,
   Ты не забывай.

2. Подрастешь, сынок,
   Пойдешь учиться в школу,
   Станешь потом доктором ты,
   А наступит срок,
   И свободу ты добудь
   Для своей родной земли.
   Ну, а пока
   Спи, засыпай
   Крепко, мой сынок.

2 **«Песня о реке Амнок»** – революционная песня. Создана вскоре после Первомартовского народного восстания (1919 г.). В ней выражены патриотические чувства корейцев, чью Отчизну захватили японские империалисты. Другое название песни – «Переправляюсь через реку». С этой песней, с великим замыслом о возрождении Родины переправился через реку Амнок Ким Ир Сен, когда ему шел четырнадцатый год.

Песня о реке Амнок

1. Первого марта в году девятнадцатом
Я уходил за черту Амнока.
Верил, что буду с врагами сражаться там
И возвращусь с победой желанной.

2. О, Амнок, край мечты моей, скоро ли
Встречей с тобою я сердце согрею?
Если погибну той полночью черною,
Все же не забуду родные просторы я,
Сердцем вернусь я к свободной Корее.

3 **«Песня о Корее»** – революционная песня, сочиненная Ким Ир Сеном в начальный период революционной борьбы против японского империализма.

Песня о Корее

1. Красивы и ярки лучи утреннего солнца –
И наша Корея – Страна утренней свежести.
Другой такой прекрасной, дорогой страны
Нигде не найти, не увидать на свете.

2. Страна, раскинувшаяся на три тысячи *ли*
Горда своими недрами, историей многовековой.
Изгоним с родной земли алчных самураев,
Пусть громче звучит набат Освобождения!

3. Корею новую, где ни японцев, ни помещиков,
Власть нашу мы построим на земле свободной.
Страну нашу с его народом мудрым
Прославим на века руками трудовыми.

4 Речь идет о борьбе с «Минсэнданом» – контрреволюционной организацией японских шпионов и приспешников. Она была создана японцами в китайском районе Цзяньдао в феврале 1932 г. Цель «Минсэндана» – разложить революционные ряды корейского народа изнутри. Скоро была разоблачена его контрреволюционная

сущность и он был распущен в апреле 1932 г. Но японские империалисты распространяли слухи, будто в революционных рядах много их организаций. Интригами врага были обмануты «левые» оппортунисты и фракционеры с низкопоклоннической психологией, которые вели борьбу против «Минсэндана» по левацкому руслу – обвиняли, притесняли, убивали корейцев. Погибло много стойких революционеров, в революционных рядах создалась атмосфера тревоги и страха, что причиняло огромный ущерб единству и сплоченности революционных рядов и развитию корейской революции. Левацкие перегибы в борьбе против «Минсэндана» были преодолены благодаря принципиальной борьбе товарища Ким Ир Сена.

5 Имеется в виду совещание военных и политических кадров КНРА (21 – 27 марта 24 г. чучхе (1935), проходившее в Яоингоу в китайском уезде Ванцин. На нем Ким Ир Сен поставил вопросы – об устранении левацких ошибок в борьбе против «Минсэндана», о роспуске партизанских районов и ведении партизанских действий в обширных районах. На совещании были намечены задачи в этом направлении.

6 **Инцидент на Чжангуфэне** известен также как «инцидент в районе озера Хасан». С 29 июля по 10 августа 1938 г. японские войска, стремясь испытать надежность обороны советской границы, попытались захватить расположенные западнее озера Хасан высоты – Чжангуфэн (Заозерная) и Безымянная – и тем самым создать плацдарм для вооруженного нападения на советский Дальний Восток.

7 **Дахуанвэйское совещание** (24 февраля – 3 марта 1935 г.) проходило в Дахуанвэе в китайском уезде Ванцин. В нем приняли участие партийные и комсомольские руководящие работники. Обсуждались задачи – устранить тенденциозные замашки «левых» оппортунистов и фракционеров-низкопоклонников, которые, ведя борьбу против «Минсэндана» по левацкому руслу, огульно расправлялись с корейцами, подозреваемыми в причастности к «Минсэндану», и создали кризисную ситуацию на пути развития корейской революции; в подборе и расстановке кадров придерживаться принципа: сделать главный упор на верность делу революции и деловые способности кадров в интересах укрепления боевой

сплоченности и совместной антияпонской борьбы народов Кореи и Китая; корейским коммунистам поднять лозунг о национальном освобождении и так далее. По обсужденным вопросам были приняты соответствующие решения (см. Ким Ир Сен, мемуары «В водовороте века», рус. издание, т. 4, стр. 38 – 87).

8 **Группировка Хваёпха** – одна из фракций в коммунистическом движении в Корее. В мае 1923 г. корейские коммунисты раннего периода создали Общество по изучению новой идеологии. В ноябре 1924 г. фракция имела другое название – общество Хваё. «Хваё» по-корейски означает вторник. Название было дано в честь дня рождения К. Маркса. С появлением разношерстных фракций внутри Компартии Кореи, созданной в 1925 г., фракция стала называться Хваёпха. В 20-е годы фракционность привела к расколу рабочего и массового движения в Корее, к подрыву Компартии Кореи (распущена в 1928 г.). После освобождения Кореи (15 августа 1945 г.) Хваёпха способствовала распаду парторганизаций Южной Кореи и по сути загубила революционные выступления народа. После перехода в северную часть страны она совершила гнусные акции против ТПК, в годы Отечественной освободительной войны прибегала к заговорам с целью свержения ТПК и правительства КНДР. Разгромлена на V Пленуме ЦК ТПК (декабрь 1952 г.).

9 **Группировка Эмэльпха** – одна из фракций в коммунистическом движении в Корее, название которой – от «Союза ленинцев», созданного в середине 20-х годов. Из-за акций этой фракции и других сектантских групп Компартия Кореи, созданная в 1925 г., была вынуждена прекратить свое существование уже через три года. После роспуска партии фракция не прекращала свою сектантскую деятельность. После освобождения Кореи (15 августа 1945 г.) она способствовала распаду парторганизаций Южной Кореи и загубила массовое движение народа. В годы Отечественной освободительной войны и в послевоенные дни фракционеры, вступив в сговор с врагами революции, предпринимали подрывные акции против ТПК и правительства КНДР. Августовский (1956 г.) Пленум ЦК ТПК положил конец этой фракционности.

10 **Чо Ги Чхон** (6 ноября 1913 г. – 31 июля 1951 г.) – известный корейский поэт. Родился в Хвэрене провинции Северный Хамген. Корея уже была тогда оккупирована Японией. Чо Ги Чхон

эмигрировал с родителями в Советский Союз, детство прошло в Сибири. Окончил педагогический институт им. Горького в Омске. Учительствовал два года в корейском пединституте в Средней Азии. Здесь начинается его литературная деятельность. С освобождением Кореи возвращается на Родину. Из-под его пера вышел целый ряд произведений в стихах. В них отражены трудовой энтузиазм народа, поднявшегося на строительство возрожденной Родины, ратные подвиги народноармейцев в период Отечественной освободительной войны. Главное из них – поэма «Гора Пэкту», которая воссоздает картины боя в Почхонбо, который вошел яркой страницей в историю революционной деятельности Ким Ир Сена. С марта 1951 г. – заместитель председателя Правления Ассоциации деятелей литературы и искусства Кореи. Погиб при бомбежке американской авиацией.

11 **Чон Гван Чхор** (ноябрь 1916 г. – декабрь 1983 г.) – корейский художник. Родился в Пхеньяне. С 1949 г. – председатель Правления Союза корейских художников. Создал много произведений изобразительного искусства на разные темы. Представители-произведения – «Факел над Почхонбо», картина маслом на тему боя в Почхонбо, которым руководил Ким Ир Сен во время вооруженной борьбы против японских захватчиков, и «Мастера выплавки стали».

12 Речь идет о движении в защиту Родины от иноземной агрессии. Главенствующую роль в нем сыграли патриотически настроенные ученые-конфуцианцы. Начато выходцами из среды конфуцианских ученых, выступавших против агрессии капиталистических Европы и Америки в конце XVIII в. К концу XIX в. с усилением агрессии Японии в Корее часть участников движения примкнула к антияпонскому движению Армии справедливости.

13 Имеется в виду крестьянская война против феодальных правителей и японских агрессоров в районе провинции Чолла в 1894 – 1895 гг. По системе летосчисления, принятой в старой Корее, 1894 год, когда началась война, называется годом Кабо.

Напечатано в Корейской Народно-Демократической Республике